

2019 № 2

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виноградов М.В., Ульянина О.А.

Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1).....1-14

Чернышева Е.В., Сулова В.Р.

Виды и формы аддиктивного поведения сотрудников правоохранительных органов.....15-38

Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В.

Взаимосвязь проявления синдрома эмоционального «выгорания» и отклоняющегося поведения у сотрудников УИС39-53

Долгополова Л.Ю., Луковцева З.В.

Профессиональная позиция студентов медицинского колледжа по отношению к эвтаназии54-68

Петров В.Е., Кокурин А.В., Екимова В.И., Котенева А.В., Березина Т.Н.

Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии69-83

Морозов А.В., Жданов С.П., Красавчикова Л.И., Бианкина А.О., Калиновская В.С.

Психология профессиональной деятельности адвоката84-94

Миронова О.И., Ушков Ф.И.

Представления пенитенциарных психологов об особенностях межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным95-111

Цветкова Н.А., Кулакова С.В.

Исследование стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы112-129

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аничкин Е.С., Каширский Д.В.

Конституционная психология как отрасль научного знания и феномен культуры130-140

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю.

Моральные дилеммы и особенности личности141-155

Булгаков А.В., Екимова В.И., Кокурин А.В., Орлова Е.А., Шашкова И.А.

Особенности и психологические механизмы профессионального взаимодействия участников уголовного процесса156-167

Васильченко А.С.

Универсальные и специфические индивидуально-психологические факторы риска попадания в дорожно-транспортное происшествие у психически здоровых и лиц с психическими расстройствами168-195

Дубинский А.А.

Патохарактерологические профили у лиц с расстройствами личности с криминальным анамнезом196-207

Горинов В.В., Корзун Д.Н., Шеховцова Е.С.

Мотивационная сфера личности и способность к саморегуляции обвиняемых с расстройствами личности208-221

Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Пчелинцева Д.Н., Графский В.П.

Проективный тест «Согласованность и преимущества»222-231

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Богданович Н.В., Щеткина Е.И., Борисова А.А., Шевцова Н.А., Моисеева Л.П.

Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе232-249

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дозорцева Е.Г., Медведева А.С.

Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования250-263

Славова Н.А., Чвякин В.А.

Морально-нравственное развитие в структуре культурно-правовой организации личности подростков с опасными социальными девиациями264-275

Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А.

Кибербуллинг в опыте российских подростков276-295

Вахим Бруна Барбьери

Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. Часть 2296-308

Перевод материалов номера на английский язык выполнен Тишковой Юлией

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию новый тематический выпуск нашего журнала, тема выпуска — «Психология профессиональной деятельности». Выпуск посвящен актуальным проблемам юридической психологии в профессиональной деятельности. Статьи номера освещают проблемы как традиционных областей юридической психологии, так и новых интенсивно развивающихся направлений. Специальное внимание уделено вопросам профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов в области юридической психологии. Работы будут интересны специалистам в области правоохранительной и социальной деятельности, педагогам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами юридической психологии.

С уважением и готовностью к сотрудничеству,
первый заместитель главного редактора журнала
«Психология и право» Коноплева И.Н.

Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1)

Виноградов М.В., заместитель начальника отдела организации психологической работы, Департамент государственной службы и кадров МВД России (vmifa@mail.ru)

Ульянина О.А., кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (lelia34@mail.ru)

В статье рассматривается процесс становления и развития психологической работы в образовательных организациях МВД России через призму кадрового, научно-методического, правового, материально-технического обеспечения. Среди наиболее значимых исторических этапов выделяются: познавательно-исследовательский этап (до 1990 г.); этап определения организационно-штатного и статусного положения психологической работы в образовательных организациях (1990—1994 гг.); этап формирования целостной системы и концепции психологической работы (1994—2000 гг.); этап научно-методологического совершенствования всех направлений деятельности подразделений психологической работы (с 2000 г. по настоящее время). В рамках рассмотрения современного этапа развития ведомственной психологической службы в образовательных организациях выделяется и описывается актуальное и востребованное направление деятельности, связанное с психологическим сопровождением курсантов и слушателей, а также сотрудников, впервые принятых на службу, в период профессионального обучения в образовательных организациях системы МВД России.

Ключевые слова: психологическая работа, органы внутренних дел, курсанты, слушатели, сотрудники, образовательные организация МВД России, профессиональное обучение, личностные качества, профессиональные качества.

Виноградов М.В., Ульянина О.А. Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1). Психология и право psyandlaw.ru 2019. Том 9. №2. С. 1-14.

Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. The main directions of psychological work with cadets and first recruited officers in educational institutions of the ministry of internal affairs of Russia (part 1). Psychology and law psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.2. pp. 1-14.

Для цитаты:

Виноградов М.В., Ульянина О.А. Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С.1-14.

doi: 10.17759/psylaw.2019090201

For citation:

Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. The main directions of psychological work with cadets and first recruited officers in educational institutions of the ministry of internal affairs of Russia (part 1). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.1-14.

doi: 10.17759/psylaw.2019090201

Подразделения психологической работы в образовательных организациях высшего образования, дополнительного профессионального образования системы МВД России¹ в своем развитии прошли длинный путь. Создание, формирование и совершенствование системы психологической работы является стратегической задачей в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов органов внутренних дел Российской Федерации².

Для объективного и всестороннего анализа генезиса психологической работы, установления основных закономерностей формирования подразделений психологической работы и систематизации разноплановых сведений, носящих исторический, нормативный правовой, методический и справочно-аналитический характер, необходимо определить соответствующую периодизацию.

В основу выделения этапов становления системы психологической работы целесообразно положить уровень сформированности субъектов этой работы и ее социальной востребованности, а также критерий содержательного, методического, кадрового и материально-технического обеспечения данного вида деятельности. С учетом изложенных особенностей проведения исторического анализа может быть выделено четыре этапа развития психологической работы в ведомственных образовательных организациях [12; 19].

Познавательный-исследовательский этап становления (до 1990 г.) — этап обоснования необходимости формулирования целей и задач психологической работы; начало ведомственных научных исследований, разработка и применение отдельных психологических практик и технологий в деятельности первых штатных психологов.

Следует отметить, что психологическая работа на данном этапе носила преимущественно познавательный-исследовательский и образовательно-прикладной характер: разрабатывались и уточнялись технологии профессионального психологического

¹ Далее — «образовательные организации».

² Далее — ОВД.

отбора и адаптации сотрудников, психологического консультирования личного состава, контроля уровня психологической подготовленности сотрудников. При этом необходимого правового закрепления проведение психологических мероприятий не находило. Не было достигнуто единства психологической теории и практики [11]: теоретические возможности психологической науки значительно опережали организацию психологической практики.

Этап определения организационно-штатного и статусного положения психологической работы в образовательных организациях (1990—1994 гг.). Для данного этапа характерно создание в отдельных школах милиции специализированных подразделений, на которые была возложена обязанность реализации психофизиологического отбора кандидатов на службу, обучение, психологическое сопровождение воспитательного процесса, проведение научно-исследовательских работ по психологической тематике [23].

На данном этапе развития службы происходило формирование кадрового потенциала подразделений психологической работы. Деятельность психолога в основном была направлена на решение конкретных проблем, с которыми к нему обращались учащиеся, их родители, профессорско-преподавательский и командно-строевой состав (реализовывалась по запросу). Охват личного состава психологическими мероприятиями был незначителен (5—10%) [19].

Подчиненность психологов научно-исследовательским и редакционно-издательским отделам делала приоритетными научно-исследовательские задачи. В связи с этим психологическое сопровождение учебно-воспитательного процесса и служебной деятельности не являлось первостепенным.

Эти особенности организации психологической работы впоследствии послужили основанием для совершенствования ее организационно-штатной структуры путем изменения названия подразделений на «подразделения психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса» и их переподчинение кадровому аппарату [2].

Этап формирования целостной системы и концепции психологической работы (1994—2000 гг.). На этом этапе происходит оптимизация организационно-штатной структуры психологической службы, правового определения содержания психологической работы, совершенствование ее форм и методов как целостного направления деятельности.

В результате передачи психологов от подчинения научно-исследовательским и редакционно-издательским отделам в кадрово-воспитательный аппарат акцент в их деятельности сместился с решения научно-исследовательских и методических задач на практическую работу с личным составом, которая преимущественно охватывала учебно-воспитательный процесс.

Несмотря на имеющие место реальные успехи в развитии ведомственной психологической службы, в тот период остро ощущалась потребность в улучшении координации деятельности психологов, научной организации их труда, в методическом и материально-техническом обеспечении.

Этап научно-методологического совершенствования всех направлений деятельности подразделений психологической работы (с 2000 г. по настоящее время). Данный этап характеризуется высокой динамикой позитивных преобразований в психологической

службе, в результате которых психологическая работа предстает не как вспомогательное звено в работе с личным составом, а как один из основных элементов целостной системы формирования личности сотрудника, действенных инструментов повышения эффективности служебной деятельности [22; 24].

С 2003 г. психологи ОВД в работе с личным составом активно начали использовать специальное психодиагностическое и психокоррекционное оборудование [15]. На современном этапе развития в составе подразделений по работе с личным составом образовательных организаций работают 180 психологов, которые в своей деятельности используют 69 полиграфов, 56 аппаратно-программных психодиагностических комплексов и 78 кабинетов психологической регуляции. Средняя служебная нагрузка на одного психолога составляет 196 курсантов, слушателей и сотрудников, что значительно ниже аналогичной нагрузки в территориальных органах (около 300 сотрудников) [18].

Эти цифры, характеризующие статическую модель психологической работы, свидетельствуют о достаточности ресурсов для успешного выполнения ее задач. Психологическая работа в образовательных организациях является одним из компонентов системы образования, главной целью которой является формирование у курсантов и сотрудников профессионально значимых психологических качеств личности, позитивной мотивации к обучению, психологической устойчивости и готовности к эффективному выполнению учебных и служебных задач, а также определение психологических причин нарушения личностного и социального развития, профилактика условий возникновения подобных нарушений.

Одной из важнейших задач подразделений психологической работы является профессиональный психологический отбор кандидатов на обучение, позволяющий объективно оценить уровень сформированности личностных и профессиональных качеств абитуриентов, необходимых для успешной учебной и служебной деятельности, а также наличие/отсутствие факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения [1; 3; 5; 6]. Так, в 2018 г. в образовательных организациях профессиональный психологический отбор прошли 5 684 кандидатов на службу, из них:

- 98 (1,7%) отнесены к первой категории профессиональной пригодности (рекомендуются в первую очередь);
- 3 068 (54%) — ко второй категории (рекомендуются);
- 2 063 (36,3%) — к третьей категории (рекомендуются условно);
- 455 (8%) — к четвертой категории (не рекомендуются, не способны выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел) [10; 15].

В числе кандидатов на обучение, отнесенных к четвертой категории профессиональной пригодности, были выявлены лица, потребляющие в немедицинских целях наркотические средства, склонные к противоправному поведению, имеющие низкий уровень развития личностных и профессиональных качеств. Таким образом, выстроенная система профессионального психологического отбора в образовательных организациях позволяет принимать взвешенные кадровые решения [4; 7; 8; 14].

В целях дальнейшего совершенствования организации психологической работы требуют скорейшего научного осмысления причины и условия отчислений курсантов из образовательных организаций на первом году обучения, а также меры по снижению существующей негативной тенденции. Важно понять, почему образовательная среда ведомственных вузов является для отдельных курсантов в социально-психологическом смысле некомфортной. Практическая значимость и актуальность данной работы обусловлена значительным ростом числа отчисленных первокурсников за последние четыре года (с 101 в 2015 г. до 161 в 2018 г.) [9; 15; 17].

В ходе инспектирования сотрудниками ДГСК МВД России и оценки основных показателей эффективности деятельности образовательных организаций проводится анкетирование курсантов относительно степени их удовлетворенности качеством образовательной подготовки, материально-бытовыми и социальными условиями в ведомственном вузе. Данные исследования позволяют своевременно выявить негативные тенденции в учебных коллективах.

Разумеется, управленческая деятельность руководства образовательных организаций, командиров учебных групп и преподавателей предусматривает в качестве одной из функций предупреждение возникновения указанных негативных явлений.

Вместе с тем, анализ практической деятельности показывает, что строевые командиры в ряде случаев формально выполняют свои управленческие функции, действуя исключительно административно-командными методами. Зачастую наблюдается их недостаточная активность в изучении индивидуальных особенностей курсантов и характера отношений в коллективах, слабое знание фактического положения дел в подчиненных им подразделениях.

Далеко не всегда командиры учебных групп обладают достаточной педагогической и психологической подготовкой, необходимой для работы в молодежных коллективах. Этим объясняются серьезные ошибки в их деятельности, связанной с организацией педагогической профилактики существующих социально-психологических проблем.

Помимо прочего, анализируя учебные планы гражданских вузов, ведущих подготовку юристов в соответствии с Федеральным образовательным стандартом по направлению «Юриспруденция 3+», следует отметить, что в связи с принятием нового стандарта произошло не только снижение статуса дисциплины «Юридическая психология» (перевод из базовой в факультативную), но и сокращение объема часов на ее преподавание [13].

Данная ситуация характерна для таких направлений подготовки (специальностей), как 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», 40.05.03 «Судебная экспертиза».

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) не только не предполагает изучение дисциплин психологического профиля при реализации базовой части программы бакалавриата, но и не предусматривает, что в результате освоения данной программы у выпускника будут сформированы какие-либо компетенции, связанные с пониманием психологических механизмов криминального поведения, применением при решении профессиональных задач психологических методов, средств и приемов.

Вместе с тем зарубежный опыт подготовки юристов свидетельствует, что в XXI столетии во многих университетах тенденцией становится расширенное ознакомление обучающихся с достижениями психологии на всех уровнях вузовской подготовки. Опросы отечественных юристов, работающих в правоохранительных органах и в гражданской сфере, свидетельствуют, что более 90% респондентов считают важным обеспечить целенаправленное повышение профессионально-психологической культуры выпускников юридических факультетов отечественных вузов [13].

Решение проблем формирования необходимой психологической готовности сотрудников, не имеющих ведомственного образования, к безусловному и качественному выполнению оперативно-служебных задач, а также их психологической устойчивости в сложных и экстремальных условиях возможно путем активизации психологической работы с сотрудниками в период их профессиональной («первоначальной») подготовки на основе использования научно-обоснованных подходов [16; 20; 21; 25].

В этих целях ДГСК МВД России разработаны и направлены в территориальные органы и образовательные организации методические рекомендации «Психологическая работа с сотрудниками, впервые принятыми на службу в органы внутренних дел, в период профессионального обучения». Их реализация в ходе профессиональной подготовки позволит обеспечить:

- развитие таких интегральных характеристик личности сотрудников, как психологическая устойчивость и самоэффективность;
- формирование индивидуальных особенностей, предопределяющих социально-психологическую компетентность: психологическую наблюдательность; коммуникативную гибкость при выполнении служебных задач, реализации конфликтно-профилактического поведения;
- приобретение компетенций, связанных с пониманием психологических механизмов криминального поведения, применением при решении служебных задач психологических методов, средств и приемов.

В данных методических рекомендациях раскрывается содержание психологической работы с сотрудниками ОВДЗ в период профессионального обучения по образовательным программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», определяются основные организационно-методические мероприятия, способствующие их личностно-профессиональному развитию.

Рекомендации охватывают этапы изучения личностных и профессиональных качеств сотрудников, адаптации обучающихся к условиям учебной и служебной деятельности, развития у них профессионально важных (значимых) личностных качеств, подготовки сотрудников к самостоятельному выполнению служебных обязанностей.

Психологическая работа с сотрудниками, направленными на профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский» по очной форме, проводится психологами образовательных организаций,

³ Далее — «сотрудники».

центров профессиональной подготовки территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном, региональном уровнях⁴.

Таким образом, на протяжении всего периода существования подразделений психологической работы в образовательных организациях наблюдалась положительная динамика как в отношении наращивания кадрового, научно-методического, правового, материально-технического потенциала, так и в отношении расширения спектра решаемых психологами задач. Следует отметить, что возникновение новых направлений психологической работы, безусловно определяются запросами практики в качественном отборе кандидатов на службу, подготовке сотрудников и прогнозировании их последующей успешной профессиональной деятельности. Решение обозначенных проблем создает условия для поддержания надлежащего уровня морально-психологического состояния личного состава, укрепления служебной дисциплины и позволяет достичь главной цели психологов образовательных организаций, заключающейся в качественном влиянии на подготовку компетентных специалистов в сфере правоохранительной деятельности.

Литература

1. *Бородина Т.И., Виноградов М.В., Носс И.Н.* К вопросу о специфике личностно-профессиональной диагностики в системе отбора кадров // *Человеческий капитал.* 2016. № 2 (86). С. 62—70.
2. *Вахов В.П., Колесников А.А., Колос И.В., Кислов А.Н.* Организация кабинета психологической регуляции личного состава органов внутренних дел: метод. рекомендации / Под общей ред. Б.В. Орехова. М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 1992. 37 с.
3. *Виноградов М.В.* О нормативном правовом обеспечении психологической работы в органах внутренних дел // *Психопедагогика в правоохранительных органах.* 2014. № 1(56). С. 105—107.
4. *Виноградов М.В., Ульянина О.А.* Правовое регулирование проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // *Психология и право.* 2018. Т. 8. №3. С. 1—24.
5. *Дашко М.Н., Виноградов М.В., Носс И.Н.* Актуальные проблемы профессионального психологического отбора граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // *Вестник МВД России.* 2016. № 5. С. 53—63.
6. *Дашко М.Н., Виноградов М.В.* Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения МВД // *Психопедагогика в правоохранительных органах.* 2015. № 3(62). С. 101—106.

⁴ Далее — «центры профессиональной подготовки».

7. *Караваев А.Ф., Крук В.М., Носс И.Н., Виноградов М.В.* Проблемы личностно-профессиональной диагностики в профотборе кандидатов на службу в органы внутренних дел и оценки надежности сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 106—113.
8. *Крук В.М., Караваев А.Ф., Виноградов М.В., Касперович Ю.Г.* Актуальные проблемы психологической работы с сотрудниками ОВД и профессионального психологического отбора на службу (обзор материалов координационно-методического совета) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 80—82.
9. *Кубышко В.Л.* Актуальные проблемы совершенствования ведомственного профессионального образования, педагогики и психологии служебной деятельности в свете 300-летия российской полиции // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сб. науч. трудов междунар. конференции, посвященной празднованию 15-летия Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (3—31 мая 2017 г.). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 11—16.
10. *Кубышко В.Л.* Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 95—103.
11. *Недбаева С.В.* Психологические практики в российском образовании XX столетия. СПб.: Образование, 1999. 171 с.
12. *Петров В.Е.* Система психологического обеспечения профессиональной деятельности в МВД России (генезис и перспективы развития): монография. М.: Группа АБСОЛЮТ, 2007. 208 с.
13. *Поздняков В.В.* Азы психологии для юристов // Полиция России. 2017. № 2. С. 24—25.
14. Постановление Правительства РФ от 06.12.2012 № 1259 (ред. от 06.03.2015) «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138821/ (дата обращения: 14.04.2018).
15. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2018 год: сб. аналитических и информационных материалов. М.:

ДГСК МВД России, 2019. 73 с.

16. Тренинги в профессиональной подготовке и деятельности психологов органов внутренних дел: учеб.-практ. пособие / Под ред. Л.Н. Костиной. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 93 с.
17. Ульянина О.А. Психологическая диагностика в образовательных организациях МВД России // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 61—76.
18. Ульянина О.А. Психологическая коррекция негативных психических состояний сотрудников органов внутренних дел // Гуманизация образования. 2018. № 1. С. 89—96.
19. Ульянина О.А. Состояние и перспективные направления психологической практики в ОВД // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 5. С. 77—84.
20. Ульянина О.А. Социально-психологический тренинг формирования психологической устойчивости и коммуникативной компетентности сотрудников полиции: учеб.-метод. пособие. М.: Академия управления МВД России. 2018. 96 с.
21. Ульянина О.А. Тренинговая технология подготовки компетентных специалистов в образовательных организациях МВД России // Гуманизация образования. 2017. № 5. С. 21—31.
22. Ульянина О.А., Дашко М.Н. Психологическая работа в образовательных организациях МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 267—270.
23. Усачева И.В. Особенности профессионального Я-образа будущих специалистов-психологов органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2013. 24 с.
24. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 22.04.18).
25. Федотов А.Ю., Медведев И.Н. Эмоциональные состояния, негативно влияющие на профессиональную деятельность сотрудников органов внутренних дел и их преодоление. 2-е изд. М.: ДГСК МВД России, 2014. 120 с.

The Main Directions of Psychological Work with Cadets and First Recruited Officers in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia (part 1)

Vinogradov M.V., Deputy Head of the Psychological Unit, Department of Civil Service and Personnel, MIA of Russia (vmifa@mail.ru)

Ulyanina O.A., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Education and Staffing, Academy of Management of MIA of Russia», Moscow, Russia (lelia34@mail.ru)

The article studies formation and development of psychological practices in the educational institutions of MIA of the Russian Federation through the lense of personnel, scientific, methodological, legal and material support. The following historical stages are set off among the most significant ones: a research and knowledge-building stage (before 1990), determination of the organizational and staff status of psychological practices in the educational institutions (1990-1994); formation of psychological work concept and its integrated system (1994 – 2000); scientific and methodological development across all courses of activities of psychological work units (from 2000 to present). Within the last stage the authors highlight and present an activity of high relevance and a great demand, which relates to psychological support of cadets, listeners and officers, first recruited during the period of vocational training in the educational institutions of MIA of the Russian Federation.

Key words: psychological practice, internal affairs authorities, cadets, listeners, officers, educational institutions of MIA of the Russian Federation, vocational training, personality qualities, professional qualities.

References

1. Borodina T.I. Vinogradov M.V., Noss I.N. K voprosu o spetsifike lichnostno-professional'noi diagnostiki v sisteme otbora kadrov [To the question of specificity of personal and professional diagnostics in the system of personnel selection]. *Chelovecheskii capital [Human capital]*, 2016, no. 2 (86), pp. 62-70.
2. Vakhov V.P., Kolesnikov A.A., Kolos I.V., Kislov A.N. Organizatsiya kabineta psikhologicheskoi regulyatsii lichnogo sostava organov vnutrennikh del: metodicheskie

- rekomentatsii [Organization of the Cabinet of psychological regulation of the personnel of the internal Affairs bodies: guidelines]. In Orekhova B.V. (ed.). Moscow: Tsi i NMOKP MVD Rossii Publ., 1992. 37 p.
3. Vinogradov M. V. O normativnom pravovom obespechenii psikhologicheskoi raboty v organakh vnutrennikh del [About normative legal support of psychological work in law-enforcement bodies]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law-enforcement bodies]*, 2014, no. 1(56), pp. 105—107.
 4. Vinogradov M.V., Ul'yanina O.A. Pravovoe regulirovanie provedeniya spetsial'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Legal regulation of special psychophysiological studies using polygraph in the Russian Federation: state and prospects of development] // *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2018, Vol. 8, no. 3, pp. 1—24. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 5. Dashko M.N. Vinogradov M.V., Noss I.N. Aktual'nye problemy professional'nogo psikhologicheskogo otbora grazhdan, postupayushchikh na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Actual problems of professional psychological selection of the citizens entering service in law-enforcement bodies of the Russian Federation]. *Vestnik MVD Rossii [Bulletin of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation]*, 2016, no. 5, pp. 53-63.
 6. Dashko M. N., Vinogradov M. V. Professional'nyi psikhologicheskii otbor na sluzhbu v organy vnutrennikh del: novyi podkhod k izucheniyu lichnykh i delovykh kachestv grazhdan, postupayushchikh na sluzhbu v podrazdeleniya MVD [Professional psychological selection for service in the internal Affairs bodies: a new approach to the study of personal and business qualities of citizens entering the service in the units of the Ministry of internal Affairs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law enforcement]*, 2015, no. 3(62), pp. 101—106.
 7. Karavaev A.F., Kruk V.M., Noss I.N., Vinogradov M.V. Problemy lichnostno-professional'noi diagnostiki v profotbore kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennikh del i otsenki nadezhnosti sotrudnika [Problems of personal and professional diagnostics in the professional selection of candidates for service in the internal Affairs bodies and employee reliability assessment]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law enforcement]*, 2015, no. 3(62), pp. 106—113.
 8. Kruk V.M., Karavaev A.F., Vinogradov M.V., Kasperovich Yu.G. Aktual'nye problemy psikhologicheskoi raboty s sotrudnikami OVD i professional'nogo psikhologicheskogo otbora na sluzhbu (obzor materialov koordinatsionno-metodicheskogo soveta) [Actual problems of psychological work with police officers and professional psychological selection for service (review of materials coordination and methodological Council)]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law enforcement]*, 2016, no. 3(66), pp. 80—82.
 9. Kubyshko V.L. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vedomstvennogo professional'nogo obrazovaniya, pedagogiki i psikhologii sluzhebnoi deyatel'nosti v svete 300-letiya rossiiskoi politsii [Actual problems of improvement of departmental

professional education, pedagogics and psychology of office activity in the light of the 300th anniversary of the Russian police]. Professional'noe obrazovanie sotrudnikov organov vnutrennikh del. Pedagogika i psikhologiya sluzhebnoi deyatel'nosti: sostoyanie i perspektivy: sb. nauch. tr. mezhdunar. konferentsii, posvyashchennoi prazdnovaniyu 15-letiya Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotyа (30-31 maya 2017 g.) [Professional education of employees of law-enforcement bodies. Pedagogy and psychology of performance management: status and prospects: collection of scientific works. Tr. international. conferences devoted to the 15th anniversary of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. ya. Kikot (30-31 may 2017)]. Moscow: Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot Publ., 2017, pp. 11—16.

10. Kubyshko V.L. Sovershenstvovanie psikhologicheskoi raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del [Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support of operational and service activities of personnel of internal Affairs bodies]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]*, 2017, no. 4 (28), pp. 95-103.
11. Nedbaeva S.V. Psikhologicheskie praktiki v rossiiskom obrazovanii XX stoletiya [Psychological practices in Russian education of the XX century]. Saint-Petersburg: Obrazovanie Publ., 1999. 171 p.
12. Petrov V.E. Sistema psikhologicheskogo obespecheniya professional'noi deyatel'nosti v MVD Rossii (genezis i perspektivy razvitiya): Monografiya [System of psychological support of professional activity in the Ministry of internal Affairs of Russia (Genesis and prospects of development): Monograph]. Moscow: Gruppy ABSOLYuT Publ., 2007. 208 p.
13. Pozdnyakov V.V. Azy psikhologii dlya yuristov [Basics of psychology for lawyers] // *Politsiya Rossii [Police of Russia]*, 2017, no. 2, pp. 24—25.
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 06.12.2012 no. 1259 (red. ot 06.03.2015) «Ob utverzhdanii Pravil professional'nogo psikhologicheskogo otbora na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [Resolution of the government of the Russian Federation of 06.12.2012 no. 1259 (edition of 06.03.2015) «About the approval of Rules of professional psychological selection on service in law-enforcement bodies of the Russian Federation»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138821/ (Accessed 14.04.2018).
15. Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii za 2018 god: Sbornik analiticheskikh i informatsionnykh materialov [Information on the state of work with the personnel of the internal Affairs bodies of the Russian Federation for 2018: Collection of analytical and information materials]. Moscow: DGSK MVD Rossii Publ., 2019. 73 p.
16. Treningi v professional'noi podgotovke i deyatel'nosti psikhologov organov vnutrennikh del: uchebno-prakticheskoe posobie [Training in professional training and activities of psychologists of the internal Affairs bodies: educational and practical guide]. In Kostina

- L.N. (ed.). Moscow: Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya Publ., 2018. 93 p.
17. Ul'yanina O.A. Psikhologicheskaya diagnostika v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Psychological diagnostics in educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia] // *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2018, Vol. 8, no. 2, pp. 61—76. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 18. Ul'yanina O.A. Psikhologicheskaya korrektsiya negativnykh psikhicheskikh sostoyanii sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological correction of negative mental States of employees of internal Affairs] // *Gumanizatsiya obrazovaniya [Humanization of education]*, 2018, no. 1, pp. 89—96.
 19. Ul'yanina O.A. Sostoyanie i perspektivnye napravleniya psikhologicheskoi praktiki v OVD [The state and future direction of psychological practice in the police Department] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2017, Vol. 22, no. 5, pp. 77—84. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 20. Ul'yanina O.A. Sotsial'no-psikhologicheskii trening formirovaniya psikhologicheskoi ustoichivosti i kommunikativnoi kompetentnosti sotrudnikov politsii: ucheb.-metod. Posobie [Social and psychological training of formation of psychological stability and communicative competence of police officers: studies.-method]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii Publ. 2018. 96 p.
 21. Ul'yanina O.A. Treningovaya tekhnologiya podgotovki kompetentnykh spetsialistov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Training technology for training competent specialists in educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia]. *Gumanizatsiya obrazovaniya [Humanization of education]*, 2017, no. 5, pp. 21—31.
 22. Ul'yanina O.A., Dashko M.N. Psikhologicheskaya rabota v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Psychological work in educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University]*, 2017, no. 4, pp. 267—270.
 23. Usacheva I.V. Osobennosti professional'nogo Ya-obraza budushchikh spetsialistov-psikhologov organov vnutrennikh del [Features of professional Self-image of future specialists-psychologists of internal Affairs bodies]. Avtopef. diss. ... kand. psikhol. nauk. Moscow: Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya Publ., 2013. 24 p.
 24. Federal'nyi zakon ot 30.11.2011 no. 342-FZ (red. ot 01.07.2017) «O sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [Federal law no. 342-FL of November 30, 2011 (as amended on July 1, 2017) «On service in the internal Affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation»]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [Legal-reference system Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (Accessed 22.04.18).

Виноградов М.В., Ульянина О.А. Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1). *Психология и право psyandlaw.ru* 2019. Том 9. №2. С. 1-14.

Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. The main directions of psychological work with cadets and first recruited officers in educational institutions of the ministry of internal affairs of Russia (part 1). *Psychology and law psyandlaw.ru* 2019. Vol. 9. no.2. pp. 1-14.

25. Fedotov A.Yu., Medvedev I.N. *Emotsional'nye sostoyaniya, negativno vliyayushchie na professional'nuyu deyatel'nost' sotrudnikov organov vnutrennikh del i ikh preodolenie. 2-e izd.* [Emotional conditions that negatively affect the professional activities of employees of the internal Affairs bodies and their overcoming]. Moscow: DGSK MVD Rossii Publ., 2014. 120 p.

Виды и формы аддиктивного поведения сотрудников правоохранительных органов

Чернышева Е. В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (evchern2010@gmail.com)

Суслова В. Р., участковый уполномоченный полиции, МО МВД России (frau.lera2011@yandex.ru)

В статье обсуждаются виды и формы аддиктивного поведения сотрудников правоохранительных органов (на примере сотрудников органов внутренних дел) во взаимосвязи с индивидуально-психологическими особенностями. Акцентируется внимание на имеющихся различных подходах к аддиктивному поведению в научной литературе. Согласно полученным данным, среди сотрудников органов внутренних дел больше всего проявляются зависимость от людей и отношений, интернет-компьютерная зависимость, трудоголия и адреналиномания в виду особенностей осуществления профессиональной деятельности. Выявлено, что более половины сотрудников органов внутренних дел имеют тенденцию к проявлению аддиктивного поведения. Описаны специфические структуры проявления аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел, выделенные при помощи факторного анализа. Выбранная пятифакторная модель позволила описать особенные формы проявления аддикций: аддикция негативных связей, эмоциональная аддикция, дистанцированность от социума, интровертированный трудоголизм, эмоциональные межличностные связи. Выявлены закономерности связи аддиктивного поведения с эмоциональной нестабильностью, тревожностью, социальной включенностью, подозрительностью, эмоциональной регуляцией поведения.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, аддикции, зависимости, алкоголизм, наркомания, интернет-компьютерная зависимость, трудоголия, адреналиномания, зависимость от людей и отношений (аддикция отношений).

Для цитаты:

Чернышева Е.В., Суслова В.Р. Виды и формы аддиктивного поведения сотрудников правоохранительных органов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С.15-38.
doi: 10.17759/psylaw.2019090202

For citation:

Chernysheva E.V., Suslova V.R. Types and forms of addictive behavior of law enforcement employees. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019(9), no. 2. pp.15-38.
doi: 10.17759/psylaw.2019090202

В настоящее время процессы глобализации, инновационные технологии способствуют развитию прогресса и общества, а также — увеличению числа различных форм аддикций. Наличие и реализация аддиктивного поведения среди населения способствуют увеличению объемов социального, экономического ущерба и преступности. Помимо этого, распространенность людей с аддикциями и их борьба за свободное проявление своего аддиктивного поведения существенно ущемляют права и свободу не аддиктивного населения и даже грозят сломом традиционных институтов, составляющих основу государства [6; 11].

Для сотрудников органов внутренних дел наличие аддиктивного поведения не должно быть приемлемо, поскольку в соответствии с Федеральным Законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» они призваны защищать а не ущемлять жизнь, здоровье, права и свободы человека и гражданина, реализовывая аддиктивное поведение [12].

В эпоху Древнего Рима «аддиктами» называли иноземцев, попавших в рабство, а на грудь им вешали табличку с надписью «AdDictum», что в переводе на русский язык означало «Уже продан, лишен прав и воли, поступил в распоряжение хозяина». Началом системного, международного научного изучения аддиктивного поведения указывается 1884 год, когда, сначала в Великобритании, затем в США и Австралии на волне борьбы с патологической игроманией, алкоголизмом и наркоманией, наносившими большой экономический ущерб, начал издаваться журнал «British Journal of Addictions» [14, с. 18].

С 90-х гг. 20 в. изучение феномена зависимостей приобретает новый, «технологический», ракурс. Вопрос исследований аддиктивного поведения поднимался Бриль-Краммером (1818), подробно описавшим патологические состояния при запойной форме алкоголизма [9]. В 1995 г. британский аддиктолог Марк Гриффитс в статье «Технологические аддикции» отмечает, что у активно играющих в игровые автоматы в клинической картине наблюдаются в точности те же симптомы, что и у употребляющих психоактивные вещества: получение удовольствия от деятельности; повышение толерантности, требующее увеличение интенсивности продолжительности деятельности; наличие абстинентного синдрома; стремление к социальной изоляции; рецидивы; множественные и различные по характеру конфликты с социальным окружением в связи с деятельностью. Такую же картину он обнаружил у части пользователей других девайсов, что побудило Гриффитса ввести в научный оборот термин «не-химические аддикции». Гриффитс связал появление новых форм аддикций с развитием электронных технологий, особенно Интернета.

В России одним из первых к вопросу систематизации форм аддиктивного поведения обращался Ц.П. Короленко; особый вклад в изучение проблемы аддикций внес А.В. Смирнов, опубликовав несколько научных работ, среди которых — монография «Психология аддиктивного поведения», и создав методики по выявлению аддикций [8; 13; 14]. Несмотря на многочисленные исследования в данной области, фундаментальных работ по психологии

аддиктивного поведения среди сотрудников органов внутренних дел в настоящее время нет.

В зависимости от особенностей методологии, лежащей в основе исследований аддиктивного поведения, приведем несколько наиболее распространенных определений, предложенных в отечественных научных источниках.

1. Аддиктивное поведение (зависимое поведение) связано с повторным, часто насильственным, вынужденным совершением определенных поступков без ясной рациональной мотивации, противоречащим интересам аддикта и окружающих его людей [4; 5].

2. Аддиктивное поведение — это один из типов девиантного (отклоняющегося) поведения с формированием стремления человека к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций [10, с. 34].

3. Аддикция — стойкая сверхценная, трудно поддающаяся контролю привычка к деятельности с заранее прогнозируемым негативным эффектом, сопровождаемой изменением настроения, снижением барьера самокритичности, ростом толерантности, абстиненцией и обязательно наступающим рецидивом [14].

4. Аддиктивное поведение — рецидивирующее, компульсивное, ясно и рационально не мотивированное, не поддающееся контролю побуждение к совершению определенных действий или поступков, конечной целью которых является получение субъективного физического и психологического удовольствия, источником которого могут выступать как психоактивные вещества, так и различные виды деятельности, опредмечивающие аддикцию [14, с. 8].

5. Зависимость как самоподдерживающаяся форма активности, порождающая специфическое личностное образование [3, с. 7].

6. Зависимость как адаптивное поведение направлена на то, чтобы облегчить боль, вызванную аффектами, и на некоторое время повысить способность владеть собой и функционировать [2].

7. Аддиктивное поведение как стремление к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности [8, с. 291—292].

На сегодняшний день выделено множество различных видов аддикций: алкоголизм; наркомания; гэмблинг; патологический шоппинг; интернет-компьютерная зависимость; трудоголия; патологическое влечение к риску (адреналиномания); любовная зависимость; сексуальная зависимость; зависимость от определенных людей и отношений (аддикция отношений).

Остановимся на видах, преобладающих формах и степени выраженности аддиктивного поведения, встречаемых в среде сотрудников органов внутренних дел, и

проанализируем корреляционные связи между индивидуально-психологическими особенностями и проявлениями аддиктивного поведения.

Эмпирическую базу исследования особенностей аддиктивного поведения составили обучающиеся образовательных организаций и сотрудники подразделений МВД России в количестве 74 человек. Для изучения особенностей проявления аддиктивного поведения и связи их с индивидуальными особенностями личности были использованы следующие методики.

1. Опросник диагностики аддикций «ОДА-2010» А.В. Смирнова — использовался для диагностики наличия у испытуемых различных форм аддиктивного поведения. Методика содержит более 100 утверждений, которые соотнесены со шкалами: алкогольная зависимость; наркотическая зависимость; гэмблинг (игромания); адреналиномания; сексуальная зависимость; любовная зависимость; зависимость от людей и отношений; компьютерная и интернет-зависимость; трудовоголия; шкала лжи. После получения результатов диагностики в соответствии со стеновыми значениями был установлен статус аддикций: аддикция отсутствует, тенденция к аддикции, аддикция присутствует.

2. 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16PF) — применялся для оценки индивидуально-психологических особенностей личности и описания межличностных отношений [16].

3. Графологическая диагностическая методика «ГАЛС-2005» А.В. Смирнова, основанная на подробном анализе почерка, — позволила диагностировать широкий диапазон личностных особенностей: формы социальной адаптации, криминальность и благонадежность индивида, личностную и социальную зрелость, характер межличностных отношений, специфику интеллектуальной деятельности, направленность социальных отношений, позицию индивида по отношению к социуму, способы регуляции поведения, характер деловой активности, степень выраженности у индивида аддикций.

4. Тест интернет-зависимости С.А. Кулакова (2004) — использовался для определения уровня интернет-зависимости: незначительный, серьезное влияние интернета, высокая доля вероятности интернет-зависимости [7, с. 141—154].

В соответствии с полученными данными значений основных шкал методик для испытуемых характерны: тенденция к соблюдению норм и правил в большинстве жизненных и профессиональных ситуаций; реалистичное отношение к жизни, зрелость и адекватность жизненных притязаний; стремление развивать только позитивные и бесконфликтные отношения с окружающими. У сотрудников органов внутренних дел наблюдается социально позитивная включенность в систему развитых и поддерживаемых официальных и неофициальных контактов и отношений; способность вступать в отношения и развивать их без потери собственной аутентичности. Анализируя показатели таких шкал, как репродуктивный и креативный интеллект, активность и пассивность, у большинства сотрудников эффективность труда зависит от четкости получаемых инструкций и в служебной деятельности — от выполнения преимущественно того, что соответствует должностной инструкции.

С помощью λ -критерия Колмогорова—Смирнова эмпирические данные исследования были подвергнуты проверке на нормальность распределения. Полученные значения свидетельствуют о том, что распределение данных по шкалам методик «ОДА-2010», «ГАЛС-

2005» и 16-ФЛО Р.Б. Кеттелла нормальное ($d < 0,3$ при $p < 0,05$), что в свою очередь позволяет нам использовать методы математико-статистической обработки данных, в частности, коэффициент линейной корреляции Пирсона, а также распространять полученные результаты исследования на схожую выборку.

Степень выраженности различных видов и форм аддикций среди сотрудников различна (рис. 1, 2). Сотрудники наиболее подвержены интернет-компьютерной зависимости (6,07), трудоголия занимает второе место (5,43) — обеспокоенность карьерным ростом, заинтересованность стабильностью своего финансово-экономического положения.

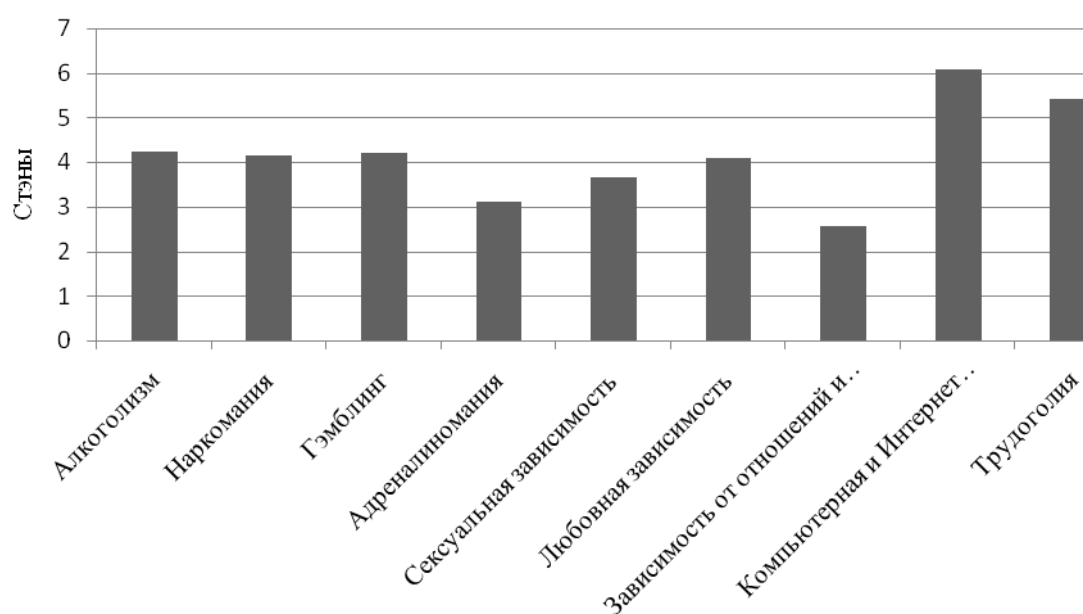

Рис. 1. Степень выраженности аддикций у сотрудников (методика «ОДА-2010»)

Значения среднего по методике «ГАЛС-2005» свидетельствуют о том, что наиболее выражены в среде сотрудников зависимость от людей и отношений (60,5%), интернет-компьютерная зависимость (51,7%); трудоголия (49,1%) и адреналиномания (49,1%) (рис. 2). Высокую выраженность зависимости от людей и отношений можно объяснить особенностями несения службы в органах внутренних дел. Интенсивность данной зависимости определяется степенью «подчиненности», структурой служебных отношений с наличием строгой иерархичности и подчиненности. Специфика службы, систематическое участие сотрудников в опасных для жизни и здоровья ситуациях обуславливает выраженность адреналиномании. Необходимо также отметить, что деятельность сотрудников многие авторы относят к категории экстремальной, стрессогенной.

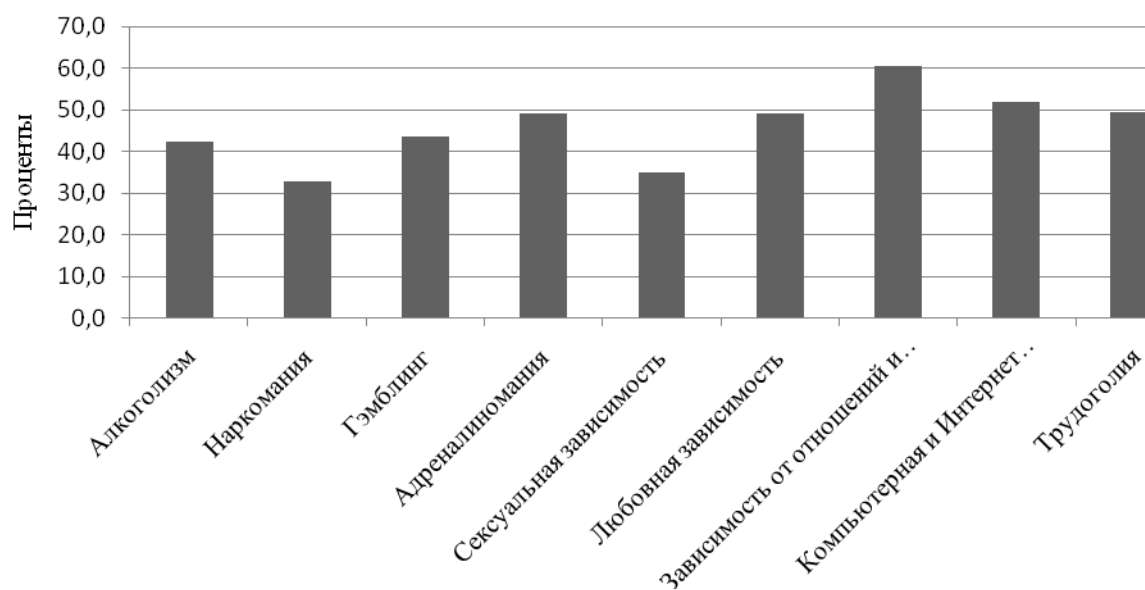

Рис. 2. Степень выраженности аддикций у сотрудников (методика «ГАЛС-2005»)

Ранги выраженности аддиктивного поведения по результатам методик «ОДА-2010» и «ГАЛС-2005» по некоторым шкалам различны (табл. 1), поскольку «ОДА-2010» — стандартизированный опросник, в котором испытуемый субъективно оценивает у себя наличие тех или особенностей своей личности; «ГАЛС-2005» — проективная методика, оценивающая особенности почерка с использованием программного обеспечения и автоматизированной обработки результатов. Систематическое тестирование сотрудников личностными опросниками вырабатывает у них «иммунитет», необходимость выстраивания для себя определенную модель поведения и способность отвечать на вопросы методики в соответствии с этой моделью.

Таблица 1

Ранги выраженности аддикций по методикам «ОДА-2010», «ГАЛС-2005»

Виды аддикций	«ОДА-2010»	«ГАЛС-2005»	Общее ранговое место
Компьютерная и Интернет зависимость	1	2	3
Трудоголия	2	3	5
Наркомания	3	9	12
Алкоголизм	4	7	11
Гэмблинг	5	6	11
Любовная зависимость	6	5	11

Сексуальная зависимость	7	8	15
Адреналиномания	8	4	12
Зависимость от отношений и людей	9	1	10

Интернет-компьютерная зависимость в среде сотрудников выражена в большей степени, чем остальные аддикции. Быстрое развитие инновационных технологий в обществе, необходимость и обязательность использования интернета и гаджетов способствуют появлению тенденций и формированию зависимостей. Трудоголия занимает второе место, более 20% сотрудников имеют выраженную зависимость от людей и отношений, высокую степень подчиненности и необходимости действовать регламентировано, согласно установленным нормам, правилам и законодательству.

Заставляет задуматься степень выраженности аддиктивного поведения в среде сотрудников по методикам «ОДА-2010» и «ГАЛС-2005» в совокупности с наличием хотя бы одного вида аддикций (табл. 2).

Таблица 2

Степень выраженности аддиктивного поведения

Методики	Количество проявлений, %
Выраженные аддикции («ОДА-2010»)	41
Тенденция к аддикции («ОДА-2010»)	57
Выраженные аддикции («ГАЛС-2005»)	57
Общее по выраженности аддикций:	72
Итого	77

У 72% сотрудников отмечается хотя бы один вид аддикций, а у 77% — наличие хотя бы одного вида аддикций либо тенденции к ним, что свидетельствует о распространенности тенденций аддиктивного поведения.

Проанализируем структуры и формы аддиктивного поведения у сотрудников, выделенные при помощи факторного анализа (табл. 3).

Таблица 3.

Факторный анализ аддиктивного поведения

Шкалы	Фактор 1	Фактор 2	Шкалы	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Синдром клинических форм трудоголии	-0,816		Замкнутость — Общительность		0,407		
Синдром девиантной социально-позитивной адаптации	0,796		Диагностический синдром аддикции отношений		-0,520		
Синдром асоциально-девиантной и криминальной адаптации	0,808		Общий синдром зависимости от людей, отношений, веществ или деятельности			0,474	
Синдром выраженного индивидуализма	0,843		Синдром «иждивенческой» скрытой эксплуатации других для достижения собственных целей		0,494	-0,452	
Синдром неблагонадежности личности	0,800		Робость—Смелость		0,407		0,438
Синдром негативных межличностных отношений	0,764		Экстраверсия—Интроверсия			-0,345	0,541
Синдром неустойчивых, бросающих, рвущих связи	0,764		Синдром манипулятора		0,563		
Синдром социальной дистанцированности	0,750		Интернет-зависимость (по С.А. Кулакову)				0,690
Синдром социальной оппозиционности	0,866		Сдержанность—Экспрессивность				0,417
Рассудочная регуляция поведения	-0,723		Практицизм		0,483	-0,384	
Диагностические критерии криминальной личности	0,896		Репродуктивный интеллект			-0,392	
Диагностический синдром алкоголизма и бытового пьянства	0,795		Синдром нормальной адекватной социальной адаптации		-0,410	-0,569	
Диагностический синдром наркомании	0,876		Синдром социально позитивных социализированных девиантов		-0,596		
Ненадежность	0,733		Социабельность (коллективизм)			0,456	

Социальная включенность	-0,761		Индивидуализм (эгоцентризм)			-0,436	
Надежность	-0,706		Тревога	-0,722		0,340	
Креативный интеллект		0,513	Синдром благонадежности личности		-0,755	-0,406	
Эмоциональная нестабильность— Эмоциональная стабильность		0,715	Синдром выраженного коллективизма		-0,736		
Доверчивость—Подозрительность		-0,655	Активность			0,436	
Расслабленность—Эмоциональная напряженность		-0,614	Пассивность		0,535		
Алкоголизм		-0,715	Синдром личностной зрелости			-0,523	
Наркомания		-0,702	Синдром выраженности репродуктивного интеллекта			-0,522	
Гэмблинг		-0,720	Синдром невротической социальной адаптации			-0,635	
Адреналиномания		-0,631	Синдром выраженности креативного интеллекта		-0,541		
Зависимость от отношений и людей		-0,664	Рассудочный контроль поведения			-0,702	
Синдром социальной включенности					-0,549	-0,538	
Синдром нормальной устойчивости личности						-0,733	
Синдром позитивных адекватных межличностных отношений с сохранением личностной аутентичности					-0,598	-0,557	
Компьютерная- и интернет-зависимость				-0,646	-0,303		
Трудоголия				-0,716		0,381	
Общая дисперсия	21,042	11,869	Общая дисперсия	11,869	9,933	8,548	6,042
Доля общей дисперсии	0,180	0,101	Доля общей дисперсии	0,101	0,085	0,073	0,052

Первый фактор «Аддикция негативных связей» включает в себя показатели, описывающие личность, зависимую от нехимических аддикций, со склонностью к открытым конфликтам и конфронтации с окружающими, со стремлением находиться в оппозиции и дистанцироваться. Поведение такой личности может противоречить установленным общественно принятым нормам, правилам поведения и деятельности и вступать в противоречие с юридическими законами. Наблюдается стремление к независимости, к социальной отгороженности и изоляции, приоритет личных интересов над групповыми, отсутствие критичности или неспособность противостоять различным соблазнам, эмоции доминируют над рассудком. Возможно проявление аффективной агрессии.

Во второй фактор «Эмоциональная аддикция» входят показатели: эмоциональная неустойчивость, импульсивность, раздражительность, утомляемость, эмоциональная напряженность и возбудимость, высокий уровень тревожности при наличии химических и нехимических аддикций (алкоголизм, наркомания, гэмблинг, адреналиномания, зависимость от отношений и людей, интернет-компьютерная зависимость, трудоголия). Также в данном факторе отмечаются эгоцентричность, настороженность по отношению к людям; склонность к ревности, стремление возложить ответственность за ошибки на окружающих. Индивид находится под влиянием чувств, переменчив в настроениях, легко расстраивается, неустойчив в интересах, безволен и чувствителен; избегает требований действительности. Отмечается низкий уровень интеллектуальных способностей, медлительность обучения и вязкость протекания мыслительных процессов.

Третий фактор «Дистанцированность от социума» имеет двойственный характер. С одной стороны, личность характеризуется скрытностью, отчужденностью, замкнутостью, робостью и необщительностью, вследствие этого испытывает трудности в установлении межличностных, непосредственных контактов. В качестве компенсации непосредственного взаимодействия с окружающими выступает виртуальный мир — Интернет. Социальные сети выступают как источник энергии: индивид подает себя как активного, энергичного, инициативного человека, при этом уровень критичности снижается, проявляется зависимость от сформированных отношений в сети, неспособность противостоять давлению виртуальной реальности. При попытках окружающих отвлечь от общения в сети, проявляются эмоциональное возбуждение и аффективное поведение, агрессия. Отмечается непереносимость внешнего контроля, склонность к недооценке объективных обстоятельств, невнимательность к нюансам и деталям. Возможна эксплуатация других людей в целях успешной реализации себя.

Четвертый фактор «Интровертированный трудоголизм» включает тревожность, ненормальную социальную адаптацию, незрелость и неблагонадежность. Поведение может противоречить установленным общественно принятым нормам, правилам поведения и деятельности. Индивид зависим от работы, отмечается наличие психофизиологического стресса, вызванного переутомлением, которое способствует проявлению аффективной агрессии, импульсивности поведения. В самой работе индивид проявляет активность, энергичность, инициативность. В установлении и поддержании позитивных межличностных отношений испытывает трудности, однако подвержен влиянию и зачастую в своем поведении ориентируется на мнение окружающих. Отмечается неуверенность в себе, неопределенность интересов и жизненных целей. При этом

склонность к сухости, к самоудовлетворению, замороженности межличностных контактов может благоприятно сказываться в работе, требующей точности.

Пятый фактор «Эмоциональные межличностные связи» включает показатели способности индивида устанавливать и поддерживать межличностные связи как в сети Интернет, так и в реальной действительности. Индивида отличают импульсивность, жизнерадостность, беспечность, смелость, предприимчивость, активность и динамичность общения. Однако отмечается безрассудность в выборе партнеров по общению, готовность к риску и сотрудничеству с незнакомыми людьми в незнакомых обстоятельствах, склонность к авантюризму и проявлению лидерских качеств, а также эмоциональная значимость социальных контактов.

Таким образом, с помощью факторного анализа мы получили 5 структурных групп аддиктивного поведения, характерных для сотрудников органов внутренних дел в силу социальной ситуации и особенностей их профессиональной деятельности.

Проанализируем корреляционные связи показателей аддиктивного поведения с индивидуальными психологическими особенностями личности сотрудников (корреляционный анализ Пирсона с помощью статистического приложения STATISTICA 6.0), начиная с 0,05% уровня значимости (табл. 4, 5).

Таблица 4

Коэффициенты корреляций показателей аддикций и индивидуально-психологических особенностей сотрудников

	Шкалы методики «ОДА-2010»								
	Алкоголизм	Наркомания	Гэмблинг	Адреналиномания	Сексуальная зависимость	Любовная зависимость	Зависимость от людей и отношений	Интернет-компьютерная зависимость	Трудоголия
Замкнутость—общительность									-0,3
Эмоциональная нестабильность—стабильность	-0,51	-0,58	-0,55	-0,51	-0,42	-0,49	-0,46	-0,38	-0,57

Робость—смелость	-0,3	-0,35						-0,31	
Доверчивость— подозрительность	0,57	0,57	0,55	0,47	0,37	0,31	,45	0,37	0,57
Спокойствие— тревожность		0,3	0,4	0,34			0,36	0,37	0,42
Консерватизм— радикализм		0,3							
Низкий—высокий самоконтроль									-0,33
Расслабленность— эмоциональная напряженность	0,44	0,43	0,49	0,4			0,46	0,33	0,45
Тревога	0,53	0,56	0,58	0,49	0,32	0,47	0,46	0,4	0,6
Конформность		0,38							0,36

Примечание для таблиц 4, 5.

1. Незначимые корреляционные связи опущены.

2. Значимые корреляционные связи выделены, начиная с 5% уровня значимости: $r \geq (\pm 0,25)$ — 5% уровень значимости; $r \geq (\pm 0,34)$ — 1% уровень значимости; $r \geq (\pm 0,41)$ — 0,1% уровень значимости.

3. В тексте «*» — уровень значимости корреляции: «*» — $p=5\%$; «**» — $p=1\%$; «***» — $p=0,1\%$.

Зависимость от азартных игр («гэмблинг») связана с такими психологическими компонентами личности, как подозрительность ($r=0,55^{***}$), тревожность ($r=0,40^{**}$), эмоциональная напряженность ($r=0,49^{***}$) и эмоциональная нестабильность ($r=-0,55^{***}$). То есть для лиц, зависимых от азартных игр, характерны осторожность, настороженность по отношению к людям, раздражительность, иногда автономность и независимость в социальном поведении. Помимо этого, для данных лиц характерны высокий уровень тревожности, постоянная озабоченность, в частности, материальными проблемами; подверженность настроению, эмоциональная напряженность. В случаях отсутствия предмета зависимости данные лица склонны к расстройству, депрессиям и самобичеванию; они часто погружены в себя, уровень критичности снижен. Во время увлечения азартными

играми проявляются высокая активность и эмоциональная возбудимость, в случае неудач — склонность к агрессии.

Анализируя показатели корреляций, мы приходим к выводу, что зависимость от людей и отношений связана с такими психологическими компонентами личности, как подозрительность ($r=0,45^{***}$), тревожность ($r=0,37^{**}$) и эмоциональная нестабильность ($r=-0,46^{***}$). Лица, зависимые от людей и отношений характеризуются осторожностью, озабоченностью, ранимостью, которая может быть вызвана недоверием к нему объекта зависимости; они часто погружены в свое «Я» и склонны к ревности; чувствительны к одобрению окружающих, легко расстраиваются и могут впасть в депрессию.

Шкала «интернет и компьютерная зависимость» положительно коррелирует со шкалами «доверчивость—подозрительность» ($r=0,37^{**}$); «расслабленность—эмоциональная напряженность» ($r=0,33^*$); «тревога» ($r=0,40^{**}$); и отрицательно коррелирует со шкалами «эмоциональная нестабильность—эмоциональная стабильность» ($r=-0,38^{**}$); «робость—смелость» ($r=-0,31^*$). Лица с интернет-компьютерной зависимостью отличаются эгоцентричностью, стремлением возложить ответственность на других, эмоциональной напряженностью и неустойчивостью, взвинченностью и импульсивностью, в случаях неудачных попыток воспользоваться сетью Интернет проявляется раздражительность и агрессия, в ситуациях реального взаимодействия с окружающими отмечается робость и социальная пассивность.

Шкала «трудоголия» коррелирует со следующими шкалами: «доверчивость—подозрительность» ($r=0,57^{***}$); «спокойствие—тревожность» ($r=0,42^{***}$); «расслабленность—эмоциональная напряженность» ($r=0,45^{***}$); «тревога» ($r=0,60^{***}$); «конформность» ($r=0,36^{**}$); «замкнутость—общительность» ($r=-0,30^*$); «эмоциональная нестабильность—эмоциональная стабильность» ($r=-0,57^{***}$); «низкий самоконтроль—высокий самоконтроль» ($r=-0,33^*$). Исходя из показателей корреляции, предполагаем, что для трудоголиков характерны осторожность, раздражительность, иногда автономность и самостоятельность, повышенная тревожность и эмоциональная напряженность, озабоченность своими делами, в частности своей работой, чувствительность к одобрению окружающих. Такие лица склонны к отчужденности и ригидности, предпочитают работать самостоятельно, избегая конфликтов и компромиссов; испытывают трудности в установлении межличностных контактов, зачастую не руководствуются волевым контролем, не обращают внимание на социальные требования и невнимательны к окружающим.

Исходя из полученных корреляционных связей, можно сказать, что существуют несколько психологических компонентов личности, которые характерны для всех видов рассматриваемых аддикций: эмоциональная нестабильность, подозрительность, напряженность и тревога.

Таблица 5

Коэффициенты корреляций показателей аддикций и индивидуально-психологических особенностей сотрудников (методика «ГАЛС-2005»)

Шкалы методики «ГАЛС-2005»	Алкоголизм	Наркомания	Гэмблинг	Адреналиномания	Сексуальная зависимость	Любовная зависимость	Зависимость от людей и отношений	Интернет-компьютерная зависимость	Трудоголия
Социальная нормативность поведения	-0,69	-0,55	-0,6	-0,57	-0,31	-0,43			0,48
Социальная раскрепощенность поведения	0,61	0,47	0,53	0,49	0,37	0,41			-0,36
Практицизм	-0,36		-0,34	-0,32		-0,32			
Позитивные межличностные отношения	-0,37	-0,39				-0,3			0,39
Негативные межличностные отношения	0,56	0,57			0,43	0,37			-0,45
Репродуктивный интеллект	-0,45	-0,43	-0,43	-0,42		-0,55			
Креативный интеллект	0,39	0,34	0,4	0,42	0,34	0,66			
Социальная включенность	-0,42	-0,67			-0,37		0,51		0,77

Социальная оппозиционность	0,38	0,59			0,41		-0,51		-0,64
Надежность	-0,36	-0,65			-0,31		0,34		0,7
Ненадежность	0,45	0,7			0,47		-0,36		-0,65
Социабельность (коллективизм)		-0,53			-0,31		0,3		0,52
Индивидуализм (эгоцентризм)		0,5			0,36		-0,34		-0,53
Устойчивость	-0,56	-0,59	0,59	-0,55	0,54	0,55			
Неустойчивость	0,54	0,51	0,49	0,47	0,48	0,56			
Эмоциональная регуляция поведения	0,71	0,51	0,39	0,39	0,47				-0,41
Рассудочная регуляция поведения	-0,68	-0,51	-0,49	-0,5	-0,46	-0,31			0,51
Активность				0,35		0,55		0,32	
Пассивность									-0,32

Шкала «гэмблинг» положительно коррелирует со шкалами «социальная раскрепощенность поведения» ($r=0,53^{***}$), «креативный интеллект» ($r=0,40^{**}$), «неустойчивость» ($r=0,49^{***}$), «эмоциональная регуляция поведения» ($r=0,39^{**}$); отрицательно коррелирует со шкалами «социальная нормативность поведения» ($r=-0,60^{***}$), «практицизм» ($r=-0,34^{**}$), «репродуктивный интеллект» ($r=-0,43^{***}$), «устойчивость» ($r=-0,59^{***}$), «рассудочная регуляция поведения» ($r=-0,49^{***}$). То есть чем выше склонность к азартным играм, тем выше проявление таких психологических особенностей личности, как: стремление игнорировать или нарушать нормативные ценности, правила поведения, которые воспринимаются индивидом как «тяжкие оковы», а их соблюдение расценивается как «потеря свободы»; стремление к немедленному исполнению всех своих устремлений и желаний; игнорирование интересов других людей;

склонность к эмоциональному возбуждению и аффективному поведению; склонность к субъективизму и недооценке объективных обстоятельств. Отмечается также слабость собственной позиции, подверженность влиянию; импульсивность и возбудимость. Межличностные отношения часто неустойчивы, поверхностны, но многочисленны.

Шкала «зависимость от людей и отношений» положительно коррелирует со следующими шкалами: «социальная включенность» ($r=0,51^{***}$); «надежность» ($r=0,34^{**}$); «социабельность» ($r=0,30^*$). Отрицательно коррелирует со шкалами «социальная оппозиционность» ($r=-0,51^{***}$); «ненадежность» ($r=-0,36^{**}$); «индивидуализм» ($r=-0,34^{**}$). То есть люди, зависимые от людей и отношений характеризуются зависимостью от группы и коллектива, нормативностью поведения, непереносимостью одиночества и изолированности. Для такой личности коллектив выступает как источник бытийной силы и могущества. Личность стремится со всеми сохранять позитивные отношения и избегать открытых конфликтов и конфронтации, ориентируется в поведении на мнение группы, нуждается в поддержке и одобрении со стороны группы. Возможно не критичное отношение к ситуациям социального взаимодействия, в том числе притупленность чувства опасности.

Шкала «интернет и компьютерная зависимость» положительно коррелирует со шкалой «активность» ($r=0,32^*$). Интернет-зависимые люди характеризуются активностью, энергичностью, инициативностью в работе, стремятся к сиюминутным выгодам. Отмечается авантюристичность и нечувствительность к опасности.

Шкала «трудоголия» положительно коррелирует со следующими шкалами: «социальная нормативность поведения» ($r=0,48^{***}$); «позитивные межличностные отношения» ($r=0,39^{**}$); «социальная включенность» ($r=0,77^{***}$); «надежность» ($r=0,70^{***}$); «социабельность» ($r=0,52^{***}$); «рассудочная регуляция поведения» ($r=0,51^{***}$). И отрицательно коррелирует со шкалами «социальная раскрепощенность поведения» ($r=-0,36^{**}$); «негативные межличностные отношения» ($r=-0,45^{***}$); «социальная оппозиционность» ($r=-0,64^{***}$); «ненадежность» ($r=-0,65^{***}$); «индивидуализм» ($r=-0,53^{***}$); «эмоциональная регуляция поведения» ($r=-0,41^{***}$); «пассивность» ($r=-0,32^*$). Для лиц, склонных к трудоголии, характерно: строгое соблюдение норм, правил и договоренностей; стремление «заверить» правильность своего поведения у авторитетных лиц; стремление всегда «быть правильным» в поведении; проявление беспокойства или тревожности при угрозе нарушения норм, правил или договоренностей. Работа выступает как источник бытийной мощи и силы, благодаря которой личность чувствует себя полноценным членом общества. Отмечается пассивность в установлении межличностных контактов, однако, при установлении таковых — стремление развивать только позитивные и бесконфликтные отношения с окружающими; формальность в поведении и тщательное соблюдение социальных дистанций; сдержанность, рассудочность и расчетливость в поведении; нечувствительность к эмоциональным раздражителям.

Итак, проанализировав корреляционные связи показателей методик, можно сделать вывод о наличии особенностей личности, характерных для нескольких видов аддикций. Так, для химических аддикций, а также гэмблинга, адрениалиномании, сексуальной и любовной зависимости характерны: социальная раскрепощенность поведения, креативный интеллект, неустойчивость и эмоциональная регуляция поведения. Для трудоголии и зависимости от людей и отношений характерны: социальная включенность, надежность и социабельность. Рассматриваемые виды аддиктивного поведения связаны с

особенностями когнитивной и поведенческой сфер личности.

Результаты анализа корреляционных связей аддикций и индивидуально-психологических особенностей у сотрудников органов внутренних дел по методикам «16PF Р.Б. Кеттелла», «ОДА-2010» и «ГАЛС-2005» представим в табл. 6.

Таблица 6

Результаты связи видов аддикций с индивидуальными психологическими особенностями личности

Аддикции	Индивидуальные психологические особенности
Алкоголизм	Эмоциональная нестабильность; напряженность; подозрительность; социальная раскрепощенность поведения; непрактичность; негативные межличностные отношения; креативный интеллект; социальная оппозиционность; ненадежность; неустойчивость; эмоциональная регуляция поведения; робость
Наркомания	Эмоциональная нестабильность; напряженность; подозрительность; социальная раскрепощенность поведения; негативные межличностные отношения; креативный интеллект; социальная оппозиционность; ненадежность; индивидуализм; неустойчивость; эмоциональная регуляция поведения; робость; тревожность; радикализм; конформность
Гэмблинг	Эмоциональная нестабильность; напряженность; подозрительность; социальная раскрепощенность поведения; креативный интеллект; неустойчивость; эмоциональная регуляция поведения; непрактичность; тревожность
Адреналиномания	Эмоциональная нестабильность; напряженность; подозрительность; социальная раскрепощенность поведения; непрактичность; креативный интеллект; неустойчивость; активность; эмоциональная регуляция поведения; тревожность
Сексуальная зависимость	Эмоциональная нестабильность; подозрительность; социальная раскрепощенность поведения; негативные межличностные отношения; креативный интеллект; социальная оппозиционность; ненадежность и неустойчивость; индивидуализм; эмоциональная регуляция поведения
Любовная	Эмоциональная нестабильность; неустойчивость; напряженность;

зависимость	подозрительность; социальная раскрепощенность поведения; непрактичность; негативные межличностные отношения; креативный интеллект; активность; эмоциональная регуляция поведения; тревожность
Зависимость от людей и отношений	Эмоциональная нестабильность; подозрительность; социальная включенность; надежность; социабельность; тревожность
Интернет-компьютерная зависимость	Эмоциональная нестабильность; напряженность; подозрительность; активность; робость
Трудоголия	Эмоциональная нестабильность; подозрительность; напряженность; социальная нормативность поведения; позитивные межличностные отношения; социальная включенность; надежность; социабельность; активность; рассудочная регуляция поведения; замкнутость; тревожность; низкий самоконтроль; конформность

Рекомендации по профилактике аддиктивного поведения среди сотрудников

Первый этап профилактики — диагностика индивидуально-психологических особенностей личности, связанных с развитием аддиктивного поведения. Наличие таких особенностей, как эмоциональная нестабильность, подозрительность, эмоциональная напряженность и тревожность, могут свидетельствовать о наличии аддиктивного поведения. Помимо этого, наличие социальной раскрепощенности поведения, выраженность креативного интеллекта, неустойчивости и эмоциональной регуляция поведения могут говорить о наличии алкоголизма, наркомании, гэмблинга, адреналиномании, сексуальной и любовной зависимости. Выраженность социальной включенности, надежности и социабельности могут свидетельствовать о наличии трудоголии и зависимости от людей и отношений.

На следующем этапе профилактики аддиктивного поведения, информационно-просветительском, необходимо расширить компетенцию о проблемах аддиктивного поведения с рассмотрением основных видов аддикций, их феноменологического анализа, а также последствиях аддиктивного поведения [15].

Последний этап профилактики аддиктивного поведения направлен на организацию и проведение тренингов личностного роста с элементами коррекции определенных личностных особенностей, связанных с аддиктивным поведением [1]. Данный этап предусматривает индивидуальную беседу с сотрудниками, при которой важно учитывать следующее:

- мужчины больше, чем женщины, склонны к сокрытию своего аддиктивного поведения; помимо этого, у мужчин чаще отмечаются склонность к нарушению норм и правил; способность находить неординарные решения в сложных ситуациях; зависимость

от различных объектов или деятельности; а также подверженность влиянию. У женщин, напротив, отмечается строгое следование нормам и правилам; устойчивость личностной позиции; акцентирование своей независимости. При этом они меньше подвержены влиянию, и наибольшая эффективность труда у них связана с наличием четко «прописанного» интеграла всех необходимых операций.

- сотрудники при возникновении трудных ситуаций могут прибегать к употреблению алкоголя и игромании. В трудовой деятельности они склонны проявлять недисциплинированность и неорганизованность, однако, — при качественном конечном результате; склонны использовать неординарные методы решения сложных задач, стремятся к отгороженности и самоизоляции, в большей степени любят работать индивидуально, независимо от мнения окружающих, подвержены влиянию в межличностных отношениях; у обучающихся — межличностные отношения являются важной частью успешной социализации.

Также в качестве рекомендации можно предложить при возникновении проблем вовлекать близких людей — при помощи беседы, в ходе которой объяснить их роль, значение в борьбе с аддиктивным поведением, значение в осуществлении эмоциональной поддержки.

Выводы

1. В среде сотрудников органов внутренних дел наиболее выражены интернет-компьютерная зависимость, трудоголия и зависимость от людей и отношений. В рамках теоретической концепции А.В. Смирнова, более половины сотрудников имеют хотя бы одну аддикцию или тенденцию, что свидетельствует о достаточной степени выраженности аддиктивного поведения.

2. Имеются специфические формы аддиктивного поведения у сотрудников: «аддикция негативных связей», «эмоциональная аддикция», «дистанцированность от социума», «интровертированный трудоголизм», «аддикция эмоциональных межличностных связей».

3. Некоторые индивидуально-психологические особенности присущи большинству аддикций: эмоциональная нестабильность, подозрительность, эмоциональная напряженность и тревожность. Для химических аддикций, гэмблинга, адреналиномании, сексуальной и любовной зависимости характерны: социальная раскрепощенность поведения, креативный интеллект, неустойчивость и эмоциональная регуляция поведения. Для трудоголии и зависимости от людей и отношений характерны социальная включенность, надежность и социабельность.

4. Опираясь на полученные результаты, в целях профилактики аддиктивного поведения у сотрудников необходимо информировать их об особенностях, способах реализации и последствиях аддиктивного поведения. В ходе индивидуальной беседы следует учитывать пол и возраст сотрудника, реализуя индивидуальный подход. В некоторых ситуациях необходимо вовлекать близкое окружение сотрудников для борьбы с аддиктивным поведением, объясняя роль и важность в оказании эмоциональной поддержки.

Литература

1. *Бабенкова Е.А.* Здоровьесберегающие образовательные технологии. Новые стандарты М.: Генезис, 2015. 268 с.
2. *Бельтюков А.А.* Аддиктивность — предмет психоаналитического исследования // Уральский психоаналитический вестник: сб. научных работ. №2. Екатеринбург. 2008.
3. *Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А.* Психология наркотической зависимости и созависимости: монография. М.: МПА, 2001. 192 с.
4. *Ворошилин С.И.* Психогенетический и этологический подходы к классификации нехимических (поведенческих) зависимостей // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире: сб. науч. Работ. № 2. / Отв. ред. С.А. Минюрова. Екатеринбург: УрГПУ, 2009. С.59—63.
5. *Ворошилин С.И.* Расстройства привычек и влечений: феноменология проявлений и границы диагностики // Журнал практического психолога. М. 2008. № 2.
6. *Злоказов К.В., Прядеин В.П.* Деструктивность личности: социально-психологическое исследование: монография. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2013. 219 с.
7. *Клейберг Ю.А.* Социальная психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 141—154.
8. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Социодинамическая психиатрия. М.: Академический проект, 2000. 460 с.
9. *Лоскутова В.А.* Интернет — зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: автореф. дисс. ... каед. мед. наук. Новосибирск, 2004. 25 с.
10. *Менделевич В.Д.* Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. СПб., 2007. 768 с.
11. *Муслумов Р.Р.* Диагностика правосознания будущих учителей // Комплексное изучение свойств личности: структурно-функциональный подход: коллективная монография / Урал.гос. пед. ун-т ; Урал. ин-т ГПС МЧС России. Екатеринбург, 2010. С. 395—416.
12. *Рожков С.П.* Эмпирическое исследование особенностей нравственно-правовых представлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 1(32). С. 24—26.
13. *Смирнов А.В.* Аддикции и кадровая безопасность: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГПУ, 2009. 102 с.
14. *Смирнов А.В.* Психология аддиктивного поведения: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. 379 с.

15. *Чернышева Е.В.* Исследования по психологии: по материалам практических психологов. Часть 2. Екатеринбург, Уральский юридический институт МВД России, 2011. 307 с.
16. Чернышева Е.В. Методика Р.Б. Кеттелла 16PF. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2012. 167 с.

Types and Forms of Addictive Behavior of Law Enforcement Employees

Chernyshova E.V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology of Service Activities and Education "Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Yekaterinburg, Russia (evchern2010@gmail.com)

Suslova V.R., District Police Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia (frau.lera2011@yandex.ru)

The article discusses types and forms of an addictive behavior of law enforcement officers (in terms of employees of internal affairs bodies) in conjunction with individual psychological characteristics. The attention is focused on the variety of addictive behavior approaches available in the scientific literature. According to the data obtained, such addictions as relationship, Internet-computer, work, adrenaline are most pronounced among employees of the internal affairs bodies in view of the peculiarities of professional activity. It was revealed that more than half of the internal affairs officers have a tendency to manifest addictive behavior. The particular structures of the manifestation of addictive behavior are described using factor analysis. The chosen five-factor model allowed to describe specific forms of addiction: addiction of negative relations, emotional addiction, distance from society, introverted workaholism, emotional interpersonal relations. The patterns of the relationship of addictive behavior with emotional instability, anxiety, social inclusion, suspicion, and emotional regulation of behavior are revealed.

Keywords: addictive behavior, addictions, alcoholism, drug addiction, Internet computer addiction, work addiction, adrenaline addiction, relationship addiction.

References

1. Babenkova E.A. Zdorov'e sberegayushchie obrazovatel'nye tekhnologii. Novye standarty. [Health saving educational technologies. New standards]. Moscow: Genezis, 2015. 268 p.
2. Bel'tyukov A.A. Addiktivnost' — predmet psikhoanaliticheskogo issledovaniya [Addictive-the subject of psychoanalytic research]. Ural'skii psikhoanaliticheskii vestnik: sbornik nauchnykh rabot [Ural psychoanalytic Bulletin: collection of scientific works]. Ekaterinburg, 2008. № 2.
3. Berezin S.V., Lisetsky K.S., Nazarov E.A. Psikhologiya narkoticheskoi zavisimosti i sozavisimosti: monografiya [Psychology of drug dependence and co-dependence]. Moscow: MPA, 2001. 192 p.
4. Voroshilin S.I. Psikhogeneticheskii i etologicheskii podkhody k klassifikatsii ne khimicheskikh (povedencheskikh) zavisimostei [Psychogenetic and ethological approaches to the classification of non-chemical (behavioral) addictions]. In Minyurova

- S.A. (ed.) *Psikhologicheskie problemy razvitiya i sushchestvovaniya cheloveka v sovremennom mire: sbornik nauchnykh работ* [Psychological problems of human development and existence in the modern world: collection of scientific works]. Ekaterinburg: Publ. Ural State Pedagogical University, 2009, no. 2. pp. 59-63.
5. Voroshilin S.I. *Rasstroistva privyчек i vlechenii: fenomenologiya proyavlenii i granitsy diagnostiki* [Disorders of habits and impulses, the phenomenology of the manifestations and the boundaries of diagnosis] *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of the practical psychologist] Moscow, 2008, no. 2.
 6. Zlokazov K.V., Pryadein V.P. *Destruktivnost' lichnosti: sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie: monografiya* [Destructiveness of the individual: a social-psychological study], Surgut: Publ. Surgut state pedagogical University, 2013, 219 p.
 7. Kleiberg, J.A. *Sotsial'naya psikhologiya deviantnogo povedeniya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [The Social psychology of deviant behavior: textbook for high schools] Moscow, 2004, pp. 141-154.
 8. Korolenko T.S.P., Dmitrieva N.V. *Sotsiodinamicheskaya psikhiatriya* [Sociodynamic psychiatry] Moscow: Academic project, 2000, 460 p. (In Russ.).
 9. Loskutova V.A. *Internet — zavisimost' kak forma nekhimicheskikh addiktivnykh rasstroistv: avtoref. diss. k. m. n.* [Internet dependence as a form of non-chemical addictive disorders]. Novosibirsk, 2004. 25 p.
 10. Mendelevich V.D. *Rukovodstvo po addiktologii* [Guide addiktology]. In Mendelevich V.D. (ed.) Saint-Petersburg, 2007. 768 p.
 11. Muslumov R.R. *Diagnostika pravosoznaniya budushchikh uchitelei* [Diagnosis of the legal consciousness of future teachers] *Kompleksnoe izuchenie svoystv lichnosti: strukturno-funktsional'nyi podkhod: kollektivnaya monografiya* [Complex study of personality characteristics: structural and functional approach]. Ural. Institute of state fire service of EMERCOM of Russia. Ekaterinburg, 2010. pp. 395-416.
 12. Rozhkov, S.P. *Empiricheskoe issledovanie osobennostei npravstvenno-pravovykh predstavlenii* [Empirical study of the peculiarities of moral and legal representations] *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement], 2008, no 1(32), pp. 24-26.
 13. Smirnov A.V. *Addiksii i kadrovaya bezopasnost': ucheb.posobie* [Addictions and personnel safety: studies.manual]. Yekaterinburg: Publ. Ural state pedagogical University, 2009. 102 p.
 14. Smirnov A.V. *Psikhologiya addiktivnogo povedeniya* [the Psychology of addictive behaviour]. Yekaterinburg: Publ. UrGPU, 2014. 379 p.
 15. Chernysheva E.V. *Issledovaniya po psikhologii: po materialam prakticheskikh psikhologov. Chast' 2* [Research in psychology: based on practical psychologists. Part 2]. Ekaterinburg: Publ. Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russian Federation, 2011. 307 p.

16. Chernysheva E.V. Metodika R.B. Kettella 16PF [Methods of R.B. Cattell 16PF]. Yekaterinburg: Publ. Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russian Federation, 2012. 167 p.

Взаимосвязь проявления синдрома эмоционального «выгорания» и отклоняющегося поведения у сотрудников УИС

Борисова Д.П., аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет; научный сотрудник НИЦ-3, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России» (borisovad.p@mail.ru)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, декан кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (dvorian@gmail.com)

Быстрота развития общества и изменений в производственной сфере требуют от сотрудников повышенной включенности в деятельность и максимальной отдачи в рабочем процессе. Большую долю работников современного общества занимают сотрудники, включенные в систему взаимодействия «человек—человек». К данной категории относятся работники социальных и помогающих профессий, а также всех профессий, включенных во взаимодействие с людьми. Сотрудники уголовно-исполнительной системы также включены в данное поле. Под влиянием сложных условий и при постоянном контакте с криминально зараженными личностями сотрудники УИС подвержены максимальному эмоциональному «выгоранию». Для сохранения личности и здоровья служащего необходимо знать специфические факторы риска, которые могут способствовать развитию таких состояний, как эмоциональное «выгорание».

Ключевые слова: синдром эмоционального «выгорания», сотрудники уголовно-исполнительной системы, уголовно-исполнительная инспекция, отклоняющееся поведение.

Для цитаты:

Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В. Взаимосвязь проявления синдрома эмоционального «выгорания» и отклоняющегося поведения у сотрудников УИС. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 39-53. doi: 10.17759/psylaw.2019090203

For citation:

Borisova D.P., Dvoryanchikov N.V. Interdependence of emotional burnout syndrome and deviant behaviour among employees of penal system. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i

pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.39-53.
doi: 10.17759/psylaw.2019090203

Длительное нахождение работника в ситуации профессиональной напряженности или в состоянии стресса способствует формированию изменений в его личности, которые проявляются в снижении интереса к выполняемой деятельности, коммуникативной толерантности и деструктивных формах поведения. Подобные проявления объединяются термином «burnout» — «выгорание».

Формирование и развитие эмоционального «выгорания» на ранних этапах развития общества было обусловлено потребностью единообразного выполнения заданий и четкой временной очерченности. Ряд авторов указывают, что впервые синдром эмоционального «выгорания» был обнаружен у лиц добросовестных и чрезмерно ответственно относящихся к выполнению своей работы. К ним относились работники социальных профессий, где требуется проявление альтруистической направленности [2, 3, 5].

Если обратиться к одним из первых описаний синдрома эмоционального «выгорания», то увидим такие характеристики процесса:

- снижение интереса к труду, жизни в целом;
- нарушение трудовой дисциплины;
- бессонница;
- головные боли;
- чрезмерное употребление лекарственных средств.

Как видно из представленных симптомов, «выгорание» охватывает практически все процессы, происходящие с человеком и его жизнью, затрагивая его ценностные ориентации, оценку перспектив, трудовой процесс, а также физическое здоровье.

Стоит отметить, что в 1969 г. уже имелось упоминание о наличии подобных состояний у сотрудников пенитенциарной системы, работающих с условно осужденными, но интерес к данной проблеме появился позже [15].

Впервые в зарубежной литературе упоминают о феномене эмоционального выгорания Г. Фойденбергер и С.Г. Гинзбург в 1974 г.. Они описали данный феномен, характеризуя психологическое состояние людей, вынужденных в эмоционально насыщенной ситуации поддерживать активный контакт с клиентами и оказывать им помощь [15].

В отечественной психологии упоминание данного термина также относится к этим годам и употребляется Б.Г. Ананьевым по отношению к людям профессий, связанных с контактом с людьми (однако, употребляет он немного отличающийся термин — «эмоциональное сгорание»).

Если ранее в группу профессионального риска входили медицинские работники, сотрудники различных благотворительных организаций, то в 1982 г. Р. Шваб расширяет ее и включает полицейских, юристов, тюремных работников.

Активное изучение данного феномена началось с середины 90-х гг. и рассматривалось в рамках концепций стресса. На сегодняшний день изучение стресса в контексте профессиональной деятельности пенитенциарного служащего, в том числе его влияние на физическое, психологическое здоровье, а также качество работы является одним из наиболее актуальных вопросов.

В.В. Бойко рассматривает данный феномен в контексте механизма психологических защит как полное или частичное исключение эмоций в ответ на сложившуюся трудную жизненную ситуацию, что, в свою очередь, имеет две стороны: первая — положительная (организм идет по менее травматичному пути и сохраняет энергетические ресурсы); вторая — негативная (возникают трудности в выполнении профессиональных задач). Это поэтапный процесс, который можно соотнести с развитием механизма стресса (фаза тревоги, резистенции, истощения) [7; 14].

В противовес этому мнению выступает Л.А. Китаев-Смык, который утверждает, что личностные изменения не являются защитой, а наоборот, представляют нарушение защитных систем психики [8].

Описывая эмоциональное «выгорание», F.S. Naisberg и S. Fenning (1991) характеризовали данный феномен как депрессивное состояние. «Выгорание» выражается в чувстве усталости, опустошенности, недостатке энергии и энтузиазма, отрицательной оценке своих возможностей и перспектив работы [14].

Одними из первых J. Ederlwich и A. Brodsky рассмотрели эмоциональное «выгорание» как поэтапный процесс. Их концепция получила название «поэтапного прогрессирующего разочарования» [15]. По их мнению, «выгорание» происходит в результате «фрустрации идеалистических ожиданий из-за повседневной реальности», а также оценки деятельности и условий труда.

Они выделяют четыре этапа процесса «выгорания»:

- 1 — «этап энтузиазма» (высокая активность, желание трудиться);
- 2 — «этап стагнации» (происходит смещение акцентов на удовлетворение собственных интересов);
- 3 — «этап фрустрации» (данное состояние обусловлено неспособностью реализовать цели первого и второго этапов, в связи с чем возникает чувство беспомощности);
- 4 — «этап апатии» (проявляется отстраненность человека от рабочего процесса).

Подобные идеи поддерживают и другие авторы, такие как S.T. Meier, С. Хобфолл, которые указывают на неверные (нереализуемые) ожидания или нерациональное использование ресурсов как факторы риска развития синдрома. Н.Д. Fisher высказывал схожие мысли, но направленные на другой полюс данного феномена — чрезмерное желание достичь своего идеала [15]. Автор рассматривает «выгорание» как нарциссическое

расстройство личности. Позже к данной теории добавилось понятие «депрессивный нарциссизм», которое включает в себя такие проявления, как нестабильная самооценка, зависимость от мнения окружающих.

В настоящее время в рамках изучения «выгорания» встречается множество схожих, но в тоже время отличающихся терминов, таких как «эмоциональное сгорание», «...выгорание», «...перегорание», «синдром эмоциональной деформации», а также «психическое выгорание». Все они обозначают близкие процессы, однако последний термин включает в себя большое количество факторов и соответственно может иметь более размытые и широкие границы по сравнению с другими. Также в зависимости от особенностей изучаемого феномена и ряда включенных в него психических и иных дополнительных состояний, имеющих отражение в трудовой сфере, некоторые авторы используют термин «профессиональное выгорание».

«Выгорание» является длительным процессом, иногда формирующимся несколько лет, исчерпывающим ресурсы человека без возможности их рационального восстановления, а также способствует снижению эффективности в работе и оценки своей успешности в выполнении задач.

Обратимся к некоторым примерам определения «эмоционального выгорания». «Выгорание» — психологический термин, обозначающий симптомокомплекс последствий длительного рабочего процесса и определенных видов профессионального кризиса [13, с. 44]. «Синдром эмоционального выгорания» — состояние эмоционального, умственного истощения, физического утомления, возникающее в результате хронического стресса на работе [11, с. 11].

С. Maslach также соотносит процесс «выгорания» со стрессом и дает такое определение понятию: «эмоциональное выгорание» — эмоциональное истощение, возникающее на фоне стресса, вызванного межличностным общением. По мнению автора, по физиологическим показателям эмоциональное истощение близко к третьей стадии синдрома адаптации, где также характерно истощение. Хотя стресс — это естественный и неизбежный момент в нашей жизни и является нормальным составляющим компонентом, слишком сильная интенсивность или длительность его во времени может навредить человеку [1].

Теорию о соотношении синдрома эмоционального «выгорания» со стрессом поддерживают многие современные исследователи. Процесс «выгорания» — динамический, он имеет ряд стадий. Ученые отмечают схожесть процессов, а особенно с фазой истощения, характеризующейся истощением физиологических и психических ресурсов [12; 13; 14].

В современной науке, как отмечает М.В. Пряхина, под «эмоциональным выгоранием» понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы [14]. О.В. Крапивина в своей работе рассматривает эмоциональное «выгорание» в контексте профессиональной деформации пенитенциарных служащих, оно приобретает в результате работы защитных механизмов и проявляется в таких чертах, как снижение эмоциональной отдачи, стремление сократить профессиональную деятельность, обесценивание своей деятельности [10]. Т.В. Копылова также придерживается подобной точки зрения. По ее мнению, «синдром эмоционального выгорания» является одним из защитных механизмов организма, который помогает сохранить и экономно расходовать эмоциональные ресурсы [9].

Существует мнение, что данное положение актуально лишь на начальных стадиях эмоционального «выгорания». На других стадиях «выгорание» сказывается отрицательно — снижаются активность при взаимодействии с коллегами, а также включенность в работу и качество ее выполнения [1, 9].

Как видим, приведенные определения схожи между собой. Авторы концентрируют внимание на том, что эмоциональное «выгорание» это нахождение человека в длительном напряженном состоянии. Вместе с тем существует небольшое расхождение в определении источника этого напряжения. Выделяются в качестве детерминанты стресс, межличностное общение, напряженный рабочий процесс.

Стоит учитывать, что процесс эмоционального «выгорания» имеет индивидуальные предпосылки и особенности, поэтому его формирование и развитие зависят также и от личностных особенностей человека, особенностей его эмоционально-волевой сферы. Синдром может развиваться у любого человека при определенном стечении внешних и внутренних обстоятельств. Но выделяется группа риска, наиболее склонных к развитию данного процесса. Это люди с повышенной должностной ответственностью и повседневными обязанностями, работающие длительное время с повышенной активностью без должного отдыха, при строгой регламентации времени. Также подвержены риску те, кто не имеет дополнительных интересов кроме работы [13; 14].

Так какие же симптомы характерны для проявления синдрома эмоционального «выгорания»? Существуют различные взгляды на классификацию симптомов этого процесса. Выделяются от 12 до 130 симптомов в зависимости от теоретического подхода [15]. Проявляющиеся симптомы синдрома эмоционального «выгорания» чаще носят психофизиологический характер и не воспринимаются человеком, поэтому затрудняется проведение превентивных мер.

Г.А. Макарова выделяет пять ключевых симптомов. Она описывает различные стороны и затрагиваемые процессы, происходящие при эмоциональном «выгорании». В отличие от других авторов, она выделяет дополнительные критерии — поведенческие и интеллектуальные (автор выделяет большее количество симптомов, но перечислим основные) [11]:

1) физические симптомы: усталость, изменение веса, недостаточный сон, бессонница, плохое общее состояние здоровья; повышение артериального давления; язвы и воспалительные заболевания кожи; болезни сердечно-сосудистой системы;

2) эмоциональные симптомы: недостаток эмоций; пессимизм, черствость в работе и личной жизни; безразличие, агрессивность, тревога, усиление иррационального беспокойства, неспособность сосредоточиться, нервные рыдания, истерики, душевные страдания, потеря идеалов, надежд, увеличение деперсонализации, преобладание чувства одиночества;

3) поведенческие симптомы: рабочее время более 45 часов в неделю; во время работы появляется усталость и желание отдохнуть; безразличие к еде; малая физическая нагрузка; оправдание употребления табака, алкоголя, лекарств; несчастные случаи — падения, травмы, аварии;

4) интеллектуальное состояние: падение интереса к новым теориям и идеям в работе, к альтернативным подходам в решении проблем, скука, тоска, большее предпочтение стандартных шаблонов, рутины, нежели творческого подхода, цинизм или безразличие к новшествам; малое участие или отказ от участия в развивающих экспериментах — тренингах, образовании, формальное выполнение работы;

5) социальные симптомы: низкая социальная активность, падение интереса к досугу, увлечениям; социальные контакты ограничиваются работой, скудные отношения на работе и дома, ощущение изоляции, непонимания других и другими, ощущение недостатка поддержки со стороны семьи, друзей, коллег.

В.Е. Орел в своей работе приводит наиболее подробную классификацию симптомов, соответствующих синдрому эмоционального «выгорания». Он выделяет 132 показателя, разделяя их на 5 групп [12] (подобная классификация приведется и W. Schaufeli и D. Enzmann [15]):

1) аффективные (мрачность, пессимистичность, тревожность, раздражительность, эмоциональная черствость);

2) когнитивные (расстройство ВПФ, появление ошибок в речи, ригидность и схематичность мышления);

3) физические (жалобы на физическое состояние);

4) поведенческие (повышение общего уровня возбуждения, снижение концентрации, импульсивность);

5) мотивационные (возникновение столкновений идеального и реального представления о мире).

Исходя из анализа литературы, посвященной описанию симптомов эмоционального «выгорания», мы можем выделить несколько общих, часто встречающихся групп:

1) физические;

2) психологические (включая эмоциональные, когнитивные, аффективные, мотивационные);

3) интеллектуальные;

4) поведенческие;

5) социальные.

Таким образом, быстрота развития общества и изменений в производственной сфере требуют от сотрудников повышенной включенности в деятельность и максимальной отдачи в рабочем процессе. Большая доля работников современного общества — сотрудники, включенные в систему взаимодействия «человек—человек». К данной категории относятся работники социальных и помогающих профессий, а также всех профессий, включенных во взаимодействие с людьми. Сотрудники уголовно-

исполнительной системы (далее — УИС) не являются исключением. Под влиянием сложных условий и при постоянном контакте с криминально зараженными личностями они подвержены эмоциональному «выгоранию». Государственные служащие должны постоянно приспосабливаться к изменяющимся условиям, осваивать новые модели взаимодействия и организации рабочего пространства.

В исследовании, проведенном С.Е. Борисовой, посвященном изучению эмоционального «выгорания», приводятся статистические данные относительно количества лиц из числа сотрудников УИС (на примере ИЗ-35/2). Так в 87% случаев было выявлено наличие симптомов данного синдрома [12].

Деятельность сотрудников правоохранительных органов развивается в эмоционально напряженных обстоятельствах, к которым можно отнести как сам рабочий процесс (нехватка времени, чрезмерные интеллектуальная активность и напряженность, связанные с большим объемом поступающей информации, иногда ее нехваткой), личностная ответственность (служебная и моральная) за принимаемые решения, а также взаимодействие с криминальными лицами. Все это требует эмоциональной включенности и соответственно затрат. Развитие эмоционального «выгорания» может быть спровоцировано различными факторами, которые объединяют в себе личностные особенности, ситуационные факторы, организацию рабочего процесса.

При длительном влиянии стрессовых профессиональных факторов, к которым можно отнести и работу с людьми с девиантным поведением, сотрудники ощущают усталость, разочарование в собственной деятельности и нарастание проблем в личной жизни. Сотрудники УИС, чья деятельность тесно связана с именно такой категорией людей, вынуждены совместно с ними проживать негативный опыт, что способно сказаться и на их поведении. Наряду с негативными проявлениями в эмоциональной сфере могут проявляться дезорганизующие поведенческие изменения (девиации), среди которых наибольшее распространение, по мнению Е.В. Змановской [6], получили алкогольная и игровая зависимости, суицидальное поведение и правонарушения. В большинстве случаев поведенческие девиации определяются как отклонение от социальных норм [4]. Девиации характеризуются негативным, разрушительным влиянием как на самого человека, так и на окружающих его людей. Соответственно, отклоняющееся поведение рассматривается как «устойчивое биопсихосоциальная подструктура, формирующаяся в процессе адаптации личности к неблагоприятным условиям» [6].

Результаты исследования

Нами было проведено исследование среди сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, направленное на выявление связи между синдромом эмоционального «выгорания» и отклоняющимся поведением. В тестировании использовались методики: СЭВ (Диагностика уровня «Эмоционального выгорания», В.В. Бойко), СОП—М, СОП—Ж (Определение склонности к отклоняющемуся поведению, А.Н. Орел) и ОСП (Опросник суицидального риска, Т.Н. Разуваева).

В исследовании приняли участие 103 человека, из них 31 мужчина и 72 женщины. Участники были объединены в две группы по гендерному признаку. Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с помощью критерия Спирмена.

Среди участников выявлены 12 человек (3 мужчины и 8 женщин), чьи показатели по некоторым шкалам в методике СЭВ имеют высокие баллы, что может свидетельствовать о начале формирования синдрома эмоционального «выгорания».

Обратимся к особенностям проявления синдрома эмоционального «выгорания» и его связи с отклоняющимся поведением у лиц мужского пола.

Для сотрудников характерно проявление связи демонстративного поведения — желания привлечь внимание к трудностям, формированием и развитием таких показателей эмоционального «выгорания», как неудовлетворенность собой и неадекватное эмоциональное реагирование. В результате неудач или неспособности повлиять на психотравмирующие обстоятельства человек обычно испытывает недовольство собой и своей работой. Происходит перенос, при котором энергетика направляется не столько на внешние факторы, сколько на себя. Также происходит ограничение профессиональной отдачи за счет выборочного реагирования в рабочих контактах. В подобной ситуации сотрудник считает свое поведение допустимым, однако сторонние наблюдатели фиксируют эмоциональную черствость, неучтивость. Такое поведение способно спровоцировать отделение от группы, снизить продуктивность контактов в коллективе. Данное положение усугубляет негативные эмоциональные переживания и в дальнейшем способно привести к использованию демонстративно-шантажного поведения с целью привлечения внимания к своим проблемам и оказания поддержки. Однако отмечается отрицательная корреляционная связь между показателями демонстративности и эмоционально-нравственной дезорганизации. При такой зависимости показателей наблюдается следующее: усугубляются неадекватные реакции в отношениях с партнерами — человек перестает проявлять должное эмоциональное отношение и взаимодействие строится на основе суждения «достойн»/не достойн» внимания. Соответственно, в таком эмоциональном состоянии человек не проявляет интерес к окружающим людям и у него снижается потребность в общении.

Для мужчин также характерно наличие связи между показателями переживания психотравмирующих обстоятельств и аддиктивным поведением, волевым самоконтролем, склонностью к делинквентному поведению. При повышении показателей переживания обстоятельств усиливается осознание психотравмирующих факторов профессиональной деятельности, которые трудно устранимы. Постоянно растет раздражение, накапливается отчаяние. Соответственно, подобное эмоциональное состояние способно провоцировать поведение, которое характеризуется отрицательными тенденциями, и снижать возможности волевого самоконтроля. Через подобное отклоняющееся от нормы поведение человек пытается снизить негативное воздействие травмирующей ситуации и накопленных негативных эмоций.

Отмечается взаимосвязь показателей личностной отстраненности и склонности к самоповреждающему, саморазрушающему поведению, агрессии, снижению волевого самоконтроля и склонностью к делинквентному поведению. При формировании личностной отстраненности отмечается утрата интереса к человеку, субъект общения воспринимается как неодушевленный предмет, объект для манипуляций. При общении с неприятной личностью возникают раздражительность, нежелание находиться рядом. Это выражается и в наличии положительных связей склонности к агрессивному поведению и снижения волевого контроля — может свидетельствовать о проявлении негативных

действий по отношению к лицам, с которыми необходимо работать (как в отношении коллег, так и в отношении спецконтингента).

Сотрудники при невозможности разрешения ситуации могут испытывать «загнанность в клетку» (этот фактор эмоционального «выгорания» возникает не всегда, но является продолжением развивающегося стресса), когда психотравмирующие ситуации давят и устранить их невозможно. Формируется чувство безысходности. Это состояние интеллектуально-эмоционального тупика. Данное чувство имеет связь с такими факторами отклоняющегося поведения, как аддиктивное поведение, склонность к самоповреждающему, саморазрушающему и агрессивному поведению.

Переживание психотравмирующих обстоятельств, которые не находят решения, может провоцировать формирование агрессивных и самоповреждающих (разрушающих) тенденций в поведении, так как постоянно накапливающееся отчаяние и негодование не могут найти конструктивный выход, а постоянное обдумывание негативных факторов в работе требует эмоционального разрешения.

Обратимся к особенностям проявления синдрома эмоционального «выгорания» и его связи с отклоняющимся поведением у лиц женского пола.

Стоит отметить, что у женщин наблюдается значительно большее количество связей между параметрами, а также, в отличие от мужчин, наблюдается увеличение связанных параметров между методиками СЭВ и ОСР (у мужчин проявляется только связь с демонстративным поведением). Так, для женщин характерно проявление временной перспективы (невозможность конструктивного планирования будущего) при развитии параметров: «загнанность в клетку», эмоциональный дефицит, психосоматические и психовегетативные нарушения, неудовлетворенность собой, неадекватное избирательное эмоциональное реагирование и личностная отстраненность. Подобное проявление возможно, так как любой из параметров характеризуется наличием тревожных переживаний, проблемной неразрешаемой ситуации в профессиональной сфере, что заставляет человека находиться в актуальной для него ситуации и ориентироваться на поиски конструктивного решения, что не позволяет строить долгосрочные перспективы.

Для сотрудниц уголовно-исполнительной инспекции характерна связь параметра методики ОСР «Уникальность» с параметрами методики СЭВ: неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, редукция профессиональных обязанностей, психосоматические и психовегетативные нарушения. Фактор «уникальность» характеризуется восприятием себя, ситуации, жизни в целом, как явлений исключительных, непохожих на другие, следовательно, подразумевающих исключительный выход из ситуаций. Вместе с тем при развитии указанных факторов эмоционального «выгорания», которые характеризуются: необоснованной экономией энергии и проявления эмоций по отношению к коллегам (общение по принципу «хочу», «не хочу»); попытками к упрощению своей деятельности в обязанностях, требующих эмоциональных затрат; проявлением негативных эмоциональных переживаний (плохое настроение, бессонница, страх, обострение заболеваний, неприятные ощущения в теле) при взаимодействии с субъектами профессиональной деятельности (соответственно). Также характерно наличие связи параметра социального пессимизма с личностной отстраненностью и психосоматическими нарушениями. Сотрудницы могут воспринимать мир как враждебный и несоответствующий их представлениям. Соответственно, это сказывается на взаимодействии с окружающими и

проявляется в снижении интереса к людям, отсутствии удовлетворенности в работе, связанной с общением с людьми, что в дальнейшем при отсутствии помощи или самостоятельных попыток справиться со сложившимися обстоятельствами способно привести к возникновению соматических проявлений.

Согласно результатам методики СОП-Ж в женской группе имеются следующие связи. Параметр «психосоматические и психовегетативные нарушения» имеет отрицательную корреляционную связь с параметрами: склонность к нарушению норм и правил, склонность к самоповреждающему поведению и склонность к делинквентному поведению. Это может быть обусловлено тем, что выплеск негативных эмоций, даже деструктивным способом, снижает негативное напряжение, позволяет избавиться от негативных эмоций и неприятных, угнетающих ситуаций, что способствует снижению проявлений на соматическом уровне. Также установлена связь между волевым самоконтролем и неудовлетворенностью собой и личностной отстраненностью. Данный факт может быть обусловлен социальными факторами. При развитии синдрома эмоционального «выгорания» поведение и ощущения человека меняются, что проявляется не только в общении в профессиональной сфере, но и в самоотношении. Соответственно, сниженный самоконтроль эмоциональных реакций приводит к высвобождению негативных эмоций, но не всегда продуктивным способом, под влияние могут попадать не только субъекты профессионального взаимодействия, но и лица из ближайшего окружения, так как при развитии синдрома изменения способны затрагивать разные сферы жизни человека, а не только профессиональную сферу. Соответственно, выплеск негативных эмоций на людей, не связанных с возникшей проблемной ситуацией, может оцениваться как негативно характеризующая черта личности и являться дополнительным фактором погружения человека в переживания.

Стоит отметить, что женщины в большей степени склонны давать социально-желательные ответы, чем мужчины.

Таким образом, в ходе исследования выявлены определенные взаимосвязи синдрома эмоционального «выгорания» с особенностями проявления отклоняющегося поведения у сотрудников уголовно-исполнительной инспекции.

В группе лиц мужского пола в большей степени наблюдается связь «выгорания» с критериями склонности к отклоняющемуся поведению. Для мужчин в большей степени характерна связь эмоционального «выгорания» с демонстративным поведением, что позволяет привлечь внимание к своим проблемам, однако это не всегда может происходить конструктивным способом. В своем поведении сотрудники склонны прибегать к эмоциональной сдержанности, отстраненности, что воспринимается сотрудниками как нормальное поведение, а окружающими оценивается как черствость. При развитии синдрома эмоционального «выгорания» у мужчин возможно наблюдение снижения волевого самоконтроля, что является фактором, позволяющим снизить эмоциональную напряженность посредством проявления негативных тенденций в поведении. Соответственно, при формировании и развитии синдрома эмоционального «выгорания» у лиц мужского пола проявляются отстраненность от группы, погруженность в собственные переживания, накопление которых вызывает необходимость разрядки, для которой одним из возможных способов может быть проявление агрессии, направленной как на других, так и на себя, а также аддиктивного поведения.

Для женщин характерно большее количество связей между «выгоранием» и склонностью к суицидальному риску. Так, при развитии синдрома эмоционального «выгорания» проявляется невозможность конструктивного планирования будущего, которое может происходить из-за погруженности в переживания, связанные с рабочим процессом. Также характерно повышение значения фактора уникальности, который проявляется в восприятии происходящего (как в работе, так и с личностью) как чего-то особенного, исключительного. При развитии «выгорания» по данному сценарию женщины склонны выразить свои переживания через эмоциональный контекст, который заключается в зависимости от настроения, отношения к другому человеку, желании отстраниться от эмоциональных контактов. Женщины в проблемных ситуациях склонны воспринимать мир как враждебный, соответственно, это приводит к переоценке своего рабочего положения и положения в коллективе. Накапливание негативных переживаний способно привести к развитию соматических проявлений (стоит отметить, что данный параметр у мужчин не имеет такой значимости). Дополнительным фактором нагрузки на эмоциональную сферу у женщин являются их переживания, связанные с выплеском накопившихся негативных эмоций. Под действием факторов эмоционального «выгорания», которые могут проявляться в раздражительности, смене настроения и вербализации негативных чувств, происходит смещение переживаний не только на рабочую сферу, но и на окружающих людей, что тревожит в данной ситуации сотрудниц.

Исходя из результатов проведенного исследования можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что среди сотрудников уголовно-исполнительной инспекции не было выявлено лиц с синдромом эмоционального «выгорания», тем не менее, мы смогли определить некоторые особенности процесса развития данного синдрома, что позволит при работе с сотрудниками выстраивать психологическую работу с учетом тенденций в поведении в зависимости от гендерного признака.

Литература

1. *Бобровникова Т.В.* Эмоциональное «выгорание» как фактор возникновения внутриличностного конфликта // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск : ОМА МВД России. 2007. 1(28). С. 56—58.
2. *Василенко А.Ю.* Возможности профилактики синдрома эмоционального выгорания: Личностные факторы // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (7). С. 53—55.
3. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: Диагностика и характеристика. СПб: Питер, 2008. 336 с.
4. *Гордеева М.А.* Эмоциональное выгорание государственных служащих // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 43—45.
5. *Грабе М.* Синдром эмоционального выгорания — болезнь нашего времени. Почему люди выгорают и что можно против этого предпринять: пер. с нем. СПб.: Речь, 2008. 96 с.
6. *Змановская Е.В.* Проблема профессионального выгорания в работе с девиантным поведением: системно-динамический подход // Санкт-Петербургский университет МВД. 2005. № 14 (19). С. 43-57.

7. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. 752 с: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
8. *Китаев-Смык Л.А.* «Психология стресса — 2: Психологическая антропология стресса». 2-е изд. перераб. и доп. // Вопросы психологии экстремальных ситуаций». 2007. № 4. С. 2—21
9. *Копылова Т.В.* «Эмоциональное выгорание» как форма профессиональной деформации личности сотрудника пенитенциарной системы // Педагогика в правоохранительных органах. 2003. № 1. — С. 13—15.
10. *Крапивина О.В.* Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации у пенитенциарных служащих: дисс. ...канд. психол. наук: 19.00.13. Тамбов, 2004. 200с.
11. *Макарова Г.А.* Синдром эмоционального выгорания // Вопросы социального обеспечения. 2005. № 8. С. 11—21.
12. *Осипова О.Ю.* Эмоциональное «выгорание» сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор, снижающий эффективность деятельности // Вестник Владимирского юридического института. Владимир. 2007. № 2(3). С. 83—85.
13. *Плотникова А.Н.* Факторы, способствующие развитию синдрома «эмоционального выгорания» сотрудников пенитенциарной системы // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск: ОМА МВД России, 2007. № 2(29). С. 44—46.
14. *Пряхина М.В., Шихова А.П.* Эмоциональное выгорание сотрудников специализированных подразделений дознания // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». 2009. № 6(52). С. 59—63.
15. *Черкасова М.А.* Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы России: дисс. ...канд. психол. наук: 19.00.06. Вологда, 2014. 187с.

Interdependence of Emotional Burnout Syndrome and Deviant Behaviour among Employees of Penal System

Borisova D.P., Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia (borisovad.p@mail.ru)

Dvoryanchikov N.V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Dean of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (dvorian@gmail.com)

The accelerated pace of social development and a speed of changes in general affecting the production sphere require greater involvement and higher work efficiency. The majority of workers of modern society are employees performing in "person-to-person" system. This category includes social and caring professions as well and other professions requiring interaction with people. Employees of the penal system are in this domain as well. They are subject to maximum emotional "burnout" being under the complex conditions and permanent contact with criminally infected persons. To preserve the personality and health of an employee, it is necessary to know various specific risk factors that may contribute to the development of such states as emotional "burnout".

Keywords: emotional burnout syndrome, employees of the penal system, penitentiary inspection, deviant behavior.

References

1. Bobrovnikova T.V. Emotsional'noe «vygoranie» kak faktor vzniknoveniya vnutrilichnostnogo konflikta [Emotional "burning out" as factor of emergence intra personal conflict]. Psikhopedagogika v praookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in praookhranitelny bodies]. Omsk : OmA MVD Rossii [OmA MVD of the Russian Federation], .2007. Vol. 1(28). pp. 56–58.
2. Vasilenko A.Yu. Vozmozhnosti profilaktiki sindroma emotsional'nogo vygoraniya: Lichnostnye faktory [Possibilities of prevention of a syndrome of emotional burning out: Personal factors]. Vektor nauki TGU [TGU science Vector]. 2011. Vol. 4 (7). pp. 53–55.
3. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: Diagnostika i kharakteristika [Sindr of burning out: Diagnostics and characteristic]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 336 p.4. Gordeeva M.A. Emotsional'noe vygoranie gosudarstvennykh sluzhashchikh [Emotional burning out of civil officers]. Teoriya i praktika

- obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2014. Vol. 9. pp. 43–45.
4. Grabe M. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya — bolezni' nashego vremeni. Pochemu lyudi vygorayut i chto mozhno protiv etogo predprinyat' [Burnout syndrome is a disease of our time. Why people burn out and what can be done against it]: Saint-Petersburg: Rech', 2008. 96 p. (In Russ.)
 5. Zmanovskaya E.V. Problema professional'nogo vygoraniya v rabote s deviantnym povedeniem: sistemno-dinamicheskii podkhod [A problem of professional burning out in work with deviant behavior: system and dynamic approach]. Vestnik psikhoterapii [Journal of psychotherapy]. – 2005. – Vol. 14 (19). – pp. 43–57.
 6. Il'in E.P. Emotsii i chuvstva [Emotions and feelings]. Saint-Petersburg: Piter, 2001. 752 p: il. – (Seriya «Mastera psikhologii»).
 7. Kitaev-Smyk L.A. Psikhologiya stressa – 2: Psikhologicheskaya antropologiya stressa [Stress psychology – 2: Psychological anthropology of a stress]. 2-e izd.pererab.i dop. Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsii [Questions of Psychology of Extreme Situations]. 2007. Vol. 4. pp. 2–21
 8. Kopylova T.V. «Emotsional'noe vygoranie» kak forma professional'noi deformatsii lichnosti sotrudnika penitentsiarnoi sistemy [«Emotional burning out» as form of professional deformation of the identity of the employee of a penal system]. Pedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Pedagogics in law enforcement agencies]. 2003. Vol. 1. – pp. 13–15.
 9. Krapivina O.V. Emotsional'noe vygoranie kak forma professional'noi deformatsii u penitentsiarnykh sluzhashchikh. Diss. kand. psikhol. nauk. [Emotional burning out as a form of professional deformation at penitentiary employees. D. (Psychology) Thesis]. Tambov, 2004. 200 p.
 10. Makarova G.A. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya [Burnout syndrome.]. Voprosy sotsial'nogo obespecheniya [Questions of a social assistance]. 2005. № 8. pp. 11—21.
 11. Osipova O.Yu. Emotsional'noe «vygoranie» sotrudnikov ugolovno-isplnitel'noi sistemy kak faktor, snizhayushchii effektivnost' deyatel'nosti [Emotional «burnout» of employees of the penal system as a factor that reduces the efficiency of activities]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute [Bulletin of Vladimir law Institute]. Vladimir. 2007. Vol. 2(3). pp. 83–85.
 12. Plotnikova A.N. Faktory, sposobstvuyushchie razvitiyu sindroma «emotsional'nogo vygoraniya» sotrudnikov penitentsiarnoi sistemy [The factors contributing to the development of the Syndrome of «emotional burning out» of employees of a penal system]. Psikhopedagogika v praookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in praookhranitelny bodies]. Omsk: OMA MVD Rossii [OMA MVD of the Russian Federation], 2007. Vol. 2(29). pp. 44–46.14. Pryakhina M.V., Shikhova A.P. Emotsional'noe vygoranie sotrudnikov spetsializirovannykh podrazdelenii doznaniya [Emotional burning out of staff of specialized divisions of inquiry]. Nauchno-

teoreticheskii zhurnal «Uchenye zapiski» [Scientific-theoretical magazine «UchenyeZapiski»]. 2009. Vol. 6(52). pp. 59–63.

13. Cherkasova M.A. Psikhologicheskii monitoring professional'nogo vygoraniya sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii. Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological monitoring of professional burning out of employees of a penal correction system of Russia. D. (Psychology) Thesis] Vologda, 2014. 187p.

Профессиональная позиция студентов медицинского колледжа по отношению к эвтаназии

Долгополова Л.Ю., педагог-психолог, ГБПОУ ДЗМ «Медицинский колледж №7» (dolgopolova8@gmail.com)

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sverchokk@list.ru)

Исследование вносит вклад в понимание этико-правовых аспектов профессионального становления студентов-медиков. Предметом рассмотрения стала профессиональная позиция будущих фельдшеров (63 чел.) и медицинских сестер (62 чел.) по отношению к эвтаназии. Сравнение проявлений изучаемой позиции в различных сферах предстоящей профессиональной деятельности обследованных показало, что основные различия между студентами, получающими различные специальности, лежат в сфере правосознания. Выделен ряд психосоциальных коррелятов изучаемой профессиональной позиции. Так, установлено, что принимающее отношение к эвтаназии имеют в основном атеисты и приверженцы редких религий; полагая, что ответственность и милосердие не являются значимыми чертами, они, тем не менее, обладают сравнительно более высокой эмпатичностью, а в ситуации морального выбора ориентируются на требования долга. Показано также, что будущие фельдшеры не имеют сформированной положительной установки к правомерному поведению, но чаще, чем студенты сестринской группы, выступают против эвтаназии. Будущие медицинские сестры, в особенности считающие медицину своим призванием, склонны скорее допускать возможность применения эвтаназии.

Ключевые слова: эвтаназия, профессиональная позиция, медицинская этика, биоэтика, будущие медики.

Для цитаты:

Долгополова Л.Ю., Луковцева З.В. Профессиональная позиция студентов медицинского колледжа по отношению к эвтаназии. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 54-68. doi: 10.17759/psylaw.2019090204

For citation:

Dolgopolova L.Yu., Lukovtseva Z.V. Medical students professional attitude to euthanasia. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.54-68.

doi: 10.17759/psylaw.2019090204

Возможности увеличения продолжительности жизни постоянно расширяются, однако даже в развитых странах далеко не каждый из спасенных пациентов получает необходимое обезболивание, психологическую и иную помощь, без которой качество жизни нельзя считать удовлетворительным. Эти обстоятельства, а также ориентация на приоритетность прав и свобод пациента делают актуальным всестороннее обсуждение проблемы эвтаназии. Занимая заметное место в пространстве биоэтики, эта проблема широко обсуждается в различных аспектах. Первой страной, официально признавшей эвтаназию, были Нидерланды; позднее эта практика распространилась в Швейцарии, Финляндии, Бельгии, некоторых американских штатах [1; 6]. Легализация привлекает в соответствующие страны пациентов, находящихся в эвтаназии единственно возможный для себя способ избавления от страданий.

Обсуждение проблем эвтаназии происходит и в России, хотя наше законодательство однозначно запрещает эту практику [1; 2; 9; 12]. Альтернативой считается система паллиативной помощи, предполагающая максимальное облегчение страданий пациента, позволяющая ему достойно перейти границу между жизнью и смертью.

Биоэтика эвтаназии ставит вопросы, имеющие неоднозначные ответы в масштабах мировоззрения отдельной личности и общества в целом. Рефлексивно зрелое решение таких вопросов особенно важно для медиков. Индивидуальный взгляд на допустимость эвтаназии и другие аспекты проблемы могут расходиться с правовыми нормами, что как минимум повышает риск эмоционального выгорания. Представляется важным понимание процесса формирования позиции по отношению к практике эвтаназии в ходе профессионального становления [12]. С опорой на соответствующие данные можно совершенствовать программы психологического сопровождения подготовки медиков, искать новые пути коррекции профессионально-этической позиции студентов.

В целом, профессиональную позицию можно описать как систему, включающую совокупность отношений человека к своей профессиональной деятельности и саморазвитию в ней, к себе самому и другим людям [13; 14]. Эти компоненты проходят сложный путь становления, который остается не вполне изученным [14]. Динамика профессиональной позиции в студенчестве рассматривается в основном на примере будущих педагогов [4; 5; 7] и психологов [8; 11], медицинские же специальности практически не охвачены.

Профессиональную позицию студента-медика мы будем понимать как *смысловое образование личности, отражающее отношение обучающегося к будущей профессиональной деятельности и ее субъектам (пациентам, коллегам и т. д.), к себе в роли специалиста, к процессу обучения и профессионально-личностному саморазвитию* (рис 1).

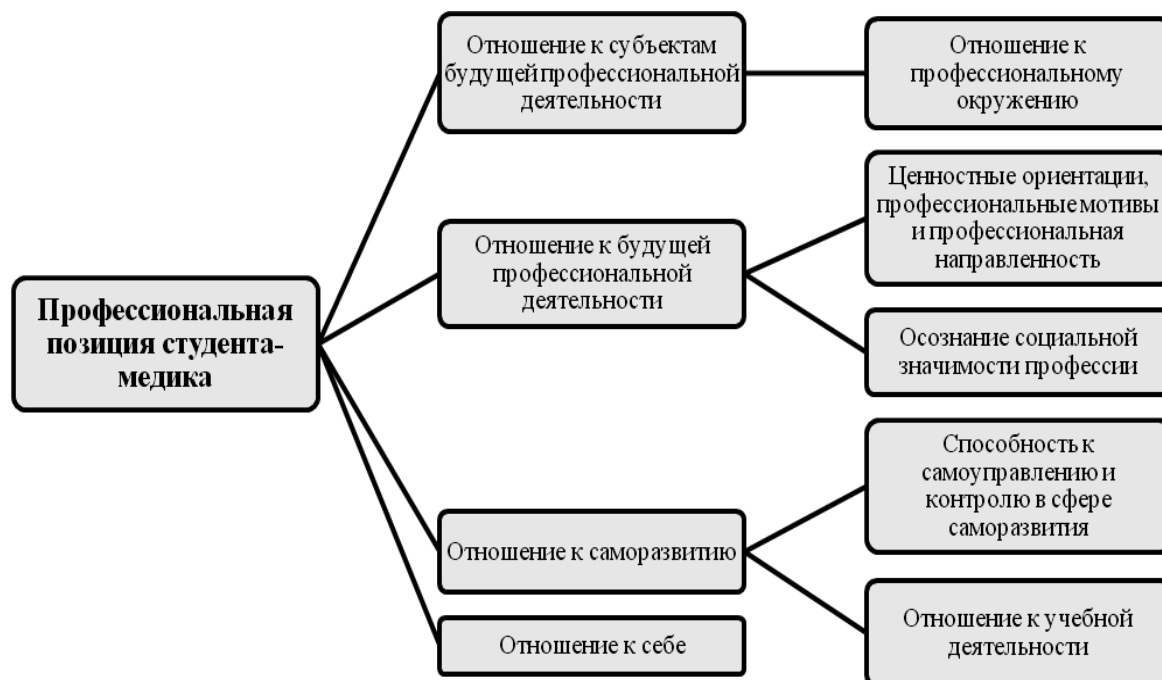

Рис. 1. Модель структуры профессиональной позиции студента-медика

Целью нашего эмпирического исследования стало выявление особенностей профессиональной позиции студентов-медиков по отношению к эвтаназии как активно обсуждаемой проблеме, имеющей высокую значимость с точки зрения биоэтики и психолого-правовых представлений.

Процедура и методы исследования

Исследование было проведено в ГБПОУ ДЗМ «Медицинский колледж № 7» с участием 100 девушек и 25 юношей. 63 студента обучались по специальности 31.02.01 «Лечебное дело» и готовились к фельдшерской деятельности, а 62 — по специальности 34.02.01 «Сестринское дело». Применялись анализ документации, а также методы анкетирования, формализованной диагностики и математико-статистического анализа (φ-критерий Фишера для обработки данных анкетирования и t-критерий Стьюдента — для обработки прочих данных).

Рассмотрение документации (в частности, учебных планов) позволило обобщить квалификационные характеристики и требования, определяющие процесс профессиональной подготовки обследованных. Далее проводились анкетирование и формализованная диагностика; методики были распределены по основным сферам реализации профессиональной позиции испытуемых в предстоящей деятельности:

- к сфере «**Этика**» был отнесен опросник ДУМЭОЛП (диагностика уровня морально-этической ответственности личности, И.Г. Тимошук);
- к сфере «**Правосознание**» была отнесена методика для измерения эмоциональной составляющей установки (С. Крит, Л. Фабригар, Р. Петти);

- **сферу «Личность»** мы исследовали с помощью двух методик — шкалы эмоционального отклика (А. Меграбян, Н. Эпштейн) и СЖО (Д.А. Леонтьев).

Результаты и их обсуждение

Полученные эмпирические данные мы рассматривали в первую очередь сквозь призму особенностей предстоящей профессиональной деятельности обследованных студентов. У будущих сестер формируется установка на профессиональный медицинский уход, у фельдшеров же — на оказание неотложной помощи, т. е. на спасение жизни. Фельдшер обладает большей профессиональной независимостью; он вправе самостоятельно проводить диагностику и лечение на догоспитальном этапе, а также руководить действиями младшего персонала. Будущая сестра получает лишь базовую подготовку, ведь ей предстоит в основном выполнять имеющиеся предписания и ассистировать. Обращает на себя внимание отсутствие в рассмотренных учебных планах «Биоэтики» или «Медицинской этики». При этом будущие сестры изучают «Правовое обеспечение профессиональной деятельности», а будущие фельдшеры лишь бегло рассматривают правовые вопросы в рамках модуля «Организационно-аналитическая деятельность». Оба плана предполагают изучение психологии в равном объеме, но фельдшерская группа дополнительно осваивает «Психологию общения» и имеет более продолжительную производственную практику. В целом, этическая составляющая подготовки явно уступает правовой и «растворяется» в материале смежных дисциплин.

Анкетирование показало, что более половины обследованных положительно относятся к применению эвтаназии, и среди будущих фельдшеров сторонников этой процедуры незначительно меньше, чем в сестринской группе. Достоверны межгрупповые различия по числу отрицательных ответов на вопрос о возможности применения эвтаназии ($\varphi^*_{эмп} = 2,773$), определившие итоговую картину (рис. 2).

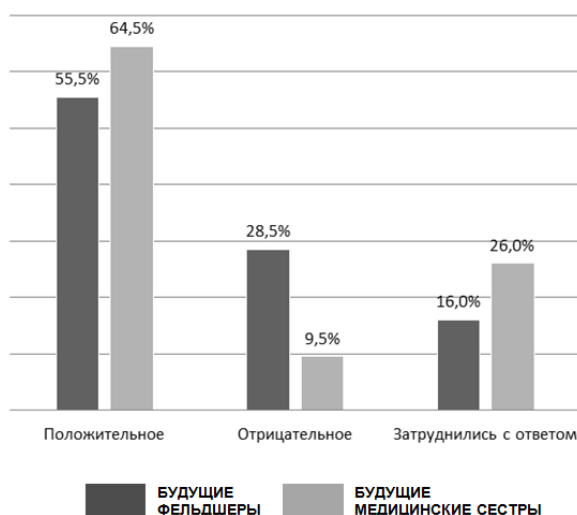

Рис 2. Отношение будущих фельдшеров и медицинских сестер к возможности применения эвтаназии в медицинской практике

В целом, в выборке преобладает убежденность в том, что можно осуществлять эвтаназию, не нарушая медицинской этики, и эта практика заслуживает легализации. Большинство сторонников эвтаназии считают, что ее применение не противоречит медицинской этике (для группы фельдшеров $\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 6,234$, для группы сестер $\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 7,277$), при этом будущие фельдшеры — противники эвтаназии отмечают ее неэтичность и принципиальную невозможность легализации в России ($\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 2,62$). Однако представители сестринской группы, выступающие против данной практики, рассматривают ее как этически допустимую, не выражая четкой правовой позиции. Эвтаназию называют убийством те студенты, которые отрицательно к ней относятся, что предсказуемо. Сторонники эвтаназии рассматривают ее как «реализацию права инкурабельного больного на смерть» (для группы фельдшеров $\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 1,667$, для группы сестер $\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 7,16$). Будущие фельдшеры, выступающие за эвтаназию, чаще относят ее к числу «необходимых мер в определенных ситуациях» ($\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 2,963$), а будущие сестры выбирают такую формулировку преимущественно при отрицательном отношении к эвтаназии ($\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 2,125$).

Студенты, затруднившиеся ответить на вопрос о выборе медицинской профессии как призвания, в большинстве выступают за эвтаназию (для группы фельдшеров $\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 2,023$, для группы сестер $\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 3,341$); такую позицию занимают и будущие сестры, считающие медицину своим призванием ($\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 5,859$). В целом, представители выборки чаще всего сообщали, что избрали медицину именно как профессию-призвание, несколько реже встречался неопределенный ответ, и лишь в единичных случаях звучало утверждение о том, что медицина — не призвание. Интересно также, что большинство сторонников эвтаназии не обладают личным опытом ухода за неизлечимым больным (для группы фельдшеров $\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 1,923$, для группы сестер $\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 5,42$); в целом же такой опыт есть менее чем у 20% обследованных студентов. Была проанализирована и религиозная принадлежность испытуемых; в выборке преобладали христиане, на втором месте оказались мусульмане, далее следовали атеисты и, с большим отрывом, студенты с иными религиозными убеждениями. Атеисты, буддисты и иудаисты относятся к практике эвтаназии исключительно положительно. В сестринской группе большинство сторонников эвтаназии исповедуют христианство ($\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 5,472$), мусульмане же разделились поровну. Среди будущих фельдшеров немного больше студентов-христиан выступают за эвтаназию, но этот перевес не обладает статистической значимостью; при этом большинство студентов-мусульман относятся к эвтаназии отрицательно ($\varphi^*_{\text{ЭМП}} = 1,184$).

Анализ результатов *формализованной диагностики*, имевшей три диагностических мишени, показал следующее.

Диагностическая мишень «Этика». Будущие фельдшеры, относящие себя к сторонникам эвтаназии, имеют средний уровень сформированности морально-этической ответственности, противники же этой практики имеют высокий уровень; в группе будущих сестер выявлена противоположная закономерность (табл. 1). Эти различия не обнаружили статистической значимости, и нельзя с достаточной степенью уверенности прогнозировать, будут ли сторонники и противники эвтаназии действовать по-разному в ситуациях, предполагающих совершение нравственного выбора и реализацию имеющихся моральных установок.

Таблица 1

Оценка значимости различий между противниками и сторонниками эвтаназии
 (методика ДУМЭОЛП, t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$)

Подгруппы испытуемых	Будущие фельдшеры			Будущие медицинские сестры		
	Сторон- ники эвтана- зии	Против- ники эвтана- зии	Значе- ние <i>t</i> -кри- терия	Сторон- ники эвтана- зии	Против- ники эвтана- зии	Значе- ние <i>t</i> -кри- терия
	N=35	N=18		N=40	N=6	
Уровень сформированности МЭО	14,800 (средний уровень)	15,611 (высокий уровень)	0,464	15,125 (высокий уровень)	12,833 (средний уровень)	0,153
Рефлексия на морально-этические ситуации	2,600	2,611	0,974	2,275	2,167	0,839
Интуиция в морально-этической сфере	3,086	3,389	0,380	3,625	2,667	0,176
Экзистенциальный аспект ответственности	2,314	2,333	0,958	2,225	3,000	0,414
Альтруистические эмоции	3,457	3,500	0,901	3,375	1,833	0,131
Морально-этические ценности	2,286	2,556	0,436	2,475	2,167	0,524
Шкала лжи	1,057	1,222	0,495	1,150	1,000	0,639

Диагностическая мишень «Правосознание». Прогностически важно, каков уровень сформированности эмоционального отношения студентов к правомерному поведению. Мы выявили весьма слабо выраженное положительное отношение к нему у будущих фельдшеров (вне зависимости от их отношения к эвтаназии) и будущих сестер, выступающих за нее. Студенты же сестринской группы, являющиеся противниками эвтаназии, имеют ярко выраженное положительное отношение к правомерному поведению (табл. 2).

Таблица 2

Оценка значимости различий между противниками и сторонниками эвтаназии (методика для измерения эмоциональной составляющей установки С. Крита, Л. Фабригара, Р. Петти, t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$)

Подгруппы испытуемых	Будущие фельдшеры			Будущие медицинские сестры		
	Сторонники эвтаназии	Противники эвтаназии	Значение <i>t</i> -критерия	Сторонники эвтаназии	Противники эвтаназии	Значение <i>t</i> -критерия
	N=35	N=18		N=40	N=6	
Параметр профессиональной позиции	0,7 (очень слабо выраженное положительное отношение)	0,8 (очень слабо выраженное положительное отношение)	0,861	1,3 (слабо выраженное положительное отношение)	1,8 (сильно выраженное положительное отношение)	0,182

Диагностическая мишень «Личность». В выборке преобладают испытуемые с высоким и средним уровнями эмпатии; низкий уровень не зафиксирован ни в одном случае. При этом среди противников эвтаназии уровень эмпатии несколько более высок, чем среди ее сторонников, хотя эти различия статистически незначимы (табл. 3). Наибольшей способностью идентифицировать себя с другим человеком, эмоционально присоединяться к нему обладают будущие медицинские сестры. Являясь необходимым условием эффективной профессиональной коммуникации, такие черты одновременно могут повышать риск развития эмоционального выгорания.

Таблица 3

Оценка значимости различий между противниками и сторонниками эвтаназии (шкала эмоционального отклика А. Меграбяна и Н. Эпштейна, t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$)

Подгруппы испытуемых	Будущие фельдшеры			Будущие медицинские сестры		
	Сторонники эвтаназии	Противники эвтаназии	Значение t-критерия	Сторонники эвтаназии	Противники эвтаназии	Значение t-критерия
	N=35	N=18		N=40	N=6	
Уровень эмпатии	66,8 (высокий уровень)	70,8 (высокий уровень)	0,155	72,5 (высокий уровень)	73,8 (высокий уровень)	0,667

Наконец, тест СЖО не выявил статистически значимых различий между испытуемыми, принимающими и отвергающими эвтаназию (табл. 4). Ее сторонники показали несколько более высокие значения по ОЖ и большинству прочих субшкал. Исключение составили «Цели в жизни» (в фельдшерской группе) и «Результат жизни» (в сестринской группе), эти показатели выше у тех, кто выступает против эвтаназии.

Таблица 4

Оценка значимости различий между противниками и сторонниками эвтаназии (методика СЖО, t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$)

Подгруппы испытуемых	Будущие фельдшеры			Будущие медицинские сестры		
	Сторонники эвтаназии	Противники эвтаназии	Значение t-критерия	Сторонники эвтаназии	Противники эвтаназии	Значение t-критерия
	N=35	N=18		N=40	N=6	
Осмысленность жизни (ОЖ)	103,800 (средний уровень)	102,278 (средний уровень)	0,695	102,425 (средний уровень)	94,167 (средний уровень)	0,208

Цели в жизни	33,086	33,333	0,837	32,125	29,333	0,170
Процесс жизни	29,086	27,556	0,919	29,375	26,667	0,251
Результат жизни	26,400	26,278	0,845	25,800	26,500	0,690
Локус контроля	21,800	21,611	0,880	22,800	20,167	0,086
Локус контроля — жизнь	29,800	29,000	0,657	29,550	26,167	0,289

Резюмируя, отметим достаточную степень открытости испытуемых; это подтверждают общее впечатление от взаимодействия с ними и данные по шкале лжи (ДУМЭОЛП). Ответы на вопросы анкеты оставляют впечатление недостаточной определенности и продуманности высказываемых соображений. Студенты скорее положительно относятся к эвтаназии, полагая, что она не противоречит медицинской этике и вполне может быть легализована в России в рамках реализации права на смерть (немногим, однако, довелось лично ухаживать за инкурабельными больными). О принимающем отношении к эвтаназии заявляли в основном атеисты и приверженцы редких религий; неожиданно, что студенты-христиане чаще характеризовали эвтаназию положительно, чем отрицательно. По данным формализованной диагностики, нравственные ценности не являются для испытуемых ведущим ориентиром и порой уступают место соображениям выгоды, комфорта и приспособления. Обследованные имеют вполне определенные цели, направляющие их деятельность, но не порождающие сверхценных, фанатичных устремлений; можно отметить также достаточную удовлетворенность своими достижениями и веру в способность управлять происходящим.

Противники эвтаназии практически единогласно отождествляют ее с убийством. Они имеют хороший баланс между гедонизмом и отсутствием «вкуса к жизни». Немногие считают медицину своим призванием (особенно в сестринской группе), мало и тех, кто затрудняется определить значение для себя медицинской профессии. Будущие фельдшеры считают эвтаназию однозначно противоречащей канонам медицинской этики и, соответственно, не допускают возможности ее легализации в нашей стране. Они настроены на бескорыстное сопереживание и умеют радоваться за окружающих, причем во многом их моральные выборы основаны на интуиции. Характеристики их нравственной позиции противоречивы. Имея более высокий уровень сформированности морально-этической ответственности вообще, они считают ответственность чертой лишь сильных личностей и рассматривают безответственное поведение как допустимое. Правовая позиция сестринской группы по отношению к эвтаназии менее ясно очерчена, хотя учебный план этой группы предполагает более глубокое освоение медицинского права. Будущие сестры определяют эвтаназию как меру, необходимую при определенных обстоятельствах, однако, вероятно, не вполне представляют себе круг подобных обстоятельств. Однако противники эвтаназии из данной группы имеют более позитивную эмоциональную установку к правомерному поведению.

Обобщим теперь результаты, характеризующие сторонников эвтаназии. Эта процедура рассматривается ими как вполне этически допустимая в тех случаях, когда инкурабельный пациент желает реализовать свое право выбора смерти. При этом основная

часть этой группы не сталкивалась с такими пациентами в жизни. Здесь много атеистов, буддистов и иудаистов; сравнивая христиан и мусульман, отметим, что первые воспринимают эвтаназию несколько более положительно. Решая морально-этические вопросы, сторонники эвтаназии руководствуются как рациональными соображениями, так и сигналами «внутреннего голоса». При этом они уверены, что безответственное или прямо корыстное отношение к людям способно в конечном итоге сыграть положительную роль. Между тем, в ситуации морального выбора они готовы следовать не только собственным желаниям и потребностям, но и соображениям долга; кроме того, они более эмпатичны. Принятие эвтаназии в большей степени присуще будущим сестрам, чем фельдшерам, оценивающим ее как крайнюю, исключительную меру. Сторонники эвтаназии, готовящиеся стать фельдшерами, обладают несформированной эмоциональной установкой по отношению к правомерному поведению, тогда как в сестринской группе такая установка складывается. Вспомним в этой связи, что учебный план фельдшерской группы предполагает сравнительно менее подробное изучение вопросов права и более подробное — психологии.

Выводы

1. Студентам-медикам присуще в целом положительное отношение к эвтаназии и восприятие ее как акта реализации права инкурабельного больного на смерть. В личностном плане их характеризуют целеустремленность, прагматизм и положительное восприятие своих наличных достижений и перспектив.

2. Будущие фельдшеры изучают медицинское право скорее ознакомительно, однако более глубоко в сравнении с сестринской группой осваивают психологию. Профессиональные позиции студентов этих специальностей по отношению к эвтаназии значимо различаются именно в части правосознания.

3. Будущие фельдшеры не имеют сформированной положительной установки к правомерному поведению, но чаще выступают против эвтаназии, чем студенты сестринской группы. При этом сферы реализации профессиональной позиции у будущих фельдшеров, поддерживающих и отвергающих эвтаназию, имеют сходные характеристики.

4. Будущие сестры, в особенности считающие медицину своим призванием, склонны скорее допускать возможность применения эвтаназии. При этом у студентов этой специализации более сформирована положительная установка к правомерному поведению.

Полученные данные значимы в первую очередь для решения вопросов личностно-профессиональной спецификации в медицине [10] и совершенствования технологий психологического сопровождения практических занятий [3]. Особое внимание при организации учебного процесса должно быть обращено на проработку юридически значимых ситуаций, которые могут возникать при решении профессиональных задач, причем эти ситуации следует рассматривать с учетом рисков профессиональной деформации. Представляется важным:

- создание проблематизирующих ситуаций, в которых студенты естественным образом подходили бы к необходимости нахождения аргументированного ответа на вопросы биоэтики (на примере эвтаназии или любой другой проблемы);

- предоставление времени и пространства для осознания и рефлексивной проработки возможных внутренних противоречий в позициях студентов по обсуждаемым вопросам;
- обращение особого внимания на индивидуальный опыт столкновения студентов с ситуациями, имеющими биоэтическую значимость (в том числе и во внеучебной жизни).

Литература

1. Алиев Т.Т. Эвтаназия в России: право человека на существование // Современное право. 2008. № 4. С. 46—52.
2. Андреева А.А. Проблема эвтаназии в современном обществе // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2012. Т. 2. № 11. С. 861—863.
3. Бусарова О.Р. Проблема формирования готовности будущих юридических психологов к эффективному совладающему поведению // Психология и право. 2017. Т. 7. № 2. С. 46—56.
4. Денисова Е.В. К вопросу становления нравственно-ценностной позиции студентов педагогического колледжа // Перспективы науки и образования. 2013. № 2. С. 142—144.
5. Десненко С.И. Личностно-профессиональная позиция студента педвуза как фактор развития личности будущего профессионала // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 27—34.
6. Капинус О.С. Право на жизнь. М.: Спектр, 2014. 365 с.
7. Коровин С.С., Кузьмин А.М. Приоритетные направления развития профессиональной позиции будущих педагогов // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 14. С. 53—56.
8. Лукова М.С. Особенности самооценивания и развитие профессиональной позиции студентов-психологов // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2008. № 74(2). С. 174—179.
9. Мирецкая Е.И. Проблемные вопросы легализации эвтаназии в России [Электронный ресурс] // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4(28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-legalizatsii-evtanazii-v-rossii> (дата обращения: 10.12.2018).
10. Носс И.Н., Бородина Т.И. Экспериментальное обоснование личностно-профессиональной спецификации в диагностике характерологических особенностей государственных служащих // Психология и право. 2018. Т. 8. № 1. С. 128—146.
11. Полухина О.П., Полянская Н.В. Профессионально-личностная позиция студента-

психолога как профессионально важное качество будущего профессионала // Территория науки. 2015. № 3. С. 33—36.

12. Порох В.И., Катрунов В.А., Засыпкина Е.В. Юридические и медико-этические аспекты эвтаназии и перспективы ее легализации в России // Современное право. 2013. № 2. С. 62—66.
13. Рикель А.М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 2 [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2018).
14. Халилов Ш.Р. Педагогические условия развития профессионально-субъектной позиции учителя в процессе адаптации к профессиональной деятельности: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2010. 23 с.

Medical Students Professional Attitude to Euthanasia

Dolgopolova L.Y., Educator-Psychologist, Medical School (dolgopolova8@gmail.com)

Lukovtseva Z.V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (sverchokk@list.ru)

The study contributes to the understanding of the ethical and legal aspects of the professional development of medical students. The subject of consideration was the professional attitude of future medical assistants (63 people) and nurses (62 people) in relation to euthanasia. Comparison of the responses of the studied problem showed that the major differences between students of various professions are located in the sphere of legal awareness. A number of psycho-social correlates of the studied problem are highlighted. Thus, it is established that atheists and adherents of rare religions are mainly accepting euthanasia; believing that responsibility and mercy are not significant traits, they nevertheless have a relatively higher empathicity, and in a situation of moral choice they are guided by the demands of duty. It is also shown that future medical assistants do not have a formed positive attitude towards legitimate behavior, but more often oppose euthanasia than students of the nursing group. Future nurses, especially those who consider medicine to be their vocation, are more likely to admit the possibility of euthanasia.

Keywords: euthanasia, professional attitude, medical ethic, bio-ethic, future doctors.

References

1. Aliev T.T. Evtanaziya v Rossii: pravo cheloveka na sushchestvovanie [Euthanasia in Russia: the human right to exist] // *Sovremennoe pravo Modern law*. 2008. no. 4. pp. 46-52.
2. Andreeva A.A. Problema ehvtanazii v sovremennom obshchestve [The problem of euthanasia in modern society] // *Byulleten' medicinskih internet-konferencij [Bulletin of Medical Internet Conferences]*. 2012. Vol. 2. no. 11. pp. 861-863.
3. Busarova O.R. Problema formirovaniya gotovnosti budushchih yuridicheskikh psihologov k ehffektivnomu sovladayushchemu povedeniyu [The problem of developing of readiness of the future legal psychologists to effective coping] // *Psihologiya i pravo [Psychology and law]*. 2017. Vol. 7. no. 2. pp. 46-56.
4. Denisova E.V. K voprosu stanovleniya npravstvenno-cennostnoj pozicii studentov pedagogicheskogo kolledzha [To the question of the formation of the moral and value position of students of the pedagogical college] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives on science and education]*. 2013. no. 2. pp. 142-144.

5. Desnenko S.I. Lichnostno-professional'naya poziciya studenta pedvuza kak faktor razvitiya lichnosti budushchego professionala [Personal-professional position of the student of a teacher training university as the factor of development of the personality of the future professional] // Gumanitarnyj vektor [Gumanitarnyj vector]. 2009. no. 3. pp. 27-34.
6. Kapinus O.S. Pravo na zhizn' The right to live. Moscow: Spectrum, 2014. 365 p.
7. Korovin S.S., Kuz'min A.M. Prioritetnye napravleniya razvitiya professional'noj pozicii budushchih pedagogov [Priority directions for the development of the professional position of future teachers] // Vestnik YURGU [Bulletin of SUSU]. 2012. no. 14. pp. 53-56.
8. Lukova M.S. Osobennosti samoocenivaniya i razvitie professional'noj pozicii studentov-psihologov [Features of self-evaluation and development of professional attitudes of students-psychologists] // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena [Izvestia RGPU them. A.I. Herzen]. 2008. no. 74(2). pp. 174-179.
9. Mireckaya E.I. Problemnye voprosy legalizacii ehvtanazii v Rossii [Problem issues of legalization of euthanasia in Russia] / [Elektronnyj resurs] // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2014. no. 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-legalizatsii-evtanazii-v-rossii> (Accessed: 10.12.2018).
10. Noss I.N., Borodina T.I. Eksperimental'noe obosnovanie lichnostno-professional'noj specifikacii v diagnostike harakterologicheskikh osobennostej gosudarstvennykh sluzhashchih. [Experimental study of the personal and professional specifications in the diagnosis of characteristic features of state employees] // Psihologiya i pravo [Psychology and law]. 2018. Vol. 8. no. 1. pp. 128-146.
11. Poluhina O.P., Polyanskaya N.V. Professional'no-lichnostnaya poziciya studenta-psihologa kak professional'no vazhnoe kachestvo budushchego professionala [The professional and personal position of the student psychologist as a professionally important quality of a future professional] // Territoriya nauki [Science territory]. 2015. no. 3. pp. 33-36.
12. Poroh V.I., Katrunov V.A., Zasypkina E.V. Yuridicheskie i mediko-ehlicheskie aspekty ehvtanazii i perspektivy ee legalizacii v Rossii [Legal, medical and ethical aspects of euthanasia and the prospects for its legalization in Russia] // Sovremennoe pravo [Modern law]. 2013. no. 2. pp. 62-66.
13. Rykiel A.M. Professional'naya Ya-koncepciya i professional'naya identichnost' v strukture samosoznaniya lichnosti. Chast' 2 [Professional self-concept and professional identity in the structure of self-consciousness. Part 2] [Elektronnyj resurs] // Psihologicheskie issledovaniya: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal. [Psychological research: electronic scientific journal]. 2011. no. 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 10.12.2018).
14. Halilov SH.R. Pedagogicheskie usloviya razvitiya professional'no-sub'ektnoj pozicii uchitelya v processe adaptacii k professional'noj deyatel'nosti [Pedagogical conditions

Долгополова Л.Ю., Луковцева З.В. Профессиональная позиция студентов медицинского колледжа по отношению к эвтаназии. *Психология и право psyandlaw.ru* 2019. Том 9. №2. С. 54-68.

Dolgopolova L.Yu., Lukovtseva Z.V. Medical students professional attitude to euthanasia. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2019. Vol. 9. no.2. pp. 54-68.

for the development of a professional-subject position of a teacher in the process of adaptation to professional activity]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. [abstract dis. ... PhD]. Astrahan', 2010. 23 p.

Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии

Петров В. Е., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (v.e.petrov@yandex.ru)

Кокурин А. В., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия); доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (kokurin1@bk.ru)

Екимова В. И., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (iropse@mail.ru)

Котенева А. В., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (akoteneva@yandex.ru)

Березина Т. Н., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (tanbercz@mail.ru)

Статья посвящена изучению диагностических индикаторов оценки толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. Методический инструментарий исследования включал в себя структурированное интервью по авторской анкете «Оценка толерантности к проявлениям идеологии экстремизма», методику «Шкала социальной дистанции» (Э. Богардус); методику «Шкала фашизма» (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд); методику для измерения предрасположенности к предрассудкам (Г. Оллпорт, Б. Крамер); опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), а также экспертное оценивание. В исследовании приняли участие 76 военнослужащих (16 человек — эксперты; 60 человек — испытуемые). Для обработки эмпирических данных использовались частотный, корреляционный и факторный анализ. При сопоставлении тестовых и оценочных данных установлены статистически значимые индикаторы, связанные с толерантным отношением военнослужащих к экстремистской идеологии. Склонность к идеологии экстремизма может определяться через такие диагностические параметры, как «социальная дистанция», «консерватизм», «авторитарное подчинение» и «агрессия», «деструктивность и цинизм», «преувеличение значимости силы» и т. п.

Данные личностные характеристики можно рассматривать как обобщенный психологический портрет лиц, приверженных к экстремистской идеологии. По результатам исследования подтверждено, что разработанная анкета «Оценка толерантности к проявлениям идеологии экстремизма» позволяет выявлять диагностические индикаторы толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. Подход позволяет учитывать диагностические индикаторы толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии при формировании специализированного исследовательского инструментария (анкет, опросников и т. п.). Материал направлен на совершенствование психодиагностической и психопрофилактической работы с личным составом Вооруженных сил Российской Федерации.

Ключевые слова: диагностические индикаторы, толерантность к экстремистской идеологии, склонность к экстремизму, интолерантность, диагностический фактор, компонента, психодиагностика, психодиагностическая оценка.

Для цитаты:

Петров В.Е., Кокурин А.В., Екимова В.И. и др. Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). №2. С. 69-83.
doi: 10.17759/psylaw.2019090205

For citation:

Petrov V.E., Kokurin A.V., Ekimova V.I. et al. Gender differences in perception of stress among interrogators. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp. 69-83.
doi: 10.17759/psylaw.2019090205

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» одним из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности выступает экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Проблема борьбы с идеологией экстремизма и ее профилактика, к сожалению, актуальна для представителей силовых ведомств.

Значимость проблемы противодействия экстремизму находит отражение в ряде отраслевых и междисциплинарных исследований. Так, например, феномен «экстремизм» и его социально-правовые детерминанты широко анализируются зарубежными учеными (А. Бартоли, А. Бреттон, М. Брюкнер, Дж. Каплан, П. Коулмен, Дж. Пирс, В. Тайво, Э. Тоффлер, А. Хиршман, Б. Хоффман и др.). В наибольшем объеме вопросы противодействия экстремизму присутствуют в работах представителей правоохранительной сферы деятельности (А.Я. Гуськов, А.И. Долгов, Л. Дэвис, К. Дункан, А.Л. Казин, Д. Котрайт, А.В. Ростокинский, Е.П. Сергун, В.В. Устинов и др.). Теоретико-этиологический аспект деятельности экстремистских организаций рассматривается в трудах Л.В. Бабевой,

В.В. Витюка, А.И. Гушера, А.А. Зиновьева, К.В. Кузнецова, Ю.В. Косова, В.Н. Панина, В.Е. Суденко, Т.А. Шаكليной, С.Д. Юрчевского и др. В отечественной парадигме вопросы криминально опасного поведения экстремисткой направленности представлены в трудах юридических психологов (Ю.М. Антонян, Н.И. Афанасьев, В.Л. Васильев, В.Ю. Верещагин, В.И. Власов, А.И. Долгова, А.Ю. Ильин, А.В. Коровиков, Т.Н. Кухтевич, Д.В. Ольшанский, Э.В. Улезко, М.Я. Яхъяев и др.).

При всей важности правовых, организационных, социальных и иных аспектов преодоления проблемы экстремизма, лидирующие позиции отводятся психологическим и социально-психологическим причинам формирования приверженности к экстремистским взглядам. Однако методологические основания и подходы специалистов разнятся. Так, в качестве центральных детерминант выделяют:

- деформации жизненных ценностей и ориентаций, приводящие людей к экстремизму (Ю.М. Антонян, Н.Н. Беденко, Я.И. Гишинский, С.И. Голод, Е. Дюпуи, М.С. Кочергин, И.Б. Орлова, Я.Т. Смолинский и др.);
- психогенные особенности формирования личности как причину и как следствие экстремистского поведения (И.А. Двойменный, А.И. Долгова, Т.П. Долгова, Т.А. Жалагина, С.Н. Махновец, К.Н. Поливанова, И.И. Щиголев, П.М. Якобсон и др.);
- информационно-психологическое воздействие, подходы к проведению досуга, а также влияние неформальных объединений и организаций на социализацию людей (С.А. Беличева, Ю.Г. Козлов, Ю.Н. Москвина, Л.М. Прозументов, И.М. Суравнева, В.Я. Суртаев, А.В. Шеслер, Е.А. Яковлева и др.).

Вариативность психологических подходов к анализу феномена «экстремизм» во многом детерминирует еще больший спектр взглядов на пути решения проблемы противодействия его идеологическим основам [9, 12, 18 и др.]. Несмотря на то, что на уровне теории психология экстремизма изучена относительно хорошо [4, 8 и др.] диагностический аспект выявления лиц, склонных к идеологии экстремизма, раскрыт недостаточно полно. Отсутствуют методики, направленные на оценку склонности к экстремисткой идеологии среди сотрудников силовых ведомств. При этом существующие в психодиагностической практике подходы к работе с гражданскими лицами и сотрудниками разнятся. Так, например, ряд исследователей предлагают в качестве действенного диагностического инструмента лингвистический контент-анализ речевой активности и соответствующих текстовых материалов [1, 19 и др.]. Однако данный подход, являясь достаточно результативным, носит, скорее, экспертно-диагностический характер и не ориентирован на мероприятия профессионального психологического отбора, оценку индивидуальной склонности к экстремизму. С целью выявления склонности к экстремизму в психодиагностической работе с личным составом силовых ведомств предлагается использовать опросник А.Н. Орла «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» [7]. На наш взгляд, применение данной методики не позволяет определить реальной склонности к экстремистской деятельности, поскольку в нем отсутствует специальная шкала, определяющая экстремистскую направленность военнослужащего. Диагностический инструмент выявляет склонность к отклоняющемуся поведению (алкоголизм, наркомания, суицидальные наклонности, мелкие хулиганства, азартные игры и др.; [13]). Безусловно, применяя методику, можно получить полезные сведения о поведении индивида, определить лиц, нуждающихся в дополнительном внимании со стороны психолога, но

диагностировать военнослужащих, склонных к экстремистской идеологии, будет не совсем корректно.

Наиболее близкой к нашему исследованию следует признать психометрически выверенную методику диагностики диспозиции насильственного экстремизма [5, 6]. Заметим, что данный инструментарий ориентирован на диагностику экстремистских склонностей у обучающихся образовательных организаций. В ряде отечественных и зарубежных исследований обсуждается эффективность методов оценки риска экстремистских проявлений у представителей разных социальных групп населения [15, 16, 21, 22, 23 и др.]. Однако поле исследований заявленной проблемы по отношению к военнослужащим остается практически свободным. Именно на оценку диагностически значимых психологических конструктов, которые могут использоваться при определении толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии, было направлено проведенное нами исследование. При этом ставились такие задачи, как: провести скрининг-анализ потенциала распространенности среди военнослужащих феномена толерантности к экстремистской идеологии; определить диагностические индикаторы толерантности военнослужащих к идеологии экстремизма; оценить возможности предложенного диагностического подхода по выявлению приверженности к экстремистской идеологии у кандидатов на военную службу по призыву и по контракту.

Методы

В исследовании 2017—2018 гг. приняли участие 60 военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (48 человек) и по контракту (12 человек); все респонденты — мужчины, возраст — 18—27 лет. Специфика выборки была обусловлена однородностью выполняемых учебно-боевых задач и доступностью для исследования личного состава одного из воинских подразделений, дислоцированных на территории Московской области (возможностью их привлечения к исследованию). Решение об участии того или иного военнослужащего в исследовании определялось соответствующими командирами в сочетании с рандомизированным выбором участников из списочного состава подразделения на основании наличия оперативной информации о возможной толерантности, либо, наоборот, отсутствия однозначных сведений о склонности военнослужащих к идеологии экстремизма [2].

Применялись следующие методики исследования: авторская анкета «Оценка толерантности к проявлениям идеологии экстремизма» [17] для структурированного интервью раннего выявления приверженности военнослужащих к экстремистской идеологии (всего 40 утверждений, например, «К некоторым нациям и народам сложно относиться хорошо», «Нормально считать свой народ лучше других», «Истинной может быть только одна религия», «Многонациональность России препятствует развитию ее культуры»); шкала социальной дистанции (Э. Богардуса); шкала фашизма (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунстик, Д. Левинсона, Р. Сэнфорда); методика для измерения предрасположенности к предрассудкам (Г. Олпорта, Б. Крамера.); опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой).

В качестве внешнего критерия толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии использовалась экспертная оценка. Для исследования привлекались командиры (16 офицеров-мужчин; 28—40 лет), выбор которых основывался на наличии у них профессионального опыта работы с личным составом и непосредственного контакта с

оцениваемыми военнослужащими. В отношении каждого военнослужащего заключение по четырем компонентам «экстремистской идеологии» выносило 3 эксперта. Использовалась пятиградационная оценочная шкала. Частные оценки экспертов по каждому показателю усреднялись.

Составляющими внешнего критерия степени выраженности толерантности к экстремистским идеям являлись: особенности поведения; подходы к адаптации к службе и межличностному взаимодействию; наличие признаков приверженности к экстремизму в речи. Поведенческие характеристики определялись через наличие склонности к агрессивным поступкам, способам их выражения; наличие конфликтов на идеологической почве; специфику поведения в конфликтной ситуации. Экспертам пояснялось содержание каждого признака, по которым может быть идентифицирована приверженность индивида к экстремистской идеологии.

Для обработки эмпирических данных использовались частотный, корреляционный и факторный анализы, реализованные на базе статистического пакета SPSS 13.0 for Window.

Результаты и их обсуждение

Потенциал распространенности толерантности к идеям экстремизма в среде военнослужащих определялся с привлечением описательной статистики. Так, частотный анализ результатов тестирования и анкетирования показал, что подавляющее большинство военнослужащих потенциально не склонны к восприятию экстремистской идеологии (значения индикаторов методик исследования, представленные в шкале стенов, усреднялись; полагалось, что 1—3 стенов указывают на низкий уровень склонности, 4—7 стенов — средний, 8—10 стенов — высокий). У большинства респондентов (38 человек или 63,3%) отмечен низкий интегральный уровень приверженности к экстремистской идеологии, 20 военнослужащих (33,3%) проявили средний уровень и 2 человека — высокий уровень. Среднее значение интегральной (тестовой) оценки — 3,42 балла (стандартное отклонение — 1,98 балла).

Тестовые и анкетные данные сопоставлялись с экспертными оценками. Результаты оценивания в основе своей были согласованы (например, из двух человек, чувствительных к идеям экстремизма, по данным тестов, экспертами один был квалифицирован как лицо с высоким уровнем риска, второй — со средним; аналогичная тенденция была отмечена в других группах). При этом экспертные оценки несколько занижают степень проявления признаков толерантности, чем тестовые. Среднее значение интегральной (экспертной) оценки составило 2,95 балла (стандартное отклонение — 1,84 балла). В целом, у 42 человек (70%) отмечен низкий уровень приверженности к экстремистской идеологии, у 17 человек (26,3%) и 1 человека (3,7%), средний и высокий уровень соответственно (пороговые средние экспертные значения: низкий уровень — 0..1,5; средний уровень — 1,6..3,5; низкий уровень — 3,6..5,0 баллов).

Для проверки результативности предложенного подхода к оценке склонности военнослужащих к экстремистской идеологии проведен корреляционный анализ (по Спирмену) диагностируемых индикаторов четырех тестовых методик и оценок экспертов (табл. 1). Сопоставлялись оценки десятибалльной (диагностические методики) и пятибалльной (экспертная оценка) шкал.

Таблица 1

Результаты анализа взаимосвязи психодиагностических индикаторов и оценок экспертов

Оцениваемые психологические индикаторы	Коэффициент корреляции
Социальная дистанция	0,850(**)
Консерватизм	0,784(**)
Авторитарное подчинение (не критичность и стремление к подчинению авторитету, отражает наличие потребности в сильном лидере)	0,944(*)
Авторитарная агрессия	0,884(**)
Непринятие субъективного	0,819(*)
Суверенность и стереотипия (преувеличение значимости силы)	0,906(**)
Деструктивность и цинизм	0,816(**)
Вера в то, что мир зол	0,818(*)
Чрезмерный интерес к сексуальности	0,835(**)
Шкала фашизма	0,626(**)
Этнонигилизм	0,785(*)
Этническая индифферентность	0,962(**)
Норма идентичности	-0,622(*)
Этноэгоизм	-0,590
Этноизоляционизм	0,703(*)
Этнофанатизм	0,625
Предубежденность	0,826(*)

Примечание: уровень значимости: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Установлены статистически значимые корреляционные связи между экспертными оценками и такими диагностическими параметрами, как: социальная дистанция (коэффициент корреляции $R=0,850$ при уровне значимости $p < 0,01$); консерватизм ($R=0,784$; $p < 0,01$); авторитарное подчинение ($R=0,944$; $p < 0,05$); авторитарная агрессия ($R=0,884$; $p < 0,01$); непринятие субъективного ($R=0,819$; $p < 0,05$); преувеличение значимости силы

($R=0,906$; $p<0,01$); деструктивность и цинизм ($R=0,816$; $p<0,01$); вера в то, что мир зол ($R=0,818$; $p<0,05$); чрезмерный интерес к сексуальности ($R=0,835$; $p<0,01$); шкала фашизма ($R=0,626$; $p<0,01$); этнонигилизм ($R=0,785$; $p<0,05$); норма идентичности ($R=-0,622$; $p<0,01$); этноизоляция ($R=0,703$; $p<0,05$); предубежденность ($R=0,826$; $p<0,01$).

Полученные результаты можно рассматривать как обобщенный психологический портрет лиц, приверженных к экстремистской идеологии. Результаты отчасти схожи с характеристиками, отмеченными у подростков, склонных к экстремистскому поведению [3, 8 и др.].

Таким образом, можно сделать частный вывод о том, что предложенная нами батарея диагностических методик (шкала социальной дистанции; шкала фашизма; методика для измерения предрасположенности к предрассудкам; опросник «Типы этнической идентичности») позволяет оценить степень выраженности толерантного отношения к идеям экстремизма.

Для выявления на ранних этапах принадлежности военнослужащих к экстремистской идеологии был проведен факторный анализ анкетных данных. В качестве основных методов факторного анализа использовались: метод выявления — анализ методом главных компонент; метод вращения — варимакс с нормализацией Кайзера. При подсчете общностей некоторые показатели (утверждения) были удалены из анализа (из-за низких показателей общности), а именно: утверждения о том, что «современная молодежь вызывает неприятные чувства своим внешним видом (прически, косметика, наряды)», «истинной может быть только одна религия». Таким образом, значимыми оказались четыре компонента-фактора (табл. 2).

Таблица 2

Результаты факторного анализа

Критерий (стимул анкеты)	Компонент-фактор			
	1	2	3	4
Меня не интересуют современные неформальные молодежные группы (движения, объединения)	0,859			
Беженцам надо помогать не больше, чем всем остальным, так как у местных проблем не меньше	0,810			
Я считаю, что все течения культуры современной молодежи разрушительны для нашего народа	0,794			
Сосредоточение всей полноты власти в одних руках способно решить проблемы России	0,784			
Я предпочитаю, чтобы мои друзья не принадлежали ни к каким неформальным молодежным группам	0,773			

Критерий (стимул анкеты)	Компонент-фактор			
	1	2	3	4
Религиозные люди меня настораживают и раздражают	0,770			
Всех психически больных людей необходимо изолировать от общества	0,756			
Думаю, что люди другой национальности в России должны иметь те же шансы, что и русские	0,719			
Чужие замечания меня крайне раздражают, и по этому поводу может возникнуть серьезный конфликт	0,713			
Мне совершенно безразлично, к каким группам принадлежат мои друзья, это их личное дело	0,664			
У меня бывали конфликты с представителями неформальных молодежных групп	0,652			
Люди одной национальности похожи друг на друга	0,588			
Надо терпимо относиться ко всем мнениям, взглядам, кроме тех, которые могут вызвать общественные беспорядки	0,580			0,512
Как правило, мне трудно идти на уступки	0,567		0,378	
Любовь к своему народу не мешает мне уважать другие культуры и языки	0,470			
Мне не нравятся внешний вид (музыка, атрибутика и т. д.) современной молодежи	0,401			
Правильной может быть только одна религия	0,377			
Приезжим нельзя доверять		0,727		
Современное состояние России требует «сильной руки»		0,664		
К некоторым нациям и народам сложно относиться хорошо		0,657		
Я никогда не понимал браки людей разных национальностей		0,641		

Критерий (стимул анкеты)	Компонент-фактор			
	1	2	3	4
В споре всегда есть одна верная точка зрения		0,637		
Приезжие должны занимать низшие должности, на большее они не способны	0,380	0,620		
Люди преувеличивают способность животных чувствовать и переживать		0,618		
Я легко привыкаю к новым условиям		0,553		
У меня есть всегда свое мнение, другие мне не важны		0,544		
Если моя точка зрения не совпадает с точкой зрения говорящего — я сильно раздражаюсь		0,485		
Для меня религия значит много		0,457		
Если бы была возможность — я бы исключил из СМИ все точки зрения, противоречащие моей		0,425		
Национальность определяет развитие человека			0,381	0,354
Я не могу представить своей супругой (супругом) человека другой национальности			0,761	
Многонациональность России препятствует развитию ее культуры			0,730	
Нормально считать свой народ лучше других			0,648	
Большинство преступлений в нашей стране совершается приезжими			0,637	0,461
На уступки идут слабые люди			0,447	
Думаю, что все средства хороши при защите своего народа	0,402		0,376	0,579
Межнациональные браки разрушают культуру	0,405			0,557
Современная молодежь «не от мира сего»				0,384

Проведено описание выделенных факторов (компонентов). Так, первый фактор получил условное название «Толерантность» (определяет 51,4% дисперсии). Данный компонент, отражающий негативное (нетерпимое) отношение к лицам иной национальности или субкультуры, беженцам, психически больным людям, представителям

различных социальных групп, лицам с иными религиозными воззрениями, придерживающимися иных взглядов или мнений, включает в себя 20 утверждений анкеты (диагностических индикаторов). Предполагается, что для экстремистской идеологии свойственны этническая интолерантность и категоричность. Второй фактор, условно названный «Признаки приверженности к экстремистской идеологии» (16,5% дисперсии), включает 12 утверждений и определяется тенденциями выраженной неприязни к представителям иных национальностей, воинствующей религиозности, а также категоричностью суждений в области межнациональных отношений. Третий фактор, определяемый 8 утверждениями на тему мононациональности и установками враждебности по отношению к представителям иных национальностей, получил название «Этнические установки» (9,1% дисперсии). Четвертый фактор, получивший название «Интолерантные убеждения» (7,8% дисперсии), опирается на 6 утверждений, отражает личностную позицию по отношению к проблеме этнической нетерпимости и внутренние убеждения относительно нормативного поведения. Диагностические индикаторы связаны с мнением индивида о несовместимости лиц, принадлежащих различным этнокультурам.

Полученные результаты во многом совпали с материалами исследований отечественных и зарубежных специалистов [2, 7, 10, 11, 14, 20, 24 и др.] . Однако предложенная нами классификация сведена к четырехкомпонентному пространству, которое характеризует представителей силовых ведомств (военнослужащих). Несмотря на то, что анкета превентивной оценки требует масштабного психометрического исследования, в целом, она имеет диагностический потенциал, а предложенный подход технологичен, позволяя на уровне методического инструментария определять толерантность военнослужащих к идеологии экстремизма.

Заключение

Таким образом, нами был предложен подход к ранней диагностике степени толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. При этом исследовательский инструментарий, хотя и базируется на универсальных диагностических дескрипторах (стимульном материале, непосредственно не затрагивающем проблематику прохождения военной службы), но апробирован на выборке военнослужащих, а, соответственно, регистрирует реакции именно этой категории обследованных.

Корреляционный анализ показал, что данные, полученные в ходе комплексной диагностики, и экспертные оценки тесно взаимосвязаны между собой. Предложенный нами подход позволяет оценить степень толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. Новизна полученных результатов состоит в том, что выделенные четыре компонента-фактора объединяют различные признаки толерантного отношения к идеологии экстремизма. В целом, у всех военнослужащих с низкими показателями толерантности к экстремистской идеологии отмечаются особенности этнической идентичности, высокие показатели социальной дистанции, выраженные интолерантные установки, предрассудки, приверженность агрессивному подчинению.

В исследовании получены результаты, позволяющие внести уточнения и дополнения в содержание интервью/анкеты для профессионального психологического отбора кандидатов на военную службу, верифицировать на базе анкеты соответствующую диагностическую методику.

Принимая во внимание, что генерализация тенденции толерантности к идеям экстремизма в среде военнослужащих не является критической, отдельные проявления этого негативного явления, к сожалению, встречаются. В связи с этим предложенный подход позволяет совершенствовать психодиагностическую и психопрофилактическую работу с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации.

Литература

1. Антонова Ю.А., Веснина Л.Е., Ворошилова М.Б. и др. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2014. 276 с.
2. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 107—122.
3. Бузыкина Ю.С. Социально-психологические характеристики и отношение к проявлениям экстремизма у студентов вуза и учащихся школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2011. № 1. С. 34—42.
4. Григорьева М.А., Секач М.Ф., Савицкий А.А. Психология экстремизма и терроризма // Человеческий капитал. 2017. № 2(98). С. 3—6.
5. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностика диспозиции насильственного экстремизма // Психологическая диагностика: научно-практическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78—97.
6. Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 106—121. doi:10.17759/psylaw.2017070109
7. Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Сокольская М.Д., Фурсова И.А. Ценностные ориентации правых экстремистов // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 92—103.
8. Екимова В.И., Кокурин А.В., Орлова Е.А., Стегнин Е.Д. Четыре шага от толерантности до экстремизма: понятийно-феноменологический анализ // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 14—19.
9. Казберов П.Н. (а). О психопрофилактической программе по противодействию распространению экстремизма среди осужденных в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 1 (164). С. 13—15.
10. Казберов П.Н. (б). Возможности типологизации социально-психологических и уголовно-исполнительных характеристик осужденных за преступления экстремисткой направленности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. С. 75—80.
11. Караяни А.Г. О роли психологии в профилактике терроризма // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 37—40.
12. Кафтан В.В. Противодействие терроризму: учеб. пособие для бакалавриата и

магистратуры. М.: Юрайт, 2015. 262 с.

13. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М.: ТЦ «Сфера», 2004. С. 141—154.
14. Корблев С.Е., Красненкова С.А. Социально-психологическая характеристика идейных и правовых компонентов экстремистской деятельности // Право и образование. 2014. № 8. С. 72—79.
15. Майкова Е.С., Бонкало Т.И. Психологические особенности подростков, склонных к экстремистскому поведению // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. № 2. С. 123—125.
16. Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Карелин Д.В., Козлова Н.В. Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании // Психология и право psyandlaw.ru 2018. Т. 8. № 3. С. 123—134. doi: 10.17759/psylaw.2018080309
17. Петров В.Е. Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии // Научные исследования и образование. М.: НОУ ВПО МИГУП. 2018. № 30. С. 56—58.
18. Сердюк Н.В., Грищенко Л.Л., Столяренко А.М. Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 3. С. 167—178. doi:10.17759/psylaw.2018080312
19. Филимонов О.В. Экстремистский дискурс в современной информационной среде // Полицейская деятельность. 2016. № 4.
20. Юдина А.И., Кудрин В.С. Экстремизм в молодежной среде: анализ состояния современной социально-культурной ситуации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2(38).
21. Geoff Dean G., Graeme Pettet G. The 3 R's of risk assessment for violent extremism // Journal of Forensic Practice. 2017. Vol. 19. Iss. 2. P. 91—101. URL: <https://doi.org/10.1180/10.1108/JFP-07-2016-0029.2016.1198413>
22. Monahan J. The individual risk assessment of terrorism [Электронный ресурс] // Psychology, Public Policy, and Law. 2012. № 18(2). P. 167—205. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/a0025792>.
23. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism [Электронный ресурс] // American Psychologist. 2017. 72(3). P. 278—288. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000121>.
24. Weine S., Eisenman D.P., Kinsler D., Gilk D.C., Polutnik C. Addressing violent extremism as public health policy and practice [Электронный ресурс] // Behavior Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2017. Vol. 9. Iss. 3. P. 208—221. URL: <https://doi.org/10.1080/19434472.2016.1198413>.

The Assessment of Tolerance of Military Personnel to Extremist Ideology

Petrov V.E., PhD, associate Professor, associate Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology of the faculty of extreme psychology, MSUPE (v.e.petrov@yandex.ru)

Kokurin A.V., PhD, associate Professor, Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology, MSUPE (kokurin1@bk.ru)

Ekimova V.I., Doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology, MSUPE (iropse@mail.ru)

Koteneva A.V., Doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology, MSUPE (akoteneva@yandex.ru)

Berezina T.N., Doctor of psychology, Professor, Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology, MSUPE (tanberez@mail.ru)

The article focuses on the research of the diagnostic indicators of the assessment of tolerance of military personnel to extremist ideology. A methodical toolkit of the research included a structured interview on the proprietary questionnaire «Assessment of tolerance to manifestation of extremist ideology», «Bogardus Social Distance Scale» (E. Bogardus), «The California F-scale» personality test (T. Adorno, E. Frenkel-Brunswik, D. Levinson, R. Sanford), Allport's Scale of Prejudice (G. Allport, B. Kramer); the questionnaire «Types of ethnic identity» (G.U. Soldatova, S.V. Ryzhova) as well as expert assessment. 76 military personnel took part in the research (experts:16, subjects:60). Frequency, correlation and factorial analyses were used for empiric data processing. The statistically significant indicators related to tolerance of military personnel to extremist ideology were identified by comparing test and evaluation data. The disposition to ideology of extremism can be defined through such diagnostic parameters as «social distance», «reluctance to change», «authoritarian submission» and «aggression», «destructiveness and obscenity», «exaggerated importance of the force», etc. These personal features can be reckoned as a generalised psychological profile of an individual committed to extremist ideology. The highlighted indicators such as «Tolerance», «Signs of commitment to extremist ideology», «Ethnic attitudes», «Intolerant convictions» combine signs denoting an increased probability of an individual being involved in improper activities. A degree of impact (specific weight) of component factors on formation of propensity of a military to the ideology of extremism is exposed. According to the research report it is confirmed that the designed questionnaire «Assessment of tolerance to manifestations of extremism ideology» enables to detect the diagnostic parameters of tolerance of military personnel to extremist ideology. The approach permits to reckon the diagnostic indicators of tolerance to extremist ideology in forming specific research toolkit (questionnaires, forms, etc.). The material aims to improve psychodiagnostic and psychoprophylactic activities with the Armed Forces personnel of the Russian Federation.

Key words: diagnostic indicators, tolerance to extremist ideology, propensity to extremism, intolerance, diagnostic factor, component, psychodiagnostics, psychodiagnostic assessment.

References

1. Antonova, Yu.A., Vesnina, L.E., Voroshilova, M.B. i dr. (2014). Ekstremistskij tekst i destruktivnaya lichnost': monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta. 276 p. (In Russ.).
2. Bocharov, A.V., Meshcheryakova, E.I., Larionova, A.V. (2015). Multidimensional typology of the convicted of extremism based on factor and cluster analysis of psycho-diagnostic results. Siberian journal of psychology, (55), 107-122. (In Russ.).
3. Buzykina, Yu.S.(2011). Social'no-psihologicheskie harakteristiki i otnoshenie k proyavleniyam ekstremizma u studentov vuza i uchashchihsya shkoly. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. (1), 34-42. (In Russ.).
4. Grigor'eva, M.A., Sekach, M.F., Savickij, A.A. (2017). Psihologiya ekstremizma i terrorizma // Chelovecheskij capital, 2, (98), 3-6. (In Russ.).
5. Davydov, D.G., Hlomov, K.D. (2017). Metodika diagnostika dispozicii nasil'stvennogo ekstremizma. Psihologicheskaya diagnostika: nauchno-prakticheskaya diagnostika, 14 (1), 78-97. (In Russ.).
6. Davydov, N.G. (2017). The personal dispositions of violent extremism. Psychology and Law, 7 (1), 106-121. doi: 10.17759/psylaw.2017070109. (In Russ.).
7. Dvorynchikov, N.V., Enikolopov, S.N., Sokolskaya, M.D., Fursova, I.A. (2010). The value orientations of right-wing extremists. Psychological Science and Education, (5), 92-103. (In Russ.).
8. Ekimova, V.I., Kokurin, A.V., Orlova, E.A., Stegnin, E.D. (2017). Chetyre shaga ot tolerantnosti do ekstremizma: ponyatijno-fenomenologicheskij analiz. Yuridicheskaya psihologiya, (4), 14-19. (In Russ.).
9. Filimonov, O.V. (2016). Ekstremistskij diskurs v sovremennoj informacionnoj srede. Policejskaya deyatel'nost', (4). (In Russ.).
10. Kazberov, P.N. (2016a). O psihoprofilakticheskoy programme po protivodejstviyu rasprostraneniyu ekstremizma sredi osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, 1 (164), 13-15. (In Russ.).
11. Kazberov P.N. (2016b) Vozmozhnosti tipologizacii social'no-psihologicheskikh i ugolovno-ispolnitel'nyh harakteristik osuzhdennyh za prestupleniya ekstremistkoj napravlenosti. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya (1), 75-80. (In Russ.).
12. Karayani, A.G. (2010). About the role of psychology in terrorism prevention. National Psychological Journal, (2), 37-40. (In Russ.).
13. Kaftan, V.V. (2015). Protivodejstvie terrorizmu: Uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury. Moscow: Yurajt. 262 p. (In Russ.).

14. Klejberg, Yu.A. (2014). Social'naya psihologiya deviantnogo povedeniya. Moscow: TC «Sfera». Pp. 141-154. (In Russ.).
15. Koreblev, S.E., Krasnenkova, S.A. Social'no-psihologicheskaya harakteristika idejnyh i pravovyh komponentov ekstremistskoj deyatel'nosti. Pravo i obrazovanie. (8), 72-79. (In Russ.).
16. Majkova, E.S., Bonkalo, T.I. (2013). Psychological characteristics of the adolescents inclined to extremist behavior. Scientific Notes of the Russian State Social University, (2), 123-125. (In Russ.).
17. Meshcheryakova, E.I., Larionova, A.V., Karelin, D.V., Kozlova, N.V. (2018). Extremist orientation of the person in legal and psychological knowledge. Psychology and Law, 8 (3), 123-134. doi: 10.17759/psylaw.2018080309. (In Russ.).
18. Petrov, V.E. (2018). Ocenka tolerantnosti voennosluzhashchih k ekstremistskoj ideologii. Nauchnye issledovaniya i obrazovanie. M.: NOU VPO MIGUP, (30) 56-58. (In Russ.).
19. Serdyuk, N.V., Grishenko, L.L., Stolyarenko, A.M. (2018). Psychological and pedagogical aspects of the prevention of extremism in youth. Psychology and Law, 8 (3), 167-178. doi: 10.17759/psylaw.2018080312. (In Russ.).
20. Yudina, A.I., Kudrin, V.S. (2016). Ekstremizm v molodezhnoi srede: analiz sostoyaniya sovremennoi sotsial'no-kul'turnoi situatsii. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii, 2 (38). (In Russ.).
21. Geoff, Dean G., Graeme, Pettet G. (2017). The 3 R's of risk assessment for violent extremism. Journal of Forensic Practice, 19 (2), 91-101. <https://doi.org/10.1180/10.1108/JFP-07-2016-0029.2016.1198413>.
22. Monahan, J. (2012). The individual risk assessment of terrorism. Psychology, Public Policy, and Law, 18 (2), 167-205. <http://dx.doi.org/10.1037/a0025792>.
23. Sarma, K.M. (2017). Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. American Psychologist, 72 (3), 278-288. <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000121>.
24. Weine, S., Eisenman, D.P., Kinsler, D., Gilk, D.C., Polutnik, C. (2017). Adressing violent extremism as public health policy and practice. Behavior Sciences of Terrorism and Political Aggression, 9 (3), 208-221. <https://doi.org/10.1080/19434472.2016.1198413>.

Психология профессиональной деятельности адвоката

Морозов А.В., доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр ФКУ «НИИ ФСИН России» (*doc_morozov@mail.ru*)

Жданов С.П., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин, ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» (*zhdanov120009@yandex.ru*)

Красавчикова Л.И., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
нотариата, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)» (*larisa.krasavchikova@yandex.ru*)

Бианкина А.О., доктор философии, ректор, АНО ВО «Институт социальных наук»
(*info5@socius.ru*)

Калиновская В.С., ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин, АННИО
«МИИГУ имени П.А. Столыпина»; научный сотрудник НОЦ «Правовые исследования»,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (*vi.arhipova@yandex.ru*)

Профессиональная деятельность адвоката является одной из наиболее сложных с точки зрения психологии юридической деятельности. Статья посвящена изучению психологических особенностей профессиональной деятельности адвоката, особое внимание уделяется личности практикующего адвоката и преодолению кризисных психо-эмоциональных ситуаций в профессиональной деятельности. Авторами в рамках исследования проведен анонимный опрос среди адвокатов нескольких субъектов Российской Федерации для выявления наиболее стрессовых аспектов профессиональной деятельности, а также анонимный опрос среди руководителей адвокатских образований — для анализа их осведомленности о психо-эмоциональном состоянии сотрудников. Проанализированы данные зарубежных и отечественных исследований, посвященных изучению отдельных аспектов деятельности юристов. Авторами формулируется вывод о психо-эмоциональных особенностях работы адвоката, качествах адвоката, способствующих более эффективной работе, предлагаются практические рекомендации по минимизации стресса в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональный стресс, психологическое здоровье, стресс в работе адвоката, профилактика стресса в профессиональной деятельности адвоката.

Для цитаты:

Морозов А.В., Жданов С.П., Красавчикова Л.И. и др. Психология профессиональной деятельности адвоката. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 84-94.

doi: 10.17759/psylaw.2019090206

For citation:

Morozov A.V., Zhdanov S.P., Krasavchikova L.I. et al. The psychology of advocacy work. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.84-94. doi: 10.17759/psylaw.2019090206

Психологическое здоровье является деликатной темой, которую зачастую не принято обсуждать в обществе, а особенно в трудовом коллективе. За последнее десятилетие единодушный призыв к большему пониманию физиологического и профессионального стресса отозвался во всем мире. Кроме того, многие работодатели начали понимать, что эффективность работы сотрудников во многом зависит от их эмоционального состояния. Профессиональный стресс — термин, используемый для определения постоянного стресса, связанного с работой. Как и в случае с другими формами напряжения, профессиональный стресс может в конечном итоге повлиять как на физическое, так и на эмоциональное благополучие, если к нему не будет применяться эффективная терапия. Стресс влияет как на индивидуума, так и на группу людей, например, коллег, а также в некоторых случаях может сказаться на работе организации в целом [6].

Уровень стресса человека может повышаться из-за различных факторов, в частности таких, как личностные особенности, ролевые конфликты или должностные обязанности [2]. Перегрузка обязанностями, неоднозначность обязанностей, конфликты, групповое давление, повышенная ответственность, несоответствие статуса, отсутствие прибыльности — наиболее популярные причины профессионального стресса. Социальные, психологические факторы, индивидуальные факторы и восприятие также являются факторами профессионального стресса. Несмотря на достигнутый прогресс, проблема все еще сохраняется: рабочее место может быть стрессовым по своей природе, а чрезмерное количество стрессоров может привести к ухудшению психологического здоровья. При этом остаются вопросы: какие профессии наиболее стрессовые? Как избежать стресса на работе? Что может сделать работодатель для психологического благополучия своих сотрудников?

Большинство исследований, посвященных изучению профессионального стресса, направлено на анализ двух явлений: неудовлетворенность работой и депрессия. Неудовлетворенность работой представляет собой субъективную конструкцию, характеризующуюся негативными чувствами к работе, которые могут быть спровоцированы различными стрессовыми ситуациями или личностными особенностями работника [4; 7]. Депрессия в результате профессионального стресса может быть идентифицирована по снижению способности решать проблемы или справляться с трудностями на работе, потере мотивации, грусти или чувству беспомощности, которые почти всегда существуют вместе со снижением производительности. Принципиальное различие заключается в том, что работник, не удовлетворенный своей профессиональной деятельностью, имеет силы изменить ситуацию в том или ином контексте, например, сменить организацию или рабочее направление, а в случае депрессии сил на решение проблемы, как правило, уже нет и, чаще всего, требуется помощь специалиста.

Ежедневная работа юристов характеризуется постоянным давлением сроков и обстоятельств, усложнением законов и правовых процедур, необходимостью постоянного обновления информации о юриспруденции, доктрине и законах, высоким уровнем

требований со стороны клиентов, конкуренцией с коллегами, систематическими переработками, постоянным интеллектуальным напряжением, контактом с конфликтами, агрессией и обвинениями. Немаловажной спецификой является регулярное участие адвоката в сложных и противоречивых процессах, нередко требующих внутренней борьбы с личными моральными ценностями. Кроме того, большинство адвокатов вынуждены смиряться с отсутствием достаточного времени на семью, хобби и отдых. Все это очень сильно влияет на психологическое здоровье юристов, заставляя их испытывать повышенный уровень стресса.

На сегодняшний день все больше юристов в своей профессиональной деятельности сталкиваются с различными психо-эмоциональными проблемами, в частности, речь идет об эмоциональном и профессиональном выгорании, бессоннице, низкой производительности и болезнях, связанных со стрессом, об отсутствии баланса личной и профессиональной жизни. Все вышеперечисленное обусловлено постоянным психо-социальным диссонансом между личностью юриста, его руководством, властью, статусом, обслуживанием потребностей клиентов, интеллектуальными проблемами и другими, не менее значимыми факторами.

Психологическое состояние работников сферы юриспруденции является объектом пристального внимания со стороны ученых последние несколько десятилетий, особенно, за рубежом. Проведение постоянных исследований способствует более глубокому пониманию факторов риска, влияющих на психологическое здоровье юристов, и позволяет оценить текущую ситуацию в сфере юриспруденции. Целью данной статьи является анализ наиболее известных зарубежных и отечественных исследований, а также представление и обсуждение результатов проведенного нами исследования, направленного на выявление наиболее проблемных аспектов профессиональной деятельности адвоката и осведомленности работодателей о психологическом состоянии своих сотрудников.

Вопрос о психологическом состоянии юристов, и в особенности адвокатов, впервые был поднят в США из-за перманентно увеличивающихся обращений представителей данной специальности за психологической помощью. Начиная с 80-ых гг. прошлого столетия было проведено огромное количество исследований посвященных изучению стресса в профессиональной деятельности юриста, зависимостей среди юристов, количества самоубийств и депрессивных расстройств. Ниже будут приведены наиболее интересные, на наш взгляд, зарубежные исследования в данной сфере из различных государств и различные по времени проведения.

Исследование, проведенное в Австралии в 2016 г., показало, что по сравнению с другими специалистами юристы страдают от более низкого уровня психологического и психосоматического благополучия. В частности было обнаружено, что злоупотребление психоактивными веществами у юристов встречается в два раза чаще, чем в иных профессиях. Кроме того, в рамках данного исследования отмечалось, что в юридических фирмах распространена проблема запугивания, отмечалось, что 58,4% адвокатов хотя бы единожды подвергались шантажу и запугиванию во время своей работы [11].

Новые исследования канадских ученых показывают, что юристы тем чаще сталкиваются с проблемами психического здоровья, чем успешнее в своей области. В исследовании Университета Торонто, проведенном Д. Колтаем, сравниваются два национальных опроса тысяч юристов, проведенных в Канаде и Соединенных Штатах. В обеих странах исследователи обнаружили сильную корреляцию между признаками

депрессии и традиционными показателями карьерного успеха. Адвокаты, работающие в крупных компаниях частного сектора, которые считаются наиболее престижными, чаще всего испытывали депрессивные симптомы. Исследование Д. Колтая показало, что чем крупнее фирма и чем выше должность, тем больше вероятность того, что у адвоката появятся симптомы депрессии [9].

Ежегодные исследования проводятся Обществом юристов Великобритании с целью определения уровня стресса у юристов на занимаемых ими должностях. Кроме того, исследования необходимы для того, чтобы помочь выявить основную проблему, провоцирующую стресс и минимизировать его. Последнее проведенное исследование показало, что 90% молодых юристов говорят о постоянном стрессе и давлении на рабочем месте и более половины из них считают, что в результате они не смогут справиться с этим самостоятельно. В связи с этим Общество юристов Великобритании планирует выпустить руководство для работодателей по наилучшей практике поддержки начинающих юристов и других сотрудников [9].

Различные исследования, проведенные в Северной Америке, показывают, что юристы страдают от депрессии в два раза чаще, чем население в целом, и в три раза чаще, чем работники иных сфер. Это же исследование показало, что юристы в два раза чаще становятся алкоголиками и думают о самоубийстве. Кроме того, было отмечено, что юристы чаще обращаются к безрецептурным лекарствам и алкоголю, чтобы справиться со своими депрессивными симптомами, чем их сверстники из иных профессиональных сфер; в результате каждый третий занимается самолечением [8].

В другом исследовании, проведенном в Канаде, Уоллесом были изучены личные, семейные и профессиональные жизненные требования, а также стратегии, которые они использовали для удовлетворения этих требований. В исследовании участвовал 121 юрист из крупных и средних канадских юридических фирм [12; 13]. Собранные данные показали, что респонденты всегда ставили свою профессиональную деятельность в качестве своего основного приоритета, поэтому они обычно работали в среднем по 50 часов в неделю, что обычно включало ночи и выходные. По их мнению, такая перегрузка представляла собой один из главных стрессовых в их жизни, заставляя их чувствовать себя неудовлетворенными тем фактом, что эта ситуация не позволяет им проводить достаточно времени на отдыхе и в кругу семьи. Чтобы справиться со стрессом, который вызывает профессия, обычно использовались стратегии поиска социальной поддержки со стороны семьи и друзей или работы на дому.

Стоит отметить, что проведенные исследования в основном описывают лишь распространенность эмоционального стресса среди юристов, но ни одно из них не рассматривает влияние стресса на их профессиональную работоспособность. Однако не стоит сомневаться в том, что данное влияние существует. Любой профессиональный стресс рано или поздно приводит к снижению производительности. Адвокаты в значительной степени полагаются на свое здравое суждение и способность ясно и беспристрастно мыслить, а эмоциональный стресс по самой своей природе нарушает эти интеллектуальные функции. Таким образом, можно сделать вывод, что необходимо проведение дополнительных исследований, посвященных изучению взаимосвязи эмоционального состояния и производительности [3].

Как видно из проанализированных выше данных, за рубежом проведение исследований по удовлетворенности людей своей работой, в частности в сфере юриспруденции, является обычной практикой. Аналогичное исследование было проведено в России по инициативе Д. Бердина, Е. Грибкова и Ю. Зачека. В проведенном опросе участвовали 100 юристов, работающих в различных направлениях. Опрашиваемые должны были ответить на 23 вопроса, содержание которых было посвящено взаимоотношениям с коллективом, руководством, уровню загруженности на работе, свободному времени, карьерным перспективам, удаленной работе. Отмечалось, что наиболее активными участниками оказались юристы со стажем профессиональной деятельности более 10 лет. Результаты исследования показали, что для 62% опрошенных работа является отчасти стрессовой, а для 23% — чрезмерно стрессовой. Кроме того, 46% опрошенных отметили, что занимаются на работе не тем, что им интересно и в чем у них бы получилось работать лучше всего [1]. Половина респондентов отметили, что хотят продолжать развиваться, работая в своей нынешней компании, другая часть желают сменить либо организацию, либо направление работы, либо вовсе сменить свою профессию (каждый пятый респондент). Также проведенный в рамках исследования опрос показал, что 42% юристов считают, что их заработок не в полной мере компенсирует затраченные усилия, а 7% высказывают мнение об абсолютной недостаточности своей заработной платы.

В рамках написания статьи нами было проведено собственное исследование, направленное на выявление дел, являющихся наиболее стрессовыми и эмоционально-затратными для практикующих адвокатов. Исследование проводилось путем анонимного письменного опроса 120 адвокатов в различных адвокатских образованиях 5 субъектов Российской Федерации, стаж работы которых превышает 10 лет. Опрос проводился в период с 20 июля по 20 августа 2018 г. и содержал ряд вопросов, направленных на выявление дел, которые были наиболее сложными с точки зрения психо-эмоциональных затрат, отнимали больше всего рабочего времени, требовали дополнительного времени сверх рабочих часов для их подготовки и являлись наиболее непредсказуемыми и непрогнозируемыми в части окончательного результата.

Было установлено, что наибольший стресс вызывают уголовные дела связанные тяжкими и особо тяжкими преступлениями, а также бракоразводные процессы. Кроме того, респондентами было отмечено, что высокой эмоциональной отдачей требуют противоречивые судебные процессы, где ни одна из сторон не является однозначно правой, и процессы, в которых адвокату необходимо выступать с защитой, так как в некоторых случаях это может требовать борьбы с собственными моральными убеждениями. Также был проведен анонимный, письменный опрос среди руководителей адвокатских образований 5 субъектов РФ с целью анализа представлений о степени их осведомленности о психо-эмоциональном состоянии своих сотрудников. Было задано два вопроса. Первый вопрос — о том, обращались ли сотрудники с жалобами на постоянный стресс, и/или с просьбой изменить каким-либо образом условия их труда, например, позволить работать дистанционно несколько часов в день (в удаленном доступе). Результаты представлены на рис. № 1.

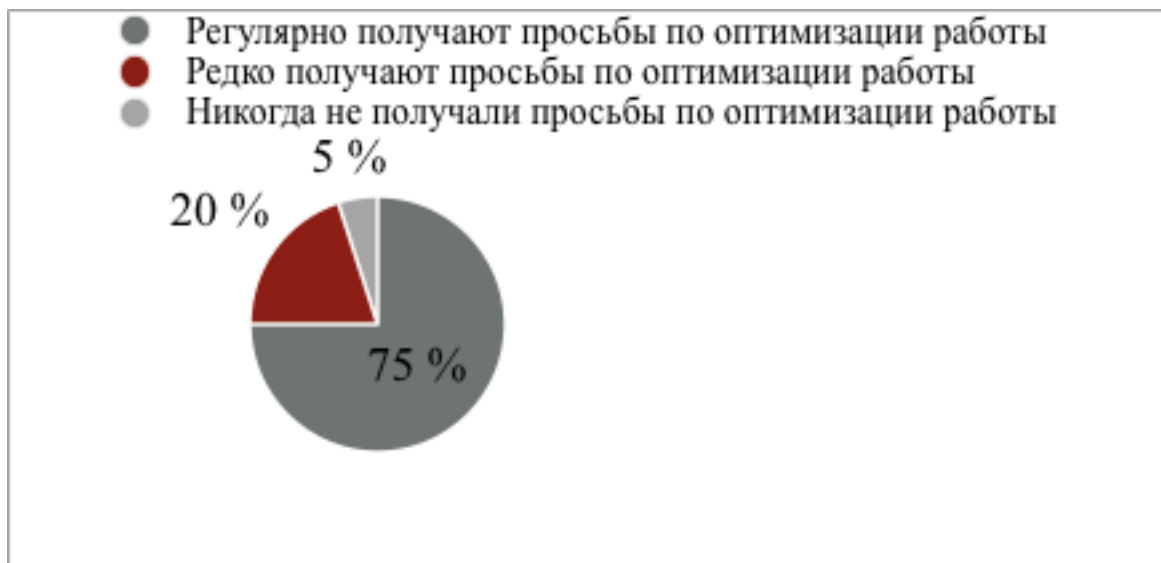

Рис. 1. Степень осведомленности руководителей о психоэмоциональном состоянии своих сотрудников, обусловленном их обращениями по проблеме оптимизации условий труда

Второй вопрос касался информированности руководителей о фактах обращений сотрудников за психологической помощью. Полученные результаты представлены на рис. № 2.

Рис. 2. Осведомленность руководителей о фактах обращений сотрудников за психологической помощью

Полученные нами в ходе исследования результаты позволяют сделать выводы о наиболее стрессовых направлениях работы современного адвоката, требующих от него наибольшей эмоциональной отдачи. Можно также отметить следующую положительную, на наш взгляд, тенденцию: работники говорят работодателям о необходимости оптимизации своего рабочего времени с целью предупреждения негативных проявлений и последствий стрессового воздействия и повышения производительности труда. Вместе с тем, считаем необходимым акцентировать внимание на том факте, что менее половины работодателей в сфере юриспруденции осведомлены о психологических проблемах своих сотрудников, что

свидетельствует о недостаточном внимании со стороны большинства руководителей к психо-эмоциональным проблемам подчиненных, а также о их нежелании вникать в обозначенную нами проблему и менять что-либо в организации профессиональной деятельности адвоката в лучшую сторону.

В заключении считаем необходимым отметить, что стрессовые проявления в работе юриста являются общемировой тенденцией, что подтверждается исследованиями, проведенными в разных государствах, в том числе, и в Российской Федерации. Многие юридические фирмы и компании уже осознают проблему чрезмерного профессионального стресса в сфере юриспруденции и готовы создавать условия для его предупреждения, например, уменьшают требования к выработке или создают возможности для дистанционной работы своих сотрудников. Очевидно, что абсолютно избавиться от стресса на работе невозможно, однако можно приложить усилия к его минимизации. При этом важна заинтересованность, как самого работника, так и его работодателя.

Как отмечает П. Спатаро, важной частью снижения стресса является создание единой положительной корпоративной культуры, в которой возможна взаимопомощь и взаимовыручка [1]. Важность обратной связи не только между сотрудниками, но и между сотрудниками и работодателем подчеркивается А. Саливон: «Важна эффективная обратная связь: и вы, и ваш босс — не телепаты, чтобы догадываться, чем именно вам хотелось бы заниматься, счастливы ли вы в коллективе, довольны ли зарплатой и пр.» [1]. Безусловно, при недостаточной коммуникации и отсутствии системы наставничества карьерный рост внутри организации будет замедляться. Другой важной частью в решении вопроса о минимизации профессионального стресса является увеличение свободного времени адвоката. Отмечается, что почти 80% юристов считают физические упражнения одним из наиболее эффективных методов отвлечения внимания от работы и борьбы со стрессом и поэтому хотели бы больше времени уделять спорту. Между тем более 70% сказали, что общение с семьей наилучшим образом помогает им расслабиться. Наряду с проведением качественного времени с семьей и физическими упражнениями, 70% юристов заявили, что хотели бы иметь больше времени на хобби, в то время как 61% отметили, что хотели бы больше путешествовать [10]. Удовлетворить данную потребность сотрудников возможно путем оптимизации трудового времени. В частности, можно разрешить выполнять часть работы дистанционно, либо предоставить возможность дистанционной работы 1—2 дня в неделю. Полезным может оказаться привлечение к работе проектных менеджеров, которые помогут грамотно распределить задачи между сотрудниками организации с учетом их квалификации, нагрузки и навыков.

Отдельно следует отметить, что, как уже упоминалось ранее, некоторые случаи не решаются дополнительным отдыхом или гибким рабочим графиком. Перечисленные выше способы минимизации стресса могут помочь избавиться от неудовлетворенности работой, но при возникновении симптомов депрессии (субдепрессии) необходимо обращаться за помощью к специалистам. В данном случае в рамках организации можно создать корпоративную культуру [5], благодаря которой психологические проблемы не будут восприниматься как неизбежность, обусловленная специфическими особенностями профессиональной деятельности, а также провести работу по информированию сотрудников об их ресурсах, как личных так и профессиональных. При длительном стрессовом состоянии, проявлениях депрессии или попытках употребления психоактивных веществ необходимо немедленно обратиться за профессиональной помощью.

В заключении также следует отметить важность проведения специальных исследований в сфере анализа проявлений стресса в профессиональной деятельности адвоката с целью разработки научно-обоснованных рекомендаций и мер по профилактике стрессовых расстройств, приводящих на практике к синдрому эмоционального выгорания, а также личностным деформациям. Исследования помогут глубже изучить факторы, влияющие на профессиональный стресс, и найти пути его минимизации.

В рамках дальнейших исследований было бы интересно рассмотреть влияние отдельных факторов на профессиональный стресс, таких, например, как личностные особенности. С другой стороны, влияние стресса на карьеру адвоката и его семью также следует исследовать дополнительно. Все это, несомненно, будет способствовать дальнейшим исследованиям стресса у юристов, особенно в отношении индивидуальных детерминант и последствий для отдельных лиц, семей, клиентов и общества, в целом. Снижение уровня напряженности, приводящего к возникновению профессионального стресса в работе адвоката является комплексной задачей, справиться с которой можно только при постоянном диалоге между сотрудниками и работодателями, в некоторых случаях — с привлечением психологов, социологов или других профильных специалистов.

Литература

1. *Бедрин Д., Грибкова Е., Зачек Ю.* Главные источники стресса в профессии юриста // *Legal Insights*. 2017. № 8. С.59—61.
2. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
3. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // *Экспериментальная психология*. 2014. № 1.С. 24—36.
4. *Леньков С.Л., Рубцова Н.Е.* Тенденции изменений профессионального развития и подходов к его психологическому изучению // *Организационная психология и психология труда*. 2017. № 2. С. 31—59.
5. *Морозов А.В., Муждабаева М.В.* Корпоративная культура современной организации: формирование и внедрение // *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики*. 2006. № 2. С. 63-64.
6. *Морозов А.В., Чебыкина А.В.* Влияние стресса на профессиональную работоспособность и профессиональное долголетие специалистов // *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики*. 2011. № 3-1. С. 83-84.
7. *Рубцова Н.Е., Леньков С.Л.* Психолого-педагогические модели профессионального становления: кросс-культурный анализ // *Человек и образование*. 2015. № 1(42). С. 123—128.
8. *Costa M., Ferreira M.* Fontes e Reações de Estresse em Advogados Brasileiros // *Paidéia*.2014.Vol. 24(57).P. 49—56. doi:10.1590/1982-43272457201407
9. Kriti P., Jayashree N., R. Shekhar S Occupational Stress and Burnouts as Predictors of Job Satisfaction Amongst Lawyers in District Sangli // *National journal of medical*

research. 2012.Vol. 2.P. 141—144.

10. Lawyers and the pursuit of happiness [Электронный ресурс]. London, 2016, 12 с. // Keystone Law Limited. URL: https://keystonelaw.co.uk/application/files/5714/7626/1331/Lawyer_Happiness_Survey_HR.pdf (дата обращения: 8.01.19).
11. *Leignel S., Schuster J.-P., Hoertel N., Poulain X., Limosin F.* Mental health and substance use among self-employed lawyers and pharmacists // *Occupational Medicine*. 2014. Vol. 3.P. 166—171.
12. *Wallace J.E. Joudrey A.D.* Leisure as a coping resource: A test of the job demand-control-support model // *Human Relations*. 2009. Vol. 2. P. 5—15. <https://doi.org/10.1177/0018726708100357>
13. *Wallace J.E.* Juggling it all: Exploring lawyer's work, home, and family demands and coping strategies: Report of stage on findings. Newton, PA: Law School Admission Council, 2002. 69 p.

The Psychology of Advocacy Work

Morozov A.V., PhD in Education, Professor, Chief Researcher of the Research Center, SRI FPS of the Russian Federation, Moscow, Russia (doc_morozov@mail.ru)

Zhdanov S.P., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law, Russian Customs Academy, Moscow, Russia (zhdanov120009@yandex.ru)

Krasavchikova L.I., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer, Department of Notaries, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLU), Moscow, Russia (larisa.krasavchikova@yandex.ru)

Biankina A.O., PhD, Rector, Institute of Social Sciences, Moscow, Russia (info5@socius.ru)

Kalinovskaya V.S., Assistant of the Department of State and Legal Disciplines, International Institute of Informatization and Public Administration named after of P.A. Stolypin; Researcher, SEC "Legal Studies", People Friendship University of Russia», Moscow, Russia (vi.arhipova@yandex.ru)

Advocacy work is one of the most complicated activity from the standpoint of psychology of legal profession distinguished by a variety of professional tasks and their considerable intellectual and emotional intensity. The article is devoted to the research of psychological characteristics of the advocacy work with an emphasis on the practicing lawyers as well as on overcoming crisis psycho-emotional situations at work. The authors conducted an anonymous survey among legal advisers of several regions of the Russian Federation to identify the most stressful aspects of their work as well as an anonymous survey among the heads of legal practices that demonstrates their awareness about psycho-emotional state of their subordinates. Data from foreign and local studies of certain aspects of advocacy work were analysed. The authors make a conclusion about psycho-emotional aspects of advocacy work and lawyers qualities supporting more productive activity. The practical recommendations that minimise work stress level is developed and articulated.

Key words: professional stress, legal adviser's stress, lawyer's stress, psychology of advocacy work.

References

1. Bedrin D., Gribkova E., Zachek Yu. Glavnye istochniki stressa v professii yurista [The main sources of stress in the legal profession] // Legal Insight [Legal Insight], 2017, 8, pp. 59-61
2. Vodop'yanova N.E. Psikhodiagnostika stressa [Psychodiagnosics of stress]. Saint-Petersburg: Izd-vo Piter, 2009. 336 p.
3. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika S. Badnera [Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in the modification of S. Badner's questionnaire] //

Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology], 2014, 1, pp. 24-36. (In Russ., abstr. in Engl.)

4. Len'kov S.L., Rubtsova N.E. Tendentsii izmenenii professional'nogo razvitiya i podkhodov k ego psikhologicheskomu izucheniyu [Tendencies of changes in professional development and approaches to its psychological study]// Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda [Organizational psychology and psychology of labor], 2017, no. 2, pp. 31-59. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Morozov A.V., Muzhdabaeva M.V. Korporativnaya kul'tura sovremennoj organizatsii: formirovanie i vnedrenie [Corporate culture of modern organizations: the formation and implementation] // Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i ergonomiki [Human factor: problems of psychology and ergonomics], 2006, № 2, pp. 63-64.
6. Morozov A.V., Chebykina A.V. Vliyanie stressa na professional'nuyu rabotosposobnost' i professional'noe dolgoletie specialistov [Influence Of stress on professional performance and professional longevity of specialists] // Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i ergonomiki [Human factor: problems of psychology and ergonomics], 2011, № 3-1, pp. 83-84.
7. Rubtsova N.E., Len'kov S.L. Psikhologo-pedagogicheskie modeli professional'nogo stanovleniya: kross-kul'turnyi analiz [Psychological and pedagogical models of professional development: cross-cultural analysis] // Chelovek i obrazovanie [Human and education], 2015, no. 1(42), pp. 123-128. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Costa M., Ferreira M. Fontes e Reações de Estresse em Advogados Brasileiros // Paidéia, 2014, no. 24, pp. 49-56. doi:10.1590/1982-43272457201407
9. Kriti P., Jayashree N., R. Shekhar S Occupational Stress and Burnouts as Predictors of Job Satisfaction Amongst Lawyers in District Sangli // NATIONAL JOURNAL OF MEDICAL RESEARCH, 2012, no. 2, pp. 141-144.
10. Lawyers and the pursuit of happiness [Elektronnyi resurs]. London, 2016, 12 p. // Keystone Law Limited. URL: https://keystonelaw.co.uk/application/files/5714/7626/1331/Lawyer_Happiness_Survey_HR.pdf (Accessed 8.01.19)
11. Leignel S., Schuster J.-P., Hoertel N., Poulain X., Limosin F. Mental health and substance use among self-employed lawyers and pharmacists // Occupational Medicine, 2014, no. 3, pp. 166—171.
12. Wallace, J.E., Joudrey A.D., Leisure as a coping resource: A test of the job demand-control-support model. // Human Relations, 2009, no. 2, pp. 5-15. <https://doi.org/10.1177/0018726708100357>
13. Wallace , J. E. Juggling it all: Exploring lawyer’s work, home, and family demands and coping strategies: Report of stage on findings . Newton, PA : Law School Admission Council, 2002, 69 p.

Представления пенитенциарных психологов об особенностях межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным

Миронова О.И., профессор кафедры социальной, общей и клинической психологии, ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» (*miroнова_oksana@mail.ru*)

Ушков Ф.И., старший преподаватель кафедры экстремальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (*ushkov.f.i@yandex.ru*)

В статье представлены подходы к изучению в отечественной психологической науке природы межличностного контакта и результаты изучения представлений пенитенциарных психологов относительно цели, функций, стадий, приемов установления межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным. Результаты, приведенные в статье, получены на основе исследования, в котором приняли участие 50 пенитенциарных психологов воспитательных колоний Российской Федерации. С целью выявления представлений психологов о межличностном контакте применялись методика неоконченных предложений и методика написания сочинения. В результате проведенного исследования выявлено, что эффективный межличностный контакт в профессиональной деятельности пенитенциарного психолога является одним из значимых аспектов в его профессиональной деятельности и обуславливает готовность подростка к дальнейшей психологической работе, способствует формированию доверительных отношений, оптимизации эмоционального состояния подростка, сбору необходимой для психолога информации, дает возможность оказывать позитивное влияние на несовершеннолетнего осужденного в процессе его ресоциализации.

Ключевые слова: межличностный контакт, пенитенциарная психология, несовершеннолетний осужденный, психологическое сопровождение, эффективная деятельность пенитенциарного психолога.

Для цитаты:

Миронова О.И., Ушков Ф.И. Представления пенитенциарных психологов об особенностях межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 95-111.

doi: 10.17759/psylaw.2019090207

For citation:

Mironova O.I., Ushkov F.I. Representations of penitentiary psychologists about specificities of interpersonal contact with a convicted juvenile. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.95-111. doi: 10.17759/psylaw.2019090207

Введение. Социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, основываются на идее гуманизации различных сфер жизнедеятельности человека. В связи с этим меняются подходы в работе учреждений, исполняющих наказания, в части совершенствования и развития психологического обеспечения инвалидов, осужденных женщин и несовершеннолетних осужденных. На первый план выходит содержание и качество работы пенитенциарных психологов. Один из значимых аспектов их практической деятельности связан с умением устанавливать, развивать и поддерживать межличностный контакт. Особое внимание в этом вопросе уделяется категории несовершеннолетних осужденных, которые требуют к себе индивидуального подхода в связи с возрастными особенностями и психологической уязвимостью.

В отечественной психологической науке детально изучением природы межличностного контакта занимались Б.Д. Парыгин [4], Л.Б. Филонов [6], Е.Л. Доценко [1], О.И. Миронова [3] и др. Понятие психологического контакта Б.Д. Парыгин использует для рассмотрения параметров процесса общения, и, собственно, любые акты общения, с точки зрения ученого, предполагают установление контакта. Л.Б. Филонов [6], напротив, полагает, что не каждый акт общения можно назвать психологическим контактом; атрибутивной характеристикой данного вида общения является психологическое сближение людей на эмоциональном, смысловом, ценностном уровнях, при этом показателями контакта выступают его плотность и глубина. Выделив в отдельную научную категорию феномен межличностного контакта, Л.Б. Филонов впервые охарактеризовал сущность этого феномена, на инструментальном уровне обозначил и содержательно раскрыл стадии установления межличностного контакта, описав его основные функции, приемы, психологические барьеры, возникающие на каждой из стадии. Современные исследования проблемы межличностного контакта углубляют его изучение как явления смысловой сферы личности, когда межличностный контакт представляет собой «... процесс, который запускает взаимодействие между субъективными мирами участников контакта, разделенными границей, и способствует созданию совместных смысловых структур» [2, с. 404].

Важными для изучения заявленной проблемы являются психологические феномены вынужденности [7] и вынужденного контакта, который определяется как «... психологическая связь субъекта с другим, прежде всего, негативно значимым, заданная сложившейся ситуацией и предполагающая взаимодействие, осуществление которого вызывает у субъекта внутренний конфликт; с одной стороны, присутствует неприятие и сопротивление взаимодействию, с другой стороны, – понимание его необходимости, потенциальной значимости для деятельности, наполненной для субъекта личностным смыслом» [4, с. 23]. Межличностный контакт несовершеннолетнего осужденного и психолога исправительного учреждения, несомненно, носит вынужденный характер и требует от психолога высокого уровня развития профессиональных компетенций [5].

Несмотря на имеющиеся исследования в психологической науке проблемы межличностного контакта, работ, связанных с его изучением в отдельных сферах жизнедеятельности, в том числе в пенитенциарной сфере, очень мало.

В настоящей статье приведены результаты исследования, целью которого являлось изучить представления психологов о сущности межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным, его структурно-содержательных характеристиках (приемы, задачи, результаты, этапы и пр.). Были поставлены следующие **задачи**:

- выявить значения, которые психологи вкладывают в понятие «межличностный контакт с осужденным»;
- определить, на что психологи обращают внимание при установлении контакта с подростком;
- описать цели, которые преследуют психологи при установлении межличностного контакта с осужденным;
- выделить этапы установления межличностного контакта с несовершеннолетним;
- описать приемы, используемые психологом для установления контакта с подростком;
- выявить качества, необходимые психологу для установления контакта с подростком;
- определить результаты установления межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным.

Метод. Выборку исследования составили 50 психологов воспитательных колоний России (42 женщины, 8 мужчин) в возрасте от 22 до 54 лет.

С целью выявления представлений психологов о межличностном контакте были использованы методика неоконченных предложений и методика написания сочинения.

В методике незаконченных предложений психологам было предложено закончить фразу: «межличностный контакт с несовершеннолетним осужденным — это...».

В методике написания сочинения участники исследования описывали ситуацию межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным, используя 7 опорных вопросов.

1. Опишите, как воспринимался Вами несовершеннолетний осужденный при первичном межличностном контакте?

2. Зачем, по Вашему мнению, нужно установление межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным?

3. Опишите последовательность Ваших действий по установлению межличностного контакта (стадии, этапы)?

4. Какие приемы Вы использовали для установления межличностного контакта?

5. Какие качества Вам помогли установить межличностный контакт?

6. Как Вы определили, что установили с несовершеннолетним осужденным межличностный контакт?

7. Результат межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным?

Статистическая обработка данных производилась в табличном редакторе Microsoft Office Excel 2007. Происходил частотный анализ высказываний психологов, расчет процентных долей, наглядное представление данных в форме графиков.

Результаты исследования. Анализ данных методики неоконченных предложений позволяет выделить 8 групп ответов психологов о межличностном контакте с несовершеннолетним осужденным (рис. 1).

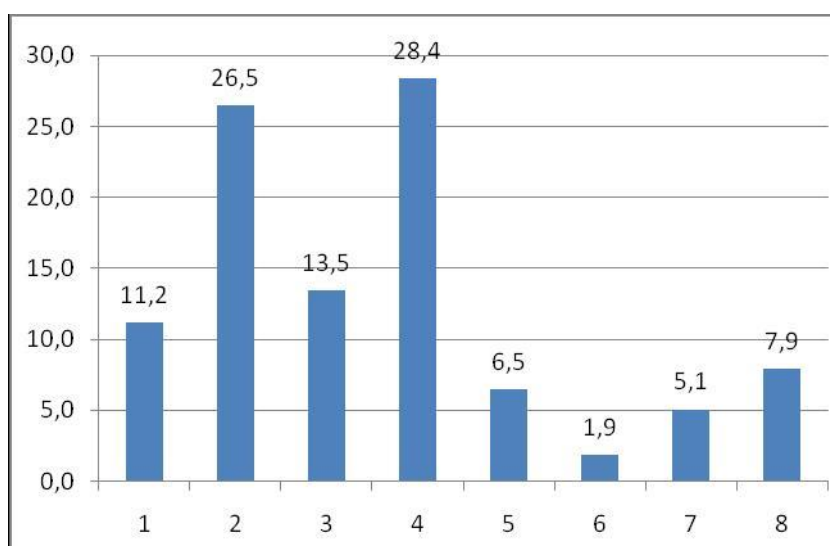

Рис. 1. Результаты анализа высказываний психологов о межличностном контакте с несовершеннолетним осужденным (в %): 1 — доверительное взаимодействие, 2 — процесс общения, 3 — вынужденный контакт, 4 — оказание психологической помощи, 5 — доброжелательное отношение к подростку, 6 — внешние условия протекания межличностного контакта, 7 — получение информации об осужденном, 8 — мотивирование подростка на психологическую работу

Из данных рис. 1 следует, что психологи воспринимают межличностный контакт как оказание психологической помощи подростку (28,4%).

В данную группу ответов вошли высказывания: «профессиональная помощь клиенту в поиске разрешения его проблемной ситуации», «помощь в осознании ситуации», «помощь в решении актуальных проблем эмоционального характера», «взаимодействие с целью выявления его проблем и оказания помощи» и др.

Межличностный контакт как процесс общения с несовершеннолетним осужденным описывается в 26,5% ответах респондентов: «взаимодействие между психологом и

несовершеннолетним», «процесс общения между психологом и несовершеннолетним», «получение нового положительного опыта общения», «установление отношений», «взаимодействие между психологом и несовершеннолетним», «положительный опыт общения», «обмен информацией», «совместная деятельность» и др.

Отдельную группу высказываний психологов образуют ответы, характеризующие межличностный контакт как вынужденный (13,5%): «это не всегда просто», «сложная, трудоемкая энергозатратная работа», «не всегда легкая задача», «моя забота», «моя ежедневная работа» и др.

При этом участники опроса подчеркивают необходимость, значимость для деятельности данного вида взаимодействия: «разговорить на тесты, которые необходимы психологу», «гибкое использование слабых и сильных сторон несовершеннолетнего», «осуществление контроля социально-психологической обстановки».

Ряд ответов респондентов (11,2%) позволяют оценить межличностный контакт с несовершеннолетним осужденным как доверительное взаимодействие. Процесс установления доверительных отношений между психологом и несовершеннолетним осужденным включает в себя, согласно высказываниям респондентов, «создание доверительной обстановки», «состояние открытости», «сохранение конфиденциальной информации».

Межличностный контакт с несовершеннолетним осужденным как возможность мотивировать его на дальнейшую психологическую работу описывается в 7,9% ответов: «залог успешной дальнейшей работы», «создание благоприятных условий для дальнейших взаимоотношений психолога и осужденного», «создание условий для дальнейшей психологической и воспитательной работы» и др.

Часть респондентов (6,5%) характеризуют исследуемое понятие как проявление доброжелательного, эмпатического отношения к подростку. Наиболее встречаемыми в данной категории являются следующие ответы испытуемых: «безоценочное восприятие осужденного», «заинтересованность», «эмпатическая позиция психолога по отношению к подростку».

5,1% опрошенных рассматривают межличностный контакт как способ получения необходимой информации о несовершеннолетнем осужденном: «получение информации об образе жизни, его семье, социальных связях, сферах интересов» «выявление явно выраженных склонностей подростков», «качеств личности несовершеннолетнего осужденного».

Незначительное количество опрошенных (1,9%) определяют межличностный контакт через внешние условия его протекания: «создание благоприятной атмосферы», «создание благоприятных условий и элементов обстановки», «то, что в разных случаях требует разного количества времени».

Таким образом, межличностный контакт с несовершеннолетним осужденным, согласно мнению психологов, представляет собой оказание психологической помощи подростку в процессе специально организованного общения.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данное общение, с одной стороны, предполагает доверительность отношений участников межличностного контакта, а с другой — этот межличностный контакт является для них вынужденным. Другими словами, психолог и подросток вынуждены доверять друг другу, в противном случае межличностный контакт между ними не состоится.

Проанализируем сочинения психологов на тему межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным по предложенным опорным вопросам.

На вопрос «Опишите, как воспринимался Вами несовершеннолетний осужденный при первичном межличностном контакте?» психологи отметили (рис. 2):

1. внешние признаки осужденного — 7,3%;
2. чувство тревоги, страха, недоверия подростка — 31,7%;
3. потребность воспитанника в помощи и поддержке — 24,4%;
4. восприятие осужденного как личность, клиента — 26,8%;
5. восприятие осужденного как негативно значимого субъекта общения — 9,8%.

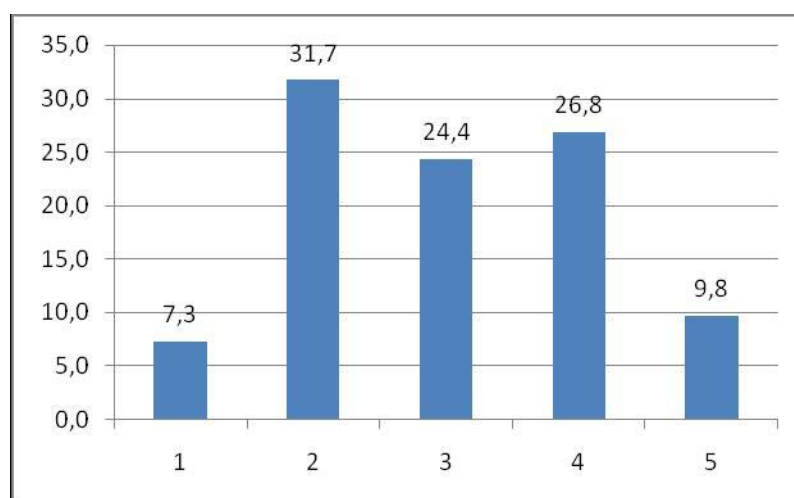

Рис.2. Восприятие несовершеннолетнего осужденного при первичном межличностном контакте (в %): 1 — внешние признаки осужденного, 2 — чувство тревоги, страха, недоверия подростка, 3 — потребность воспитанника в помощи и поддержке, 4 — восприятие осужденного, как личности, клиента, 5 — восприятие несовершеннолетнего как негативно значимого субъекта общения

Большинство психологов (31,7%), воспринимают несовершеннолетнего осужденного в процессе первичного межличностного контакта как испытывающего «чувство тревоги, страха, недоверия», «идущего на контакт с некоторой долей осторожности», «ведущего себя настороженно, напряженно», «находящегося в состоянии ситуативной тревожности». Данная категория отражает восприятие психологом актуального психоэмоционального состояния несовершеннолетнего, обусловленного ситуацией поступления в исправительное учреждение.

24,4% респондентов воспринимают несовершеннолетнего осужденного как подростка, «оказавшегося в сложной жизненной ситуации и нуждающегося в помощи и поддержке». Сложность ситуации для несовершеннолетнего воспитанника состоит в ее «неизвестности», «неопределенности ожиданий», которую он «не до конца понимает и осознает».

Восприятие осужденного как клиента, имеющего свои индивидуальные особенности («историю жизни», «установки», «взгляды, «принципы» и т. д.) прослеживается в 26,8% ответов психологов.

Восприятие несовершеннолетнего как негативно значимого субъекта общения характерно для 9,8% ответов опрошенных: «человек, который нарушил закон», «объект, с которым мне предстоит работать», «особая категория», «мне предстоит с ним работать», «к нему нужен подход».

Наименьшее количество психологов (7,3%) при встрече с воспитанником обращают внимание на внешние признаки осужденного (внешность, особенности одежды и пр.).

Анализируя полученные результаты, можно констатировать, что психологами воспринимается в первую очередь эмоциональное состояние подростка, его потребность в психологической помощи и поддержке.

На вопрос «Зачем, по Вашему мнению, нужно установление межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным?» психологи ответили (рис. 3):

1. для дальнейшего психологического сопровождения — 31,8%;
2. для установления доверительных отношений — 22,7%;
3. для сбора информации, необходимой для психолога — 16,7%;
4. для оптимизации эмоционального состояния подростка — 21,2%;
5. для оказания влияния на осужденного — 7,6%.

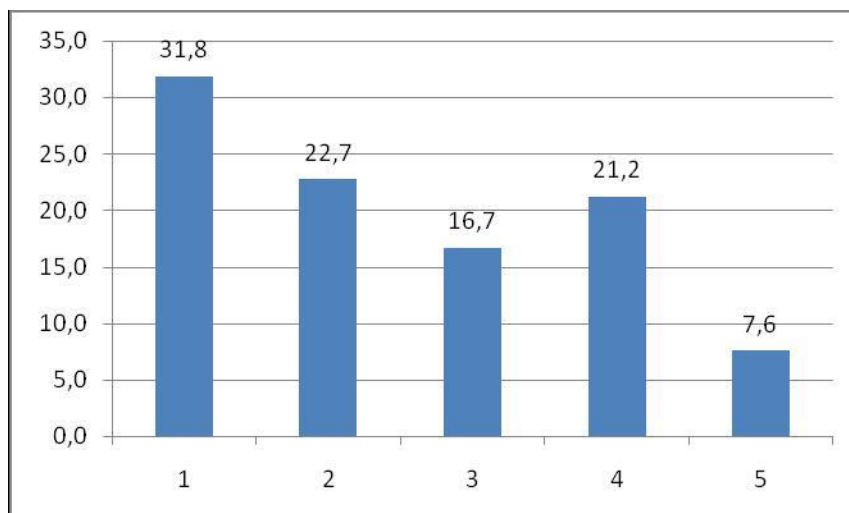

Рис. 3. Цель установления межличностного контакта (в %): 1 — для дальнейшего психологического сопровождения, 2 — для установления доверительных отношений, 3 — для сбора информации, необходимой для психолога, 4 — для оптимизации эмоционального состояния подростка, 5 — для оказания влияния на осужденного

Большинство психологов указывают, что межличностный контакт с несовершеннолетним осужденным устанавливается ими с целью дальнейшего психологического сопровождения (31,8%): «для формирования положительной мотивации последующих встреч»; «для «успешного продолжения работы с ним», «для дальнейшего психологического сопровождения».

22,7% респондентов отмечают, что межличностный контакт необходим им для установления доверительных отношений с подростком: «чтобы осужденный воспринимал психолога не как врага, а как заинтересованного человека», «вызвать доверие, расположить к себе», «для достижения доверительного отношения подростка к психологу».

С точки зрения 21,2% респондентов, оптимизация эмоционального состояния подростка также выступает одной из значимых целей межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным. В первую очередь, участники исследования указывают на «снятие ситуативной тревожности осужденного», «снижение эмоционального напряжения в ситуации взаимодействия».

16,7% психологов вступают в межличностный контакт с подростком с целью сбора о нем информации: «выявление личностных особенностей несовершеннолетнего», «наиболее полное раскрытие осужденного и понимание причин его поступков».

7,6% респондентов отметили, что в процессе межличностного контакта пытаются оказывать на него влияние.

Таким образом, основной целью установления межличностного контакта является создание условий для дальнейшего психологического сопровождения подростка. Для этого психологам необходимо установить доверительные отношения с осужденным, стабилизировать его эмоциональное состояние.

На вопрос сочинения: «Опишите последовательность Ваших действий по установлению межличностного контакта (стадии, этапы)?» психологи отметили от 2 до 7 этапов (рис. 4).

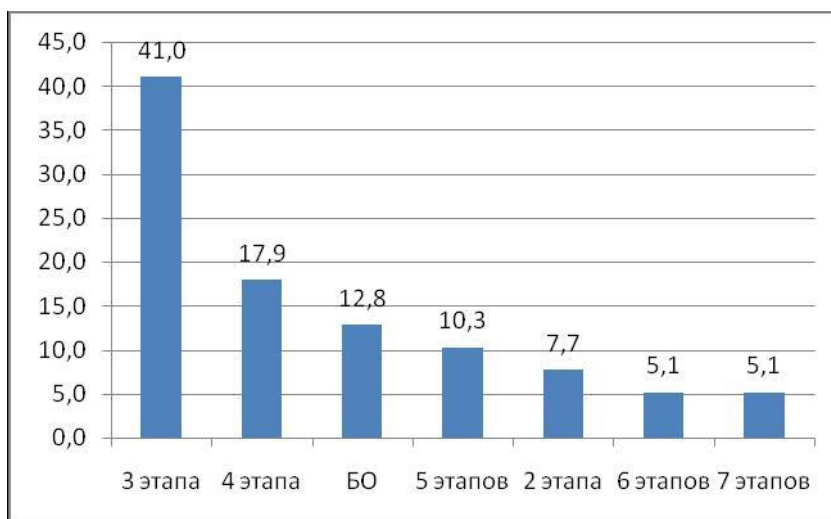

Рис. 4. Количество этапов установления межличностного контакта (в %), где БО — без обозначения этапов

Большинство психологов выделяют от 2 до 4 этапов в установлении межличностного контакта (66,6%), реже — от 5 до 7 этапов (20,5%). Часть респондентов (12,8%) не выделяют этапы установления межличностного контакта: «объясняю цель визита», «заключаем соглашение», «на утренней проверке подхожу к вновь прибывшему несовершеннолетнему», «объясняю, кто я», «в течение дня подхожу к несовершеннолетнему», «вывожу из камеры в кабинет» и т. д.

Представленное психологами описание стадий сложно свести в единую систему. Однако можно выделить некоторые схожие моменты в выделении различных этапов.

Значительное количество респондентов (33,8%) выделяют этап завершения: «завершение контакта», «завершение беседы», «завершение общения».

Часть респондентов в качестве одного из первых этапов называют «знакомство» (31,2%), «снятие психологических барьеров» (17,9%); «представление» (15,6%), «приветствие» (13,0%).

Многие ответы психологов недостаточно структурированы: «прошу рассказать о себе», «рассказываю о том, что и для чего мы сейчас будем делать», «задаю вопросы и внимательно слушаю», «прошу рассказать что-то о себе» и т. д.

Таким образом, можно констатировать, что психологи имеют смутное, приблизительное представление об этапах установления межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным.

На вопрос «Какие приемы Вы использовали для установления межличностного контакта?» были получены следующие типы ответов психологов (рис. 5).

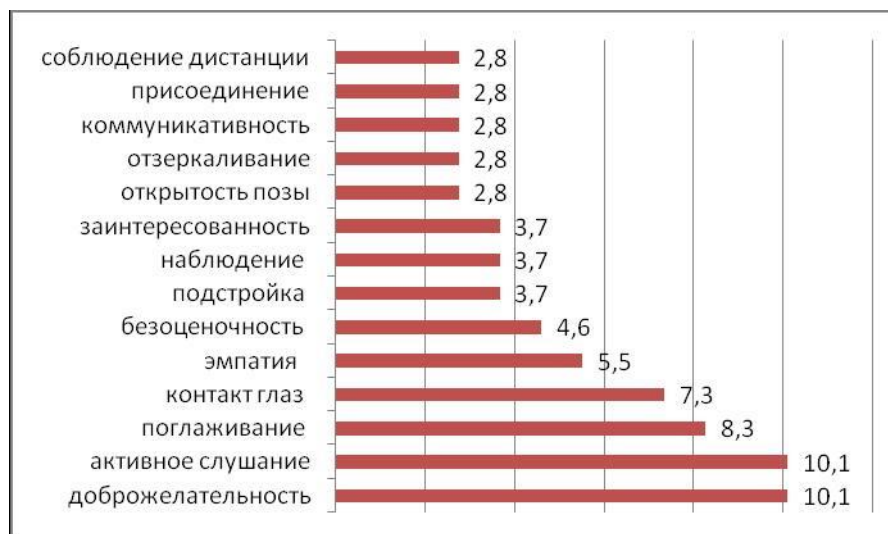

Рис. 5. Приемы, используемые для установления межличностного контакта (в %)

Наиболее часто упоминаемыми (20,2%) являются приемы «проявление доброжелательности» и «активное слушание». Большинству респондентов характерно проявление расположения, участия, открытости по отношению к воспитанникам, активная демонстрация понимания того, что тот говорит и чувствует.

8,3% ответов указывают на использование такого приема, как «психологическое поглаживание», а именно одобрение, подбадривание, поощрение.

Контакт глаз отмечен в 7,3% ответов респондентов. Следующим значимым приемом выступает проявление эмпатии, сочувствия, сопереживания (5,5%).

Безоценочность восприятия указывается в 4,6% ответов респондентов, она предполагает «воздержание от оценок», «давления на совесть» и т. п.

По 3,7% приходится на такие ответы, как психологическая подстройка, наблюдение, заинтересованность, внимательное отношение к воспитаннику.

С психологической подстройкой перекликаются следующие указанные респондентами приемы: отзеркаливание (2,8%) и психологическое присоединение (2,8%).

Для установления контакта психологи используют также открытые позы (2,8%), проявляют общительность (2,8%), соблюдают комфортную для воспитанника дистанцию общения (2,8%).

Наименьшее количество утверждений (от 0,9 до 1,8%) приходится на следующие высказывания психологов: перефразирование, разговор на общую тему, повторение, демонстрация принятия, заражение позитивными эмоциями, вежливость, использование фраз единомыслия, местоимения «мы» и пр.

Таким образом, психологи используют при установлении межличностного контакта с подростком разнообразные приемы, среди которых сложно выделить собственно психологические техники. Это может свидетельствовать о том, что психологи используют приемы интуитивно, в зависимости от ситуации и личного опыта.

Результаты ответа на вопрос «Какие качества Вам помогли установить межличностный контакт?» приведены на рис. 6.

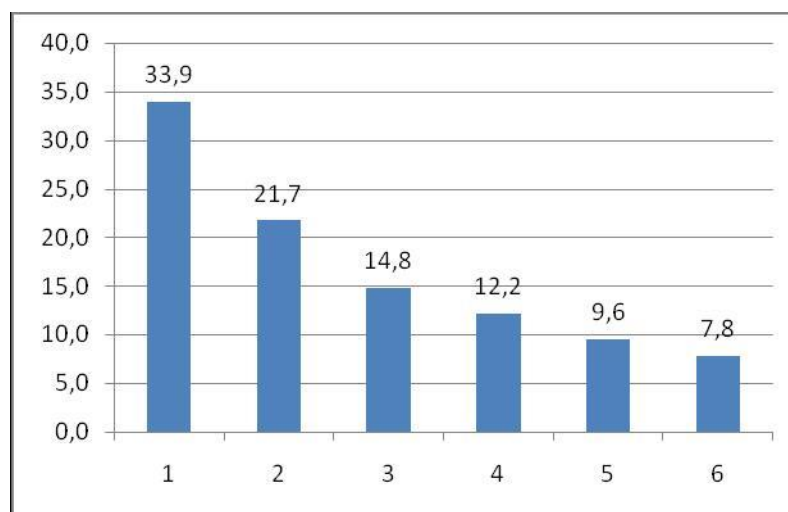

Рис. 6. Качества, помогающие в установлении межличностного контакта (в %): 1 — коммуникативная компетентность, 2 — доброжелательность, 3 — самообладание, 4 — эмпатия, 5 — профессиональный опыт, 6 — толерантность

Больше всего (33,9%), способствует установлению межличностного контакта, согласно мнению психологов, коммуникативная компетентность (коммуникабельность, общительность, открытость, заинтересованность в беседе, умение слушать и слышать и др.).

Значительная часть (21,7%) сотрудников при установлении межличностного контакта с осужденным уделяют внимание доброжелательности.

Самообладание, выдержку, терпение отметили 14,8% участников исследования.

Сочувствие, сопереживание, эмпатия встречаются в 12,2% ответов психологов.

9,6% психологов значимым качеством для установления контакта с подростком считают профессиональный опыт психолога, а именно, профессиональную компетентность, практические навыки психотерапии, практический опыт работы.

7,8% сотрудников считают, что для установления межличностного контакта необходимы толерантность, умение воспринимать и принимать клиента независимо от того, кем он является, безоценочное принятие.

Таким образом, при установлении межличностного контакта с подростком психологи опираются преимущественно на коммуникативные способности и самообладание.

Ответы психологов на вопрос сочинения «Как Вы определили, что установили с несовершеннолетним осужденным межличностный контакт?» приведены на рис. 7.

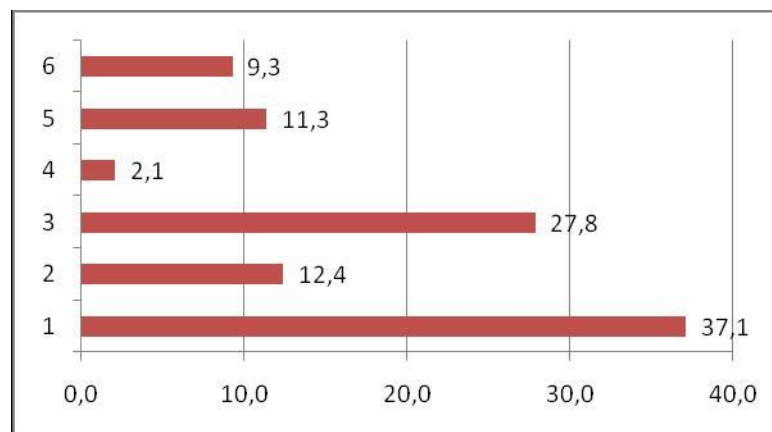

Рис. 7. Индикаторы установления контакта с несовершеннолетним осужденным (в %):
1 — открытость в общении (вербальные признаки), 2 — проявление несовершеннолетним инициативы, 3 — открытость в общении (невербальные признаки), 4 — проявление доверия к психологу, 5 — мотивация на дальнейшую работу, 6 — оптимизация эмоционального состояния

На установление межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным, согласно мнению психологов, указывают вербальные (37,1%) и невербальные (27,8%) признаки открытости в общении.

К вербальным признакам открытости в общении были отнесены развернутые, подробные, открытые ответы осужденного, готовность к диалогу, легкость рассказа о себе и т. д.

К невербальным признакам открытости в общении были отнесены: улыбка, открытые позы и жесты, зрительный контакт, открытый прямой взгляд, расслабленная поза осужденного.

Важным показателем успешности установления межличностного контакта является проявление воспитанником инициативы при взаимодействии с психологом (12,4%).

11,3% участников исследования считают, что показателем установленного межличностного контакта является высказывание подростком желания продолжить дальнейшую психологическую работу.

На оптимизацию эмоционального состояния осужденного (спокойный эмоциональный фон, снижение психологического напряжения и др.) указали 9,3% психологов.

Наименьшее количество психологов (2,1%) отмечают, что показателем установления контакта является доверие психолога к осужденному.

Таким образом, признаками установления контакта с подростком являются открытость в общении, инициатива и желание продолжить работу с психологом.

Большинство психологов (51,9%) в качестве результата межличностного контакта с подростком видят готовность осужденного к дальнейшему участию в психологических мероприятиях (рис. 8).

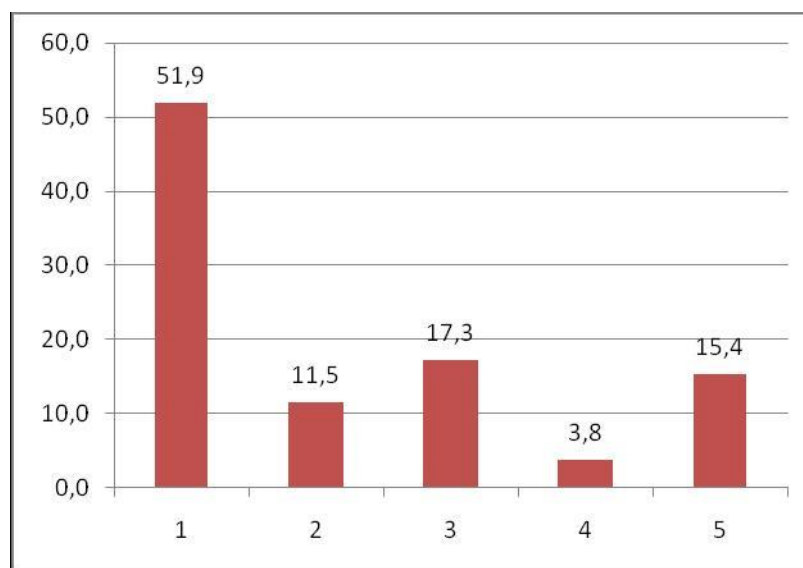

Рис. 8. Результат межличностного контакта, 1 — готовность к дальнейшему участию в психологических мероприятиях, 2 — оптимизация эмоционального состояния подростка, 3 — установление доверительных отношений, 4 — формирование установок на законопослушное поведение, 5 — сбор информации необходимой для психолога

Примерами подобных высказываний могут являться: «мотивация на дальнейшую работу с психологом», «дальнейшая продуктивная работа с психологом», «готовность к дальнейшей работе с психологом», «активное участие в психологических мероприятиях», «обращение за психологической помощью».

Установление доверительных отношений является результатом межличностного контакта в 17,3% ответов психологов. К ответам данной категории относятся: «дальнейшее открытое общение с психологом», «доверительное отношение», «открытость», «откровенность», «получение обратной связи». Важно отметить, что респонденты указывают на доверительное отношение не только к психологу, но и к другим сотрудникам учреждения.

Сбор необходимой для психолога информации упоминается в 15,4% случаев. В данную категорию относится в том числе изучение личности несовершеннолетнего.

11,5% в качестве результата межличностного контакта указывают оптимизацию состояния подростка: оптимизация эмоционального фона осужденного, снижение тревожности, эмоциональный отклик.

Формирование у осужденного установок на законопослушное поведение отмечают 3,8% респондентов.

Таким образом, главным результатом установления межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным, согласно мнению психологов, является готовность воспитанника к психологическим мероприятиям.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Межличностный контакт для психологов представляет собой оказание психологической помощи несовершеннолетнему осужденному в процессе специально организованного общения.

2. При установлении межличностного контакта психологи обращают внимание на эмоциональное состояние подростка, его потребность в психологической помощи и поддержке.

3. Основной задачей установления межличностного контакта является создание условий для дальнейшего психологического сопровождения подростка.

4. Психологи имеют приблизительное представление об этапах установления межличностного контакта с подростком, их последовательности и специфике.

5. Психологи используют при установлении межличностного контакта с подростком разнообразные приемы, среди которых сложно выделить собственно психологические техники.

6. Установление межличностного контакта с подростком зависит от коммуникативных качеств и самообладания психолога.

7. Признаками установления контакта с подростком являются открытость в общении, инициатива и желание продолжать работу с психологом.

8. Главным результатом установления межличностного контакта с несовершеннолетним осужденным является готовность воспитанника к дальнейшей психологической работе.

Литература

1. *Доценко Е.Л.* Семантика межличностного общения: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2000. 202 с.
2. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 488 с.
3. *Миронова О.И.* Социально-психологическая концепция вынужденных контактов: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2014. 361 с.
4. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
5. *Ушков Ф.И.* Психологические характеристики осуществления межличностных контактов психологов ФСИН России и несовершеннолетних осужденных // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2017. № 7. С. 22—26.
6. *Филонов Л.Б.* Психологические аспекты установления контактов между людьми: (Методика контактного взаимодействия). Пущино: НЦБИ АН СССР, 1982. 40 с.
7. *Mironova O.I., Pluzhnikova N.I.* Social and Psychological Factors of the Compelled Choice of Profession // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2014. Vol. 2(10). P. 147—156.

Representations of Penitentiary Psychologists about Specificities of Interpersonal Contact with a Convicted Juvenile

Mironova O.I., Professor, Department of Social, General and Clinical Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russia (*mironova_oksana@mail.ru*)

Ushkov F.I., Senior Lecturer, Department of Extreme Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State University (*ushkov.f.i@yandex.ru*)

The article presents the approaches of studying a nature of the interpersonal contact on domestic level of psychological science and the results of studying the reflections of penitentiary psychologists regarding the purpose, functions, stages, methods of establishing interpersonal contact with a convicted minor. The results presented in the article were obtained on the basis of a study of 50 prison psychologists of educational colonies of the Russian Federation.

In order to identify the reflections of psychologists about an interpersonal contact, a method of unfinished sentences and a method of writing an essay were used. As a result of the study, it was found that a professional interpersonal contact in the penitentiary psychologist activity is one of the significant aspects in their profession and determines the adolescent's readiness for further psychological work, contributes to the formation of trust relationship, optimizing the adolescent's emotional state, enables collecting necessary information for the psychologist, gives an opportunity to exert a positive influence on a minor convict in the process of his re-socialization.

Keywords: interpersonal contact, penitentiary psychology, convicted juvenile, psychological support, penitentiary psychology effective action

References

1. Docenko E.L. Semantika mejlichnostnogo obscheniya. Diss. dokt. psikhol. nauk. [The semantics of interpersonal communication. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2000. 202 p.
2. Leontev D.A. Psihologiya smisla prirodna stroenie i dinamika smislovoi realnosti. [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smisl, 2003. 488 p.
3. Mironova, O.I. Socialno_psihologicheskaya koncepciya vinujdenih kontaktov. Diss. dokt. psikhol. nauk. [Socio-psychological concept of forced contact. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2014. 361 p.

4. Parigin B.D. Osnovi socialno-psihologicheskoi teorii [Fundamentals of socio-psychological theory]. Moscow: Misl Publ., 1971. 352 p.
5. Ushkov F.I. Psihologicheskie harakteristiki osuschestvleniya mejlichnostnih kontaktov psihologov FSIN Rossii i nesovershennoletnih osujdennih [Psychological characteristics of the implementation of interpersonal contacts psychologists FSIN of Russia and juvenile convicts]. *Vedomosti ugovovno-ispolnitelnoi sistem* [Penalties of the penitentiary system], 2017, no. 7. pp. 22-26. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Filonov L.B. Psihologicheskie aspekty ustanovleniya kontaktov mejdu lyudmi: (Metodika kontaktnogo vzaimodeistviya) [Psychological aspects of establishing contacts between people: (Contact interaction technique)]. Puschino: NCBI AN SSSR, 1982. 40 p.
7. Mironova O.I., Pluzhnikova N.I. Social and Psychological Factors of the Compelled Choice of Profession. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2014. Vol. 2 (10), pp. 147—156.

Исследование стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы

Цветкова Н.А., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной, общей и клинической психологии, Российский государственный социальный университет» (ФГБОУ ВО РГСУ); ведущий научный сотрудник, Центр исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России» (TsvetkovaNA@yandex.ru)

Кулакова С.В., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в УИС ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России» (centr2nii@yandex.ru)

В статье представлены результаты психологического обследования 90 сотрудников, у которых определялись уровень организационного стресса и уровни развития двух профессионально важных качеств — стрессоустойчивости и жизнестойкости. Использовались три методики психодиагностики: 1) шкала организационного стресса К. Маклина в адаптации Н. Водопьяновой; 2) методика исследования стрессоустойчивости как социально-психологического качества личности; 3) тест жизнестойкости С. Мадди. Установлено, что около 75% сотрудников отличались невысоким общим уровнем организационного стресса и при этом имели высокий уровень стрессоустойчивости и жизнестойкости; у 17% сотрудников обнаружен высокий уровень организационного стресса, 6% из которых характеризовались низким уровнем стрессоустойчивости. Приведены результаты корреляционного анализа данных, в ходе которого установлены закономерности: чем более активен и продуктивен сотрудник, тем выше его жизнестойкость, и, наоборот, чем старше сотрудник, тем ниже его показатель контроля; по мере увеличения трудового стажа гибкость в поведении сотрудников повышается. Представлены результаты сравнительного анализа по половому признаку, отмечены достоверные различия по общему уровню стрессоустойчивости (у женщин он выше) и способности самопознания (она более развита у мужчин). Описаны психологические условия повышения стрессоустойчивости и жизнестойкости на индивидуально-личностном уровне, а также социально-психологические условия снижения организационного стресса.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, сотрудники, организационный стресс, стрессоустойчивость, жизнестойкость, сравнительный анализ данных по половому признаку, психологическая и педагогическая работа с сотрудниками, профессиональное выгорание.

Для цитаты:

Цветкова Н.А., Кулакова С.В. Исследование стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 112-129. doi: 10.17759/psylaw.2019090208

For citation:

Tsvetkova N.A., Kulakova S.V. Study of stress tolerance and resilience of employees of penal system. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.112-129. doi: 10.17759/psylaw.2019090208

Актуальность изучения стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС) обусловлена целым рядом обстоятельств: во-первых, фактически каждый трудовой день сотрудники УИС сталкиваются с криминальной стороной общества и должны быть готовы к противодействию лицам с асоциальным поведением, которое невозможно оказать, если недостаточно развиты такие личностные качества, как стрессоустойчивость и жизнестойкость [6]; во-вторых, модернизация отечественной пенитенциарной системы стимулирует повышение у сотрудников профессионально важных качеств, в перечне которых стрессоустойчивость (эмоциональная устойчивость) является одним из ключевых [3; 6; 10]; в-третьих, повышенные требования к профессионально важным качествам сотрудников УИС, в свою очередь, требуют совершенствования психологической и педагогической работы с кадрами [2].

Когда говорят о стрессоустойчивости сотрудников УИС, то в первую очередь имеют в виду их способность сохранять «рабочую форму» в экстремальных условиях взаимодействия с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. Причем важно, чтобы эта устойчивость к стрессу в межличностных отношениях со спецконтингентом, а также в отношениях между самими сотрудниками, между сотрудниками и отдельными группами подозреваемых, обвиняемых и осужденных была осознанной, а ее развитие подкреплялось внутренними ресурсами сотрудников, т. е. индивидуально-психологическими условиями.

Анализ современных отечественных научных разработок [1; 3; 5; 6; 8; 12; 15; 16; 17; 18; 19] и зарубежных научных публикаций [18; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27], в которых рассматриваются различные аспекты данной проблемы, позволил сформулировать ряд положений, составивших теоретико-методологическую основу эмпирического исследования, результаты которого представлены в данной статье.

1. Стрессоустойчивость, в современном понимании, является способностью личности находить, осознавать и использовать внешние и внутренние ресурсы для сохранения адекватности психического состояния даже в экстремальных условиях [19]. Будучи

развитой, эта способность обуславливает невосприимчивость к организационному стрессу, связанному с низким уровнем коммуникабельности, неумением принимать ценности других людей, адекватно оценивать ситуацию без ущерба для своего здоровья и работоспособности, негибкостью поведения и пассивностью по отношению к активным формам отдыха и восстановления жизненных сил.

2. Стрессоустойчивость как профессионально важное социально-психологическое качество сотрудника УИС играет ключевую роль в выборе поведения в экстремальной ситуации и является одним из основных навыков, необходимых в непосредственном контакте с осужденными [6]. Высокий уровень стрессоустойчивости — надежный показатель профессиональной адаптированности сотрудника УИС, обеспечивающий развитие у него устойчивого положительного отношения к выполняемой деятельности [15; 20]. Чем ниже у сотрудника уровень стрессоустойчивости, тем выше его уязвимость к организационному стрессу, тем чаще переживания дистресса и тем вероятнее возникновение синдрома профессионального выгорания и синдрома хронической усталости [8; 15; 20; 21].

3) стрессоустойчивость тесно связана с другими профессионально важными качествами сотрудника УИС — уверенностью в себе, мотивацией трудовой деятельности, стилем саморегуляции поведения, креативностью, жизнестойкостью и др. [2; 3; 6; 8; 9].

4) термин «жизнестойкость» введен в научный оборот отечественным психологом Д.А. Леонтьевым [11] на основе разработок феномена «hardiness», выполненных С. Мадди и С. Кобейсом в 1975 г. [23]. Их исследования показали, что жизнестойкость — личностная характеристика, которая является общей мерой психического здоровья человека и отражает три жизненные установки: вовлеченность, уверенность в возможности контроля над происходящими событиями, готовность к риску. Они установили, что высокая жизнестойкость помогает человеку адаптироваться к изменившимся условиям окружающей среды, а за счет компонента «принятие риска» — успешно переносить ситуации неопределенности.

5) разнообразные внутриличностные и внешние факторы, детерминирующие поведение личности и в совокупности определяющие ее нервно-психическое состояние, а также ситуации социального взаимодействия либо способствуют, либо препятствуют развитию и проявлению стрессоустойчивости и жизнестойкости как взаимосвязанных интегральных профессионально важных качеств личности [8; 9; 12; 13; 17; 18; 22].

Исследование проводилось в 2018 г. Эмпирические данные обрабатывались на базе ФКУ НИИ ФСИН России. Объем выборки составил 90 человек в возрасте от 25 до 50 лет (средний возраст сотрудника — 37 лет), 45 мужчин и 45 женщин со стажем работы в УИС от 3-х до 24-х лет (средний срок службы в УИС — около 5 лет); 16 сотрудников имели среднее специальное образование, 74 — высшее. Из них холостых и незамужних — 22 человека; состоящих в браке — 53 человека; находящихся в разводе — 13 человек; вдовствующих — 2 человека

В исследовании использовались следующие методики психологической диагностики:

1) шкала организационного стресса К. Маклина, русскоязычная адаптация Н. Водопьяновой [4], выявляющая степень устойчивости личности к организационному

стрессу и содержащая шкалу «общий уровень организационного стресса», а также пять частных шкал: а) способность к самопознанию; б) широта интересов; в) принятие ценностей других; г) гибкость поведения; д) активность и продуктивность;

2) методика исследования стрессоустойчивости как социально-психологического качества личности [4], позволяющая выявить степень и тип стрессоустойчивости личности в разных условиях;

3) тест жизнестойкости С. Мадди, содержащий три частных шкалы: а) вовлеченность; б) принятие; в) контроль, а также шкалу «общий уровень жизнестойкости» [11].

Полученные в ходе исследования **результаты** представлены ниже в виде таблиц и рисунков.

1. Результаты, полученные на основе шкалы организационного стресса, сведены в табл. 1 и 2 и представлены ниже на рисунках 1 и 2.

Таблица 1

Распределение обследованных сотрудников УИС в зависимости от уровня организационного стресса

Группы	Сотрудники УИС (90 человек)		
	Уровни выраженности		
Компоненты организационного стресса	Высокий человек/% (13—20 баллов)	Средий человек/% (5—12 балла)	Низкий человек/% (0—4 балла)
1. Способность самопознания	0 (0%)	75 (83,3%)	15 (16,7%)
2. Широта интересов	2 (2,2%)	83 (92,2%)	5 (5,6%)
3. Принятие ценностей других	0 (0%)	86 (95,6%)	4 (4,4%)
4. Гибкость поведения	5 (5,6%)	83 (92,2%)	2 (2,2%)
5. Активность и продуктивность	0 (0%)	83 (92,2%)	7 (7,8%)
<i>Общий уровень организационного стресса</i>	15 (16,7%)	47 (52,2%)	28 (31,1%)

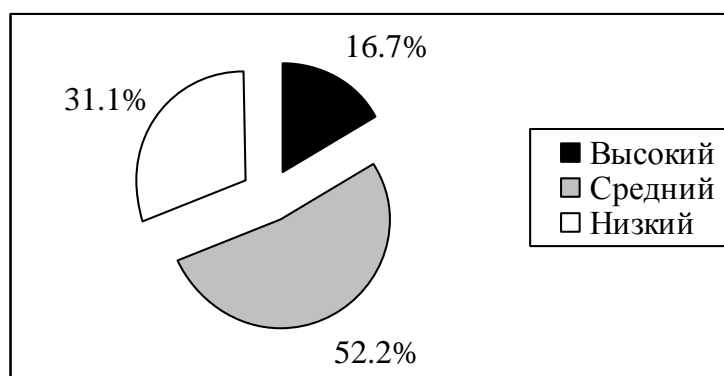

Рис. 1. Распределение сотрудников УИС в зависимости от общего уровня организационного стресса

Табл. 1 и рис. 1 показывают, что чуть более 30% обследованных сотрудников отличаются по данному параметру «иммунным» типом поведения, т. е. способны сохранять работоспособность и решать профессиональные задачи в условиях стресса. Доля сотрудников, особенно «уязвимых» к организационному стрессу, составляет около 17%.

Данные, полученные по пяти компонентам организационного стресса, в виде средних значений представлены в табл. 2 и отображены на рис. 2. Следует учитывать, что чем меньше величина показателя, тем выше толерантность к стрессу и устойчивость продуктивной деятельности.

Таблица 2

Выраженность компонентов и общий уровень организационного стресса в группе обследованных сотрудников УИС

Группы	Сотрудники (90 человек)
Компоненты организационного стресса	Средние значения (в баллах)
1. Способность самопознания	7,5
2. Широта интересов	8,9
3. Принятие ценностей других	7,8
4. Гибкость поведения	9,7
5. Активность и продуктивность	7,8
Общий уровень организационного стресса	41,7

Табл. 2 показывает, что общий уровень организационного стресса у обследованной группы сотрудников УИС составляет 41,8 балла из 100 возможных, т. е. он является средним с тенденцией к низкому.

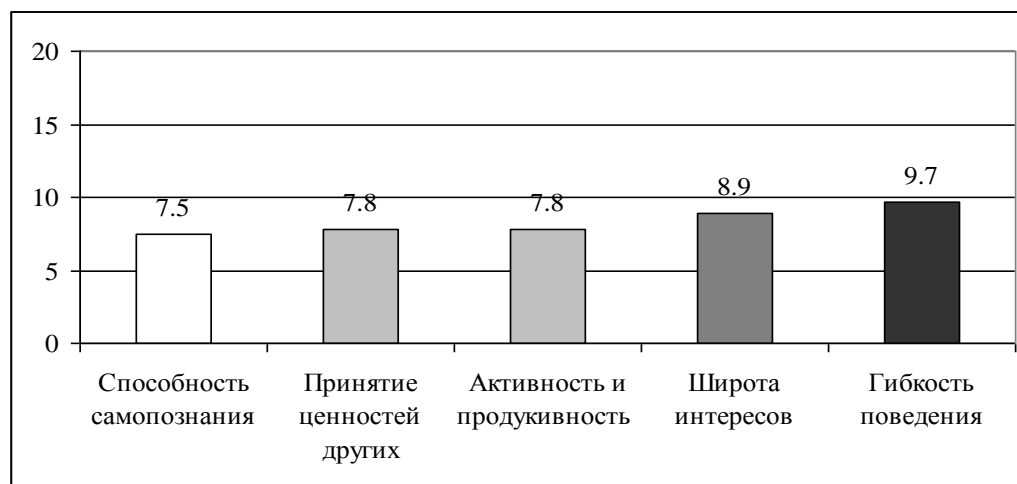

Рис. 2. Выраженность компонентов организационного стресса в группе обследованных сотрудников УИС

Очевидно, что в качестве мишеней психологической работы с сотрудниками целесообразно рассматривать «гибкость поведения» и «широту интересов». По этим двум компонентам организационного стресса сотрудники УИС наиболее уязвимы (наиболее восприимчивы к нему). Наиболее устойчивым к организационному стрессу оказался компонент «способность самопознания», что дает основание предполагать готовность подавляющего большинства сотрудников УИС к профессиональному развитию и саморазвитию.

2. Результаты, полученные в ходе диагностики стрессоустойчивости личности, представлены в табл. 3 и отображены на рис. 3.

Таблица 3

Распределение обследованных сотрудников УИС в зависимости от уровня стрессоустойчивости личности

Уровни личности	стрессоустойчивости	Человек/%
1	— очень низкий	0 (0%)
2	— низкий	0 (0%)
3	— ниже среднего	0 (0%)
4	- чуть ниже среднего	5 (5,6%)
5	— средний	13 (14,4%)

6 — чуть выше среднего	27 (30%)
7 — выше среднего	24 (26,7%)
8 — высокий	21 (23,3%)
9 — очень высокий	0 (0%)

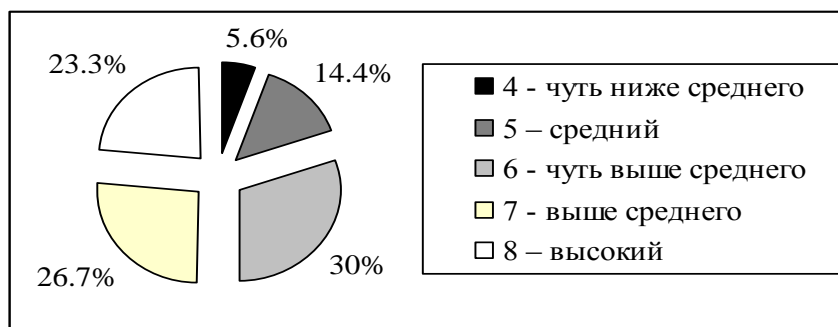

Рис. 3. Распределение сотрудников УИС по уровням стрессоустойчивости

Табл. 3 и рис. 3 отражают в целом благоприятную картину: 80% сотрудников отличаются весьма высоким уровнем стрессоустойчивости.

3. Результаты теста жизнестойкости С. Мадди сведены в табл. 4 и 5 и представлены ниже на рис. 4 и 5.

Таблица 4

Распределение обследованных сотрудников УИС в зависимости от уровня их жизнестойкости

Компоненты жизнестойкости	Уровни выраженности		
	Высокий человек/%	Средий человек/%	Низкий человек/%
1. Вовлеченность	53 (58,9%)	37 (41,1%)	0 (0%)
2. Контроль	64 (71,1%)	26 (28,9%)	0 (0%)
3. Принятие риска	66 (73,3%)	24 (26,7%)	0 (0%)
<i>Общий жизнестойкости</i> уровень	67 (74,4%)	23 (25,6%)	0 (0%)

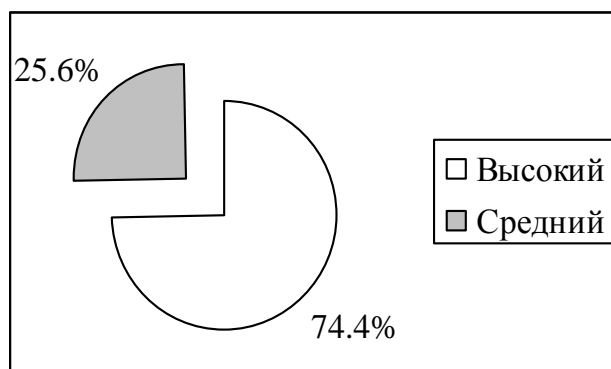

Рис. 4. Распределение сотрудников УИС в зависимости от общего уровня жизнестойкости

Результаты анализа данных по каждой из трех шкал теста жизнестойкости С. Мадди (вовлеченность, принятие риска, контроль) сведены в табл. 5 и представлены на рис. 5.

Таблица 5

Показатели трех компонентов и общего уровня жизнестойкости обследованных сотрудников УИС (по средним значениям)

Компоненты жизнестойкости	Средние значения в баллах по выборке в целом	Максимальные и нормативные средние значения в баллах	% от максимального возможного уровня
1. Вовлеченность	45,9	54 / 37,6	85,0%
2. Принятие риска	21,4	30 / 13,9	71,3%
3. Контроль	39,0	51 / 29,2	76,5%
<i>Общий уровень жизнестойкости</i>	106,3	135 / 80,7	78,7%

Комментируя данные, представленные в табл. 5, обратим внимание на то, что среднее значение показателя общего уровня жизнестойкости в группе обследованных сотрудников УИС составляет 106,3 балла из 135 максимально возможных (в процентном выражении — 78,7% из 100%). Этот результат свидетельствует о высоком уровне жизнестойкости сотрудников в целом, а также о том, что наиболее развитым ее компонентом является компонент «вовлеченность», а менее сформированным — «принятие риска». Эта тенденция отображена на рис. 5.

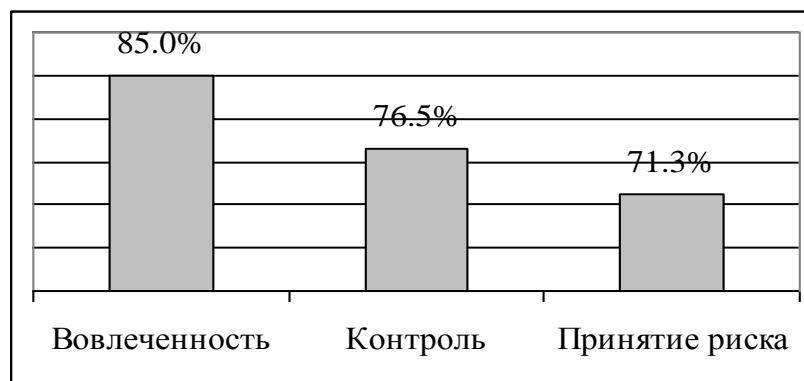

Рис. 5. Выраженность отдельных компонентов жизнестойкости у сотрудников УИС

Очевидно доминирование компонента «вовлеченность» в структуре жизнестойкости обследованных сотрудников. А это означает, что они получают удовольствие от собственной деятельности.

Если компоненты «вовлеченность» и «контроль» находятся на высоком

уровне развития, то компонент «принятие риска» — на среднем, хотя и с тенденцией к высокому. Принятие риска — это убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из любого жизненного опыта. И это также готовность индивида действовать, не имея надежных гарантий успеха. Для развития этого компонента жизнестойкости нужны богатство впечатлений, изменчивость и неоднородность среды [23].

Доказано, что для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях важна выраженность всех трех компонентов жизнестойкости. Однако в группе обследованных сотрудников при в целом высоком уровне жизнестойкости наблюдается некоторое «отставание в развитии» по компоненту «принятие риска». Из этого следует, что, организуя психологическую работу с сотрудниками УИС, стоит создавать условия для его повышения.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные были подвергнуты корреляционному анализу, который выполнялся с помощью непараметрического критерия ранговой корреляции Спирмена. В итоге были выявлены множественные достоверные корреляции. При этом наибольшее количество корреляций отмечено у такого компонента организационного стресса, как «активность и продуктивность» — он согласуется со всеми четырьмя компонентами жизнестойкости — с ее общим уровнем и частными компонентами, такими, как включенность, принятие риска, контроль. Иными словами, чем более сотрудник активен и продуктивен, тем выше его жизнестойкость, и наоборот.

Показатель стрессоустойчивости тесно (при $p < 0,01$) положительно согласуется с показателями устойчивости личности к организационному стрессу, что закономерно. Исключение составляет такой компонент организационного стресса, как «принятие ценностей других».

Тесная ($p = 0,014$) отрицательная корреляция отмечена между возрастом сотрудников и показателем контроля как структурного компонента жизнестойкости — чем старше

сотрудник, тем ниже его показатель контроля. Вероятно, с возрастом у сотрудников УИС снижается убежденность в том, что отстаивание своей позиции и борьба могут повлиять на результат происходящего.

Выявлена связь показателя гибкости поведения со стажем работы в УИС, т. е. по мере увеличения трудового стажа в этой системе гибкость поведения у сотрудников повышается ($p=0,022$).

Полученные в ходе исследования данные также анализировались и сравнивались по признаку пола сотрудников. Сравнительный анализ данных выполнялся с помощью критерия Манна—Уитни. Результаты сравнительного анализа представлены ниже в табл. 6.

Таблица 6

Результаты сравнительного анализа мужской и женской выборок (средние значения)

Замеряемые параметры	Сравниваемые группы		Достоверность различий (по U- критерию Манна—Уитни) U / p
	Группа 1 — сотрудники мужского пола (45 человек)	Группа 2 — сотрудники женского пола (45 человек)	
<i>Уровень организационного стресса</i>			
Способность самопознания	6,9	8,4	658,0 / 0,005
Широта интересов	8,8	9,1	897,0 / 0,379
Принятие ценностей других	7,9	7,6	875,0 / 0,282
Гибкость поведения	9,3	10,2	796,0 / 0,087
Активность и продуктивность	7,5	8,2	787,5 / 0,070
Общий уровень организационного стресса	40,3	43,5	777,0 / 0,068
<i>Уровень стрессоустойчивости</i>			
Уровень стрессоустойчивости	32,0	35,0	621,0 / 0,002
<i>Уровень жизнестойкости</i>			
Вовлеченность	46,4	45,3	986,0 / 0,880

Контроль	39,2	38,8	972,0 / 0,792
Принятие риска	21,0	21,8	837,0 / 0,173
Общий уровень жизнестойкости	106,6	105,8	982,0 / 0,855

В табл. 6 отражены достоверные различия по следующим замеряемым и сравниваемым параметрам: способность самопознания (она является менее уязвимым компонентом в структуре организационного стресса у сотрудников-мужчин по сравнению с сотрудниками-женщинами) и уровень стрессоустойчивости (он достоверно выше у женщин). Из этого следует, что при организации психологической работы с сотрудниками УИС допустимо использовать универсальные программы, одинаковые и для мужчин, и для женщин. В то же время к психологической работе в первую очередь стоит привлекать сотрудников-мужчин, поскольку они характеризуются достоверно более низким уровнем стрессоустойчивости — ведущего внутриличностного фактора совладающего поведения и их абсолютное большинство среди суицидентов [7].

В целом группа обследованных сотрудников УИС не является однородной по уровню организационного стресса, стрессоустойчивости и жизнестойкости, хотя около 75% из них отличаются невысоким общим уровнем организационного стресса и при этом имеют высокий уровень стрессоустойчивости и жизнестойкости. Однако примерно у 17% сотрудников отмечен высокий уровень организационного стресса и при этом у 6% из них — низкий уровень стрессоустойчивости. Иными словами, 5 сотрудников «держались» на момент обследования за счет собственной жизнестойкости (она у них определялась на уровне средних значений) и, вероятно, каких-то других ресурсов, явно нуждаясь в психологическом сопровождении. Известно, что длительное пребывание в ситуации внешнего (организационного) стресса при дефиците внутреннего ресурса (стрессоустойчивости) с большой долей вероятности может обусловить суицидальное поведение [7; 9; 13; 14].

Что касается психологических условий повышения стрессоустойчивости и жизнестойкости на индивидуально-личностном уровне, то их можно свести к следующему перечню: а) расширение знаний о феномене стресса и способах его преодоления; б) тренировка навыков саморегуляции психофизиологического состояния и совладающего поведения; в) использование собственного опыта успешных реакций на стресс — готовности к риску, включенности, контроля; г) формирование алгоритма конструктивного поведения в стрессогенных ситуациях; д) развитие рационально-позитивного мышления и сознательное усиление воли к жизни; е) повышение степени осознанности собственного поведения и ценности собственной жизни.

Социально-психологическими условиями снижения уровня организационного стресса (судя по нормативно-правовой базе, регулирующей психологическую работу с сотрудниками в УИС) являются: 1) исследование и оптимизация социально-психологического климата в коллективах сотрудников УИС, что снижает остроту потребности в повышении стрессоустойчивости сотрудников; 2) диагностика, коррекция и развитие у сотрудников УИС социально-психологических качеств, тесно взаимосвязанных со стрессоустойчивостью, и их усиление, которое опосредованно обуславливает повышение стрессоустойчивости; 3) создание специальных педагогических условий для проведения

индивидуально-групповой работы, нацеленной на повышение у сотрудников УИС стрессоустойчивости [8; 9].

В психологической работе с группами хорошо зарекомендовала себя программа тренинга жизнестойкости С. Мадди. Она содержит большой развивающий потенциал и может быть использована психологами УИС.

В заключение отметим тот факт, что сотрудники УИС с уже высокими уровнями стрессоустойчивости и жизнестойкости, хорошо адаптированные к внешним стрессогенам, могут иметь «заглушенную» способность самопознания и понимания того, что происходит у них во внутриличностном плане. Активность и продуктивность при слабо развитой способности самопонимания и узости кругозора могут привести к сопротивлению процессу обучения, например, к отказу участвовать в тренингах. Такие сотрудники нуждаются в помощи и поддержке не в меньшей степени, чем мало приспособленные к работе в условиях стресса, поскольку сами создают и нагнетают организационный стресс [25; 27]. Со временем у них заметно снижается требовательность к себе, своим поступкам, действиям, решениям. Это может проявляться: а) в стремлении ужесточать условия отбывания наказания; б) в завышении требований к осужденным; в) в позиции собственной правоты; г) в правовом нигилизме (сознательное игнорирование правовых предписаний, регламентирующих служебную деятельность). Все эти личностные изменения сотрудника подспудно запускают у него механизм развития чувства вины, а вина, как известно, ищет наказания. Налицо ситуация профессионального выгорания и профессиональной деформации личности.

В итоге получается, что, повышая стрессоустойчивость и жизнестойкость у сотрудников УИС, мы решаем проблему снижения организационного стресса в отечественной пенитенциарной системе.

Литература

1. *Александрова Л.А.* К осмыслению понятия «жизнестойкость личности» в контексте проблематики психологии способностей // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы науч. конф. М.: ИП РАН, 2005. С. 16—21.
2. *Алексеева О.С., Нилова Л.А., Цветкова Н.А.* Сравнительный анализ личностных характеристик сотрудников уголовно-исполнительной системы в зависимости от уровня экспертной оценки их личности // Прикладная юридическая психология. 2017. № 4(41). С. 32—42.
3. *Булыгина В.Г., Шпорт С.В., Дубинский А.А., Васильченко А.С.* Психологические и психовегетативные технологии диагностики и коррекции поведения специалистов, работающих в экстремальных условиях (состояние проблемы и перспективные исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 14—29. doi:10.17759/psylaw.2016060302 (дата обращения: 12.01.2018).
4. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
5. *Грязнов С.А.* Анализ систем подготовки работников уголовно-исполнительной системы: Российский и зарубежный опыт // Известия Самарского научного

центра РАН, 2015. № 1. С. 27—30.

6. Дмитриева М.Г. Особенности профессионально важных качеств сотрудников ФСИН России // Вестник ЧГПУ. 2014. № 2. С. 100—105.
7. Кулакова С.В., Цветкова Н.А. Суицидальное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы как актуальная проблема // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4(29). С. 91—98.
8. Кулакова С.В. Специфика проявлений синдрома профессионального выгорания у практикующих психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Т. 5. № 1. С. 80—89. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76155.shtml> (дата обращения: 14.12.2018).
9. Николаева Н.В., Коноплева И.Н. Выраженность стрессового напряжения и работоспособность сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 2. С. 87—100. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69869.shtml> (дата обращения: 14.01.2019).
10. Лебедева А.Д. Профессиональная подготовка и переподготовка работников уголовно-исполнительной системы — важнейшее направление оптимизации кадрового обеспечения в условиях реформирования УИС // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 118—120.
11. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости: Метод. руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. М.: Смысл, 2006. 63 с.
12. Логинова М.В. Жизнестойкость как внутренний ключевой ресурс личности // Вестник Московского ун-та МВД России. 2009. № 6. С. 19—22.
13. Мамченко А.М. Состояние безнадежности и уровень жизнестойкости у заключенных под стражу в СИЗО // Ученые записки РГСУ. 2017. № 4(143). С. 39—48.
14. Мамченко А.М., Цветкова Н.А. Исследование связи жизнестойкости с уровнем суицидального риска у подследственных, содержащихся в следственном изоляторе // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3 (40). С. 41—49.
15. Наливайко Т.В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности: дисс. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2006. 175 с.
16. Пермякова А.С., Попова Л.В., Петров С.Б. Влияние уровня тревожности и стрессоустойчивости на качество жизни у сотрудников силовых структур РФ // Вятский медицинский вестник. 2015. № 4 (48). С. 40—43.
17. Фоминова А.Н. Проявление жизнестойкости личности в условиях социальной стратификации общества [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article>

/view?id= 7259 (дата обращения: 04.08.2018).

18. *Хачатурова М.Р.* Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 160—169.
19. *Церковский А.Л.* Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости // Вестник ВГМУ. 2011. № 1. С. 6—19.
20. *Finney C., Stergiopoulos E., Hensel J., Bonato S., Dewa C.S.* Organizational stressors associated with job stress and burnout in correctional officers: a systematic review // BMC Public Health. 2013. Vol. 13. P. 82.
21. *Hartley D.J., Davila M.A., Marquart J.W., Mullings J.L.* Fear is a Disease: The Impact of Fear and Exposure to Infectious Disease on Correctional Officer Job Stress and Satisfaction // Am J Crim Justice. 2013. Vol. 38(2). P. 323—340.
22. *Harvey J.* Perceived Physical Health, Psychological Distress, and Social Support Among Prison Officers // Prison J. 2014. Vol. 94(2). P. 242—259.
23. *Khoshaba D., Maddi S.* Early Antecedents of Hardiness // Consulting Psychology Journal. Spring. 1999. Vol. 51. № 2. P. 106—117.
24. *Lazarus R.S., Folkman S.* Cognitive theories of stress and the issue of circularity // The Plenum series on stress and coping. Dynamics of stress: Physiological, psychological, and social perspectives. NY., US: Plenum Press, 1986. P. 63—80.
25. *Misis M., Kim B., Cheeseman K., Hogan N., Lambert E.* The impact of correctional officer perceptions of inmates on job stress. // SAGE Open. 2013. Vol. 3(2). P. 1—13.
26. *Rumin C., Barros G., Cardozo W., Cavalhero R., Atelli R.* O sofrimento Psíquico no trabalho de vigilância em prisões // Psicol Ciênc Prof. 2011. Vol. 31(1), P. 188—199.
27. *Tschiedel R.M., Monteiro J.K.* Prazer e sofrimento no trabalho das agentes de segurança penitenciária // EstudPsicol Natal. 2013. Vol. 18(3). P. 527—535.

Study of Stress Tolerance and Resilience of Employees of Penal System

***Tsvetkova N.A.**, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social, General and Clinical Psychology, Russian State Social University; Leading Researcher at the Center for the Study of the Execution of Criminal Sentences and the Psychological Support of the Professional Activities of the Staff of the Penitentiary System "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Moscow, Russia (TsvetkovaNA@yandex.ru)*

***Kulakova S.V.**, Senior Researcher at the Center for the Study of Management and Organizing the Execution of Punishments "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Moscow, Russia (centr2nii@yandex.ru)*

The article presents the results of a psychological survey of 90 employees, who determined the level of organizational stress and a degree of development of two professionally important qualities - stress tolerance and resilience. Three psychodiagnostic methods were used: 1) K. McLean scale of organizational stress in N. Vodopyanova's adaptation; 2) the method of studying stress tolerance as a socio-psychological quality of a person; 3) S. Muddy test of resilience. It was found that about 75% of employees deferred by a low overall level of organizational stress and at the same time they had a high level of stress tolerance and resilience; 17% of employees demonstrated a high level of organizational stress, 6% of which was characterized by a low level of stress tolerance. The consistent patterns are established as a result of the correlation analysis: the more active and productive an employee is, the higher his resilience and vice versa; the older the employee, the lower his control indicator; with increasing work experience, flexibility in employee behavior increases. The results of a comparative analysis by gender mark significant differences in the overall level of stress tolerance (higher among women) and the ability of self-knowledge (more developed among men). The psychological conditions for increasing stress tolerance and resilience on an individual level, as well as social and psychological conditions for reducing organizational stress are described.

Keywords: penal system, employees, organizational stress, stress tolerance, resilience, gender comparative analysis, psychological and pedagogical work with employees, professional burnout.

References

1. Aleksandrova L.A. K osmysleniyu ponyatiya «zhiznesteikost' lichnosti» v kontekste problematiki psikhologii sposobnostei [To understand the concept of "viability of personality" in the context of the problematic of the psychology of abilities]. *Psikhologiya sposobnostei: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy: Materialy nauch. konf. [Psychology of abilities: Current state and prospects of research: Materials of scientific. conf]* Moscow: IP RAN, 2005, pp. 16—21.

2. Alekseeva O.S., Nilova L.A., Tsvetkova N.A. Sravnitel'nyi analiz lichnostnykh kharakteristik sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy v zavisimosti ot urovnya ekspertnoi otsenki ikh lichnosti [Comparative analysis of the personal characteristics of the staff of the penitentiary system, depending on the level of peer review]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. [Applied legal psychology]* 2017, no. 4(41), pp. 32—42.
3. Buly`gina V.G., Shport S.V., Dubinskij A.A., Vasil`chenko A.S. Psikhologicheskie i psikhovegetativny`e tekhnologii diagnostiki i korrekczii povedeniya spetsialistov, rabotayushhikh v e`kstremal`ny`kh usloviyakh (sostoyanie problemy` i perspektivny`e issledovaniya) [Psychological and psychovegetative technologies of diagnostics and correction of behavior of the specialists working in extreme conditions (a condition of a problem and perspective researches)]// *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*. 2016. Tom 6, no 3, pp. 14—29. doi:10.17759/psylaw.2016060302.
4. Vodop'yanova N.E. Psikhodiagnostika stressa. [Psychodiagnosics of stress] St. Petersburg.: *Piter [Peter]*, 2009, 336 p.
5. Gryaznov S.A. Analiz sistem podgotovki rabotnikov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy: Rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Analysis of the training systems of the penitentiary system employees: Russian and foreign experience]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 2015, no. 1, pp. 27—30.
6. Dmitrieva M.G. Osobennosti professional'no vazhnykh kachestv sotrudnikov FSIN Rossii [Features of professionally important qualities of the staff of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Vestnik ChGPU [Bulletin of the CSPU]*. 2014, no. 2, pp. 100—105.
7. Kulakova S.V., Tsvetkova N.A. Suitsidal'noe povedenie sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy kak aktual'naya problema [Suicidal behavior of the penitentiary system staff as an actual problem]. *Suitsidologiya [Suicidology]*. 2017, T. 8, no. 4 (29), pp. 91—98.
8. Kulakova S.V. Speczifika proyavlenij sindroma professional'nogo vy`goraniya u praktikuyushhikh psikhologov [The specificity of manifestations of the syndrome of professional burnout in practicing psychologists] [E`lektronny`j resurs] // *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]* 2015. Tom 5, no 1, pp. 80—89. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76155.shtml> (data obrashheniya: 14.12.2018).
9. Nikolaeva N.V., Konopleva I.N. Vy`razhennost` stressovogo napryazheniya i rabotosposobnost` sotrudnikov pravookhranitel`ny`kh organov [The intensity of stress and efficiency of law enforcement officers] [E`lektronny`j resurs] // *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]* 2014. no 2. pp. 87—100. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69869.shtml> (data obrashheniya: 14.01.2019).
10. Lebedeva A.D. Professional'naya podgotovka i perepodgotovka rabotnikov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy — vazhneishee napravlenie optimizatsii kadrovogo obespecheniya v usloviyakh reformirovaniya UIS [Professional training and retraining of the penitentiary system staff is the most important direction in the optimization of

- personnel provision in the context of the MIS reforming]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: politics, economics, law]*. 2016, no. 3, pp. 118—120.
11. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznesteikosti. Metodicheskoe rukovodstvo po novoi metodike psikhologicheskoi diagnostiki lichnosti s shirokoi oblast'yu primeneniya [Test of resilience. Methodical guidance on the new method of psychological diagnosis of a person with a wide range of applications]. Moscow.: *Smysl [Meaning]*, 2006, 63 p.
 12. Loginova M.V. Zhiznesteikost' kak vnutrennii klyuchevoi resurs lichnosti [Viability as an internal key resource of the individual]. *Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2009, no. 6, p.p. 19—22.
 13. Mamchenko A.M. Sostoyanie beznadezhnosti i uroven' zhiznesteikosti u zaklyuchennykh pod strazhu v SIZO [Hopelessness and the level of resilience in custody in jail]. *Uchenye zapiski RGSU [Scientific notes of the RSSU]*. 2017, no. 4 (143), pp. 39—48.
 14. Mamchenko A.M., Tsvetkova N.A. Issledovanie svyazi zhiznesteikosti s urovnem suitsidal'nogo riska u podsledstvennykh, sodержashchikhsya v sledstvennom izolyatore [Investigation of the connection of viability with the level of suicidal risk in the persons under investigation in the remand center]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. 2017, no. 3 (40), pp. 41—49.
 15. Nalivaiko T.V. Issledovanie zhiznesteikosti i ee svyazei so svoistvami lichnosti Dis. ... kand. psikhol. nauk [Investigation of resilience and its connections with personality traits. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Chelyabinsk, 2006. 175 p.
 16. Permyakova A.S., Popova L.V. Petrov S.B. Vliyanie urovnya trevozhnosti i stressoustoichivosti na kachestvo zhizni u sotrudnikov silovykh struktur RF [Influence of the level of anxiety and stress resistance on the quality of life among employees of the Russian law enforcement agencies]. *Vyatskii meditsinskii vestnik [Vyatsky medical bulletin]*. 2015, no. 4 (48), pp. 40—43.
 17. Fominova A.N. Proyavlenie zhiznesteikosti lichnosti v usloviyakh sotsial'noi stratifikatsii obshchestva [Elektronnyi resurs] [Manifestation of a person's vitality in conditions of social stratification of society]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*. 2012, no. 5, Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7259> (Accessed: 04.08.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
 18. Khachaturova M.R. Sovladayushchii repertuar lichnosti: obzor zarubezhnykh issledovaniy [A co-ordinating repertoire of personality: an overview of foreign research]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*. 2013, T.10, no. 3, pp. 160—169.
 19. Tserkovskii A.L. Sovremennye vzglyady na problemu stressoustoichivosti [Modern views on the problem of stress resistance]. *Vestnik VGMU [Bulletin of VSMU]*. 2011, no. 1, pp. 6—19.

20. Finney C., Stergiopoulos E., Hensel J., Bonato S., Dewa C.S. (2013). Organizational stressors associated with job stress and burnout in correctional officers: a systematic review // *BMC Public Health*. 2013. no. 13. 82 p.
21. Hartley D.J., Davila M.A., Marquart J.W, Mullings J.L. Fear is a Disease: The Impact of Fear and Exposure to Infectious Disease on Correctional Officer Job Stress and Satisfaction // *Am J Crim Justice*. 2013, no. 38(2). pp. 323—340.
22. Harvey J. Perceived Physical Health, Psychological Distress, and Social Support Among Prison Officers // *Prison J*. 2014, Vol. 94(2). R. 242-259.
23. Khoshaba D. & Maddi S. Early Antecedents of Hardiness // *Consulting Psychology Journal*. Spring. 1999. Vol. 51. no. 2. pp. 106—117.
24. Lazarus R. S., Folkman, S. Cognitive theories of stress and the issue of circularity // *The Plenum series on stress and coping. Dynamics of stress: Physiological, psychological, and social perspectives*. NY., US: Plenum Press, 1986, pp. 63—80.
25. Misis M., Kim B., Cheeseman K., Hogan N., Lambert E. The impact of correctional officer perceptions of inmates on job stress. // *SAGE Open*. 2013, no. 3(2), pp. 1—13.
26. Rumin C., Barros G., Cardozo W., Cavalhero R., Atelli R. O sofrimento Psíquico no trabalho de vigilância em prisões // *Psicol Ciênc Prof*. 2011, no. 31(1), pp. 188—199.
27. Tschiedel R.M., Monteiro J.K. Prazer e sofrimento no tra-balho das agentes de segurança penitenciária // *EstudPsicol Natal*. 2013, no. 18(3). pp. 527—535.

Конституционная психология как отрасль научного знания и феномен культуры

Аничкин Е. С., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса, Алтайский государственный университет (rrd231@rambler.ru)

Каширский Д. В., доктор психологических наук, профессор, Институт педагогического образования, Алтайский государственный университет; профессор, Институт психологии и педагогики, кафедра психологии, Алтайский государственный педагогический университет (psymath@mail.ru)

В статье обсуждаются вопросы становления нового научного направления — конституционной психологии. Обосновывается существование двух сопряженных форм конституционной психологии: во-первых, как отрасли научного знания, имеющей свой предмет, задачи и методы исследования; во-вторых, как феномена культуры, проявляющегося на уровне индивидуальной психики и личности. Подчеркивается важность различения этих двух ипостасей конституционной психологии, отмечается их несовпадение, взаимопереходы и онтологическое единство. Выделяется место конституционной психологии как теоретического конструкта в общей системе психологического знания и, в частности, в сфере правовой психологии. Описываются характерные черты российской конституционной психологии как феномена культуры, выраженной в сознании конкретного человека. Становление конституционной психологии будет способствовать более глубокому осмыслению проблемного поля, существующего на границе между психологией и правом, проведению развернутых эмпирических исследований, направленных на изучение широкого спектра психологической феноменологии, отражающей реально существующие в психике людей конституционно-правовые отношения. Результаты данной работы послужат основой для решения задач конституционно-правового развития государства.

Ключевые слова: психология, право, конституция, отрасли психологического знания, правовая психология, конституционная психология.

Для цитаты:

Аничкин Е.С., Каширский Д.В. Конституционная психология как отрасль научного знания и феномен культуры. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 130-140.
doi: 10.17759/psylaw.2019090209

For citation:

Anichkin E.S., Kashirskiy D.V. Constitutional psychology as a field of scientific knowledge and cultural phenomenon. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.130-140. doi: 10.17759/psylaw.2019090209

Современная психология представляет собой разветвленную систему научного знания, многочисленные разделы (отрасли) которой объединены общим предметом изучения — психикой, но различаются тем, какой из аспектов психики и в каких конкретно условиях подлежит изучению. «Психология, — писал А.Р. Лурия, — представляет собой «... широко разветвленную систему дисциплин, изучающую психическую деятельность в различных аспектах» [7, с. 21].

Существуют различные варианты выделения отраслей психологии в силу того, что система психологии находится в процессе постоянного становления и развития. Поэтому, как указывает Б.А. Сосновский, «... классификация разделов психологии является очень условной, пересекающейся, меняющейся» [12, с. 40].

Традиционным является деление психологических дисциплин на общую и специальную (прикладную) психологию. Как отмечает В.В. Нуркова, «... общая психология изучает универсальные закономерности функционирования психики» [9, с. 30], а фундаментальные специальные отрасли психологии — «... определенные аспекты психики (нейропсихология, дифференциальная психология, социальная психология и т.д.). Могут быть выделены также и междисциплинарные специальные отрасли, которые разворачивают исследования на границах психологического знания и других наук» (например, психофизиология, психолингвистика, психогенетика)» [там же, с. 30].

По мнению А.Р. Лурия, «... некоторые из разделов психологии изучают естественные основы психических процессов и приближаются к биологии и физиологии, в то время как другие изучают общественные основы психической деятельности и приближаются к общественным наукам» [7, с. 21]. При этом центральное положение в системе психологического знания занимает общая психология. Л.С. Выготский называл общую психологию «философией психологии», задачу которой видел в разработке методологии (системы методов) психологической науки, общего категориального строя всей психологической науки как единого целого [3]. А.Р. Лурия подчеркивал особое значение общей психологии и указывал, что она «... составляет стержень всей системы психологических дисциплин» [7, с. 21]. «Фундаментальные специальные отрасли и междисциплинарные специальные отрасли психологии, — пишет В.В. Нуркова, — используют в своих построениях теоретический аппарат общей психологии и основываются на основных закономерностях функционирования психики, сформулированных в ее рамках» [9, с. 30]. Таким образом, знания, накопленные в общей психологии, преломляются для решения более частных задач, находя свое прикладное значение при решении той или иной проблемы в какой-либо более узкой сфере психологического знания. В то же время общая психология получает мощный импульс от своих специальных отраслей. Последние обогащают общую психологию новыми фактами, ставят перед общей психологией новые практические задачи, стимулируют приращение нового знания, а затем сама же практика выступает пробным камнем теории, критерием истинности для сформулированных в общей психологии фундаментальных положений о природе психического.

Следует заметить, что развитие психологии всегда происходило за счет развития ее прикладных областей. Таким образом, отношение между общей психологией и ее специальными отраслями в чем-то напоминает отношение между психологией и другими науками, выраженное в известном «треугольнике наук» академика Б.М. Кедрова. В центре этого треугольника можно расположить общую психологию, как результат развития всех прикладных психологических дисциплин, а в вершинах треугольника и вдоль его сторон могли бы располагаться прикладные отрасли психологического знания, рассматривающие общую психологию через призму конкретной проблематики, возникающей в той или иной частной отрасли психологии, сфере практической жизни людей.

Выделение того или иного раздела прикладной психологии не происходит случайно или по воле психолога-теоретика. Как отмечает Б.А. Сосновский, «... психология эффективно работает на практику там, где подготовлены соответствующие условия, объективные и субъективные» [12, с. 40]. В какой-либо отрасли науки или сфере профессиональной деятельности должны сложиться благоприятные условия, должен возникнуть некий запрос на психологию и психолога, должна осознаваться нужность и необходимость психологического подхода применительно к решаемым задачам. Именно тогда возникает встречное движение между психологом и представителем той или иной сферы деятельности. Поэтому «... в русле психологической науки в первую очередь складываются и интенсивно развиваются те прикладные отрасли, которые относятся к наиболее значимым сферам жизни и областям предметной деятельности людей» [9, с. 31].

Следует заметить, что с каждым годом растет потребность общества в квалифицированных прикладных психологах, а конкретные области приложения теоретических знаний становятся все более разнообразными. Одной из таких областей прикладной психологии, активно разрабатывающейся в последние годы за рубежом и в нашей стране, является область, пограничная между психологией и правом. Данная область прикладных психологических исследований представляется нам весьма многоаспектной и объективно сложной, требующей для своего осмысления и дальнейшей разработки единства теоретических построений в области психологии и юриспруденции и большого опыта практической деятельности на границе между психологией и правом.

Проведенный анализ показывает, что на данный момент наиболее разработанной смежной областью между психологией и правом считается юридическая психология [5; 6; 11; 13; 14 и др.] — прикладная дисциплина, в равной степени принадлежащая психологии и юриспруденции [2, с. 12]. По мнению Л.В. Васильева, «... юридическая психология — научно-практическая дисциплина, которая изучает психологические закономерности системы «человек—право», разрабатывает рекомендации, направленные на повышение эффективности этой системы» [там же, с. 15]. В качестве основных разделов юридической психологии автор выделяет психологию юридического труда, психологию оперативно-следственных действий, криминальную психологию, психологию терроризма, а также другие разделы, выделенные с явным креном в уголовно-правовую и правоприменительную плоскость. Заметим, что в целом здесь прослеживается общая тенденция в выделении структуры юридической психологии, выраженная в российской психологической науке и нашедшая отражение в большинстве современных учебных пособий по юридической психологии. В результате такого понимания за пределами рассмотрения оказывается огромная часть психологической феноменологии, требующей внимания, глубокого, вдумчивого рассмотрения и анализа.

Складывается впечатление, что внимание психологов, работающих в пограничной области между психологией и правом, привлекает преимущественно лишь «патология» права, тогда «норма» права лежит вне фокуса их исследовательских и практических интересов. Если бы данная ситуация наблюдалась, скажем, во всей психологической науке, то выглядело бы это таким образом, что наибольшее развитие получила бы медицинская или клиническая психология, тогда как подавляющее большинство отраслей, работающих со среднестатистическим здоровым субъектом, была бы развита частично или совсем не развита.

Сложившаяся ситуация в области «психология—право» требует пересмотра и расширения предмета психологического изучения. На наш взгляд, проблемное поле, расположенное между психологией и правом, может быть названо правовой психологией [15], а ее предметом — образ права в сознании субъекта как отраженные (субъективные) и внутренне переработанные личностью представления о праве, законе, правотворчестве и т. д. Основные задачи правовой психологии — выявление фактов, закономерностей и механизмов функционирования и развития психики и личности в сфере отношений, регулируемых правом, а также их приложение к решению актуальных практических задач, возникающих в этой области. Далее можно говорить о разделах правовой психологии, выделенных на основе существующих отраслей права. Так, получают жизнь психология гражданского права и процесса, психология административного права и административного правонарушения, а также конституционная психология — область, которая еще не стала предметом глубокого психологического анализа.

Конституционная психология как часть правовой психологии изучает отражение в сознании людей конституции как социокультурного феномена. Предметом ее рассмотрения являются, с одной стороны, психологические аспекты правотворчества в области конституционного права, а с другой — отражение конституционных прав и свобод в психике конкретного человека, конституционное сознание обычного обывателя — среднестатистического субъекта, гражданина.

Могут быть выделены две сопряженные формы конституционной психологии. Во-первых, отрасли научного психологического знания, имеющей свой предмет, задачи и методы исследования, и, во-вторых, — феномена культуры, проявляющегося на уровне индивидуальной психики и личности. Таким образом, конституционная психология существует на уровне теоретической модели (конструкта), отражающей представление ученых о данной области знания, и одновременно с этим — эмпирической реальности, открывающейся любому человеку в его сознании. На наш взгляд, разделение двух ипостасей конституционной психологии, представленной, с одной стороны, на уровне теоретического описания, а с другой стороны, на уровне данного в опыте феномена, представляется крайне важным. Дело в том, что разработка проблем конституциональной психологии требует внимания к каждой из выделенных сторон изучаемой реальности, их учета в реальном исследовании. Следует учитывать, что между этими ипостасями конституционной психологии существуют взаимопереходы, несовпадения, коллизии, противоречия, конфликты, выступающие движущей силой ее изменения и развития.

В то же время выделенные формы конституционной психологии существуют в целостности и неделимости, не тождестве, но онтологическом единстве. Так, скажем, характерные черты российской конституционной психологии как феномена культуры, выраженной в сознании конкретного человека, предопределены особенностями культурно-

исторического развития российского государства и общества и выступают в качестве источника формирования отечественного конституционного права. При этом формальное конституционное право конструируется на основе объективных реалий и их субъективного восприятия участниками конституционных отношений.

Проведенный анализ показывает, что специфика развития российской государственности традиционно оказывала непосредственное влияние на общественное сознание русского народа и его национальную психологию. В то же время наблюдалось и обратное воздействие, поскольку менталитет русского народа и социально-психологическое состояние общества имели ключевое значение в формировании государственных институтов. Взаимовлияние объективной эволюции российской государственности и самобытной ментальности народа обуславливало, в свою очередь, многотрудный путь формирования отечественной правовой системы вообще и конституционно-правовых основ — в частности.

История российской государственности всегда демонстрировала сложный диалог между властью, обществом и отдельным человеком. Правовую первооснову этих отношений составляет конституционное право, а важнейшим детерминантом его развития является конституционная психология носителей власти и членов общества. Среди ключевых факторов формирования конституционной психологии можно назвать следующие традиции и особенности российского государства и общества:

- монархизм и вытекающее из него монархическое патерналистское правосознание народа с преувеличенными надеждами на персонального носителя верховной власти вплоть до его идеализации;
- авторитаризм верховной власти, обуславливающий долготерпимость подавляющего большинства членов общества и спокойное отношение к диктатуре;
- духовный и политический разрыв между правящим слоем и народом, когда власть не обращает должного внимания на народ и отдельного человека и не воспринимает их как партнеров, следствием чего является низкая самостоятельность и аполитичность населения;
- сильные традиции правового нигилизма, преимущественно негативного восприятия права. По справедливому замечанию Д.В. Меняйло «... повсеместное нарушение правовых предписаний, скрытое, а порой откровенное попираание права, непонимание фундаментальных ценностей правового бытия (и нежелание их понять) — все это и многое другое есть проявление юридического нигилизма российского менталитета» [8, с. 71];
- мультикультурализм, т. е. сложный сплав национально-культурных, духовных, психологических, исторических, конфессиональных и иных особенностей народов, населяющих отечественное государство.

Перечисленные факторы имеют внеправовой характер, но находят прямое отражение в государственно-правовом развитии России, выступают в качестве предпосылок формального конституционного права. Во-первых, это выражается в явном доминировании, а временами и всевластии главы государства (царя, императора, генерального секретаря, президента) с концентрацией в его руках обширных и ключевых полномочий во всех сферах

общественной жизни. Следствием этого является значимая роль субъективного фактора в развитии отечественной государственности и персонализм верховной власти.

Во-вторых, обширная территория страны, отсутствие выстроенного диалога между властью и обществом, высокая внутренняя конфликтность российского общества влекут за собой такую характерную черту конституционного устройства, как сильная вертикаль исполнительной власти на фоне слабой представительной демократии.

В-третьих, это отчетливо выраженные традиции централизма государственной жизни, управленческих процессов и правового регулирования, имеющие в своей основе длительную историю построения монархического, унитарного и недемократического государства.

В-четвертых, тотальность государственной власти, ее вмешательство во все сферы жизни и вообще значительная роль политического влияния и политического усмотрения в развитии права в целом и конституционного права в особенности.

В-пятых, федерация национального типа, производная от мультикультурализма Российского государства.

Перечисленные содержательные традиции российского конституционного права взаимосвязаны с самобытной конституционной психологией, существующей в российской культуре. В этой психологии наблюдаются частые проявления конституционного нигилизма, которые особенно заметны в противопоставлении высшей руководящей элиты основному закону страны, а временами и в попрании конституции главой государства. В нашей стране одна из самых демократических конституций мира — «сталинская» Конституция СССР 1936 года сочеталась с «большим террором» 1937—1938 гг., а многократно поправленная Конституция РСФСР 1978 года была напрямую проигнорирована и нарушена Президентом РФ Б.Н. Ельциным в сентябре—октябре 1993 г при досрочном прекращении деятельности Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. Как справедливо в этой связи замечает С.А. Авакьян, «... психология пренебрежения к Конституции и антиконституционного поведения, выработанная за долгие годы работы в партийных аппаратах, была выше для тогдашнего Президента, чем необходимость подчиниться Основному Закону» [1, с. 6].

Важным истоком формирования конституционной психологии в российской социокультурной среде является широкий диапазон конституционных коллизий, различных конфликтов в сфере конституционного права вплоть до всеобъемлющего конституционного кризиса 1992—1993 гг. Если смотреть ретроспективно, то это жесткая конфронтация между союзным центром и республиками в составе СССР в 1988—1991 гг., противостояние высшей политической элиты Российской Федерации и ряда национальных республик в ее составе в 90-е гг. прошлого столетия, выразившееся, в том числе, в распространенных противоречиях республиканского законодательства федеральному законодательству, ожесточенные столкновения коммунистических и продемократических политических сил в конце 80-х—начале 90-х гг. прошлого века, а затем в видоизмененном варианте — до начала 2000-х годов, борьба высших органов законодательной и исполнительной власти как в начале 90-х гг. до принятия новой Конституции России, так и в течение 90-х гг. до формирования монополии на власть партии «Единая Россия».

В настоящее время данные конституционно-правовые конфликты объективно ушли в прошлое или утратили свою остроту, но на их месте стали проявляться другие. В частности, все большее расхождение наблюдается между формальной Конституцией РФ и реальной конституционной практикой, между буквальным смыслом отдельных конституционных норм и их смысловым развитием в текущем законодательстве и решениях Конституционного Суда РФ.

Углубление разрыва между руководящей элитой и населением, непопулярные реформы (пенсионная и т. п.) и ухудшение социально-экономической обстановки способствуют активизации и расширению конституционного протеста, принимающего как пассивные (массовый абсентеизм), так и активные (многочисленные митинги протеста) формы.

Конституционная история нашей страны никогда не была ровной и линейной. Она отличалась цикличностью, временами конкуренцией взаимоисключающих тенденций и даже полным отрицанием предшествующего конституционного опыта (в одном случае дореволюционного опыта в 1917—1918 гг., в другом случае — советского опыта в начале 90-х гг. прошлого века). Поэтому для конституционной психологии властной элиты и народа вполне привычно восприятие нестабильности и противоречивости государственно-правового развития нашей страны.

В постсоветский период формирование конституционного права также отличается цикличностью в смене векторов на усиление авторитарности и, напротив, демократизации общественно-политической жизни. Такого рода подвижность отечественного конституционного права имеет немало проявлений. В последние годы к их числу относятся: смена подходов к замещению должности главы исполнительной власти субъекта РФ от избрания населением субъекта РФ до фактического назначения Президентом РФ, а затем опять возврат к прежней модели; централизация правового, финансового и организационного регулирования на федеральном уровне в качестве реакции на «парад суверенитетов» отдельных регионов в 90-е гг. XX в.; попытки построения классического местного самоуправления в 90-е гг. и его усиливающаяся этатизация в настоящее время; масштабные ограничения политических прав граждан РФ в начале «нулевых» гг. и последующее внедрение в конституционную практику новых демократических политических институтов, таких как общественные палаты, публичные слушания, специализированные уполномоченные по правам человека и др.

Таким образом, конституционная психология в российской культурной среде имеет свои характерные черты. Эти черты предопределены традициями и особенностями истории и современного состояния российского государства и общества, которые оказывают непосредственное влияние на формирование отечественного конституционного права. Формальное конституционное право во многом адаптируется под объективные реалии и их субъективное восприятие участниками конституционных отношений. Формирование конституционной психологии будет содействовать «... выявлению и решению ряда проблем конституционно-правового развития государства, проведению более глубокого анализа фактических конституционных отношений и конституционных правовых отношений» [4, с. 53].

Становление конституционной психологии как отрасли научного психологического знания и как социокультурного феномена, проявляющегося на уровне психологии личности,

будет способствовать более глубокому осмыслению проблемного поля, существующего на границе между психологией и правом, проведению развернутых эмпирических исследований, направленных на изучение широкого спектра психологической феноменологии, отражающей реально существующие в психике людей конституционно-правовые отношения. Результаты данной работы, на наш взгляд, послужат основой для разработки актуальных проблем современной правовой психологии и улучшения существующего законодательства.

Литература

1. *Авакьян С.А.* Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3—7.
2. *Васильев Л.В.* Юридическая психология. СПб.: Питер, 2009. 608 с.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1 // Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
4. *Габдуалиев М.Т.* К вопросу о категории «психология» в науке конституционного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 51—55.
5. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. М.: Норма, 2005. 256 с.
6. *Ильина В.А.* К вопросу о предмете юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 89—100. doi:10.17759/psylaw.2018080207
7. *Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2004. 320 с.
8. *Меняйло Д.В.* Русский правовой менталитет и правовая культура // Правовая культура в России на рубеже столетий: материалы Всерос. научно-теор. конф. / Под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград: Изд. группа ВРО МСЮ. 2001. С. 71.
9. *Нуркова В.В.* Общая психология / В.В. Нуркова, Н.Б. Березанская. М.: Юрайт, 2015. 604 с.
10. *Общая психология: в 7 т. / Под ред. Б.С. Братуся. Т. 1. Соколова Е.Е.* Введение в психологию. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 352 с.
11. *Поздняков В.М.* Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 206–219. doi:10.17759/psylaw.2017070117
12. *Психология: учебник / Под ред. Б.А. Сосновского.* М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 799 с.
13. *Романов В.В.* Юридическая психология: учебник для академического бакалавриата. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 537 с.

14. *Сафуанов Ф.С.* Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // *Прикладная юридическая психология.* 2011. № 1. С. 8—19.
15. *Сорокин В.В.* Правовая психология: вопросы общей теории права: монография. Барнаул: Азбука, 2015. 356 с.

Constitutional Psychology as a Field of Scientific Knowledge and Cultural Phenomenon

Anichkin E.S., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Altai State University (rrd231@rambler.ru)

Kashirskiy D.V., Doctor of Psychology, Professor, Institute of Pedagogical Education, Altai State University; Professor, Institute of Psychology and Education, Department of Psychology, Altai State Pedagogical University (psymath@mail.ru)

The article focuses on the formation of a new scientific branch – constitutional psychology. Two articulated forms of constitutional psychology are justified: first, as a field of scientific knowledge that contains its own subject, objectives and research methods; second, as a cultural phenomenon which is observed at the level of the individual psychology and personality. The importance to distinguish these two capacities of constitutional psychology is underlined; their mismatch, mutual transitions and ontological unity is noted. The authors highlight the place of constitutional psychology as a theoretical construct in the general system of psychological knowledge, and, in particular, in the field of legal psychology. The attributes of Russian constitutional psychology as a cultural phenomenon expressed in the mind of a particular person are considered. The formation of constitutional psychology will contribute to a deeper understanding of problematiqués on the edge of psychology and law fields, will facilitate extensive empirical research aimed at studying a wide spectrum of psychological phenomenology, which reflects actual constitutional-legal relations in personal mind. The results of this work will serve as a basis for meeting objectives of the national constitutional-legal development.

Keywords: psychology, law, constitution, branches of psychological knowledge, legal psychology, constitutional psychology.

References

1. Avak'yan S.A. Osnovnyye tendentsii sovremennogo razvitiya konstitutsionnogo prava [The main trends of modern development of constitutional law]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye parvo* [Constitutional and municipal law]. 2017. no 4. pp. 3-7. (In Russ.; abstr. in Engl.)
2. Vasil'yev L.V. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2009. 608 p. (In Russ).

3. Vygotsky L.S. Sobraniye sochineniy: v 6-ti t. T.1. Voprosy teorii i istorii psikhologii [Collected Works: in 6 Vol. Vol.1. Issues of theory and history of psychology]. In Luriya A.R., Yaroshevsky M.G. (ed.). Moscow: Pedagogika Publ., 1982. 488 p. (In Russ).
4. Gabdualiyev M.T. K voprosu o kategorii «psikhologiya» v nauke konstitutsionnogo prava [On the issue of the category of "psychology" in the science of constitutional law]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. 2014. no 1 (96). pp. 51-55.
5. Yenikeyev M.I. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. Moscow: Norma Publ., 2005. 256 p. (In Russ).
6. Il'ina V.A. K voprosu o predmete yuridicheskoy psikhologii [On the subject of legal psychology]. *Psikhologiya i parvo* [Psychology and law]. 2018. Vol. 8. no 2. pp. 89-100. doi:10.17759/psylaw.2018080207
7. Luriya A.R. Lektsii po obshchey psikhologii [Lectures on general psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2004. 320 p. (In Russ).
8. Menyaylo D.V. Russkiy pravovoy mentalitet i pravovaya kul'tura [Russian legal mentality and legal culture]. *Pravovaya kul'tura v Rossii na rubezhe stoletiy: materialy Vseros. nauchno-teor. konf.* [Legal culture in Russia at the turn of the century]. In Voplenko N.N. (ed.). Volgograd: Izd. gruppy VRO MSYU Publ., 2001. p. 71.
9. Nurkova V.V., Berezanskaya N.B. Obshchaya psikhologiya [General psychology]. Moscow: Izd-vo Yurayt Publ., 2015. 604 p. (In Russ).
10. Obshchaya psikhologiya: v 7 t. / pod red. B.S. Bratusya. Tom. 1. Sokolova Ye.Ye. Vvedeniye v psikhologiyu [General psychology]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya» Publ., 2007. 352 p. (in Russ).
11. Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskaya yurisprudentsiya kak mezhdistsiplinarnaya nauka i oblast' psikhopraktiki [Psychological jurisprudence as an interdisciplinary science and the field of psychopractice]. *Psikhologiya i parvo* [Psychology and Law]. 2017. Vol.7. no1. pp. 206-219.
12. Psikhologiya: uchebnik [Psychology: a textbook]. In Sosnovsky B.A. (ed.). Moscow: Izd-vo Yurayt Publ.; ID Yurayt Publ., 2011. 799 p. (In Rus).
13. Romanov V.V. Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. 6-ye izd., pererab. i dop. [Legal psychology]. Moscow: Yurayt Publ., 2015. 537 p. (In Russ).
14. Safuanov F.S. Sushchestvuyet li spetsial'naya metodologiya yuridicheskoy psikhologii? Priglaseniye k diskussii [Is there a special legal psychology methodology? Invitation to the discussion]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2011. no 1. pp. 8-19.
15. Sorokin V.V. Pravovaya psikhologiya: voprosy obshchey teorii prava: Monografiya [Legal psychology: questions of the general theory of law]. Barnaul: Azbuka Publ., 2015. 356 p. (In Russ.).

Моральные дилеммы и особенности личности

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, заведующий отделом медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (enikolopov@mail.ru)

Медведева Т.И., научный сотрудник отдела медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (medvedeva.ti@gmail.com)

Воронцова О.Ю., научный сотрудник отдела медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (okvorontsova@inbox.ru)

В исследовании анализируется связь морального выбора и эмоционального интеллекта, личностных особенностей, имплицитных предпочтений, способности опираться на эмоциональный опыт. В исследовании приняли участие 40 здоровых испытуемых и 34 пациента НЦПЗ. Все испытуемые выполнили: «Моральные дилеммы», *Игровую задачу (IGT)*, *Тест эмоционального интеллекта (MSCEIT V2.0)*, *Я-структурный тест Г. Аммона (ISTA)*, *Тест имплицитных ассоциаций (IAT)*. Показано, что количество утилитарных выборов в «личностных» дилеммах возрастает при ухудшении способности распознавать эмоции других людей, уменьшении амбивалентности в оценке собственного состояния, снижении способности управлять эмоциями. При принятии решений люди, делающие утилитарные выборы, опираются на опыт отдаленных отрицательных последствий, сиюминутный эмоциональный эффект у них снижен. Утилитарные личностные выборы увеличивались при снижении способности конструктивно проявлять свою агрессию, воспринимать собственный страх и страх других людей, при проявлении патологического нарциссизма, деструктивных внутреннего и внешнего отграничений. Предпочтение утилитарных решений связано с имплицитным предпочтением «смерти».

Ключевые слова: моральные дилеммы, личностные особенности, эмоциональный интеллект, расстройства личности, принятие решений, имплицитные ассоциации.

Для цитаты:

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю. Моральные дилеммы и особенности личности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 141-155. doi: 10.17759/psylaw.2019090210

For citation:

Enikolopov S.N., Medvedeva T.I., Vorontsova O.Yu. Moral dilemmas and personality traits. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.141-155. doi: 10.17759/psylaw.2019090210

Моральное чувство играет решающую роль в определении поведения человека в социуме. Проблема морального выбора имеет важное практическое значение при исследовании причин и профилактики девиантного и криминального поведения, так как общей чертой людей, склонных к антисоциальному, нарушающему правила поведению является несоблюдение моральных принципов. Анализ личностных особенностей людей, способных сделать выбор, который при рациональных рассуждениях представляется выгодным, но противоречит моральным принципам, важен также и для решения практических задач искусственного интеллекта, разработки компьютерных программ, которые должны самостоятельно принимать потенциально опасные для человека решения, например, при управлении автомобилем без водителя, дронами. Можно ли давать право компьютерной программе, нечувствительной к эмоциям, принимать моральное решение. Какими качествами должны обладать люди, разрабатывающие эти программы, на какие ценности, убеждения они должны опираться при разработке этих программ?

Моральный выбор или моральные суждения можно рассматривать как принятие решений с большим или меньшим вовлечением эмоций. И если в течение большей части прошлого века принятие решений трактовалось как рациональный выбор, то, начиная с исследований Д. Канемана и А. Тверски, [5] упор делается на субъективные и личностные факторы в принятии решений. В 1990-х гг. А. Дамасио и его коллеги опубликовали серию исследований по изучению принятия решений пациентами с повреждением вентромедиальной префронтальной коры. Их реальное принятие решений явно ухудшалось из-за поражений, но их дефицит обычно не удавалось обнаружить с использованием стандартных показателей исполнительных функций, он касался в первую очередь социального поведения, общения, способности к эмпатии. Используя Игровую задачу (IGT), предназначенную для имитации принятия решений в реальной жизни в ситуации неопределенности и риска, А. Бечара и его коллеги [9] показали эти поведенческие дефициты и продемонстрировали, что эти дефициты являются эмоциональными. Такие пациенты принимают плохие решения, потому что они не могут генерировать чувства, которые «направляют» адаптивное принятие решений у здоровых людей.

Влияние когнитивных и эмоциональных процессов на мораль рассматривал J.D. Greene [16], он предложил теорию двойного процесса (dual-process theory); в этой теории различаются быстрая, бессознательная и не требующая усилий аффективная система и медленная, сознательная и требующая усилий когнитивная система. J.D. Greene с соавторами [15] предложили для исследований 50 дилемм, которые делились на три группы: «нейтральные» дилеммы (еще их называют «внеморальные»), «морально безличностные» и «морально личностные». Испытуемым предлагалось вынести свои суждения по поводу различных воображаемых ситуаций.

«Нейтральные» дилеммы не требуют разрешения каких-либо конфликтов между разумом и эмоциями. «Морально безличностные» дилеммы затрагивают мораль и эмоции, но не вызывают сильного внутреннего конфликта между утилитарными соображениями (как добиться максимального «совокупного блага») и эмоциональными ограничениями или запретами: *«Вы дежурите в больнице. Из-за аварии в вентиляционную систему попал ядовитый газ. Если вы ничего не предпримете, газ попадет в палату с тремя пациентами и убьет их. Единственный способ их спасти — это повернуть особый рычаг, который направит ядовитый газ в палату, где лежит только один пациент. Он погибнет, зато те трое будут спасены. Повернете ли вы рычаг?»*

«Морально личностные» дилеммы требуют разрешения острого конфликта между утилитарными соображениями о наибольшем общем благе и необходимостью совершить своими руками поступок, против которого восстают эмоции. Например: *«Неуправляемая вагонетка несется по рельсам по направлению к 5 рабочим, которые будут раздавлены, если вагонетка не остановится. Вы находитесь на пешеходном переходе над рельсами, как раз между вагонеткой и рабочими. Рядом с вами стоит незнакомец, очень крупный человек. Единственный способ спасти пятерых рабочих столкнуть незнакомца на рельсы, и тогда его тело остановит вагонетку. Незнакомец погибнет, но пять человек будут спасены. Столкнете ли вы незнакомца на рельсы, чтобы спасти пятерых рабочих?»*

Сложные личностные дилеммы находятся в противоречии с моральными принципами и ведут к конфликтной ситуации. Если окончательное решение оказывается утилитарным (рациональным), превалирует когнитивный контроль, связанный с предпочтением отсроченного выигрыша, с подавлением эмоций [21]. И если при решении «безличностных» дилемм задействована преимущественно когнитивная система, то при решении «личностных» дилемм — аффективная.

Нейробиологические детерминанты морального поведения подтверждены различными исследованиями с помощью методов нейровизуализации [16; 13; 15], при изучении больных с повреждениями мозга [18; 14].

Исследователи выявляют группу «рациональных» людей, которые сознательно предпочитают утилитарные выборы, они отличаются большими размерами рабочей памяти, логическим мышлением [24]. Однако помимо наличия этой небольшой группы исследования показывают, что люди, которые делают преимущественно утилитарные выборы, отличаются тем, что обладают набором психологических характеристик, среди которых могут быть: агрессивность, социопатия, бесчувственность, патологический нарциссизм, эмоциональный дефицит, низкий уровень страха и поведенческая дисрегуляция. Степень выраженности данных черт в популяции может варьировать от уровня акцентуаций характера до клинически выраженной патологии, рассматриваемой в психиатрии в рамках расстройства личности, в частности, нарциссической патологии, асоциального и пограничного расстройств.

В ряде исследований испытуемые с подобными характеристиками называются «психопатами», а под выраженностью психопатии чаще всего понимаются социопатические черты, которые выявляются с помощью опросников. Учитывая решающую роль эмоций в моральном суждении и тот факт, что именно социальный/эмоциональный дефицит наблюдается у людей с психопатическими чертами, можно было бы ожидать увеличения утилитарных выборов у людей с высоким уровнем психопатических черт. Эмпирические исследования на основе дилемм J.D. Greene подтверждают эту гипотезу [8; 20; 11]. Помимо клинических оценок выраженности психопатии, исследуются связи между моральными выборами и выраженностью макиавеллизма, чувства бессмысленности жизни [8]; показано, что среди тех, кто руководствуется утилитарным выбором чаще встречаются эмоционально бесчувственные люди, имеющие склонность к манипулированию.

Кроме того, исследования с использованием нейровизуализации показывают, что снижение активности в ряде областей во время оценки моральных дилеммы, включая вентромедиальную префронтальную кору и миндалину, связано с повышением показателей психопатических черт [12]. Нарушения, которые приводят к функциональному

разъединению эмоциональных и когнитивных оценок в моральном суждении, также обнаружены у криминальных психопатов [22]. В работе [23] обобщены ключевые результаты исследований изображений головного мозга, как при антисоциальном поведении, так и при моральных суждениях. Совпадения областей мозга, нарушение в работе которых связано и с антисоциальным поведением и с моральными суждениями, позволяет предположить, что нарушения норм и правил, характерные для людей, склонных к антиобщественным, насильственным и другим психопатическим проявлениям, отчасти обусловлены нарушениями в некоторых структурах мозга (дорсо-вентральная префронтальная кора, миндалина и угловая извилина), которые ответственны за моральное чувство и эмоции.

Однако есть исследования, которые не находят связи между психопатическими чертами и утилитарными выборами. Так, есть авторы [10], которые утверждают, что у психопатов есть нормальное понимание правильного и неправильного, но при этом нарушена регуляция нравственно адекватного поведения. Психопаты понимают различие между правильным и неправильным, но не заботятся о таком знании или о последствиях, которые вытекают из их морально неадекватного поведения. М. Koenigs с коллегами [17] выдвинули гипотезу о том, что неудачи в выявлении связи между психопатией и утилитарными моральными суждениями в ряде исследований могут быть обусловлены гетерогенностью групп. Так, в группе заключенных мужчин они обнаружили, что, хотя по сравнению с группой нормы психопаты из групп как с низким, так и с высоким уровнем тревоги склонны давать положительные ответы на безличностные дилеммы; только психопаты с низким уровнем тревоги склонны аномально часто давать утилитарные личностные решения, предполагая, что высокая тревога может нивелировать связь между психопатическими чертами и утилитарным моральным суждением.

Другая проблема касается возможного эффекта агрессии на связь между психопатическими чертами и моральными суждениями [11]; показано, что участники, которые набрали больше баллов по мерам агрессии, более склонны давать утилитарные ответы на все моральные дилеммы.

Помимо связи с психопатическими чертами, изучается связь между моральными решениями и способностью понимать и регулировать свое эмоциональное состояние и эмоциональное состояние других — с эмоциональным интеллектом и алекситимией [19]. Анализ результатов выявил два скрытых фактора — ясность эмоций и внимание к эмоциям. Среди факторов основную роль играет низкая ясность эмоций, отражающая трудности в рассуждении о своих эмоциях; именно этот параметр предсказывает утилитарные «личностные» выборы в моральных дилеммах.

На моральный выбор оказывают влияние убеждения, предпочтения, которые не всегда осознаются. Возможно, некоторым людям удастся выйти из конфликта, подавив эмоциональную реакцию, так как их эмоциональная реакция была не такой сильной из-за субъективного снижения эмоциональной значимости «жизни». Ранее было показано, что эмоциональная значимость «жизни» снижена у людей из группы суицидального риска [3].

Приведенный выше краткий обзор исследований показывает разнообразие подходов и соответственно используемых методик. В нашем исследовании нам было важно оценить такие личностные черты, как агрессивность, бесчувственность, нарциссизм, эмоциональный дефицит, уровень страха и поведенческую дисрегуляцию как устойчивые

особенности личности, связанные с патологическими состояниями, отражающими такое понятие, как структура личности. Эти особенности могут быть выраженными не только у психиатрических больных с личностными расстройствами, но и в группе нормы. Для оценки таких особенностей в нашем исследовании использовался «Я-структурный тест Г. Аммона».

Целью исследования был анализ связи морального выбора и способности опираться на прошлый эмоциональный опыт, понимания социального контекста и собственного эмоционального состояния, личностных особенностей, имплицитных предпочтений.

Материал и методы

В исследовании приняли участие 40 здоровых испытуемых (19 мужчин и 21 женщина, средний возраст — $25,4 \pm 2,12$), которые составили «группу нормы», и 34 пациента Научного центра психического здоровья (16 мужчин и 18 женщин) с диагнозами расстройства личности (F60.x) (средний возраст — $25,4 \pm 2,12$). Группы статистически не различались по демографическим и возрастным показателям. Всего в исследовании приняли участие 74 человека.

Все испытуемые выполнили тест **«Моральные дилеммы»**, который включал выборку из 30 дилемм, предложенных J.D. Greene [15] и переведенных на русский язык [2] — 10 нейтральных, 10 «безличностных» и 10 «личностных» дилемм.

Способность принимать решения, основанные на эмоциональном опыте, оценивалась с помощью **Игровой задачи** (Iowa gambling task — IGT), разработанной A. Bechara [9; 6]; были введены новые параметры, которые позволили оценить не только суммарно «хорошие» или «плохие» колоды, но и суммарно колоды с частыми или редкими проигрышами: параметр **«BD-AC — предпочтение редких проигрышей»** (высчитывается как разница между суммой выборов из колод В и D и суммой выборов из колод А и С); параметр **«B-A — предпочтение редких проигрышей среди «хороших» колод** (высчитывается как разница между выборами из колоды В и колоды А); параметр **«D-C — предпочтение редких проигрышей среди «хороших» колод** (высчитывается как разница между выборами из колоды D и колоды С).

Тест эмоционального интеллекта Мэйера—Сэловея—Карузо (MSCEIT V2.0) [7] (в дальнейшем ЭИ). Для обработки результатов теста использовался вариант кодировки по консенсусу. В качестве «группового эксперта» использовались ответы 60 человек из группы здоровых испытуемых. В данном исследовании использовались секции восприятия эмоций: А-«оценка_лиц», Е-«оценка_пейзажей_картин». Был введен новый параметр для оценки расхождения в восприятии эмоций других людей по лицам и эмоций, выраженных в пейзажах и абстрактных картинах, для оценки которых нужно понимать свои собственные эмоции. Параметр назван **«относительное снижение оценки своего эмоционального состояния»** и вычисляется как разница в стенах между секциями А (оценка_лиц) и Е (оценка_пейзажей_картин). Кроме того, оценивался параметр **«амбивалентность»**, который вычислялся как сумма всех сделанных выборов по секции Е. Высокие показатели этого параметра говорят о том, что испытуемый полагает, что в предъявленной картине или пейзаже выражены в достаточно высокой степени одновременно разные чувства и эмоции.

«**Я-структурный тест Г. Аммона**» («Ich Structur Test Ammon», ISTA) [1] — позволяет оценить спектр патологических состояний, которым соответствует сложившийся тип организации структуры личности.

Модифицированный **Тест имплицитных ассоциаций (IAT)**. В модифицированной версии IAT испытуемые сортировали стимульные слова, представляющие объекты из категорий «Смерть» и «Жизнь» и атрибуты, связанные с самим испытуемым — категории «Я» и «Не Я». Для каждого испытуемого вычислялся *IAT-эффект* (в работе A.G.Greenwald он называется *Dscore*) [14].

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью пакета программ SPSS.

Результаты

MSCEIT. Корреляционный анализ (табл. 1) показал, что снижение способности адекватно оценивать эмоциональное состояние других людей по лицам (параметр «оценка лиц») связано с повышением «личностных» моральных выборов.

Таблица 1

Корреляция выполнения Теста эмоционального интеллекта MSCEIT и «Моральных дилемм»

Моральные дилеммы	Тест эмоционального интеллекта MSCEIT			
	Оценка лиц (секция А)	Регуляция собственных эмоциональных состояний (секция D)	Амбивалентность в оценке собственного состояния (по секции Е)	Относительное снижение оценки своего эмоционального состояния
Личностные дилеммы	-,433*	-,495*	-,570*	-,678**

Примечание: уровень статистической значимости: ~ $p < 0,1$; «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

У тех, кто делает больше личностных выборов, снижена способность эффективно управлять своими эмоциями (секция D), меньше нюансов в оценке собственного эмоционального состояния (снижается амбивалентность). Корреляция «личностных» выборов с параметром «амбивалентность» показывает, что оценка своего эмоционального состояния, лишённая амбивалентности, сложности, нюансов, увеличивает количество «личностных» выборов.

Относительное снижение оценки своего эмоционального состояние по сравнению со способностью оценивать эмоции других людей (параметр «относительное снижение оценки своего эмоционального состояния») также значимо коррелирует с «личностными» выборами.

Анализ выполнения **теста Аммона** (табл. 2) показал, что личностные выборы увеличивались при увеличении патологических проявлений «дефицитарной тревоги/страха», «деструктивного» и «дефицитарного нарциссизма», «деструктивного внутреннего» и «внешнего» отграничений и, соответственно, при снижении конструктивных проявлений агрессии, тревоги/страха, внутреннего отграничения, нарциссизма.

Таблица 2

Корреляция выполнения теста Аммона и «Моральных дилемм»

Моральные дилеммы	Тест Аммона								
	Агрессия конструктивная	Тревога/Страх конструктивный	Тревога/Страх дефицитарный	Внешнее Я-отграничение деструктивное	Внутреннее Я-отграничение конструктивное	Внутреннее Я-отграничение деструктивное	Нарциссизм конструктивный	Нарциссизм деструктивный	Нарциссизм дефицитарный
Личностные дилеммы	-,331*	-,338*	,418**	,315*	-,468**	,304*	-,318*	,354*	,416**

Примечание: уровень статистической значимости: ~ $p < 0,1$; «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

ИГТ. Испытуемые, которые делали мало выборов в личностных дилеммах в Игровой задаче предпочитали выбор из колод, в которых проигрыш случается редко и отдален во времени (значимо выше значение параметра «BD-AC») (табл. 3), такой выбор колод означает важность для испытуемого частоты проигрыша, а именно того факта, что проигрыш случается редко. И напротив, тот, кто делал больше личностных выборов, предпочитал «плохую» колоду А по сравнению с «плохой» колодой В — и «хорошую» колоду С — по сравнению с «хорошей» колодой D. Эти колоды (А и С) отличаются тем, что имеют меньший размер проигрыша. Преимущественный выбор из этих колод означает относительную важность для испытуемого величины проигрыша и учет отдаленного отрицательного эффекта.

Таблица 3

Корреляция выполнения Игровой задачи (IGT) и IAT и «Моральных дилемм»

	Игровая задача (IGT)	Тест имплицитных предпочтений (IAT)
Моральные дилеммы	Предпочтение редких проигрышей (BD-AC)	IAT-эффект (сила ассоциации «Я+Смерть»)
Личностные дилеммы	-,245**	,247**

Примечание: уровень статистической значимости: $\sim p < 0,1$; «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Анализ выполнения *Теста имплицитных ассоциаций (IAT)* показал, что увеличение личностных выборов (табл. 3) связано с имплицитным предпочтением «смерти» — увеличение *IAT-эффекта* означает сдвиг в сторону ассоциативной связи «Я+Смерть».

Обсуждение

Понимание социального контекста, эмоциональных состояний других, способность к пониманию и регуляция собственных эмоциональных состояний оценивались с помощью теста эмоционального интеллекта MSCEIT. Результаты показали, что количество утилитарных «личностных» выборов в моральных дилеммах возрастает при ухудшении способности распознавать эмоции других людей при относительно хорошей способности распознавать собственные эмоции (отрицательная корреляция с параметром «Относительное снижение оценки своего эмоционального состояния» в тесте MSCEIT). У тех, кто делает больше личностных выборов, меньше нюансов в оценке собственного эмоционального состояния (снижена амбивалентность). Снижение способности к регуляции собственных эмоций, использование неадекватных методов для этого также связаны с большим количеством «личностных» выборов (отрицательная корреляция с секцией D).

Особенности личности в нашем исследовании оценивались с помощью опросника Аммона, который позволяет оценить выраженность патологических состояний. Анализ показал, что личностные выборы увеличивались при увеличении патологических проявлений: дефицитарной тревоги/страха, деструктивного и дефицитарного нарциссизма, деструктивного внутреннего и внешнего отграничений, и, соответственно, при снижении конструктивных проявлений агрессии, страха, внутреннего отграничения, нарциссизма.

Повышение количества личностных выборов связано со снижением параметра «Конструктивная агрессии», что означает снижение способности иметь и отстаивать свои идеи, мнения, точки зрения. Не было выявлено связи с другими показателями агрессии,

хотя в одном из предыдущих исследований выявлена корреляционная связь личностных выборов в моральных дилеммах с уровнем враждебности у больных депрессией [2].

При низких показателях «*Конструктивной тревоги/страха*» может отмечаться отсутствие реалистической оценки опасности, что связано с ослаблением или даже нарушением гибкой эмоциональной регуляции поведения, которая проявляется также и в тесте на эмоциональный интеллект в нашем исследовании. При выраженной «*Дефицитарной тревоге/страхе*» также мало, как собственный страх, воспринимается и страх других людей, наблюдается тенденция к эмоциональному обесцениванию важных событий. Этот результат аналогичен результату, полученному в других исследованиях [17; 11], проведенных на выборках испытуемых с выраженными психопатическими чертами. Следует отметить, что, согласно концепции Г. Аммона, при значительной выраженности по шкале дефицитарной тревоги/страха вероятно наличие заместительной склонности к употреблению алкоголя, психотропных веществ или наркотиков и/или сопряженное с этим пребывание в криминальной среде, что важно при оценке риска девиантного поведения.

Количество утилитарных «личностных» выборов увеличивается при росте «*Деструктивного внешнего отграничения*», которое проявляется в жестком эмоциональном дистанцировании, неумении гибко регулировать межличностные отношения, эмоциональной безучастности к трудностям, проблемам и потребностям других людей.

При низких показателях по шкале «*Конструктивного внутреннего Я-отграничения*» и одновременном повышении «*Деструктивного внутреннего Я-отграничения*» отмечается дисбаланс мыслей и чувств, эмоций и действий, жесткая ориентация на сугубо рациональное постижение действительности, недопускающая интуитивные и чувственные решения, что проявляется в увеличении утилитарных «личностных» выборов.

Обращает на себя внимание тот факт, что оценка себя, операционализируемая в шкалах «нарциссизма», оказывается наиболее патологичной при высоких показателях «личностных» выборов. У этих испытуемых снижен «*Конструктивный нарциссизм*» и одновременно повышены показатели как «*Деструктивного нарциссизма*», так и «*Дефицитарного нарциссизма*». Это проявляется в отсутствии позитивного и адекватного реальности отношении к себе, в выраженной противоречивости самооценки, несогласованности отдельных ее компонентов, нестабильности отношения к себе, трудности в интерперсональных контактах; можно отметить тенденцию постоянно контролировать собственную экспрессию и тенденцию к манипулированию. При этом существуют выраженные трудности выделения собственных мотивов и желаний, взглядов и принципов, в том числе моральных, а также бедность эмоциональных переживаний. Эти результаты также соответствуют ранее полученным результатам в исследованиях морального выбора при макиавеллизме [8], одним из проявлений которого является патологический нарциссизм.

При принятии решений на основе прошлого эмоционального опыта, который оценивался с помощью Игровой задачи (IGT), большое количество утилитарных выборов делали люди, которые опирались на опыт отдаленных отрицательных последствий, сиюминутный эмоциональный эффект был снижен.

Количество положительных выборов в «личностных дилеммах» значимо увеличивается при сдвиге *IAT-эффекта* в сторону ассоциации «Я + Смерть». То есть

испытуемые, которым удалось выйти из морального конфликта, подавив эмоциональную реакцию при решении «Моральных дилемм», значимо чаще демонстрировали имплицитное предпочтение «смерти», субъективное снижение эмоциональной значимости «жизни» для себя лично. Ранее проведенные исследования показывают эту связь [4; 2].

Выводы

Показана связь моральных решений и понимания социального контекста и собственного эмоционального состояния, личностных особенностей, способности опираться на прошлый эмоциональный опыт, имплицитных предпочтений.

Количество утилитарных выборов в «личностных» моральных дилеммах возрастает при ухудшении способности распознавать эмоции других людей; у таких испытуемых меньше нюансов в оценке собственного эмоционального состояния, снижена способность эффективно управлять своими эмоциями.

При принятии решений люди, делающие утилитарные выборы, опираются на опыт отдаленных отрицательных последствий, сиюминутный эмоциональный эффект у них снижен.

Утилитарные личностные выборы увеличивались при снижении способности конструктивно проявлять свою агрессию, воспринимать собственный страх и страх других людей. Утилитарные выборы увеличиваются при проявлении патологического нарциссизма. Также на увеличение утилитарных решений влияют проявления деструктивного внутреннего и деструктивного внешнего отграничений.

Предпочтение утилитарных решений связано с имплицитным предпочтением «смерти».

Полученные результаты позволяют выявить особенности личности, влияющие на моральный выбор.

Литература

1. Аммон Г. Динамическая психиатрия. СПб.: Психоневрол. ин-т, 1995. 198 с.
2. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Казьмина О.Ю. и др. Моральные суждения и имплицитное отношение к смерти при суицидальном риске // Суицидология. 2018. Т. 9. № 1. С. 44—52.
3. Казьмина О.Ю., Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. и др. Прогноз суицида при депрессии // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 38—48.
4. Казьмина О.Ю., Медведева Т.И., Щелокова О.А. и др. Депрессии юношеского и молодого возраста: предикторы прогноза суицидального риска // Психиатрия. 2014. Т. 4. № 64. С. 11—20.
5. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 600 с.

6. *Медведева Т.И., Ениколопова Е.В., Ениколопов С.Н.* Гипотеза соматических маркеров Дамасио и игровая задача (IGT): обзор [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.11.18).
7. *Сергиенко Е.А., Ветрова И.И., Мэйер Д.* Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0). М: Ин-т психологии РАН, 2010. 174 с.
8. *Bartels D.M., Pizarro D.A.* The mismeasure of morals: antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas // *Cognition*. 2011. Vol. 121. № 1. P. 154—61. doi: 10.1016/j.cognition.2011.05.010
9. *Bechara A., Damasio A.R., Damasio H. et al.* Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex // *Cognition*. 1994. Vol. 50. № 1—3. P. 7—15. doi: 10.1016/0010-0277(94)90018-3
10. *Cima M., Tonnaer F., Hauser M.D.* Psychopaths know right from wrong but don't care // *Soc Cogn Affect Neurosci*. 2010. Vol. 5. № 1. P. 59—67. doi: 10.1093/scan/nsp051
11. *Gao Y., Tang S.* Psychopathic personality and utilitarian moral judgment in college students // *Journal of Criminal Justice*. 2013. Vol. 41. № 5. P. 342—349. doi: 10.1016/j.jcrimjus.2013.06.012
12. *Glenn A.L., Raine A., Schug R.A.* The neural correlates of moral decision-making in psychopathy // *Mol Psychiatry*. 2009. Vol. 14. № 1. P. 5—6. doi: 10.1038/mp.2008.104
13. *Greene J., Haidt J.* How (and Where) Does Moral Judgment Work? // *Trends Cogn Sci*. 2002. Vol. 6. № 12. P. 517—523. doi: 10.1016/S1364-6613(02)02011-9
14. *Greene J.D.* The cognitive neuroscience of moral judgment and decision-making. In: Gazzaniga M.S., Mangun G.R. (eds), *The cognitive neurosciences* Cambridge, MA, US: MIT Press, 2014. P. 1013—1023.
15. *Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D. et al.* The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // *Neuron*. 2004. Vol. 44. № 2. P. 389—400. doi: S0896627304006348 [pii]10.1016/j.neuron.2004.09.027
16. *Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E. et al.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. Vol. 293. № 5537. P. 2105-8. DOI: 10.1126/science.1062872
17. *Koenigs M., Kruepke M., Zeier J. et al.* Utilitarian moral judgment in psychopathy // *Soc Cogn Affect Neurosci*. 2012. Vol. 7. № 6. P. 708—14. doi: 10.1093/scan/nsr048
18. *Koenigs M., Young L., Adolphs R. et al.* Damage to the prefrontal cortex increases utilitarian moral judgements // *Nature*. 2007. Vol. 446. № 7138. P. 908—11. doi: 10.1038/nature05631

19. *Koven N.S.* Specificity of meta-emotion effects on moral decision-making // *Emotion*. 2011. Vol. 11. № 5. P. 1255—61. doi: 10.1037/a0025616
20. *Langdon R., Delmas K.* Moral reasoning and psychopathic tendencies in the general community. In: *Langdon R., Mackenzie C. (eds), Emotions, imagination, and moral reasoning*. New York, NY: Psychology Press, 2012. P. 91—118.
21. *Martinez-Selva J.M., Sanchez-Navarro J.P.* Decision Making and the Emotional Brain. In: *Murphy D., Longo D.R. (eds), Encyclopedia of psychology of decision making*. New York: Nova Science Publishers, 2009. P. 197—235.
22. *Pujol J., Batalla I., Contreras-Rodriguez O. et al.* Breakdown in the brain network subserving moral judgment in criminal psychopathy // *Soc Cogn Affect Neurosci*. 2012. Vol. 7. № 8. P. 917—23. doi: 10.1093/scan/nsr075
23. *Raine A., Yang Y.* Neural foundations to moral reasoning and antisocial behavior // *Soc Cogn Affect Neurosci*. 2006. Vol. 1. № 3. P. 203—13. doi: 10.1093/scan/nsl033
24. *Moore A.B., Clark B.A., Kane M.J.* Who shalt not kill? Individual differences in working memory capacity, executive control, and moral judgment // *Psychol Sci*. 2008. Vol. 19. № 6. P. 549—57. doi: 10.1111/j.1467-9280.2008.02122.x

Moral Dilemmas and Personality Traits

Enikolopov S.N., Candidate of Psychological Science, Associate Professor, Head of the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia (enikolopov@mail.ru)

Medvedeva T.I., Researcher, Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia (medvedeva.ti@gmail.com)

Vorontsova O.Y., Researcher, Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russia (okvorontsova@inbox.ru)

The study examines the relationship of moral choice and emotional intelligence, personal characteristics, implicit preferences, the ability to rely on emotional experience. The study involved 74 subjects: 40 healthy subjects and 34 patients of the MHRC. All subjects performed the following tests: "Moral dilemmas", Iowa Gambling Task (IGT), The Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT V2.0), Ich-Struktur-Test nach Ammon (ISTA), Implicit Association Test (IAT). It is demonstrated that the number of utilitarian choices in "personality" dilemmas increases with a deterioration in the ability to recognize the emotions of other people as well as with a decrease in ambivalence in assessing one's own state and reducing the ability to control emotions. When making decisions, people who make utilitarian choices rely on the experience of delayed negative consequences, their immediate emotional effect is reduced. Utilitarian personality choices increased with the reduction of capability to attack in a constructive way, to perceive personal fear and the fear of others with pathological narcissism, destructive internal and external restrictions. The preference of practical decisions is related to the implicit preference of "depth".

Key words: moral dilemma, personal characteristics, emotional intellect, personality disorder, decision-making, implicit associations.

References

1. Ammon G. Dinamicheskaya psixiatriya [Dynamic psychiatry]. St. Petersburg: Psixonevrol. in-t, 1995. 198 p.
2. Enikolopov S.N., Medvedeva T.I., Kaz'mina O.Yu. et al. Moral'ny'e suzhdeniya i implicitnoe otnoshenie k smerti pri suicidal'nom riske [Moral judgments and implicit associations with «life» and «death» at suicidal risk]. *Suicidologiya* [Suicidology]. 2018, Vol. 9. no. 1. pp. 44-52.
3. Kaz'mina O.Yu., Enikolopov S.N., Medvedeva T.I. et al. Prognoz suicida pri depressii [Prognosis of suicide with depression]. *Voprosy' psixologii*. 2015, Vol. 3. pp. 38-48.

4. Kaz'mina O.Yu., Medvedeva T.I., Shhelokova O.A. et al. Depressii yunosheskogo i molodogo vozrasta: prediktory' prognoza suicidal'nogo riska [Adolescent depressive disorders: predictors of suicidal risk prognosis]. *Psixiatriya* [Psychiatry]. 2014, Vol. 4. no. 64. pp. 11-20.
5. Kaneman D., Slovik P., Tverski A. Prinyatie reshenij v neopredelennosti [Judgment Under Uncertainty]. Xar'kov: Gumanitarny'j centr, 2005. 600 p.
6. Medvedeva T.I., Enikolopova E.V., Enikolopov S.N. Gipoteza somaticheskix markerov Damasio i igrovaya zadacha (IGT): obzor [Damasio's Somatic Marker Hypothesis and Iowa Gambling Task (review)] [Online]. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological studies], 2013. Vol. 6. no. 32. pp. 10. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 14.11.18).
7. Sergienko E.A., Vetrova I.I., Me'jer D. Test Dzh. Me'jera, P. Se'loveya i D. Karuzo "E'mocional'ny'j intellekt" (MSCEIT v. 2.0) [The Mayer—Salovey—Caruso Emotional Intelligence Test]. Moscow: In-t psixologii RAN, 2010. 174 s.
8. Bartels D.M., Pizarro D.A. The mismeasure of morals: antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*. 2011, Vol. 121. no. 1. pp. 154-61. DOI: 10.1016/j.cognition.2011.05.010.
9. Bechara A., Damasio A.R., Damasio H. et al. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex. *Cognition*. 1994, Vol. 50. no. 1-3. pp. 7-15. DOI: 10.1016/0010-0277(94)90018-3.
10. Cima M., Tonnaer F., Hauser M.D. Psychopaths know right from wrong but don't care. *Soc Cogn Affect Neurosci*. 2010, Vol. 5. no. 1. pp. 59-67. DOI: 10.1093/scan/nsp051.
11. Gao Y., Tang S. Psychopathic personality and utilitarian moral judgment in college students. *Journal of Criminal Justice*. 2013, Vol. 41. no. 5. pp. 342—349. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2013.06.012.
12. Glenn A.L., Raine A., Schug R.A. The neural correlates of moral decision-making in psychopathy. *Mol Psychiatry*. 2009, Vol. 14. no. 1. pp. 5-6. DOI: 10.1038/mp.2008.104.
13. Greene J., Haidt J. How (and Where) Does Moral Judgment Work? *Trends Cogn Sci*. 2002, Vol. 6. no. 12. pp. 517-523. DOI: 10.1016/S1364-6613(02)02011-9.
14. Greene J.D. The cognitive neuroscience of moral judgment and decision-making. In: Gazzaniga M.S., Mangun G.R. (eds), *The cognitive neurosciences* Cambridge, MA, US: MIT Press, 2014. pp. 1013-1023.
15. Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D. et al. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*. 2004, Vol. 44. no. 2. pp. 389-400. DOI: S0896627304006348 [pii]10.1016/j.neuron.2004.09.027.
16. Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E. et al. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment. *Science*. 2001, Vol. 293. no. 5537. pp. 2105-8. DOI: 10.1126/science.1062872.

17. Koenigs M., Kruepke M., Zeier J. et al. Utilitarian moral judgment in psychopathy. *Soc Cogn Affect Neurosci.* 2012, Vol. 7. no. 6. pp. 708-14. DOI: 10.1093/scan/nsr048.
18. Koenigs M., Young L., Adolphs R. et al. Damage to the prefrontal cortex increases utilitarian moral judgements. *Nature.* 2007, Vol. 446. no. 7138. pp. 908-11. DOI: 10.1038/nature05631.
19. Koven N.S. Specificity of meta-emotion effects on moral decision-making. *Emotion.* 2011, Vol. 11. no. 5. pp. 1255-61. DOI: 10.1037/a0025616.
20. Langdon R., Delmas K. Moral reasoning and psychopathic tendencies in the general community. In: Langdon R., Mackenzie C. (eds), *Emotions, imagination, and moral reasoning.* New York, NY: Psychology Press, 2012. pp. 91-118.
21. Martinez-Selva J.M., Sanchez-Navarro J.P. Decision Making and the Emotional Brain. In: Murphy D., Longo D.R. (eds), *Encyclopedia of psychology of decision making.* New York: Nova Science Publishers, 2009. pp. 197-235.
22. Pujol J., Batalla I., Contreras-Rodriguez O. et al. Breakdown in the brain network subserving moral judgment in criminal psychopathy. *Soc Cogn Affect Neurosci.* 2012, Vol. 7. no. 8. pp. 917-23. DOI: 10.1093/scan/nsr075.
23. Raine A., Yang Y. Neural foundations to moral reasoning and antisocial behavior. *Soc Cogn Affect Neurosci.* 2006, Vol. 1. no. 3. pp. 203-13. DOI: 10.1093/scan/nsl033.
24. Moore A.B., Clark B.A., Kane M.J. Who shalt not kill? Individual differences in working memory capacity, executive control, and moral judgment. *Psychol Sci.* 2008, Vol. 19. no. 6. pp. 549-57. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02122.x.

Особенности и психологические механизмы профессионального взаимодействия участников уголовного процесса

Булгаков А. В., доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО РГГУ, профессор кафедры юридической психологии ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя (av_bulgakow@mail.ru)

Екимова В. И., доктор психологических наук, заведующая кафедрой научных основ экстремальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ (iropse@mail.ru)

Кокурин А. В., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ (kokurin1@bk.ru)

Орлова Е. А., доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии РАНХИГС (orlova.elena64@yandex.ru)

Шашкова И. А., адъюнкт кафедры юридической психологии ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя (irinashashkova@list.ru)

В статье приводятся результаты исследования психологических особенностей профессионального взаимодействия участников уголовного процесса: дознавателей или следователей (в зависимости от вида преступления), специалистов-криминалистов, потерпевших, обвиняемых в различных видах уголовных преступлений (убийство, кража, хулиганство, дорожно-транспортное происшествие).

Эмпирическая база исследования была сформирована на материале психологического обследования участников 90 ситуаций осмотра места преступления или происшествия и дальнейших действий по раскрытию четырех видов преступлений: убийство, воровство, хулиганские действия, дорожно-транспортное происшествие. Было обследовано 315 человек, из них сотрудники ОВД — 180 человек (дознаватели — 90 человек, криминалисты — 90 человек), потерпевшие — 70 человек, подозреваемые — 65 человек).

На основе полученных данных построена трехфакторная модель используемых дознавателями (следователями) психологических механизмов профессионального взаимодействия (ПВ) во взаимодействии с группой потерпевших, а также трехфакторная модель психологических механизмов профессионального взаимодействия группы потерпевших при краже.

Проведенное исследование позволило экспериментальным путем выявить структуру профессиональных компетенций дознавателей (следователей) и специалистов-криминалистов, а также противоречия стадии дознания для каждой профессиональной группы в процессе профессионального взаимодействия.

Ключевые слова: участники уголовного процесса, профессиональное взаимодействие, профессиональные компетенции, межгрупповая адаптация.

Для цитаты:

Булгаков А.В., Екимова В.И., Кокурин А.В. и др. Особенности и психологические механизмы профессионального взаимодействия участников уголовного процесса. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 156-167. doi: 10.17759/psylaw.2019090211

For citation:

Bulgakov A.V., Ekimova V.I., Kokurin A.V. et al. Features and psychological mechanisms of professional interaction of participants of criminal process. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.156-167. doi: 10.17759/psylaw.2019090211

Криминальная ситуация в современном российском обществе продолжает оставаться достаточно сложной. Во многом это объясняется тем, что на преступность, тесно связанную со всем укладом жизни общества (экономикой, политикой, культурой, нравственно-психологической обстановкой и другими условиями жизнедеятельности), негативное влияние оказывают существующие в нем противоречия, приводящие к тяжелым криминогенным последствиям. Чтобы избежать уголовной ответственности, преступники используют разные способы и методы воздействия, в том числе запугивание потерпевших, свидетелей, давление на них другими способами, совершают попытки подкупа не только потерпевших, свидетелей, но и должностных лиц правоохранительных органов и судебной системы [2; 3; 6; 8]. С другой стороны, на сложившуюся ситуацию существенно влияет недостаточно реализуемый потенциал ПВ участников уголовного процесса со стороны правоохранительных органов, осуществляющих предупреждение, выявление, регистрацию, раскрытие и расследование преступлений [9; 10].

К профессиональному взаимодействию такого рода необходимо быть готовым, однако и сегодня в системе органов внутренних дел существует проблема, связанная с дефицитом квалифицированных кадров, профессиональным становлением молодых специалистов, которые в силу своей неопытности часто допускают ошибки, связанные с нарушением прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Целью проведенного теоретико-экспериментального исследования стало выявление, описание и анализ психологических особенностей профессионального взаимодействия участников уголовного процесса: дознавателей или следователей (в зависимости от вида преступления), специалистов-криминалистов, потерпевших, обвиняемых в различных видах уголовных преступлений (убийство, кража, хулиганство, дорожно-транспортное происшествие).

Теоретическую основу исследования составили культурно-историческая теория Л.С. Выготского (принцип культурного опосредствования, реализованный в концепции межгрупповой адаптации в организациях А.В. Булгакова [1]); концептуальные подходы к изучению социальной мотивации Г. Андреевой, К. Бюлер, Г. Мерфи, Ж. Нюттена, А. Свенцицкого, Х. Хекхаузена, Ш. Чхартишвили, Т. Шибутани, П. Якобсона; положения концепций А.А. Бодалева, А.И. Донцова, Б.Ф. Ломова, В.Н. Мясищева, Н.Н. Обозова, Б.Ф. Парыгина в области взаимодействия и общения.

Для определения влияния профессиональных компетенций участников уголовного процесса на результат профессионального взаимодействия применялся следующий диагностический комплекс [8; 9; 7]: экспертные оценки профессиональных компетенций, моделирование работы дознаватель/специалист-криминалист, психосемантический анализ взаимосвязи профессиональных компетенций и профессионального взаимодействия, оценка психосемантической структуры профессиональных компетенций с помощью техники репертуарных решеток (ТРР) Дж. Келли [4].

Характеристики среды профессионального взаимодействия участников уголовного процесса в ходе раскрытия преступлений определялись авторской методикой экспертной оценки среды ПВ в ходе проведения дознания по конкретному виду совершенных преступлений на основании характеристики среды по О.Н. Маноловой [5]; экспертные оценки проводились по 10-бальной шкале [8].

Эмпирическая база исследования была сформирована на материале психологического обследования участников 90 ситуаций осмотра места преступления или происшествия и дальнейших действий по раскрытию четырех видов преступлений: убийство, воровство, хулиганские действия, дорожно-транспортное происшествие. Исследовательская выборка составила 315 человек, из них сотрудники ОВД — 180 человек (дознаватели — 90 человек, криминалисты — 90 человек), потерпевшие — 70 человек, подозреваемые — 65 человек [9].

Были спланированы и реализованы две серии констатирующего эксперимента. Первая серия эксперимента была нацелена на изучение взаимосвязи профессиональных компетенций участников уголовного процесса и их профессионального взаимодействия, вторая серия — на определение вкладов психологических механизмов профессионального взаимодействия дознавателей с равно- и разно профессионально-статусными группами.

Первая серия эксперимента проводилась как корреляционное исследование. Экспериментальную выборку составили 180 человек, из них 90 дознавателей и 90 специалистов-криминалистов. В качестве независимой переменной эксперимента было сочетание уровней развития профессиональных компетенций взаимодействующих групп. Измерение стандартных, ключевых, ведущих компетенций проводилось с помощью экспертных оценок, опросов; обработка осуществлялась параметрическими и непараметрическими математико-статистическими методами. В качестве экспертов привлекались руководители участников эксперимента, другие члены следственно-оперативных групп. Далее результаты были стандартизированы, что позволило проводить сравнение групп с разными профессиональными компетенциями. Зависимой переменной в эксперименте были показатели профессионального взаимодействия: результативность совместной деятельности, адаптационный потенциал групп, мотивационный потенциал

групп, профессиональная приверженность, соответствие субкультуры групп организационной культуре ОВД.

Вторая серия констатирующего эксперимента представляла собой соотнесение результатов корреляционных исследований по выявлению вкладов психологических механизмов профессионального взаимодействия дознавателей с равно- и разно профессионально-статусными группами.

Для уточнения параметров объекта исследования проведен экспертный опрос 62 офицеров полиции, имеющих опыт работы в следственно-оперативных группах. Опрос позволил обосновать выбор детерминирующей фазы профессионального взаимодействия участников уголовного процесса с различной компетенцией, определить его ключевые фигуры. В результате эксперты выделили дознавателя (следователя) и специалиста-криминалиста, а детерминирующей фазой уголовного процесса был определен осмотр места преступления (происшествия). По мнению экспертов, общий результат уголовного процесса зависит: на 82% — от результата совместной деятельности представителей этих профессиональных групп; на 74% — от профессиональной приверженности членов этих групп; на 67% — от соответствия профессионально-должностных и социально-статусных требований этих групп потребностям и ожиданиям, мотивам, склонностям, интересам других профессиональных групп — участников уголовного процесса. Таким образом, была проведена верификация взглядов и предыдущих результатов исследований в области права и юридической психологии.

Оказалось, что в трехмерном пространстве профессионального взаимодействия «дознаватель (следователь), специалист-криминалист» и «дознаватель (следователь)/специалист-криминалист» сложились три кластера профессиональных компетенций различного уровня развития. Низкий уровень имеют выносливость и физическая сила, уважение к подчиненным и умение вовремя заметить и поддержать инициативу подчиненных. Причем две последние компетенции являются ведущими компетенциями организации, что дает вполне определенный материал для организационной и психолого-педагогической работы руководства ОВД — участников эксперимента. Средний уровень развития имеют в ситуации ПВ все стандартные компетенции и такие ключевые компетенции, как быстрая реакция, умение брать на себя ответственность за принятые решения и действия. Наиболее развитыми являются ведущая компетенция организации — высокая требовательность и ключевая компетенция личности — сильная воля.

Факторный анализ полученных данных позволил определить вес каждого из факторов влияния профессиональных компетенций дознавателей и специалистов-криминалистов на их ПВ.

Фактор 1. Различие в профессиональных ЗУН дознавателей (следователей) и специалистов-криминалистов — вес 0,191 (37%).

Фактор 2. Соответствие мотивационного профиля дознавателей (следователей) и специалистов-криминалистов доминирующей организационной культуре ОВД — вес 0,223 (43%).

Фактор 3. Уровень соответствия профессиональных компетенций дознавателей (следователей) и специалистов-криминалистов компетенциям ОВД — вес 0,104 (20%).

Установив причинно-следственные связи, можно создать модель ПВ, применимую для различных уголовных процессов с достаточной степенью соответствия действительности, что позволит наиболее объективно проанализировать обстановку и принять оптимальное решение. Процесс ПВ детерминирован разрешением противоречий, возникающих в системе взаимодействия объективно-ситуативных, индивидуально-личностных и межгрупповых факторов, составляющих изучаемую ситуацию. В качестве основных таких противоречий выступают: уровень стандартных компетенций — противоречие между реальным уровнем знаний, навыков, умений и нормативными требованиями специалистов, входящих в следственно-оперативную группу, включая ПВ «дознаватель (следователь)/специалист-криминалист»; уровень ключевых компетенций — противоречие между психологическими качествами, ресурсным потенциалом членов групп-участников эксперимента и организационной культурой конкретного ОВД; уровень ведущих компетенций — противоречие между стремлением членов следственно-оперативных групп к оптимальным действиям в реальных условиях уголовного процесса и необходимостью отрабатывать разнообразные методы, обеспечивающие положительную оценку выполнения профессиональных задач, даваемую руководителями ОВД.

По полученным данным построена **трехфакторная модель используемых дознавателями (следователями) психологических механизмов ПВ во взаимодействии с группой потерпевших**. Единый комплекс может быть описан следующим образом.

1. *Психологический механизм ПВ «Межгрупповой неадаптивности»* определяется суммированием адаптационных факторов. Общий вес данной группы факторов составляет 14%. У членов взаимoadaptирующихся групп нет желания доминировать, они ведомы в профессиональной деятельности, в отношениях. В группах нет четко выделенных лидеров, как среди дознавателей (следователей), так и среди потерпевших, способных взять на себя ответственность за принятие и выработку путей окончательного решения уголовного дела. Выражен отрицательный показатель по критерию интернальности, в группе дознавателей преобладает показатель экстернального контроля, говорящий о склонности списывать происходящие процессы и их причины на внешние обстоятельства.

2. *Психологический механизм ПВ «Организационной идентификации»* определяется суммой организационно-субкультурных факторов. Общий вес данной группы факторов составляет 20%. Дознавателей (следователей) не удовлетворяет культура, в которой они находятся. Они отрицают культуру порядка, в которой развиваются, где формальные правила, плавность и размеренность профессиональной деятельности являются основной характеристикой. Четкие правила и рутинность мешают им достичь высокого уровня адаптивности. Отсутствует желание поддерживать плавный ход дознания. В целом, фактор характеризуется отсутствием культуры творчества при наличии культуры порядка. И поскольку нет ярко выраженных динамичных, творческих и новаторских продвижений, то культура творчества не проявляется, отсутствует потребность быть креативным и анализирующим дознавателем.

3. *Психологический механизм ПВ «Совместной деятельности»* определяется через сумму выявленных мотивационных факторов. Общий вес данной группы составляет 38%. Для профессиональной группы дознавателей актуальны потребности в высокой заработной

плате, в хороших условиях работы, в ее четком структурировании. Есть стремление быть полезным ОВД, соответствовать поставленным целям. Выражена потребность в четком структурировании работы, наличии обратной связи и информации. Такое сочетание мотивов является своеобразным индикатором стресса или беспокойства, которые могут возрасти или падать, когда человек сталкивается с серьезными изменениями в профессиональной жизни. Поэтому для снижения уровня беспокойства дознаватели (следователи) стремятся структурировать свою деятельность. В профессиональной группе нет четких лидеров, способных взять на себя ответственность за постановку задач, поэтому отсутствует потребность ставить для себя сложные цели и достигать их. Вся ответственность возлагается на формального руководителя (начальника отдела дознания).

Аналогично по результатам факторного анализа создана **трехфакторная модель психологических механизмов профессионального взаимодействия группы потерпевших при краже**. Она представляет собой совокупность факторов.

1. *Психологический механизм ПВ «Межгрупповой неадаптивности»*. Общий вес составляет 20%. Потерпевшие характеризуются высоким уровнем эмоционального дискомфорта. Нередки неуверенность, подавленность, вялость; возможно это следствие большого количества трудных ситуаций, с которыми они столкнулись в ходе дознания.

2. *Психологический механизм ПВ «Организационной идентификации»*. Общий вес — 37%. Члены группы не довольны организационной культурой, в которой они находятся. По сути, они неявно (открыто) отрицают культуру порядка и дела, хотят развиваться в культуре отношений или творчества. Им не хватает пространства для развития своих творческих способностей. Успех для них означает предоставление уникальных и новых отношений и контактов.

3. *Психологический механизм ПВ «Совместной деятельности»*. Общий вес — 43%. Для данной группы важна потребность в четком структурировании работы, в социальных контактах и формировании долгосрочных отношений. Именно на этом факте необходимо строить систему мотивации для потерпевших. Для потерпевших не важна оценка дознавателем их деятельности, они не хотят завоевывать признание со стороны других, что частично свидетельствует об отсутствии симпатии к сотрудникам ОВД, носит отпечаток воздействия их отрицательного имиджа. Для потерпевших не обязательно чувствовать собственную значимость или испытывать внимание со стороны дознавателей.

Следует подчеркнуть, что на проявления ПМ групп с различным статусом в ситуациях рассмотрения различных видов преступлений влияет схожесть структур ПМ дознавателей (следователей) и специалистов-криминалистов (рис. 1, рис. 2).

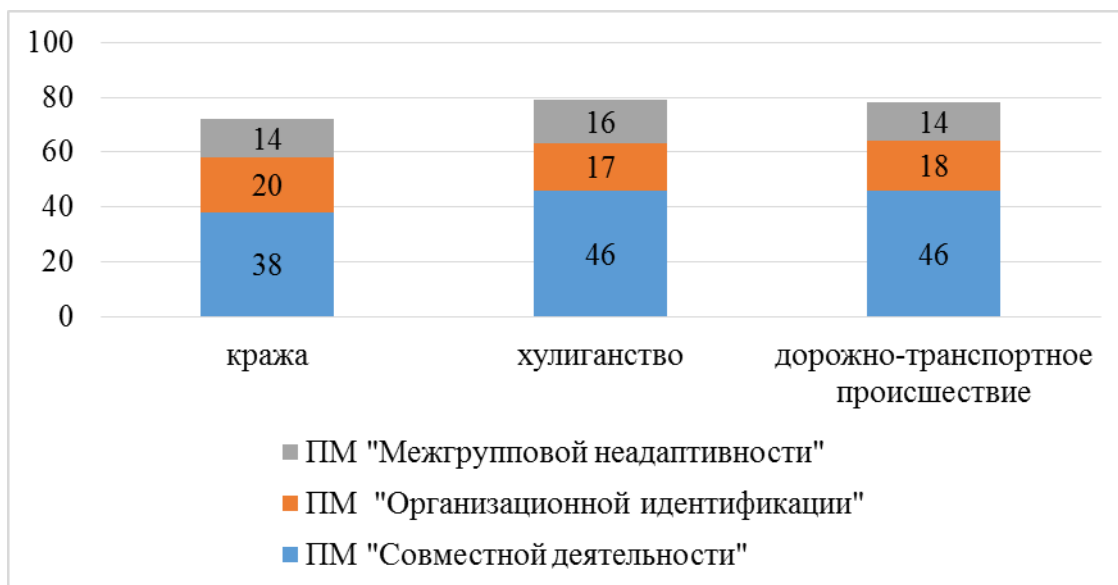

Рис. 1. Структуры психологических механизмов профессионального взаимодействия дознавателей (следователей) с потерпевшими при расследовании преступлений (в %, n=90 человек.)

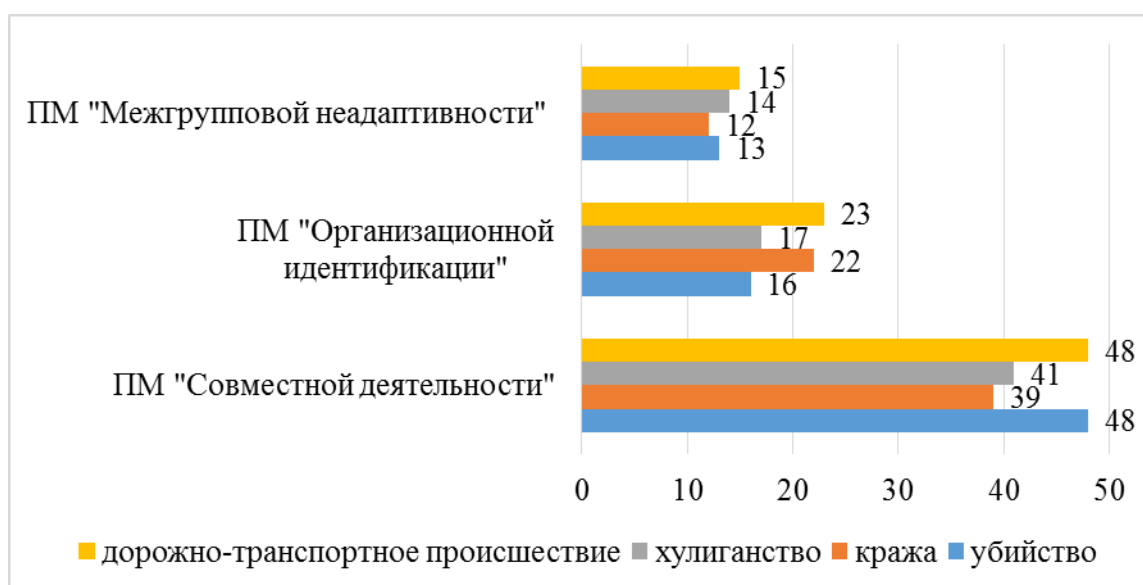

Рис. 2. Структуры психологических механизмов профессионального взаимодействия дознавателей (следователей) и специалистов-криминалистов в ходе различных видах уголовных процессов (в средних по виду преступления, в %, n=180 человек)

Математико-статистический анализ выявил (применялся фи-критерий Фишера, $p < 0,05$) как в целом наличие различий структур ПМ дознавателей (следователей) и специалистов-криминалистов, так и равнозначность некоторых элементов по отдельным видам преступлений. В ходе уголовного процесса между дознавателями (следователями) и специалистами-криминалистами, как правило, складываются амбивалентные взаимоотношения, обусловленные в большей мере личностными особенностями. Выявлено определенное недовольство специалистов-криминалистов тем, как относятся к ним дознаватели (следователи), поскольку те ведут себя часто агрессивно по отношению к ним,

пытаются доминировать, обладают отталкивающими чертами характера. Незначительная часть дознавателей (следователей) подвержена профессиональной дезадаптации — деструктивному процессу, нарушающему позитивное взаимодействие личности с ближайшим окружением: специалистами-криминалистами, остальными участниками уголовного процесса. В результате проявляются негативные социально-психологические последствия: формирование негативных характерологических акцентуаций; неадекватность (дисгармоничность) функционально-психического и личностного развития, особенно в подструктурах направленности и Я-концепции; возникновение негативных психических состояний (стойкая напряженность, гипертревожность, фрустрация, чувство отверженности, одиночества, агрессивное состояние и др.). У дознавателей (следователей) по сравнению с остальными сотрудниками ОВД формируются специфические личностные черты: конфликтность, агрессивность (нередко враждебная); тревожность, зависимость от окружающих высокого статуса и несамостоятельность в суждениях и поведении; доминирование краткосрочных целей, отсутствие целостной временной перспективы; гипертрофированные психозащитные тенденции. Они усиливают профессиональную дезадаптацию. Ее причины: глобальная (зачастую необоснованная) зависимость от группового мнения; амбивалентность ценностных ориентаций (целей и мотивов), связанных со значимыми отношениями (тенденция опасения, недоверия при одновременной излишней зависимости); выраженный самоконтроль и сдержанность и одновременно разнообразные проявления напряженности и депрессивности; сужение интересов до текущей жизнедеятельности; несформированность представлений о будущем, их невыраженная связь с прошлым и настоящим.

Далее был проведен корреляционный и кластерный анализ ПМ и дескрипторов сред. Было выявлено, что высокоорганизованная среда соответствует специфическим ПМ, ее уровень взаимосвязан со структурой ПМ, а повышение уровня организованности способствует проявлению вполне определенной насыщенной структуры ПМ. Высокоорганизованной среде соответствует доминирование ПМ «Организационной идентификации», организованной среде — ПМ «Совместной деятельности». Все сотрудники ОВД оценивают высоко устойчивость, а наиболее низко — эмоциональность. Оценки параметров среды сотрудниками ОВД в целом сопоставимы с соответствующими оценками других участников уголовного процесса. Полученные результаты свидетельствуют о значительной включенности дознавателей (следователей) во все аспекты жизнедеятельности ОВД, об их большей активности в уголовном процессе. В подавляющем большинстве случаев значения показателей средовых параметров по оценке дознавателей превышают аналогичные показатели по оценке потерпевших.

Таким образом, оценка среды ПВ дознавателями (следователями) имеет существенные отличия, обусловленные профессионально-психологическими особенностями, что позволяет сформулировать положение о соответствии среды ПВ уголовного процесса, которая комплементарна для дознавателей (следователей), поэтому является для адаптивной, принимаемой и устойчивой.

Итак, проведенное исследование позволило экспериментальным путем выявить структуру профессиональных компетенций дознавателей (следователей) и специалистов-криминалистов, а также противоречия стадии познания для каждой профессиональной группы в процессе профессионального взаимодействия [4].

Литература

1. *Булгаков А.В.* Принцип культурного опосредования как основа сравнительного анализа результатов исследований межгрупповой адаптации в организациях // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. № 10(153). С. 37—59.
2. *Клейберг Ю.А., Орлова Е.А., Орлова Ю.Л.* Ювенальная юридическая психология. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016 (2017). 184 с.
3. *Кокурин А.В., Петров В.Е.* Психолого-криминологическая характеристика личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 7(35). С. 111—123.
4. *Кондратьев М.Ю.* Социально-психологический вариант техники репертуарных решеток // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 103—110.
5. *Манолова О.Н.* Среда как психологический ресурс подростка // Мир психологии. 2007. № 4. С. 116—123.
6. *Орлова Е.А., Орлова Ю.Л.* К вопросу о диагностике профессионально важных качеств личности юриста // Материалы XII Междунар. науч.-практ. конференции «Проблемы экономики и информатизации образования». Тула, 2015. С. 132—136.
7. *Петров В.Е., Кокурин А.В.* Особенности применения пятифакторного личностного опросника в деятельности психологов органов внутренних дел // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 40—47.
8. *Столяренко, А.М.* Прикладная юридическая психология. М.: Юнити-дана, 2001. 639 с.
9. *Шашкова И.А.* Изучение психологических механизмов межгрупповой адаптации участников уголовного процесса на основании принципа культурного опосредования // Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции «Современные подходы в оказании экстренной психологической помощи». М.: МГППУ, 2018. С. 67—70.
10. *Шашкова И.А.* Развитие профессиональной Я-концепции следователя (дознавателя) в процессе учебно-профессиональной деятельности студентов // Психология обучения. 2018. № 2. С. 64—71.

Features and Psychological Mechanisms of Professional Interaction of Participants of Criminal Process

Bulgakov A. V., Ph.D. in Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation named after V. J. Kikot (av_bulgakow@mail.ru)

Ekimova V. I., Ph.D. in Psychology, Head of the Extreme psychology Department, Moscow State University of Psychology & Education (iropse@mail.ru)

Kokurin A. V., Ph.D. in Psychology, associate Professor, Moscow State University of Psychology & Education (kokurin1@bk.ru)

Orlova E. A., Ph.D. in Psychology, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (orlova.elen64@yandex.ru)

Shashkova I. A., adjunct, Moscow University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation named after V. J. Kikot (irinashashkova@list.ru)

The article presents the results of the study of psychological characteristics of professional interaction of participants in the criminal process: investigators or investigators (depending on the type of crime), forensic specialists, victims accused of various types of criminal offenses (murder, theft, hooliganism, traffic accident).

The empirical base of the research was formed on the material of psychological examination of participants of 90 situations of crime scene or incident examination and further actions on disclosure of 4 types of crimes: murder, theft, hooligan actions, traffic accident. The study surveyed 315 people, including employees of the OVD - 180 people (90 persons investigators, criminologists 90 people) are the victims — 70 persons, suspects — 65 people).

On the basis of the data obtained, a three-factor model of the psychological mechanisms of PV used by investigators in interaction with a group of victims, as well as a three-factor model of the psychological mechanisms of professional interaction of a group of victims in case of theft, was constructed.

The conducted research allowed to reveal experimentally the structure of professional competences of investigators (investigators) and forensic specialists, as well as contradictions of the inquiry stage for each professional group in the process of professional interaction.

Keywords: participants in criminal proceedings, professional interaction, professional competence, inter-group adaptation.

References

1. Bulgakov A.V. Prinzip kulturnogo oposredovaniya kak osnova sravnitel'nogo analiza rezultatov issledovaniya mezshgruppovoi adaptazii v organizatsiyah [The Principle of cultural mediation as a basis for comparative analysis of the results of studies of intergroup adaptation in organizations] // *Vestnik RGGU no.10(153). Seriya «Psychologia. Pedagogika. Obrazovanie.»* [Series "Psychology. Pedagogy. Education."] 2015. pp. 37-59.
2. Kleiberg Y.A, Orlova E.A., Orlova Y.L. Yuvenalnaya yuridicheskaya psychologia. [Juvenile legal psychology] - Moscow.: YUSTIZIA [JUSTICE], 2016 (2017). 184 p.
3. Kokurin A.V., Petrov V.E. Psychologo-kriminologicheskaya harakteristika lichnosti sotrudnikov organov vnutrennih del, osuzhdennih za sovershenie prestuplenii korrupsionnoi napravlenosti [Psychological and criminological characteristics of the personality of employees of internal Affairs bodies convicted of committing corruption crimes] // *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina.* [Bulletin of the University named after O. E. Kutafin.] 2017. no. 7 (35). pp. 111-123.
4. Kondratiev M. Y. Sozialno-psychologicheskii variant tekhniki repertuarnich reshetok [Socio-psychological variant of the technique of repertoire lattices] // *Psychologicheskaya diagnostika.* [Psychological diagnostics.] 2007. no. 5. pp. 103—110.
5. Manolova O.N. Sreda kak psychologicheskii resurs podrostka [Environment as a psychological resource of a teenager] // *Mir psychologii.* [World of psychology.] 2007. no. 4. pp. 116—123.
6. Orlova E.A., Orlova Y.L. K voprosu o diagnostike professionalno vazhnykh kachestv lichnosti yurista [On the diagnosis of professionally important qualities of the personality of a lawyer] // *Materiali XII Mezshdunar. nauch.-prakt. konferencii «Problemi ekonomiki i informatizatsii obrazovaniya».* [Materials XII international. science.-prakt.conference "Problems of Economics and Informatization of education".] — Tula, 2015, pp. 132-136.
7. Petrov V.E., Kokurin A.V. Osobennosti primeneniya pyatifaktornogo lichnostnogo oprosnika v deyatel'nosti psichologov organov vnutrennih del [Features of the five-factor personal questionnaire in the activities of psychologists of internal Affairs] // *Psychologia i pravo.* [Psychology and law.] 2016. Vol.6. no. 3. pp. 40-47.
8. Stolyarenko A.M. Prikladnaya yuridicheskaya psychologia. [Applied legal psychology] Moscow.: Yuniti-dana [Unity-dana], 2001. 639 p.
9. Shashkova I.A. Izuchenie psychologicheskikh mehanizmov mezshgruppovoi adaptazii uchastnikov ugolov'nogo prozessa na osnovanii principa kulturnogo oposredovaniya [The Study of psychological mechanisms of inter-group adaptation of participants in criminal proceedings on the basis of the principle of cultural mediation] // *Sbornik materialov VI Vseross. nauch.-prakt. konferencii «Sovremennye podhody v okazanii ekstremnoi psychologicheskoi pomotshi»* [Proceedings of the VI all-Russian scientific-practical conference "Modern approaches to the provision of emergency psychological assistance"], Moscow, MGPPU, 2018. pp. 67-70.

10. Shashkova I.A. Razvitie prifessionalnoi Ya-kontsepsii sledovatelya (doznavatelya) v prozesse uchebno-professionalnoi deyatelnosti studentov [Development of professional Self-concept of investigator (investigator) in the process of educational and professional activity of students.]// *Psychologia obuchenia. [Psychology of training.]* no. 2. 2018. pp. 64-71.

Универсальные и специфические индивидуально-психологические факторы риска попадания в дорожно-транспортное происшествие у психически здоровых и лиц с психическими расстройствами

Васильченко А.С., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» МЗ РФ (vasilchenko.alesya@gmail.com)

В статье приводятся данные исследования индивидуально-психологических и когнитивных факторов риска попадания в дорожно-транспортное происшествие в зависимости от наличия фактора психическое расстройство. Было обследовано 139 человек в возрасте от 18 до 59 лет (средний возраст 30,44 года \pm 9,56) комплексом методик, направленных на оценку индивидуально-типологических особенностей самоконтроля, индивидуально-психологических и когнитивных особенностей личности водителя. Анализ результатов позволил выделить универсальные индивидуально-психологические факторы риска попадания в дорожно-транспортное происшествие. Также были выделены характеристики, значимо отличающие водителей, виновных в ДТП, в зависимости от наличия или отсутствия фактора «психическое расстройство». Для водителей, принадлежащих к группе условной нормы характерны нарушения активационной системы, обусловленные ориентацией на награду; низкий уровень избирательности внимания, а также высокие показатели диссоциативного стиля вождения. Водителей с психическими расстройствами статистически значимо отличали высокие показатели поиска риска в структуре самоконтроля, низкий уровень осознанного планирования, ситуационная обусловленность реагирования в сочетании с подозрительностью, раздражительностью, импульсивностью и снижением критичности умственной деятельности.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, опасное вождение, факторы риска, индивидуально-психологические особенности, когнитивные особенности.

Для цитаты:

Васильченко А.С. Универсальные и специфические индивидуально-психологические факторы риска попадания в дорожно-транспортное происшествие у психически здоровых и лиц с психическими расстройствами. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 168-195. doi: 10.17759/psylaw.2019090204

For citation:

Vasilchenko A.S. Universal and specific individual and psychological risk factors for traffic accidents among mentally healthy people and people with mental disorders. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.168-195. doi: 10.17759/psylaw.2019090212

Введение

Психологические основы профилактики состояний психической дезадаптации и нарушений поведения, определение специфики психологического вмешательства с учетом социально-демографических, культуральных и индивидуально-психологических характеристик являются ведущими направлениями и содержанием медицинской психологии как научной специальности и наиболее востребованными ее научно-практическими задачами [6]. Актуальны эти проблемы и в отношении всех участников дорожного движения, в связи с высоким уровнем травматизма на дорогах и низкой транспортной культурой населения.

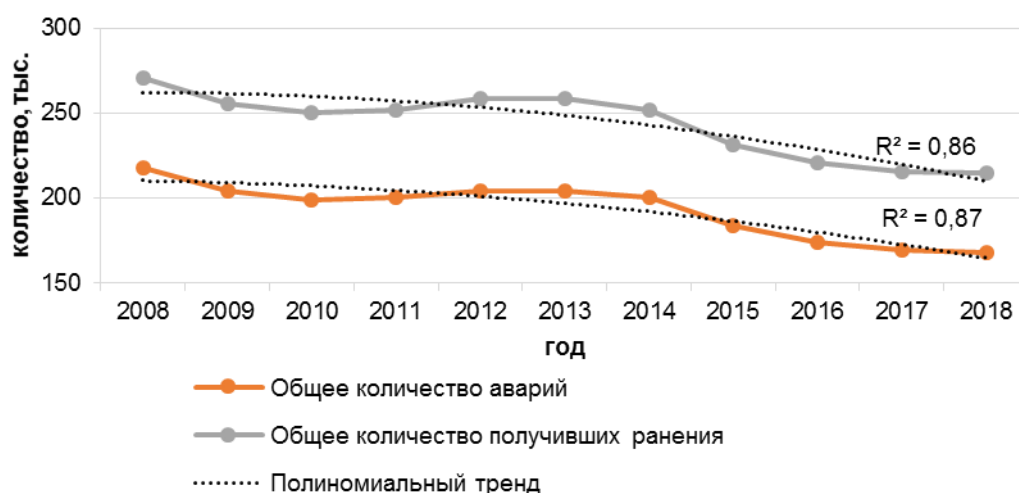

Рис. 1. Динамика количества ДТП и получивших травмы в ДТП в России

Несмотря на снижение некоторых показателей аварийности за последние годы количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) (168 тыс.), погибших (18,2 тыс.) и получивших ранения в них (214,9 тыс.) в России остается высоким.

В 2018 г. прирост количества ДТП составил 2,8%; водителями транспортных средств, принадлежащих юридическим лицам — 2,4%; из-за нарушения правил проезда пешеходного перехода — 4,8%. Увеличилось количество ДТП и число раненых из-за нарушения ПДД, допущенных водителями возрастной группы 60 и более лет: доля ДТП от общего количества составила 4,8%.

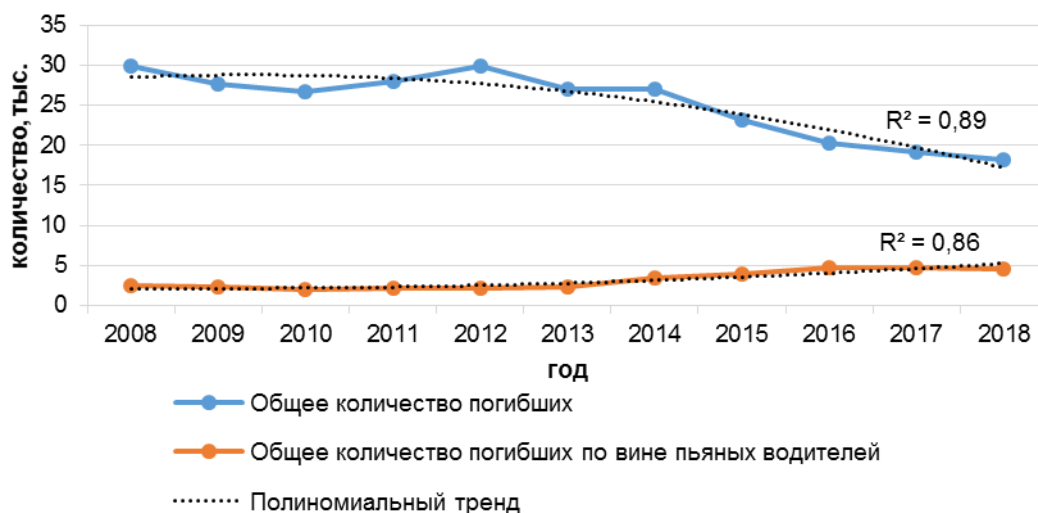

Рис. 2. Динамика количества погибших в ДТП в России, в том числе по вине пьяных водителей

Отмечается увеличение количества ДТП и пострадавших (+1,4%) по вине пьяных водителей (+1,3%) по сравнению с показателями 2017 г. Прирост количества погибших по вине пьяных водителей за последние 10 лет составил 91,67%.

Традиционно в Российской Федерации (РФ) дорожно-транспортная безопасность относилась к компетенции дорожно-постовой службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел России (ДПС ГИБДД МВД) и включала в себя такие процессуальные меры принуждения, как остановка транспортных средств (ТС) и освидетельствование на состояние опьянения. На данный момент эти административно-предупредительные меры являются основными превентивными вмешательствами в дорожно-транспортный процесс со стороны МВД [2; 4; 9]. Системный подход к решению проблем обеспечения безопасности дорожного движения предполагает учет максимально возможного количества факторов, влияющих на возникновение ДТП. В последние годы в РФ большое внимание уделялось совершенствованию законодательства в области безопасности дорожного движения, однако существует ряд нерешенных научно-практических задач оценки опасного вождения (табл. 1)

Таблица 1

Научно-практические задачи по профилактике опасного вождения

Существующая практика	Нерешенные проблемы
<p>Введено понятие «опасное вождение».</p> <p>Постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 № 477 «О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации»</p>	<p>Действующая редакция пункта закрепляет статус опасного вождения «постфактум» и не предусматривает исследования его причин</p>
<p>Внесен ряд изменений в части требований к содержанию образовательных программ, особое внимание уделяется вопросам психофизиологической и психологической подготовки водителей.</p> <p>Введены новые квалификационные требования, согласно которым водитель должен прогнозировать возникновение опасных дорожно-транспортных ситуаций в процессе управления и совершать действия по их предотвращению; своевременно принимать решения и действовать в сложных и опасных дорожных ситуациях; контролировать свое эмоциональное состояние</p>	<p>Отсутствует дифференцированный (учитывающий психический статус, индивидуально-психологические особенности личности) подход при получении разрешения на право управления транспортным средством.</p> <p>Не существует единого диагностического комплекса для раннего выявления психологических факторов опасного стиля вождения у кандидатов в водители.</p> <p>Переоцениваются значения факторов опыта и квалификации водителя при определении его безаварийности</p>
<p>Законопроект о создании единой базы данных МВД, включающей сведения о состоянии здоровья водителя</p>	<p>Отсутствие данных о влиянии психических расстройств и расстройств поведения на возможность безопасного управления транспортным средством.</p> <p>Отсутствие научно обоснованных клинико-психологических критериев допуска/не допуска к управлению транспортным средством лиц с психическими расстройствами и условной нормы</p>

Эмпирические исследования личностных свойств водителей, которые могут повлиять на управление транспортным средством, учитывают следующие переменные: возраст водителя [3; 27; 32]; общее состояние, употребление лекарств, алкоголя и наркотиков, которые ухудшают психомоторные реакции [2; 4; 23; 24]; нарушение сенсорных анализаторов, неврологические и когнитивные нарушения [2; 3; 20—22]; личностные стили и модели вождения [10; 18; 25; 28—30]; эмоциональные состояния и эмоции, испытываемые при управлении транспортным средством [2; 18]. Была показана связь импульсивности как предрасположенности к ускоренной, незапланированной реакции на воздействие внутренних или внешних раздражителей без учета возможных негативных последствий данных реакций и опасного стиля вождения [2; 3; 26].

В рамках клинико-психопатологического направления эмпирические исследования были посвящены изучению динамики острой реакции на стресс у участников ДТП [2; 13]. Изучались особенности психомоторных и эмоциональных реакций водителей [2; 12]. Особое значение в зарубежных исследованиях факторов высокорискового вождения придается эмоционально-волевой регуляции поведения и расстройствам аффективного спектра [23; 31]. Уделяется внимание когнитивным нарушениям [18; 20—22, 32] и психофизиологическим особенностям [2; 7; 8; 11; 12; 15], способным оказать влияние на стиль управления транспортным средством.

А.]. Crancer и D.L. Quiring (1969) исследовали взаимосвязь между некоторыми формами психических расстройств и способностью к вождению автомобилей. Авторы установили, что лица с аномалиями личности и «психоневротическими» расстройствами чаще попадают в ДТП. Однако частота несчастных случаев среди лиц с диагнозом шизофрении не отличается от таковой в нормативной выборке. Частота же нарушений правил вождения автотранспортных средств в группах лиц с психическими расстройствами выше, чем в контрольной группе. С.П. Разумовская (1969), И.А. Голова и соавт. (1972), О.Н. Докучаева (1978) изучали случаи, когда причиной ДТП становилось нарушение сознания в момент транспортного происшествия [1; 5; 14; 16]. Они пришли к выводу, что диагностика и клиническая квалификация этих состояний затруднена в связи с их кратковременностью. Л.Н. Давыдова и соавт. (1972), анализируя обстоятельства ДТП, выяснили, что в стрессовой ситуации у водителей наступает «дефицит информации». В такие мгновения за доли секунды следует компенсировать недостающие сведения. Это вызывает эмоции страха и растерянности с невозможностью принятия правильных решений, что приводит к тяжелым последствиям [2; 16]. Снижение качества профессиональной работоспособности водителей автотранспорта также ассоциировано с нарушениями мозгового кровообращения и пограничными нервно-психическими расстройствами, о чем свидетельствует снижение индивидуальных профессионально значимых функций и качеств водителя, повышающее риск возникновения дорожных катастроф. У водителей автотранспорта достаточно часто (75%) выявляются нарушения мозгового кровообращения и пограничные нервно-психические расстройства, особенно в случаях наличия артериальной гипертензии, нарушений ритма сердца и сахарного диабета 2-го типа [17].

Однако вопрос об индивидуально-типологических и когнитивных особенностях опасного поведения на дороге водителей с психическими расстройствами остается малоизученным. Отсутствуют данные о взаимосвязи индивидуально-психологических и когнитивных особенностей с опасным вождением на дороге. В учреждениях, занимающихся профессиональной подготовкой водителей, а также в транспортных компаниях отсутствует

комплексный скрининговый метод оценки опасного поведения на дороге для своевременного его выявления и проведения профилактических мероприятий как мер по снижению уровня дорожно-транспортного травматизма, что обуславливает высокую научно-практическую значимость для медицинской психологии.

Таким образом, **целью** настоящего исследования было выделение универсальных индивидуально-психологических факторов риска ДТП, связанных с виновностью в аварии.

Материал и методы исследования

Были обследованы 139 человек в возрасте от 18 до 59 лет (средний возраст — 30,44 лет \pm 9,56). Из них не были участниками ДТП 74 человека в возрасте от 18 до 58 лет (средний возраст — 26,46 \pm 6,85); попадали в ДТП 65 человек в возрасте от 19 до 59 лет (средний возраст — 34,91 \pm 10,19). Из них были признаны невиновными 22 человека в возрасте 20—53 лет (средний возраст — 33,18 \pm 9,26); виновными — 32 человека в возрасте 20—59 лет (средний возраст — 35,78 \pm 10,11). Были обследованы 104 психически здоровых человека в возрасте 18—59 лет (средний возраст — 29,95 \pm 9,29) и 35 человек с поставленным диагнозом о наличии психического заболевания в возрасте 21—56 лет (средний возраст — 34,86 \pm 9,11).

Критерии включения:

- стаж управления транспортным средством не менее 1 года;
- разрешение на управление транспортным средством категории «В».

Критерии исключения:

- стаж управления транспортным средством менее 1 года;
- отсутствие разрешения на управление транспортным средством категории «В».

Помимо стандартного патопсихологического обследования познавательных процессов применялись специфические методики, направленные на исследование индивидуально-психологических и когнитивных особенностей.

I. Блок оценки индивидуально-психологических особенностей:

1) опросник уровня агрессивности Басса—Перри (адаптация Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007);

2) опросник самоконтроля (Grasmick Н. с соавт., 1993; адаптация Булыгиной В.Г., Абдразяковой А.М., 2008);

3) опросник BIS/BAS (БИС-БАС) (Carver С.S., White T.L, 1994, стандартизированный Князевым Г.Г. и Слободской Е.Р., 2007);

4) многофакторный опросник стиля вождения (О. Taubman-Ben-Ari, М. Mikulincer, О. Gillath, 2004; адаптация И.А. Фурманова, Н.С. Астрейко, 2016);

5) шкала базисных убеждений (Janoff-Bulman R., 1989; адаптация Падуна М.А., Котельниковой А.В., 2007);

6) опросник «Способы совладающего поведения» (Folkman S., Lazarus R.S., 1988; адаптация Крюковой Т.Л., Куфтяк Е.В., Замышляевой М.С., 2004);

7) методика диагностики степени готовности к риску Шуберта (Ильин Е.П., 2012);

8) Мельбурнский опросник принятия решений (адаптация Т.В. Корниловой, 2007);

9) опросник «Уровень субъективного контроля» (Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд Л.М., 1984);

10) опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1988);

11) шкала диагностики враждебности Кука—Медлей (Cook W.W., Medley D.M., 1954, адаптация Собчик Л.Н.);

12) пятифакторный опросник личности (Хромов А.Б., 2000).

II. Блок оценки когнитивных функций:

1) корректурный тест Ландольта (Сысоев В.Н., 2003);

2) корректурная проба (Тест Бурдона) (Бурдон Б., 1895);

3) методика «Фигуры Готтшальдта» (Готтшальдт К., 1926);

4) тест Торндайка (Торндайк Э.Л., 1930);

5) проба Н.И. Озерецкого на динамический праксис «Кулак—ребро—ладонь» (Хомская Е.Д., 2007);

6) исследование кратковременной памяти (метод Джекобса) (Чернобай А.Д., Федотова Ю.Ю., 2005);

7) методика «Словесный лабиринт» (Черемискина И.И., 2007);

8) тест Мюнстерберга на восприятие (Калягин В.А., 2006).

Результаты и обсуждение

На основании внешнего критерия были выделены эмпирические группы: водители, никогда не попадавшие в ДТП; водители — участники ДТП, которые были признаны виновными, либо невиновными в ДТП. Выборка была сформирована из водителей условной нормы и лиц с психическими расстройствами.

Поскольку для решения задачи выделения универсальных индивидуально-психологические факторов риска ДТП, связанных с виновностью в аварии, важно учитывать влияние фактора «наличие психического расстройства»; полученные результаты изложены

в соответствующих разделах и обобщены в таблицах. Была проведена также коррекция данных при проверке на нормальность распределения (по асимметрии и эксцессу).

Универсальные индивидуально-психологические и когнитивные особенности водителей — участников дорожно-транспортных происшествий

Для выделения универсальных индивидуально-психологических и когнитивных особенностей водителей — участников ДТП общая выборка была разделена на две группы: основная группа — водители — участники ДТП; группа сравнения — водители, никогда не попадавшие в ДТП, включая и психически здоровых, и психически больных лиц (табл. 2).

Таблица 2

Значимые различия средних значений параметров индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в группах «водители — участники ДТП» и «водители, никогда не попадавшие в ДТП» (однофакторный дисперсионный анализ)

п/п	Переменные	Эмпирическое значение F	Значимость p
1	Поиск риска: «Опросник самоконтроля»	7,84	,006
2	Несдержанность: «Опросник самоконтроля»	7,03	,009
3	Доброжелательность окружающего мира: «Шкала базисных убеждений»	5,47	,023
4	Диссоциативный стиль вождения	4,42	,039
5	Опасный стиль вождения	11,3	,001
6	Агрессивный стиль вождения	6,18	,015
7	Высокоскоростной стиль вождения	8,8	,004
8	Уровень концентрации внимания	5,46	,022
9	Общий уровень готовности к риску: «Методика диагностики степени готовности к риску»	9,02	,004
10	Прокрастинация: «Мельбурнский опросник принятия решений»	5,19	,030
11	Экстраверсия—интроверсия — вторичный фактор: «Пятифакторный опросник личности»	6,11	,026

12	Доминирование—подчиненность — первичный фактор: «Пятифакторный опросник личности»	5,47	,034
13	Тревожность—беззаботность — первичный фактор: «Пятифакторный опросник личности»	5,05	,040

Использование однофакторного дисперсионного анализа позволило выделить переменные, значимо отличавшие водителей — участников ДТП (табл. 3). Это высокие показатели поиска риска и несдержанности в конструкте самоконтроля. Максимальные показатели выраженности индивидуально-психологических черт, отражающих повышенную реактивность: экстраверсия, общий уровень готовности к риску, а также низкий уровень тревожности.

Таблица 3

Универсальные индивидуально-психологические и когнитивные особенности водителей — участников ДТП

Переменные	Был участником ДТП	Не был участником ДТП
Индивидуально-типологический уровень саморегуляции		
Поиск риска: «Опросник самоконтроля»	↑	↓
Несдержанность: «Опросник самоконтроля»	↑	↓
Индивидуально-психологический уровень саморегуляции		
Общий уровень готовности к риску	↑	↓
Прокрастинация: «Мельбурнский опросник принятия решений»	↓	↑
Смысловой уровень саморегуляции		
Доброжелательность окружающего мира: «Шкала базисных убеждений»	↓	↑
Индивидуально-психологические особенности		
Экстраверсия—интроверсия —	↑	↓

вторичный фактор: «Пятифакторный опросник личности»		
Доминирование—подчиненность — первичный фактор: «Пятифакторный опросник личности»	↑	↓
Тревожность—беззаботность — первичный фактор: «Пятифакторный опросник личности»	↓	↑
<i>Поведенческий уровень</i>		
Диссоциативный стиль вождения	↑	↓
Опасный стиль вождения	↑	↓
Агрессивный стиль вождения	↑	↓
Высокоскоростной стиль вождения	↑	↓
<i>Когнитивные особенности</i>		
Уровень концентрации внимания	↓	↑

Примечание: «↑» — высокие значения фактора; «↓» — низкие значения фактора.

Обращает на себя внимание низкий уровень доверия к окружающему миру среди базисных убеждений. В ситуации принятия решения водители — участники ДТП склонны быстро реагировать, не учитывая все обстоятельства текущей ситуации, на что указывает низкий уровень планирования и оценки результатов деятельности в структуре саморегуляции поведения. Характерными особенностями профиля по методике «Многофакторный опросник стиля вождения», отражающего особенности поведения на дороге, являются высокие показатели диссоциативного, высокоскоростного, опасного и агрессивного стилей вождения, сопряженные с поиском новых ощущений, гневом, пренебрежением правилами дорожного движения, низким уровнем саморегуляции.

Универсальные индивидуально-психологические и когнитивные особенности водителей, признанных виновными в дорожно-транспортном происшествии

Для выделения универсальных индивидуально-психологических и когнитивных особенностей водителей — участников ДТП общая выборка была разделена на две группы: основная группа — водители — участники ДТП, признанные виновными; группа сравнения — водители — участники ДТП, признанные невиновными, включавшая и психически здоровых, и психически больных лиц (табл. 4).

Таблица 4

Значимые различия средних значений параметров индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в группах «водители — участники ДТП, признанные виновными» и «водители — участники ДТП, признанные невиновными» (однофакторный дисперсионный анализ)

п/п	Переменные	Эмпирическое значение	Значимость
		F	p
1	Несдержанность: «Опросник самоконтроля»	4,55	,038
2	Диссоциативный стиль вождения	7,73	,009
3	Скорость переработки зрительной информации	6,56	,015
4	Уровень избирательности внимания	35,58	,000
5	Планирование: «Стиль саморегуляции поведения»	11,93	,003
6	Моделирование: «Стиль саморегуляции поведения»	4,32	,051
7	Оценивание результатов: «Стиль саморегуляции поведения»	7,1	,015
8	Общий уровень саморегуляции: «Стиль саморегуляции поведения»	7,56	,012

Среди индивидуально-психологических переменных универсальными показателями, значимыми при отнесении водителей в группу лиц, признанных виновными в ДТП, являются системные нарушения процесса саморегуляции в виде нарушения связанности этапов саморегуляции между собой, низкие показатели таких переменных, как планирование, моделирование, оценивание результатов, общий уровень саморегуляции, а также выраженность в структуре самоконтроля трудностей удержания аффекта раздражительности. Характерными особенностями поведения на дороге являются высокие показатели диссоциативного стиля вождения, сопряженные с пренебрежением правилами дорожного движения, низким уровнем саморегуляции. Водителей, признанных виновными, значимо отличали такие когнитивные особенности, как высокая степень вработываемости, избирательности и точности внимания, обеспечивающие реактивный ответ, при низкой скорости переработки зрительной информации и утомляемости (табл. 5).

Таблица 5

Универсальные индивидуально-психологические и когнитивные особенности водителей — участников ДТП, признанных виновными/невиновными в ДТП

Переменные	Признан виновным в ДТП	Признан невиновным в ДТП
Индивидуально-типологический уровень саморегуляции		
Несдержанность: «Опросник самоконтроля»	↑	↓
Индивидуально-психологический уровень саморегуляции		
Планирование: «Стиль саморегуляции поведения»	↓	↑
Моделирование: «Стиль саморегуляции поведения»	↓	↑
Оценивание результатов: «Стиль саморегуляции поведения»	↓	↑
Общий уровень саморегуляции: «Стиль саморегуляции поведения»	↓	↑
Поведенческий уровень		
Диссоциативный стиль вождения	↑	↓
Когнитивные особенности		
Уровень концентрации внимания	↑	↓
Скорость переработки зрительной информации	↓	↑
Уровень избирательности внимания	↓	↑

Примечание: «↑» — высокие значения фактора; «↓» — низкие значения фактора.

Характеристики водителей — участников дорожно-транспортных происшествий в зависимости от наличия фактора «психическое расстройство»

При отнесении водителей без психической патологии к группе участников ДТП статистически значимый вклад вносили следующие переменные (табл. 6).

Таблица 6

Значимые различия средних значений параметров индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в группах «водители условной нормы — участники ДТП» и «водители условной нормы, никогда не попадавшие в ДТП» (однофакторный дисперсионный анализ)

№ п/п	Переменные	Эмпирическое значение	Значимость
		F	p
1	Доброжелательность окружающего мира: «Шкала базисных убеждений»	5,47	,023
2	Физическая агрессия: «Опросник уровня агрессивности Басса—Перри»	6,91	,012
3	Опасный стиль вождения	6,53	,013
4	Агрессивный стиль вождения	4,47	,039
5	Высокоскоростной стиль вождения	5,39	,024
6	Скорость переработки зрительной информации	7,49	,008
7	Уровень концентрации внимания	5,18	,026
8	Показатель точности внимания	5,23	,025
9	Уровень концентрации и избирательности внимания	5,25	,025
10	Общий уровень готовности к риску: «Методика диагностики степени готовности к риску»	8,46	,007
11	Прокрастинация: «Мельбурнский опросник принятия решений»	5,19	,030

Индивидуально-психологические: выраженность таких составляющих низкого самоконтроля, как высокий уровень готовности к риску, физической агрессии. В ситуации принятия решения водители — участники ДТП склонны быстро реагировать, не учитывая все обстоятельства текущей ситуации — низкие показатели по шкале «прокрастинация». Также эту группу отличали низкие показатели параметра «доброжелательность окружающего мира». Характерными особенностями поведения на дороге, согласно профилю методики «Многофакторный опросник стиля вождения», являются высокие показатели высокоскоростного, опасного и агрессивного стилей вождения, сопряженные с поиском

новых ощущений, гневом, пренебрежением правилами дорожного движения. Водителей без психической патологии, участников ДТП, значимо отличали такие когнитивные особенности, как высокие скорость переработки зрительной информации, уровень концентрации и избирательности внимания (табл. 7).

Таблица 7

Универсальные индивидуально-психологические факторы риска ДТП у водителей группы условной нормы

Переменные	Был участником ДТП	Не был участником ДТП
Индивидуально-психологический уровень саморегуляции		
Общий уровень готовности к риску: «Методика диагностики степени готовности к риску»	↑	↓
Прокрастинация: «Мельбурнский опросник принятия решений»	↓	↑
Физическая агрессия: «Опросник уровня агрессивности Басса—Перри»	↑	↓
Смысловой уровень саморегуляции		
Доброжелательность окружающего мира: «Шкала базисных убеждений»	↓	↑
Поведенческий уровень		
Опасный стиль вождения	↑	↓
Агрессивный стиль вождения	↑	↓
Высокоскоростной стиль вождения	↑	↓
Когнитивные особенности		
Уровень концентрации внимания	↓	↑
Показатель точности внимания	↑	↓
Скорость переработки зрительной информации	↑	↓

Примечание: «↑» — высокие значения фактора; «↓» — низкие значения фактора.

Группу водителей с психическими расстройствами — участников ДТП отличали следующие особенности (табл. 8).

Таблица 8

Значимые различия средних значений параметров индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в группах «водители с психическими расстройствами — участники ДТП» и «водители с психическими расстройствами, никогда не попадавшие в ДТП» (однофакторный дисперсионный анализ)

№п/п	Переменные	Эмпирическое значение	Значимость
		F	p
1	Трудности усвоения инструкции	6,88	,015
2	Игнорирование собственных ошибок	6,44	,019
3	Отсутствие реакции на критику	8,17	,009
4	Импульсивность	5,57	,027
5	Отсутствие чувства экспертной ситуации	21,82	,000
6	Отсутствие ориентации на успех	15,46	,001
7	Раздражительность	10,3	,004
8	Несдержанность: «Опросник самоконтроля»	7,08	,012
9	Показатель избирательности внимания	4,57	,040
10	Общий уровень саморегуляции деятельности: «Стиль поведения»	4,3	,047

Среди индивидуально-психологических переменных универсальными показателями, значимыми при отнесении лиц с психическими расстройствами в группу водителей — участников ДТП, являются выраженность таких составляющих низкого самоконтроля, как трудности удержания аффекта раздражительности и низкий общий уровень саморегуляции деятельности. Характерными патопсихологическими особенностями являются снижение критичности умственной деятельности, повышенная импульсивность и раздражительность (табл. 9).

Таблица 9

Универсальные индивидуально-психологические факторы риска ДТП у водителей с психическими расстройствами

Переменные	Был участником ДТП	Не был участником ДТП
<i>Индивидуально-типологический уровень саморегуляции</i>		
Несдержанность: «Опросник самоконтроля»	↑	↓
<i>Индивидуально-психологический уровень саморегуляции</i>		
Общий уровень саморегуляции: «Стиль саморегуляции поведения»	↓	↑
<i>Индивидуально-психологические особенности</i>		
Раздражительность (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
Повышенная импульсивность (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
<i>Когнитивные особенности</i>		
Показатель избирательности внимания	↑	↓
Трудности усвоения инструкции (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
Игнорирование собственных ошибок (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
Отсутствие реакции на критику (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
Отсутствие чувства экспертной ситуации (экспериментально-	↑	↓

психологическое исследование)		
Отсутствие ориентации на успех (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓

Примечание: «↑» — высокие значения фактора; «↓» — низкие значения фактора.

Индивидуально-психологические и когнитивные характеристики водителей, признанных виновными в дорожно-транспортном происшествии, в зависимости от наличия фактора психического расстройства

Для выделения индивидуально-психологических и когнитивных характеристик у водителей, признанных виновными в ДТП, в зависимости от наличия фактора психического расстройства мы разделили их на четыре группы: 1-я основная группа — водители, относящиеся к группе условной нормы — участники ДТП, признанные виновными; 1-я группа сравнения — водители, относящиеся к группе условной нормы — участники ДТП, признанные невиновными; 2-я основная группа — водители, имеющие психическое расстройство — участники ДТП, признанные виновными; 2-я группа сравнения — водители, имеющие психическое расстройство — участники ДТП, признанные невиновными.

При отнесении водителей без психической патологии к группе участников, виновных в ДТП, статистически значимый вклад вносили следующие переменные (табл. 10).

Таблица 10

Значимые различия средних значений параметров индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в группах «водители условной нормы — участники ДТП, признанные виновными» и «водители условной нормы — участники ДТП, признанные невиновными в ДТП» (однофакторный дисперсионный анализ)

№п/п	Переменные	Эмпирическое значение	Значимость
		F	p
1	BASR (система активации поведения, направленная на ожидание получения поощрения или награды)	6,7	,015
2	Диссоциативный стиль вождения	6,03	,025
3	Уровень избирательности внимания	35,58	,000

Индивидуально-типологические: высокие показатели шкалы «BASR» — система активации поведения, направленная на получение награды и удовольствия и приближение к событиям, содержащим потенциальную возможность награды, проявляется в повышении импульсивности и агрессивности и снижении сосредоточенности. Результаты исследования

показывают, что к когнитивным особенностям относится низкий уровень избирательности внимания. Характерными особенностями поведения на дороге являются высокие показатели диссоциативного стиля вождения, характеризующегося пренебрежением правилами дорожного движения, низким уровнем планирования и оценки результатов собственной деятельности (табл. 11).

Таблица 11

Индивидуально-психологические и когнитивные характеристики водителей группы условной нормы, признанных виновными в ДТП

Переменные	Признан виновным в ДТП	Признан невиновным в ДТП
<i>Индивидуально-типологический уровень саморегуляции</i>		
BASR (система активации поведения, направленная на ожидание получения поощрения или награды)	↑	↓
<i>Поведенческий уровень</i>		
Диссоциативный стиль вождения	↑	↓
<i>Когнитивные особенности</i>		
Уровень избирательности внимания	↓	↑

Примечание: «↑» — высокие значения фактора, «↓» — низкие значения фактора.

Водителей с психическими расстройствами, признанных виновными в ДТП, статистически значимо отличали (табл. 12) среди индивидуально-типологических особенностей высокие показатели склонности к риску в структуре самоконтроля, среди индивидуально-психологических — низкий уровень планирования. Характерными особенностями поведения на дороге являются высокие показатели тревожного стиля вождения, характеризующегося повышенным чувством настороженности и напряженности. Среди индивидуально-психологических переменных фактором риска является чувство подозрительности (высокие показатели по первичному фактору «подозрительность—доверчивость»). К патопсихологическим факторам риска относятся: снижение критичности умственной деятельности (трудности усвоения инструкции, отсутствие реакции на критику, снижение чувства дистанции, отсутствие ориентации на успех), импульсивность и раздражительность, утомляемость, трудности вработываемости в задание (табл. 13).

Таблица 12

Значимые различия средних значений параметров индивидуально-психологических и когнитивных особенностей в группах «водители с психическими расстройствами — участники ДТП, признанные виновными» и «водители с психическими расстройствами — участники ДТП, признанные невиновными» (однофакторный дисперсионный анализ)

№п/п	Переменные	Эмпирическое значение	Значимость
		F	p
1	Доверчивость—подозрительность — первичный фактор: «Пятифакторный опросник личности»	7,78	,016
2	Трудности усвоения инструкции (экспериментально-психологическое исследование)	7,02	,018
3	Отсутствие реакции на критику (экспериментально-психологическое исследование)	7,56	,016
4	Снижение чувства дистанции (экспериментально-психологическое исследование)	8	,012
5	Импульсивность (экспериментально-психологическое исследование)	11,08	,004
6	Отсутствие чувства экспертной ситуации (экспериментально-психологическое исследование)	10,72	,006
7	Отсутствие ориентации на успех (экспериментально-психологическое исследование)	5,67	,031
8	Раздражительность (экспериментально-психологическое исследование)	10,01	,006
9	Поиск риска: «Опросник самоконтроля»	4,51	,048
10	Тревожный стиль вождения	4,94	,046
11	Планирование: «Стиль саморегуляции	5,79	,027

	поведения»		
12	t ₁ (время выполнения первой таблицы): «Таблицы Шульте»	10,74	,022
13	t ₁₀ (время выполнения последней пробы): «Словесный лабиринт»	221,76	,000

Таблица 13

Индивидуально-психологические и когнитивные характеристики водителей с психическими расстройствами, признанных виновными в ДТП

Переменные	Признан виновным в ДТП	Признан невиновным ДТП
<i>Индивидуально-типологический уровень саморегуляции</i>		
Поиск риска: «Опросник самоконтроля»	↑	↓
<i>Индивидуально-психологический уровень саморегуляции</i>		
Планирование ССП	↓	↑
<i>Индивидуально-психологические особенности</i>		
Доверчивость—подозрительность — первичный фактор: «Пятифакторный опросник личности»	↑	↓
Импульсивность (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
Раздражительность (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
<i>Поведенческий уровень</i>		
Тревожный стиль вождения	↑	↓
<i>Когнитивные особенности</i>		
Трудности усвоения инструкции (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
Отсутствие реакции на критику (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓

Снижение чувства дистанции (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
Отсутствие чувства экспертной ситуации (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
Отсутствие ориентации на успех (экспериментально-психологическое исследование)	↑	↓
t ₁ (время выполнения первой таблицы): «Таблицы Шульте»	↑	↓
t ₁₀ (время выполнения последней пробы): «Словесный лабиринт»	↓	↑

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщений в отношении факторов риска попадания в ДТП в зависимости от наличия или отсутствия фактора «психическое расстройство».

Согласно полученным результатам, к универсальным индивидуально-психологическим факторам риска попадания в ДТП без учета влияния фактора «наличие/отсутствие психического расстройства» относятся: системные нарушения процесса саморегуляции в виде нарушения связанности этапов саморегуляции между собой; выраженность в структуре самоконтроля трудностей удержания аффекта раздражительности: готовность к риску, физической агрессии. Максимальные показатели выраженности индивидуально-психологических черт, отражающих повышенную реактивность: экстраверсия, общий уровень готовности к риску, а также низкий уровень тревожности. Обращает на себя внимание низкий уровень доверия к окружающему миру среди базисных убеждений. Характерными особенностями профиля по методике «Многофакторный опросник стиля вождения», отражающего особенности поведения на дороге, являются выраженность показателей диссоциативного, высокоскоростного, опасного и агрессивного стилей вождения, сопряженных с поиском новых ощущений, гневом, пренебрежением правилами дорожного движения, низким уровнем саморегуляции.

Различия в показателях когнитивных методик становятся значимыми при оценке вклада параметра «признан виновным—признан невиновным в ДТП». Так водителей, признанных виновными, значимо отличали такие когнитивные особенности, как высокая степень вработываемости, избирательности и точности внимания, обеспечивающие реактивный ответ при низкой скорости переработки зрительной информации и утомляемости.

Среди индивидуально-психологических переменных, характеризующих смысловой уровень саморегуляции поведения, отражающий базовые установки личности, не выявлено таких, по которым бы значимо различались группы водителей — участников ДТП в зависимости от присутствия фактора психического расстройства.

Выделены характеристики, по которым значимо различаются водители, виновные в ДТП, в зависимости от наличия или отсутствия фактора психического расстройства.

Для водителей, принадлежащих к группе условной нормы характерны нарушения активационной системы, обусловленные ориентацией на награду, низкий уровень избирательности внимания, а также высокие показатели диссоциативного стиля вождения, характеризующегося пренебрежением правилами дорожного движения, низким уровнем планирования и оценки результатов собственной деятельности.

Водителей с психическими расстройствами статистически значимо отличали высокие показатели поиска риска в структуре индивидуально-типологических особенностей самоконтроля, низкий уровень осознанного планирования, ситуационная обусловленность реагирования в сочетании с подозрительностью, раздражительностью, импульсивностью и снижением критичности умственной деятельности. Характерными особенностями поведения на дороге являются высокие показатели тревожного стиля вождения, характеризующегося повышенным чувством настороженности и напряженности во время вождения. Среди когнитивных переменных — утомляемость, трудности вработываемости в задание.

Литература

1. Белов В.П., Докучаева Д.П., Разумовская С.П., Демонова Д.П., Воробьев Ю.М. Судебно-психиатрическая экспертиза при транспортных правонарушениях // Актуальные вопросы социальной и судебной психиатрии. М., 1980. С. 96—104.
2. Булыгина В.Г., Васильченко А.С., Калинин Д.С., Шпорт С.В. Клинико-психологические факторы высокорискового поведения и обеспечение безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 4. С. 83—99. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2017-0-4-83-99>
3. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Шпорт С.В., Калинин Д.С. Психология высокорискового вождения (обзор зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 72—92. doi:10.17759/psylaw.2016060206
4. Бурцев А.А. Медицинский и правовой аспекты профилактики автодорожного травматизма, связанного с опьянением водителя транспортного средства: монография. М.: Техполиграфцентр, 2017. 147 с.
5. Докучаева О.Н., Разумовская С.П. Общественно опасные действия, совершенные в кратковременных болезненных состояниях лицами с органическими поражениями головного мозга // Актуальные вопросы социальной и судебной психиатрии. М., 1978. С. 75—85.
6. Зинченко Ю.П., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю. Анализ отечественных и зарубежных диссертаций в сфере медицинской (клинической) психологии (1990—2011) // Вестник московского университета. 2014. № 2. С. 3—15.
7. Коноплянко В.И., Зырянов В.В., Воробьев Ю.В. Основы управления автомобилем и безопасность дорожного движения: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2005. 271 с.

8. Котик М.А., Емельянов А.М. Природа ошибок человека-оператора. М.: Транспорт, 1993. 252 с.
9. Красненкова С.А. Изучение личностных особенностей виновников дорожно-транспортных происшествий с тяжкими последствиями // Гуманит. вектор. Сер.: Педагогика, психология. 2015. № 1(41). С. 111—117.
10. Лобанова Ю.И. Стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 1. С. 76—84.
11. Небылицын В.Д. Надежность работы оператора в сложной системе управления // Хрестоматия по инженерной психологии / Ред. Б.А. Душков. М.: Высш. школа, 1991. С. 238—248.
12. Нерсисян, Л.С. Психологические аспекты повышения надежности управления движущимися объектами. М.: Промедэк, 1992. 288 с.
13. Психические расстройства у водителей-участников дорожно-транспортных происшествий / Сост. С.В. Шпорт; под ред. З.И. Кекелидзе. М. : ФГУ ГНЦССП; Хабаровск: ГУЗ КПБ, 2010. 227 с.
14. Разумовская С.П. О сосудисто-вегетативных расстройствах у некоторых испытуемых, совершивших транспортные аварии // Актуальные вопросы социальной и клинической психиатрии. Душанбе, 1969. С. 78—90.
15. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия»; «Высшая школа», 2001. 360 с.
16. Шемчук Н.В. Психические расстройства у водителей — участников дорожно-транспортных происшествий: дисс. ... канд. мед. наук. М., 2003. 157с.
17. Эльгаров М.А., Калмыкова М.А. Состояние мозгового кровообращения водителей автотранспорта и их профессиональная работоспособность // Вестник молодого ученого. 2015. № 2. С. 20—24.
18. Chan M., Singhal A. The emotional side of cognitive distraction: Implications for road safety // *Accident Analysis and Prevention*. 2013. Vol. 50. P. 147—154.
19. Crancer A.J., Quiring D.L. The mentally ill as motor vehicle operators // *Am. J. Psychiatry*. 1969. Vol. 126. P. 807—813.
20. Crawford J.R. Introduction to the assessment of attention and executive functioning // *Neuropsychological Rehabilitation*. 1998. Vol. 83. P. 209—211.
21. Dahlen E.R, Martin R.C., Ragan K., Kuhlman M.M. Driving anger, sensation seeking, impulsiveness, and boredom proneness in the prediction of unsafe driving // *Accident Analysis and Prevention*, 2005. Vol. 37(2). P. 341—348.
22. Dula C., Martin B., Fox R., Leonard R. Can you hear me now? Relationship between conversation types and dangerous driving // *Accident Analysis and Prevention*. 2011. Vol. 43(1). P. 187—193.
23. Halvari H., Gjesme T. Trait and state anxiety before and after competitive performance // *Perceptual & Motor Skills*. 1995. Vol. 81(3). P. 1059—1070.

24. *Hopewell C.A.* Driving assessment issues for practicing clinicians // *The Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 2002. Vol. 17(1). P. 48—59.
25. *Lehto M.R.* A proposed conceptual model of human behaviour and its implications for designs of warnings // *Perceptual Motor Skills*. 1991. Vol. 73. P. 595—611.
26. *Moeller FG, Dougherty DM, Barratt ES, Schmitz JM, Swann AC, Grabowski J.* The impact of impulsivity on cocaine use and retention in treatment // *J Subst Abuse Treat*. 2001. Vol. 21(4). P. 193—198.
27. *Mori Y1, Mizohata M.* Characteristics of older road users and their effect on road safety // *Accid Anal Prev*. 1995. Vol. 27(3). P. 391—404.
28. Naatanen R., Summala H. *Road User Behavior and Traffic Accidents*. New York: North Holland Publishing Company, 1976. 140 p.
29. *Rothengatter T.* Risk and the absence of pleasure: A motivation approach to modelling road user behavior // *Ergonomics*. 1988. Vol. 31. P. 599—607.
30. *Summala H.* Risk control is not risk adjustment: The zero-risk theory of driver behavior and its implications // *Ergonomics*. 1988. Vol. 31. P. 491—506.
31. *Sweeney-Burton C.* Effects of self-relations techniques training on performance anxiety and on performance quality in a music performance condition. *Dissertation Abstracts International, A Humanities and Social Sciences*. US: University Microfilms International, 1998. 81 p.
32. *Withaar F.K., Brouwer W.H., van Zomeren A.H.* Fitness to drive in older drivers with cognitive impairment // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2000. Vol. 6. P. 480—490.

Universal and Specific Individual and Psychological Risk Factors for Traffic Accidents among Mentally Healthy People and People with Mental Disorders

Vasilchenko A.S., Junior Researcher, Psychohygiene and Psychoprophylaxis Laboratory, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (vasilchenko.alesya@gmail.com)

The article presents the results of the research aimed to highlight the individual, psychological and cognitive risk factors of getting into a traffic accident depending on the presence of a mental disorder. 139 people aged from 18 to 59 years old (average age 30.44 years \pm 9.56) were examined using a set of methods aimed at assessing the individual and typological features of self-control, individual, psychological and cognitive features of the driver's personality. Analysis of the results allowed identifying the universal individual and psychological risk factors for getting into a traffic accident. Specifically: systemic violations of self-regulation in the form of a violation of the connectedness of its stages, impulsiveness, risk-taking, physical aggression. When assessing the contribution of the parameter "guilty / not guilty in accident", statistically significant differences in the indicators of cognitive methods were revealed. The convicted drivers were significantly distinguished by a high degree of workability, selectivity and accuracy of attention, providing a reactive response, with low processing speed of visual information and fatigue. Characteristics that significantly distinguish the convicted drivers, depending on the presence or absence of the factor "mental disorder", were also highlighted. Mentally healthy drivers can be characterized by violations of the activation system, due to the orientation of the reward; low level of selectivity of attention, as well as high rates of dissociative driving style, which is characterized by disregard for the rules on the road; low level of planning and evaluation of the results of their own activities. Drivers with mental disorders were statistically significantly distinguished by high rates of risk-taking in the structure of self-control, low level of conscious planning, situational response conditions combined with suspiciousness, irritability, impulsiveness, and a decrease in criticality of mental activity. Characteristic features of their behavior on the road are high rates of anxious driving style, characterized by a heightened sense of alertness and tension while driving. Fatigue and difficulties in workability can be defined among the cognitive variables.

Keywords: traffic accident, dangerous driving, risk factors, individual and psychological features, cognitive features.

References

1. Belov V.P., Dokuchaeva D.P., Razumovskaja S.P., Demonova D.P., Vorob'ev Ju.M. Sudebno-psihiatricheskaja jekspertiza pri transportnyh pravonarushenijah. [Forensic psychiatric examination in traffic offenses] *Aktual'nye voprosy social'noj i sudebnoj psihiatrii* [Current issues of social and forensic psychiatry]. M., 1980, pp. 96-104.
2. Bulygina V.G., Vasilchenko A.S., Kalinkin D.S., Shport S.V. Kliniko-psihologicheskie faktory vysokoriskovogo povedenija i obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija [Clinical and psychological factors of high-risk behavior and road safety]. *Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvyčajnyh situacijah* [Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations], 2017, no 4, pp. 83-99. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2017-0-4-83-99> (In Russ., Abstr. in Engl.)
3. Bulygina V.G., Dubinsky A.A., Shport S.V., Kalinkin D.S. Psihologija vysokoriskovogo vozhdenija (obzor zarubezhnyh issledovanij) [Psychology of high risk driving (review of foreign studies)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologija i pravo* [Psychology and Law], 2016. Vol. 6, no. 2, pp. 72—92. doi:10.17759/psylaw.2016060206. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Burcev A.A. Medicinskij i pravovoj aspekty profilaktiki avtodorozhnogo travmatizma, svjazannogo s op'janeniem voditelja transportnogo sredstva: monografija [Medical and legal aspects of the prevention of road traffic injuries associated with intoxication of the driver of a vehicle: a monograph]. M.: Technical Polygraph Center, 2017. 147 p.
5. Dokuchaeva O.N., Razumovskaja S.P. Obshhestvenno opasnye dejstvija, sovershennye v kratkovremennyh boleznyh sostojanijah licami s organicheskim porazhenijami golovnogo mozga [Socially dangerous actions committed in short-term painful conditions by persons with organic brain lesions]. *Aktual'nye voprosy social'noj i sudebnoj psihiatrii* [Actual issues of social and forensic psychiatry]. M., 1978, pp. 75-85.
6. Zinchenko Ju.P., Evdokimov V.I., Rybnikov V.Ju. Analiz otechestvennyh i zarubezhnyh dissertacij v sfere medicinskoj (klinicheskoj) psihologii (1990—2011) [Analysis of domestic and foreign dissertations in the field of medical (clinical) psychology (1990—2011)]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin.], 2014, no 2, pp. 3-15.
7. Konopljanko V.I., Zyrjanov V.V., Vorob'ev Ju.V. Osnovy upravlenija avtomobilem i bezopasnost' dorozhnogo dvizhenija: ucheb. posobie [Fundamentals of driving and road safety: studies. allowance]. M.: Vyssh. shkola, 2005. 271 p.
8. Kotik M.A., Emel'janov A.M. Priroda oshibok cheloveka-operatora [The nature of human operator errors]. M.: Transport., 1993. 252 p.
9. Krasnenkova S.A. Izuchenie lichnostnyh osobennostej vinovnikov dorozhno-transportnyh proisshestvij s tjazhkimi posledstvijami [The study of the personal characteristics of the perpetrators of road accidents with serious consequences].

Gumanit. vektor. Ser.: Pedagogika, psihologija [Humanity. vector. Ser. : Pedagogy, psychology.], 2015, no 1 (41), pp. 111—117.

10. Lobanova Ju.I. Stil' vozhdenija: opredeljajushhie faktory, harakteristiki, napravlenija optimizacii [Driving style: determining factors, characteristics, directions of optimization]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal [Russian Journal of Humanities]*, 2015, no 1, pp. 76-84.
11. Nebylicyn V.D. Nadezhnost' raboty operatora v slozhnoj sisteme upravlenija [The reliability of the operator's work in a complex control system]. In Dushkov B.A. (ed.) *Hrestomatija po inzhenernoj psihologii [Chrestomathy in engineering psychology]*. M.: Vyssh. shkola, 1991, pp. 238—248.
12. Нерсесян, Л.С. Психологические аспекты повышения надежности управления движущимися объектами. М.: Промедэк, 1992. 288 с.
13. Nersesjan, L.S. Psihologicheskie aspekty povyshenija nadezhnosti upravlenija dvizhushhimisja ob'ektami [Psychological aspects of improving the reliability of moving objects]. M.: Promedjek, 1992. 288 p.
14. Psikhicheskie rasstrojstva u voditelei-uchastnikov dorozhno-transportnykh proisshestvii [Mental disorders in drivers-participants of road accidents]. Eds.: S.V. Shport, Z.I. Kekelidze. Moskva. 2010. 227 p.
15. Razumovskaja SP. O sosudisto-vegetativnyh rasstrojstvah u nekotoryh ispytuemyh, sovershivshih transportnye avarii [About vascular-vegetative disorders in some subjects who committed transport accidents]. *Aktual'nye voprosy social'noj i klinicheskoi psixiatrii [Actual problems of social and clinical psychiatry]*. Dushanbe, 1969. pp. 78-90.
16. Strelkov Ju.K. Inzhenernaja i professional'naja psihologija: uchebnoe posobie [Engineering and Professional Psychology: study guide]. M.: Akademija : Izd-vo «Vysshaja shkola», 2001. 360 p.
17. Shemchuk N.V. Psihicheskie rasstrojstva u voditelej — uchastnikov dorozhno-transportnykh proisshestvij: diss. ... kand. med. nauk [Mental disorders at drivers - participants of road accidents. Ph. D. (Medical) Thesis]. M., 2003. 157s.
18. Jel'garov M.A., Kalmykova M.A. Sostojanie mozgovogo krovoobrashhenija voditelej avtotransporta i ih professional'naja rabotosposobnost' [The state of cerebral circulation of motor vehicle drivers and their professional performance]. *Vestnik molodogo uchenogo [Bulletin of the young scientist]*, 2015, no 2, pp. 20-24.
19. Chan M., Singhal A. The emotional side of cognitive distraction: Implications for road safety. *Accident Analysis and Prevention*, 2013. Vol. 50, pp. 147-154.
20. Crancer A.J., Quiring D.L. The mentally ill as motor vehicle operators. *Am. J. Psychiatry*, 1969. Vol. 126, pp. 807-813.

21. Crawford J.R. Introduction to the assessment of attention and executive functioning. *Neuropsychological Rehabilitation*, 1998. Vol. 83, pp. 209—211.
22. Dahlen E.R, Martin R.C., Ragan K., Kuhlman M.M. Driving anger, sensation seeking, impulsiveness, and boredom proneness in the prediction of unsafe driving. *Accident Analysis and Prevention*, 2005. Vol. 37(2), pp. 341-348.
23. Dula C., Martin B., Fox R., Leonard R. Can you hear me now? Relationship between conversation types and dangerous driving. *Accident Analysis and Prevention*, 2011. Vol. 43 (1), pp. 187-193.
24. Halvari H., Gjesme T. Trait and state anxiety before and after competitive performance. *Perceptual & Motor Skills*, 1995. Vol. 81 (3), pp. 1059-1070.
25. Hopewell C.A. Driving assessment issues for practicing clinicians. *The Journal of Head Trauma Rehabilitation*, 2002. Vol. 17 (1), pp. 48-59.
26. Lehto M.R. A proposed conceptual model of human behaviour and its implications for designs of warnings. *Perceptual Motor Skills*, 1991. Vol. 73, pp. 595—611.
27. Moeller FG, Dougherty DM, Barratt ES, Schmitz JM, Swann AC, Grabowski J. The impact of impulsivity on cocaine use and retention in treatment. *J Subst Abuse Treat*, 2001. Vol. 21(4), pp 193-198.
28. Mori Y1, Mizohata M. Characteristics of older road users and their effect on road safety. *Accid Anal Prev*, 1995. Vol. 27(3), pp. 391-404.
29. Naatanen R., Summala H. *Road User Behavior and Traffic Accidents*. New York: North Holland Publishing Company, 1976. 140 p.
30. Rothengatter T. Risk and the absence of pleasure: A motivation approach to modelling road user behavior. *Ergonomics*, 1988. Vol. 31, pp. 599-607.
31. Summala H. Risk control is not risk adjustment: The zero-risk theory of driver behavior and its implications. *Ergonomics*, 1988. Vol. 31, pp. 491-506.
32. Sweeney-Burton C. Effects of self-relations techniques training on performance anxiety and on performance quality in a music performance condition. *Dissertation Abstracts International, A Humanities and Social Sciences*. US: University Microfilms International, 1998. 81 p.
33. Withaar F.K., Brouwer W.H., van Zomeren A.H. Fitness to drive in older drivers with cognitive impairment. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 2000. Vol. 6, pp. 480-490.

Патохарактерологические профили у лиц с расстройствами личности с криминальным анамнезом

Дубинский А.А., научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

В статье представлены результаты исследования патохарактерологических профилей у лиц с расстройствами личности и органическим расстройством личности с криминальным анамнезом. Выявлено, что высокому уровню выраженности патохарактерологических черт у лиц с расстройствами личности соответствовала агрессивность и предпочтение простых задач в структуре самоконтроля, высокий уровень отыгрывания ввне негативных переживаний. Группе лиц с органическим расстройством личности с выраженными патохарактерологическими особенностями были свойственны: неспособность к построению модели значимых условий достижения цели, выраженность гнева и враждебности, низкое торможение поведения, низкий уровень самоконтроля, преобладание таких защитных механизмов, как изоляция, отрицание, обесценивание и вымещение, и таких непродуктивных копинг-стратегий, как конфронтация, дистанцирование и избегание.

Выявлены психологические предикторы, вносящие значимый вклад в отнесение к группам лиц, с расстройством личности и органическим расстройством с учетом характера правонарушения. Полученные дискриминантные модели для психологических показателей обладали удовлетворительной и высокой прогностической ценностью.

Ключевые слова: расстройства личности, индивидуально-психологические особенности, самоконтроль, саморегуляция, агрессивность, защитные механизмы, копинг-стратегии, криминализация, социальная дезадаптация.

Для цитаты:

Дубинский А.А. Патохарактерологические профили у лиц с расстройствами личности с криминальным анамнезом. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 196-207.
doi: 10.17759/psylaw.2019090213

For citation:

Dubinsky A.A. Pathocharacterological profiles in individuals with personality disorders with a criminal history. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019(9), no. 2. pp.196-207. doi: 10.17759/psylaw.2019090213

Введение

Значимость проблемы социальной дезадаптации лиц с расстройствами личности и не только актуальность изучения факторов, препятствующих ресоциализации, но и разработка проблем психологической профилактики и коррекции отклоняющегося поведения обусловлены: высокой распространенностью расстройств личности в общей популяции (10—12%); стойкостью нарушений социальной адаптации; сопряженностью с различными формами девиантного поведения; ростом количества (в среднем на 5% в год) лиц с расстройствами личности, совершающих правонарушения; существенным удельным весом преступлений агрессивного-насильственного характера (более 50%); высокой криминальной рецидивностью; попаданием в поле зрения психиатра только на этапе производства судебно-психиатрической экспертизы, а также психокоррекционной резистентностью этой категории лиц [9].

В отношении лиц с расстройствами личности остаются актуальными и требующими решения следующие задачи: 1) содержательное расширение системы психопрофилактики социальной дезадаптации и противоправного поведения у лиц с расстройствами личности; 2) изучение психологических коррелятов степени выраженности расстройств личности; 3) дополнение количественной оценки глубины расстройств личности качественной оценкой разноуровневых индивидуальных особенностей человека, влияющих на особенности функционирования; 4) уточнение критериев оценки глубины расстройств личности и соотнесение их с актуальной и потенциальной общественной опасностью в связи с изменениями в критериях классификации расстройств личности в МКБ-11 [3].

Следует отметить, что до недавнего времени большая часть отечественных исследований лиц с расстройствами личности была сосредоточена на изучении высшего, смыслового регулятивного звена психики: нарушений мотивации, нарушений опосредованности деятельности, ценностей и установок, приводящих к криминальному поведению [4; 8; 10]. В рамках судебной психиатрии и психологии были выделены факторы, препятствующие ресоциализации лиц с расстройствами личности [2; 3; 5—7].

Разрабатываются структурированные методы оценки психопатических черт, часть из них внедряются в отечественную практику [1; 11; 12]. Тем не менее, в отечественной практике существует дефицит эмпирических исследований взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей с социальной дезадаптацией и криминализацией у лиц с расстройствами личности, что и определило постановку цели настоящей работы — выявление индивидуально-психологических факторов социальной дезадаптации и криминализации у лиц с расстройствами личности для повышения точности оценки и прогноза криминализации в рамках психопрофилактики.

Материал и методы

В выборку вошли 109 лиц мужского пола с психическими расстройствами с криминальным анамнезом. Из них 56 совершили агрессивно-насильственные деликты, 53 — неагрессивные правонарушения. По нозологической составляющей группы лиц с криминальным анамнезом были представлены следующим образом: 31 человек — с расстройствами зрелой личности (РЛ) (F60-61, МКБ-10) ($M_{\text{возраст}}=33,5\pm 13,6$ года); 78 человек — с органическим расстройством личности (ОРЛ) (F07) ($M_{\text{возраст}}=37,4\pm 12,2$ года).

В методический комплекс вошли следующие методики.

- Методика, направленная на диагностику расстройств личности — «Интернациональная оценка расстройств личности» — International Personality Disorder Examination (IPDE) (Loranger A.W., Janca A., Sartorius N., 2007; Ассанович М.А., Дерман Е.В., 2014).
- Методика изучения самоконтроля (Грасмик Х., 1993, адаптация Булыгиной В.Г., Абдразяковой А.М., 2009).
- Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1999).
- Опросник агрессивности А. Басса, М. Перри (адаптация Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007).
- Опросник BIS/BAS (Carver C.S., White T.L, 1994, стандартизированный Князевым Г.Г. и Слободской И.И. и стандартизированный оценить соотношения процессов систем активации поведения и его торможения).
- Опросник «Защитные стили» — Defense Style Questionnaire (DSQ-40) (Andrews G., Singh M., Bond M., 1993; Куфтяк Е.В., 2016-2018), направленный на оценку выраженности психологических защит.
- Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Крюковой Т.Л., Васермана Л.И., 2007).

Статистическая обработка данных включила в себя следующие методы исследования: описательные статистики и частотный анализ; t-критерий Стьюдента для независимых выборок; однофакторный дисперсионный анализ — ANOVA; кластерный анализ методом k-средних; дискриминантный анализ с построением ROC-кривых для проверки качества дискриминантных моделей. Анализ данных производился с помощью программ SPSS 20.0 и Microsoft Office Excel 2019.

Результаты и обсуждение

Были выделены индивидуально-психологические факторы социальной дезадаптации и криминализации в зависимости от патохарактерологического профиля и уровня выраженности патохарактерологических черт для лиц с расстройствами личности и органическим расстройством личности.

Индивидуально-психологические особенности лиц с расстройствами личности с криминальным анамнезом в зависимости от патохарактерологического профиля.

Для выделения гомогенных групп, в которые войдут обследуемые, схожие по патохарактерологическому профилю и уровню выраженности патохарактерологических черт, была проведена процедура кластеризации по параметрам опросника IPDE, направленного на диагностику характерологических свойств на обобщенной выборке обследованных (кластерный анализ методом k-средних).

В результате сравнения суммарного значения F-статистики оптимальным оказалось разбиение группы лиц с расстройствами личности на 2 кластера (профиля). На основе дескриптивного анализа данных были построены графики средних значений параметров, отражающих выраженность патохарактерологических особенностей обследуемых в выделенных профилях (рис. 1).

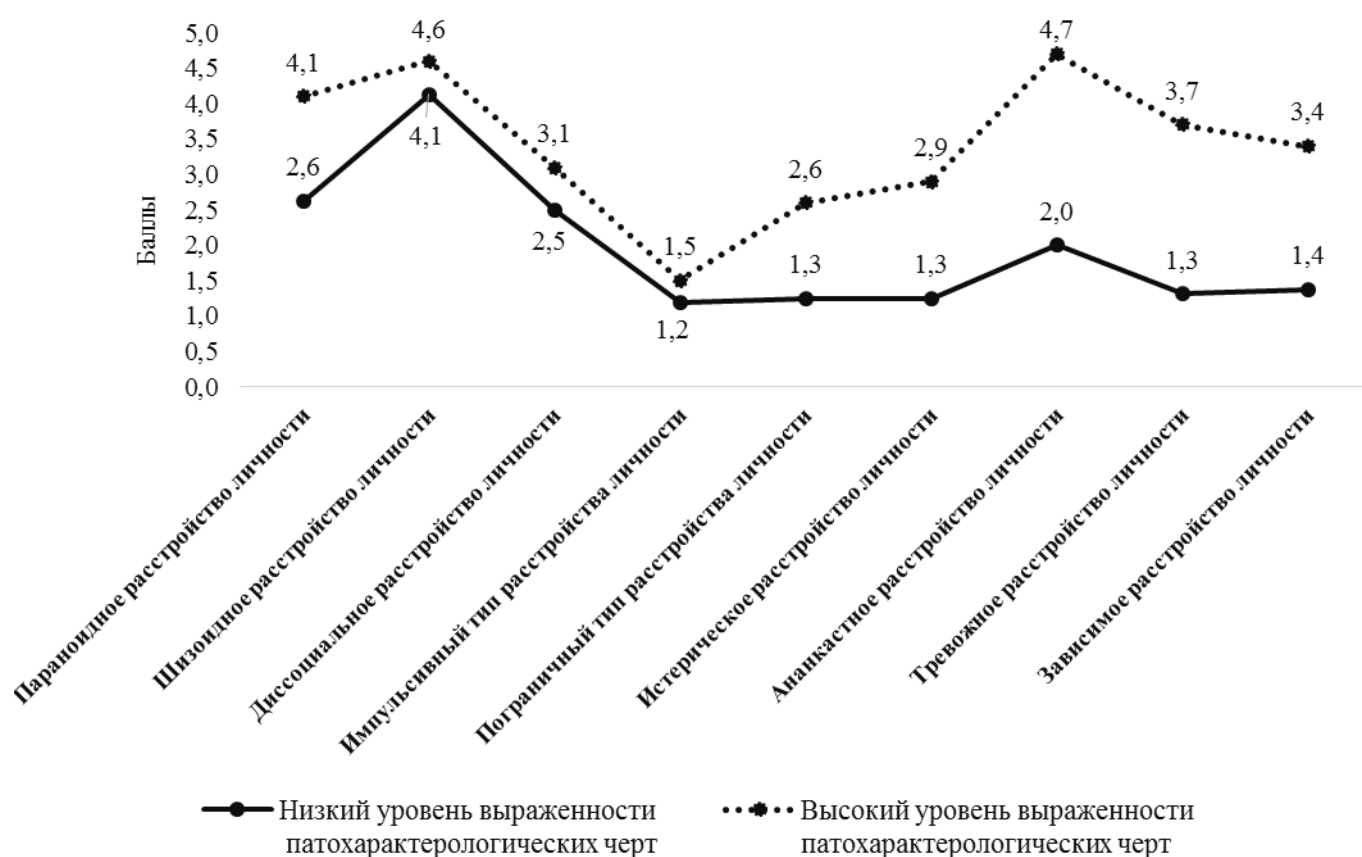

Рис. 1. График средних значений параметров, отражающих уровень выраженности патохарактерологических особенностей обследуемых с расстройством личности с криминальным анамнезом в кластерах (кластерный анализ методом k-средних)

В обоих кластерах отмечались «пики» по показателю шизоидное расстройство личности. Однако второй профиль отличался высоким уровнем выраженности патохарактерологических черт, свойственных параноидному, пограничному, истерическому, тревожному, зависимому и, особенно, ананкастному типу расстройства личности.

С помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок были выделены значимые различия средних значений дисперсий индивидуально-психологических показателей между кластерами. В результате было выявлено, что лица первого кластера (n=16) характеризовались низкими показателями предпочтения простых задач (t=-2,699; p<0,013) в структуре самоконтроля, низким уровнем физической агрессии (t=-2,553; p<0,017), гнева (t=-2,343; p<0,028) и общего балла агрессии (t=-2,579; p<0,016).

Лица с расстройствами личности, вошедшие во второй кластер (n=10), отличались высокой выраженностью патохарактерологических черт, свойственных для параноидного, ананкастного, пограничного, истерического, тревожного и зависимого расстройства личности (p<0,05). В этой группе отмечались высокие показатели предпочтения простых задач (t=-2,699; p<0,013), высокий уровень агрессивности (t=-2,579; p<0,016), преобладание таких защитных механизмов, как отыгрывание (t=-2,145; p<0,043) и аутистическое фантазирование (t=-4,412; p=0,000).

В первый и второй профиль вошло больше лиц, признанных невменяемыми. Во втором кластере соотношение было смещено в сторону большего количества обследованных, признанных невменяемыми. По характеру совершенных правонарушений в первый профиль вошло примерно равное количество лиц, совершивших агрессивные и неагрессивные преступления. Во второй кластер вошли лица с расстройствами личности, совершившие в основном неагрессивные деликты.

Индивидуально-психологические особенности лиц с органическим расстройством личности с криминальным анамнезом в зависимости от патохарактерологического профиля. В группе лиц с органическим расстройством личности было выделено три профиля (кластера) (кластерный анализ, метод k-средних) (рис. 2).

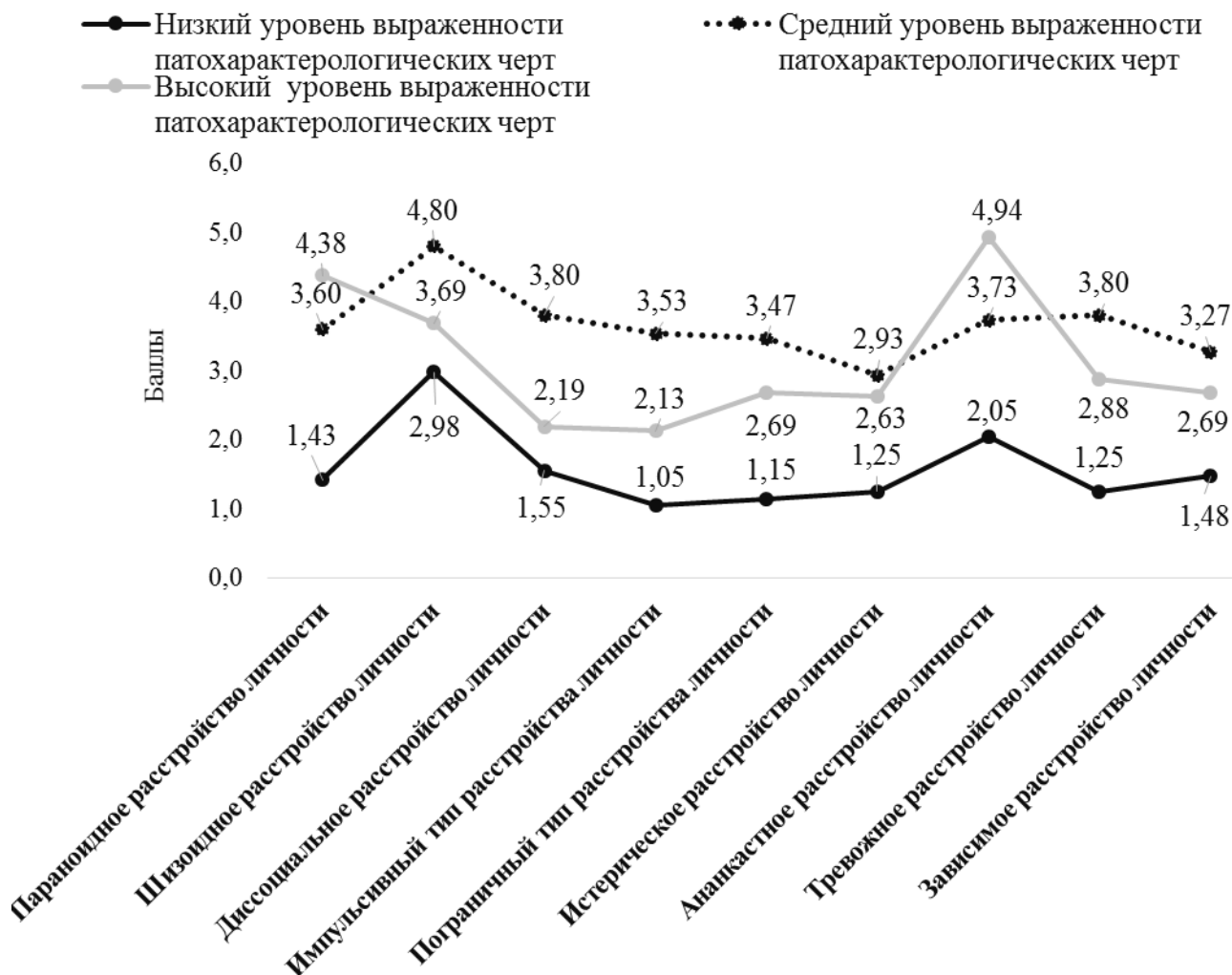

Рис. 2. График средних значений параметров, отражающих уровень выраженности патохарактерологических особенностей обследуемых с органическим расстройством личности с криминальным анамнезом в кластерах (кластерный анализ методом k-средних)

В первый кластер (n=40) вошли лица с органическим расстройством личности с низким уровнем выраженности патохарактерологических черт (p=0,000). Обследуемых первого кластера отличали следующие индивидуально-психологические особенности (однофакторный дисперсионный анализ): высокий уровень торможения поведения (F=8,009; p<0,001) и развлекательной активации (F=6,976; p<0,002); развитость этапа моделирования (F=3,813; p<0,027), программирования (F=4,244; p<0,019) и оценивания результатов деятельности (F=5,807; p<0,005) при несвязанности этапов процесса саморегуляции (F=5,042; p<0,009).

Лиц первого кластера отличал достаточно развитый самоконтроль: низкие показатели предпочтения простых задач (F=3,232; p<0,046), импульсивности (F=3,790; p<0,028), эгоцентризма (F=10,114; p=0,000), а также — низкие уровни физической агрессии (F=7,399; p<0,001), гнева (F=9,380; p=0,000) и враждебности (F=9,192; p=0,000). Зрелые защитные механизмы преобладали над незрелыми (F=5,084; p<0,009).

Во втором кластере (n=15) у обследованных отмечались средние значения выраженности патохарактерологических черт (p=0,000). Однако выраженность патохарактерологических свойств, характерных для параноидного и ананкастного расстройства личности были самыми высокими («пики») в этой группе.

Обследованных во второй группе отличали такие индивидуально-психологические особенности, как низкий уровень торможения поведения (F=8,009; p<0,001), высокие трудности сдерживания аффекта раздражения (F=10,560; p=0,000), эгоцентризм (F=10,114; p=0,000) и импульсивность (F=3,790; p<0,028) в структуре самоконтроля, низкий уровень регуляции поведения в виде неразвитости этапов программирования (F=4,244; p<0,019) и оценивания результатов (F=5,807; p<0,005), сцепленность этапов саморегуляции (F=5,042; p<0,009), а также — высокий уровень физической агрессии (F=7,399; p<0,001) и общего балла агрессии (F=11,289; p=0,000).

Отмечалось значимое преобладание незрелых психологических защит (F=4,874; p<0,011), в частности таких, как отрицание (F=4,642; p<0,013), обесценивание (F=7,656; p<0,001) и вымещение (F=8,234; p<0,001). Выявлялась несформированность продуктивных копинг-стратегий в виде дистанцирования (F=3,256; p<0,045), самоконтроля (F=4,106; p<0,021), планирования разрешения проблемы (F=4,869; p<0,011) и положительной переоценки (F=5,938; p<0,004).

Лица третьего кластера (n=16) отличались высокой выраженностью патохарактерологических черт (p=0,000), с максимальной представленностью черт, характерных для параноидного и шизоидного расстройства личности (рис. 2). Они отличались низкими показателями развлекательной активации поведения (F=6,976; p<0,002), предпочтением простых задач в структуре самоконтроля (F=3,232; p<0,046), неразвитостью этапов моделирования значимых условий деятельности (F=3,813; p<0,027), высокими показателями когнитивного (F=9,192; p=0,000) и аффективного (F=9,380; p=0,000) компонентов агрессивности, невыраженностью зрелых психологических защит (F=5,084; p<0,009) и высоким показателем такого защитного механизма, как изоляция (F=3,187; p<0,048).

Были выражены следующие стратегии совладающего поведения: конфронтационный копинг (F=8,803; p=0,000), дистанцирование (F=3,256; p<0,045) и бегство-избегание (F=4,670; p<0,013).

В первый и второй кластер вошло больше лиц, признанных невменяемыми. В третьем кластере было одинаковое количество лиц, признанных вменяемыми и невменяемыми. В первом профиле преобладали лица, совершившие агрессивные правонарушения. Во втором кластере было незначительно больше лиц, совершивших имущественные, а в третьем — агрессивные правонарушения.

Далее были определены **прогностически значимые индивидуально-психологические переменные при оценке риска социальной дезадаптации и криминализации у лиц с расстройствами личности** (дискриминантный анализ).

Для лиц с расстройствами личности с криминальным анамнезом это — неспособность к построению модели значимых условий деятельности (df=0,804) и оценке ее результатов (df=-0,297); физическая агрессия (df=0,677); высокая активация, направленная как на

достижение цели ($df=0,523$), так и на поощрение и вознаграждение ($df=0,322$); низкое торможение поведения ($df=0,375$); стремление к риску ($df=0,299$); преобладание защитного механизма «проекция» ($df=0,484$). Качество дискриминантной модели — высокое ($AUC=81,5\%$). Чувствительность модели — высокая (80,6%), специфичность — удовлетворительная (76%).

Следующие переменные внесли вклад в решение о включении в группу лиц с расстройствами личности, совершивших агрессивные правонарушения: враждебность ($df=1,075$), развитость этапа моделирования ($df=0,682$) при общем низком уровне саморегуляции ($df=-0,764$), эгоцентризм ($df=0,405$) и склонность к физической активности в структуре самоконтроля ($df=0,288$), низкое торможение поведения ($df=-0,286$), выраженность защитного механизма «вытеснение» ($df=0,607$). Качество дискриминантной модели для психологических параметров — высокое ($AUC=85,4\%$). Чувствительность и специфичность модели — высокие (81,8 и 84,2% соответственно).

В классификацию обследованных в группу лиц с расстройством личности, совершивших имущественные деликты вносили вклад такие психологические переменные, как: высокие показатели гнева ($df=1,127$), эгоцентризма ($df=0,671$); трудности сдерживания аффекта раздражения ($df=0,603$), импульсивности ($df=0,601$) и склонность к риску ($df=0,465$); преобладание таких защит, как проекция ($df=0,699$), отрицание ($df=0,557$) и изоляция ($df=0,485$), копинг-стратегии «дистанцирование» ($df=0,360$). Качество дискриминантной модели для психологических параметров — высокое ($AUC=89,4\%$). Чувствительность и специфичность модели — высокая (82,4 и 89,9%).

Следующие индивидуально-психологические переменные внесли вклад в решение о включении в группу лиц с органическим расстройством личности, совершивших агрессивные деликты: физическая агрессия ($df=0,607$); трудность сдерживания аффекта раздражения ($df=0,709$); эгоцентризм ($df=0,377$); сцепленность этапов процесса саморегуляции ($df=0,617$); психологическая защита «вытеснение» ($df=0,493$). Качество дискриминантной модели для психологических параметров — достаточное ($AUC=78,3\%$). Чувствительность модели низкая (69,8%), специфичность — удовлетворительная (71,4%).

В классификацию в группу лиц с органическим расстройством личности, совершивших имущественные деликты, вносили вклад следующие психологические переменные: стремление к риску в структуре самоконтроля ($df=0,562$); такие копинг-стратегии, как бегство-избегание ($df=0,641$), рационализация ($df=0,512$) и пассивная агрессия ($df=0,454$); дефицитарность контрольно-коррекционного этапа саморегуляции ($df=-0,418$). Качество дискриминантной модели для психологических параметров — высокое ($AUC=83,8\%$). Чувствительность модели высокая (85,7%), специфичность — удовлетворительная (70,4%).

Выводы

1. При выделении патохарактерологических профилей отдельно в группе лиц с расстройствами личности с криминальным анамнезом было выявлено, что высокому уровню выраженности патохарактерологических черт (свойственных параноидному, пограничному, истерическому, тревожному, зависимому и особенно ананкастному расстройству личности) соответствовала высокая агрессивность, сочетающаяся со стремлением к решению простых задач. Среди защитных механизмов отмечался высокий

уровень отыгрывания вовне негативных переживаний и склонность к фантазированию, как средству ухода от решения актуальных проблем.

2. В группе лиц с органическим расстройством личности с выраженными патохарактерологическими особенностями, которые соответствовали преимущественно шизоидному расстройству личности, выявлялись нарушения саморегуляции поведения, характеризующиеся низким моделированием. Среди компонентов агрессивности были выражены гнев и враждебность. Процесс мотивационной регуляции поведения отличался низкой развлекательной активацией поведения. Среди защитных механизмов преобладала изоляция. Среди непродуктивных копинг-стратегий были выражены дистанцирование и избегание.

3. Полученные дискриминантные модели для лиц с расстройством личности и органическим расстройством с учетом характера совершенного правонарушения обладали высокой прогностической ценностью.

Литература

1. Булыгина В.Г., Кудрявцев И.А. Психологические основы профилактики опасных действий психически больных: монография. М.: Спринтер, 2016. 421 с.
2. Горинов В.В., Баева А.С. Влияние психогенных факторов на динамику расстройств личности и криминальное поведение // Психическое здоровье. 2011. № 10. С. 44—48.
3. Горинов В.В., Корзун Д.Н., Васюков С.А. Расстройства личности: современные классификации, диагностика и особенности экспертной оценки // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. Вып. 15. / Под. ред. В.В. Вандыша. М.: ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2018. С. 5—63.
4. Гульдман В.В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1985. 242 с.
5. Казаковцев Б.А., Булыгина В.Г., Макурина А.П., Кабанова Т.Н., Макурин А.А. Методика оценки протективных факторов при лечении и реабилитации психически больных: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2013. 27 с.
6. Калашникова А.С., Сафуанов Ф.С. Роль психических расстройств, не исключающих вменяемости, в формировании разнонаправленной агрессии // Российский психиатрический журнал. 2010. № 4. С. 16—22.
7. Котов В.П., Абрамов С.В., Булыгина В.Г. и др. Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра лиц с тяжелыми психическими расстройствами: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2003. 24 с.
8. Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н. Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных действий // Российский психиатрический журнал. 2008. № 3. С. 29—35.

9. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2017 году: аналитический обзор. Вып. 26. / Под ред. Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2018. 200 с.
10. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
11. De Vries Robbé M., de Vogel V., Douglas K.S. Risk factors and protective factors: A two-sided dynamic approach to violence risk assessment // Journal of Forensic Psychiatry and Psychology. 2013. Vol. 24. P. 440—457.
12. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy as a clinical and empirical construct // Annual Review of Clinical Psychology. 2008. № 4. P. 217—246.

Pathocharacterological Profiles in Individuals With Personality Disorders With a Criminal History

Dubinsky A.A., *Researcher, the Laboratory of mental hygiene and psychoprophylaxis, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)*

In the article presents the results of the pathocharacterological profiles in individuals with personality disorders and organic personality disorder with a criminal history. It was revealed that the aggressiveness and preference of simple tasks in the structure of self-control corresponded to a high level of manifestation of pathocharacterological features in people with personality disorders. A group of individuals with an organic personality disorder with pronounced pathocharacteristic features characterized: inability to build a model of significant conditions for achieving the goal, severity of anger and hostility, low inhibition of behavior, low level of self-control, the predominance of defense mechanisms such as isolation, denial, displacement and such unproductive coping strategies like confrontation and avoidance.

Identified psychological predictors that make a significant contribution to the assignment to groups of individuals with personality disorder and organic personality disorder, taking into account type of the offence. The resulting discriminant models for psychological indicators had a satisfactory and high predictive value.

Key words: personality disorders, individual psychological characteristics, self-control, self-regulation, aggressiveness, defense mechanisms, coping strategies, criminalization, social maladjustment.

References

1. Bulygina V.G., Kudrjavcev I.A. Psihologicheskie osnovy profilaktiki opasnyh dejstvij psihicheski bol'nyh: monografija [Psychological bases of prevention of dangerous actions of mentally ill: a monograph]. Moscow: Publ. Springer, 2016. 421 p.
2. Gorinov V.V., Baeva A.S. Vlijanie psihogennyh faktorov na dinamiku rasstrojstv lichnosti i kriminal'noe povedenie [Influence of psychogenic factors on personality disorders and criminal behavior]. *Psihicheskoe zdorov'e [Mental health]*, 2011, no 10, pp. 44—48. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Gorinov V.V., Korzun D.N., Vasyukov S.A. Rasstrojstva lichnosti: sovremennye klassifikacii, diagnostika i osobennosti ekspertnoj ocenki. V kn: Sudebnaya psihiatriya. Aktual'nye problemy [Personality disorders: modern classifications, diagnostics and

- peculiarities of expert assessment. In: Forensic Psychiatry. Actual problems]. In Vandysh V.V. (ed.). Moscow: FSBI "V. Serbsky NMRCPPN" of the Ministry of Healthcare of the Russia, 2018, issue 15, pp. 50—63.
4. Gul'dan V.V. Motivacija protivopravnyh dejstvij u psihopaticeskikh lichnostej: dis. ... dokt. psihol. nauk. [Motivation illegal actions in psychopathic personalities. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 1985. 242 p.
 5. Kazakovtsev B.A., Bulygina V.G., Makurina A.P., Kabanova.T.N., Makurin A.A. Metodika ocenki protektivnyh faktorov pri lechenii i reabilitacii psihicheski bol'nyh: Metodicheskie rekomendacii [Methods for evaluating protective factors in the treatment and rehabilitation of the mentally ill: Guidelines]. Moscow: FGBU «GNCSSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2013. 27 p.
 6. Kalashnikova A.S., Safuanov F.S. Rol' psihicheskikh rasstrojstv, ne iskljuchajushhih vmenjaemosti, v formirovanii raznonapravlennoj agressii [The role of mental disorders not excluding sanity, in the formation of multidirectional aggression]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2010, no 4, pp. 16—22. (In Russ., abstr. in Engl.).
 7. Kotov V.P., Abramov S.V., Bulygina V.G. et al. Ambulatornoe prinuditel'noe nablyudenie i luchenie u psihiatra lic s tyazhelymi psihicheskimi rasstrojstvami: Metodicheskie rekomendacii [Outpatient compulsory observation and radiation from a psychiatrist for people with severe mental disorders: Guidelines]. Moscow: FGBU «GNCSSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2003. 24 p.
 8. Kudrjavcev I.A., Lapshina E.N. Psihologicheskie mehanizmy i jeffekty vlijanija patologii haraktera na samoreguljaciju obshhestvenno opasnyh dejstvij [Psychological mechanisms and effects of the impact of self-regulation in the pathology character of socially dangerous acts]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2008, no 3, pp. 29—35. (In Russ., abstr. in Engl.).
 9. Osnovnye pokazately deyatelnosti sudebno-psihiatricheskoi jekspertnoj sluzhby v Rossijskoj Federacii v 2017 godu: Analiticheskij obzor [Performance indicators of forensic psychiatric expert service in the Russian Federation in 2017: Analytical Review]. In Makushkin E.V. (ed.). Moscow: FSBI "V. Serbsky NMRCPPN" of the Ministry of Healthcare of the Russia, 2018, issue 26, 200 p.
 10. Safuanov F.S. Psihologija kriminal'noj agressii [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Publ. Smysl, 2003. 300 p.
 11. De Vries Robbé M., de Vogel V., Douglas K.S. Risk factors and protective factors: A two-sided dynamic approach to violence risk assessment. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2013, no. 24, pp. 440—457.
 12. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy as a clinical and empirical construct. *Annual Review of Clinical Psychology*, 2008, no 4, pp. 217—246.

Мотивационная сфера личности и способность к саморегуляции обвиняемых с расстройствами личности

Горин В.В., доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник Отделения психогений и расстройств личности, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (viktor-gorinov@yandex.ru)

Корзун Д.Н., доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Отделения психогений и расстройств личности, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (dnk-k@yandex.ru)

Шеховцова Е.С., научный сотрудник Отделения психогений и расстройств личности, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (shiha.l@mail.ru)

Статья посвящена исследованию особенностей мотивационной сферы и саморегуляции у обвиняемых с расстройствами личности. Были обследованы 47 лиц мужского пола (средний возраст — 33,2 года) с установленным диагнозом «Расстройство зрелой личности» (F60-61). Методический комплекс включал тесты, направленные на оценку мотивационной, эмоционально-волевой сферы, способности к эмоциональной регуляции, познавательных особенностей личности, структуры и особенностей организации деятельности. Выявлено, что для лиц с расстройствами личности характерно доминирование мотивов, связанных с актуальной судебно-следственной ситуацией и удовлетворением актуальных потребностей. Было установлено, что регулятивные нарушения отражаются в структуре мотивационной сферы личности, а именно в ее разнообразии, степени иерархической организации и представленности социальных мотивов. Также на способность к саморегуляции у обвиняемых с расстройствами личности влияют переменные «интолерантность к неопределенности в ситуациях межличностного взаимодействия», «ригидность» «трудности восприятия и анализа ситуации выбора», «трудности самостоятельного анализа альтернатив», «трудности поиска информации», «особенности реагирования в ситуации фрустрации».

Ключевые слова: мотивационная сфера, способность к саморегуляции, расстройство личности.

Для цитаты:

Горинов В.В., Корзун Д.Н., Шеховцова Е.С. Мотивационная сфера личности и способность к саморегуляции обвиняемых с расстройствами личности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 208-221. doi: 10.17759/psylaw.2019090214

For citation:

Gorinov V.V., Korzun D.N., Shekhovtsova E.S. The motivation sphere and the ability to self-regulation of the accused persons with personality disorders. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.208-221. doi: 10.17759/psylaw.2019090214

Введение

Традиционно личностное расстройство в систематике психических расстройств занимает пограничное положение между собственно болезнью и так называемой психической нормой. Различные аспекты этой патологии на протяжении длительного периода активно изучаются, значительный акцент при этом ставится на судебно-психиатрических проблемах. Среди этих проблем особое место занимают вопросы регуляции поведения субъектов с расстройствами личности, решение практико-ориентированных задач по оценке степени способности к саморегуляции поведения и деятельности, в том числе и в момент совершения противоправного деяния. Судебные психиатры указывают на то, что противоправные действия совершают чаще всего лица с выраженным и тяжелым личностным расстройством (согласно проекту МКБ-11). Также отмечается, что среди криминальных деликтов наиболее часто представлены агрессивные преступления против личности и корыстные с насилием (грабежи, разбой). Также отмечается существенный рост количества лиц с расстройствами личности, совершивших различные правонарушения и направленных на судебно-психиатрическую экспертизу, за последнее десятилетие их доля в экспертной практике увеличилась на 23% [8]. Так, доля лиц с расстройствами личности, осужденных к лишению свободы составляет 25—30%, при этом среди лиц, совершивших убийства, диагноз расстройства личности встречается от 25,7% до 45% случаев [4].

Большинство лиц, направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу, признаются экспертными комиссиями вменяемым (93,01%). Обсуждается возможность рекомендации применения ст. 22 УК РФ к обвиняемым с личностными расстройствами тогда, когда у них диагностируются заметные мотивационные, аналитические, прогностические и волевые нарушения [6; 9].

При решении экспертных вопросов о способности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими особое значение приобретает определение сохранности потенциальной способности к саморегуляции, возможности ее реализации в ситуации, способности к целенаправленному поведению, планированию и контролю своих действий, формированию новых паттернов поведения [5; 7; 9].

Основой саморегуляции поведения и деятельности является мотивационная сфера личности, которая связана с возникновением побуждения к действию и формированием цели деятельности [15]. Мотивация побуждает к действию, направляет и регулирует действия по достижению цели, представляет собой процесс выбора между различными действиями [2; 3]. Выявление ведущих мотивов позволяет объяснить преступные действия в прошлом, поведение в период отбывания наказания и последующие поступки и, соответственно, прогнозировать поведение, учитывая наличие дефектов психики [1].

При личностных расстройствах доминирует аффективно обусловленная мотивация, поведение определяется высоким уровнем возбудимости и внезапной разрядкой эмоционального напряжения. Особенности мотивационной сферы при личностных расстройствах обусловлены нарушениями опосредования потребностей и их опредмечивания, что приводит к снижению предпочтения социально ориентированных способов удовлетворения потребностей [2; 3]. При увеличении эмоционального напряжения у субъектов с расстройствами личности отмечается своеобразное «сужение» сознания, «поляризация» воспринимаемого материала с нарастающей переоценкой личностного смысла одних, субъективно более значимых, стимулов и утратой эмоционально-смыслового отношения к другим, относительно нейтральным стимулам [10].

Исследователи отмечают, что лица с пограничным расстройством личности испытывают сложности регуляции своего поведения вследствие быстрого истощения ресурсов при негативном воздействии ситуативных факторов [12]. Также данная группа лиц испытывает выраженные затруднения в межличностном взаимодействии и социальном познании [11].

Наиболее выраженные регулятивные трудности испытывают личности с антисоциальными чертами (согласно DSM-V), для них характерны такие особенности, как импульсивность, трудности контроля своего поведения [13], высокий уровень агрессивности, эмоциональная и поведенческая дисрегуляция [14].

Совершение правонарушений обусловлено в большей степени патопсихологическими механизмами. Их характеризуют глубинные личностные комплексы, связанные с искажением мотивационно-смысловой сферы, самосознания, деформацией отношений. Данные нарушения сочетаются с трудностями межличностного взаимодействия, склонностью к кумуляции негативных эмоций, трудностями разрешения конфликтов, ранимостью, неуверенностью, уязвимостью и приводят к увеличению эксплозивных реакций [16].

Для обвиняемых с расстройствами личности характерны три группы мотивов. Первую группу составляют мотивы, связанные с нарушением опосредования потребностей — аффектогенные и ситуационно-импульсивные (непосредственное удовлетворение актуальной потребности без учета социальных норм и прошлого опыта). Во вторую группу входят мотивы, связанные с нарушением опосредования потребностей, в третью группу — мотивы-«суррогаты» (суггестивные и неосознаваемые мотивы), которые подразумевают реализацию потребности в объектах, биологически неадекватных или не допускаемых нормами, что приводит лишь к временной разрядке напряжения. Содержательно наиболее частыми мотивами преступлений субъектов с расстройствами личности выступают чувство мести и ревности, отстаивание взглядов и убеждений личности [1].

С учетом наличия связи мотивационной сферы личности и способности к регуляции поведения и деятельности, представляется целесообразным изучение проблемы, что актуально для решения вопросов о способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Данное положение важно также и для оценки степени общественной опасности индивида, что и определило цель данного исследования — выделение особенностей мотивационной сферы обвиняемых с расстройствами личности, совершивших правонарушения.

Материал и методы исследования

Выборку составили 47 мужчин (средний возраст — 33,2 года), проходивших судебно-психиатрическую экспертизу в ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского». Всем был установлен диагноз «Расстройство зрелой личности» (F60-61). Все были признаны вменяемыми, в отношении 7 человек даны рекомендации о применении ст. 22 УК РФ («ограниченная вменяемость»). Клинико-социальные характеристики выборки следующие: испытуемых отличает импульсивность поступков, трудности планирования, низкий социальный статус, отсутствие постоянного места работы.

Для оценки мотивационной сферы личности были использованы следующие методики:

- метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (оценивается разнообразие представленных мотивов, их социальная направленность, упрощенность и выхолощенность);
- методика «Выявление осознанности мотивов» А.В. Ермолина и Б.П. Ильина (оценивается степень планирования своего поведения и учета различных ситуативных факторов при организации деятельности).

Для изучения эмоционально-волевой сферы и эмоциональной регуляции использовались:

- Торонтская шкала алекситимии — TAS-20 G.J. Taylor, Полупроективный тест на эмоциональный словарь J.H. Krystal (оценивается способность идентифицировать и описывать свои эмоции);
- опросник «Личностные факторы принятия решений» Т.В. Корниловой, Мельбурнский опросник принятия решений L. Mann и др. в адаптации Т.В. Корниловой (оценивается преобладающий стиль принятия решений: импульсивный или рациональный);
- опросник интуитивного стиля С. Эпстайна в апробации О.В. Степановой и др. (оценка способности опираться на собственные эмоциональные переживания при принятии решения);
- методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика и др. в адаптации Л.И. Вассермана (диагностика различных механизмов психологической защиты);

- опросник «Шкала базисных убеждений» Р. Янов-Бульман в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой (изучение глубинных представлений личности об окружающем мире и о собственном Я).

Для оценки познавательных особенностей личности использовались:

- методика «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (оценка рефлексивности/импульсивности при интеллектуальном контроле);
- методика «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа (оценка ригидности/гибкости когнитивного контроля в ситуации необходимости преодоления интерферирующих факторов);
- Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (объединенные шкалы О'Коннора, Райделл-Розена и Баднера в адаптации Т.В. Корниловой) (оценка способности человека принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять противоречивости информации, принимать неизвестное, не испытывать дискомфорт перед неопределенностью).

Для исследования структуры и организации деятельности использовались:

- опросник «Цель—Средство—Результат» А.А. Караманова (изучение особенностей структуры деятельности);
- комплексные фигуры Рея-Остеррица и Тейлора (изучение организации деятельности и способности к регуляции в реальной деятельности).

Статистическая обработка данных

Для описания особенностей мотивационной сферы личности применялся дескриптивный анализ. Для выявления значимых различий распределения параметров саморегуляции и мотивационной сферы в зависимости от экспертного решения был использован критерий Манна—Уитни. Для установления взаимосвязей между особенностями мотивационной сферы и способностью к саморегуляции был проведен корреляционный анализ с использованием критерия Пирсона (для метрических данных) и критерий Спирмена (для непараметрических данных). Уровнем статистической достоверности получаемых результатов выступал уровень $p \leq 0,05$. Статистическая обработка полученных данных производилась в программе IBM SPSS Statistics v23 и Excel v14.

Результаты исследования

Мотивационная сфера является достаточно иерархичной (70% случаев), темы, представленные в ней, достаточно адекватны и связаны с актуальной ситуацией (73,1%). В 75% случаев можно отметить упрощенность мотивационно-смысловых тем, связанных с удовлетворением текущих потребностей. Также достаточно представлены мотивационно-смысловые темы, связанные с возможностью общаться с семьей и друзьями или желанием создания собственной семьи, рождением детей (76,9%).

Сравнительный дескриптивный анализ особенностей мотивационной сферы и регулятивных особенностей показал, что мотивационно-смысловая сфера лиц, в отношении

которых рекомендовано применение ст. 22 УК РФ («ограниченная вменяемость»), отличается меньшим разнообразием смысловых тем. Они характеризуются меньшей упрощенностью и социальной направленностью (рис. 1).

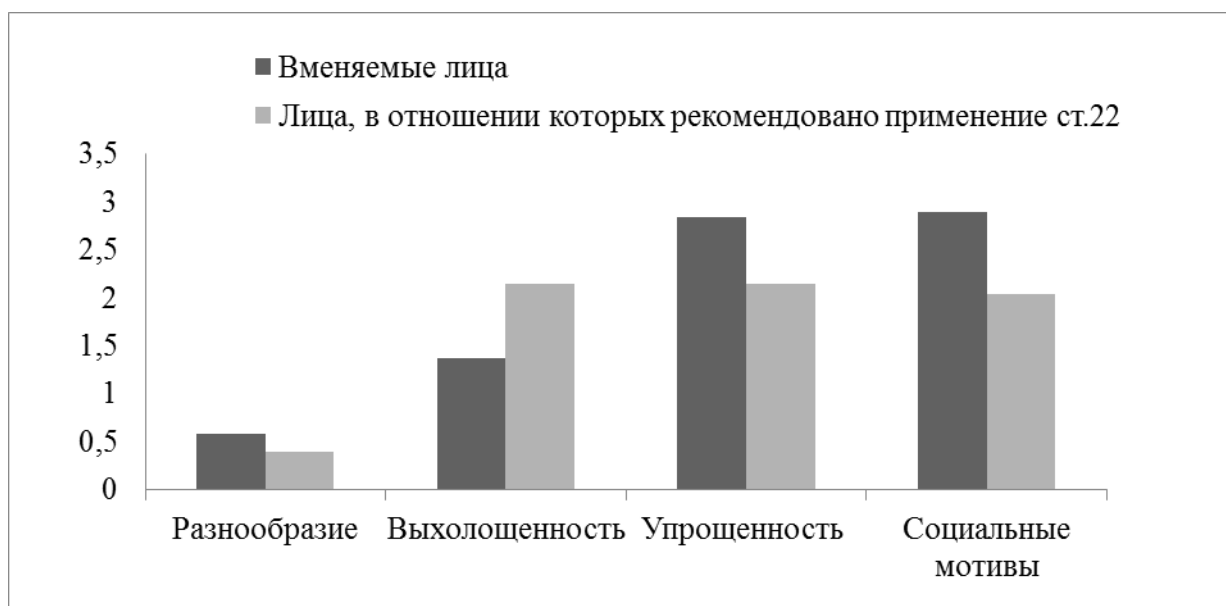

Рис. 1. Результаты дескриптивного сравнительного анализа мотивационно-смысловой сферы

Лица, признанные «ограниченно вменяемыми» (ст. 22 УК РФ), отличаются меньшей гибкостью в изменяющихся условиях, неприятием изменений ситуации (рис. 2).

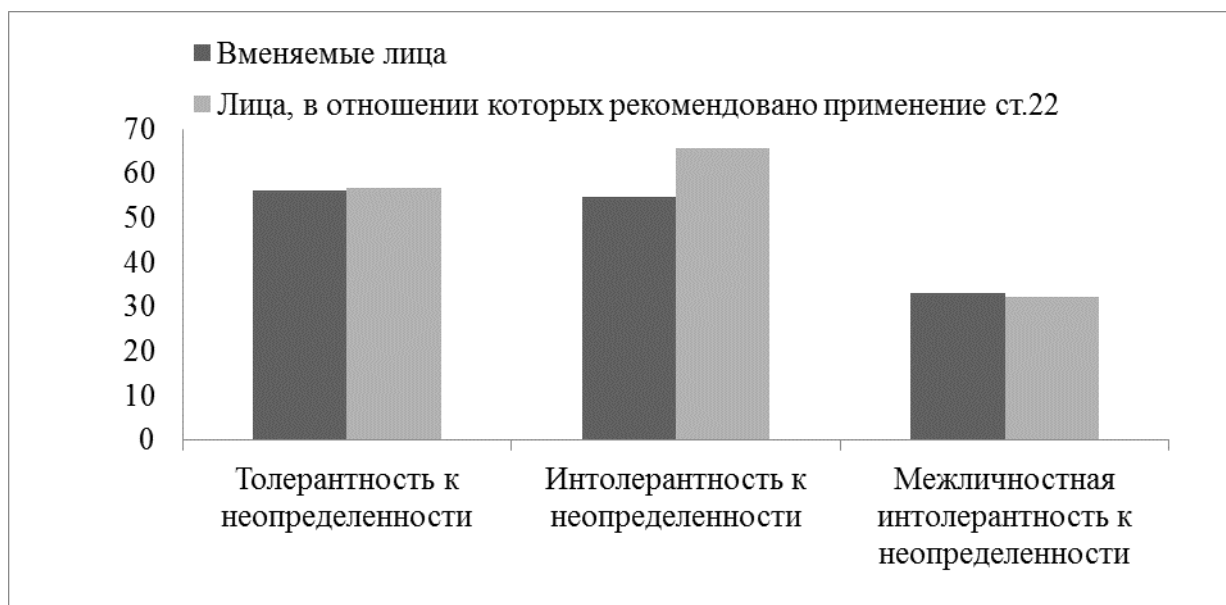

Рис. 2. Результаты дескриптивного сравнительного анализа толерантности к неопределенности

Для выделения статистически достоверных различий между особенностями мотивационной сферы и саморегуляции у обвиняемых, признанных экспертными

комиссиями вменяемыми и «ограниченно вменяемыми», был проведен сравнительный анализ с использованием критерия Манна—Уитни. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Значимые различия параметров мотивационной сферы и способности к саморегуляции у лиц с расстройствами личности в зависимости от экспертного решения (критерий Манна—Уитни)

Переменная	Расстройство личности		$U_{\text{эмп.}}$	Р
	Вменяемость	Ограниченная вменяемость		
Выхолощенность мотивационной сферы	24,75	30,75	126,0	0,050
Толерантность к неопределенности	17,92	29,90	30,5	0,021
Межличностная интолерантность к неопределенности	18,12	28,60	37,0	0,049
Стратегия принятия решений «Бдительность»	15,62	5,17	9,5	0,032

Для «ограниченно вменяемых» лиц в широком спектре жизненных ситуаций свойственна большая гибкость, в ситуациях, подразумевающих необходимость межличностного взаимодействия, неопределенность повышает уровень напряжения и способствует дезорганизации. Также «ограниченно вменяемые» лица испытывают трудности с самостоятельным анализом альтернатив и поиском информации, склонны к привнесению «предрассудков» в принимаемые им решения.

В мотивационной сфере «ограниченно вменяемых» лиц встречаются не связанные с актуальной ситуацией, упрощенные смысловые темы. Характерен недостаточный учет ситуации в выделении ведущих и второстепенных мотивов в мотивационной структуре личности. Это может приводить к нарушениям регуляции и, соответственно, к ограничению способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий в криминальной ситуации.

Для установления взаимосвязей между особенностями мотивационной сферы и способностью к саморегуляции был проведен корреляционный анализ.

Разнообразие мотивационной сферы связано с наличием в ней социально направленных смысловых тем ($R_{\text{эмп}} = 0,480$; $p = 0,000$), межличностной интолерантности к неопределенности ($R_{\text{эмп}} = -0,409$; $p = 0,013$), готовности к риску ($R_{\text{эмп}} = -0,556$; $p = 0,003$).

Характерны избегание принятия решений ($R_{эмп} = 0,529$; $p = 0,004$), наличие базовых убеждений в виде «Доброжелательности» ($R_{эмп} = 0,492$; $p = 0,009$), «Удачи» ($R_{эмп} = 0,493$; $p = 0,009$) и «Убеждений о контроле» ($R_{эмп} = 0,493$; $p = 0,009$). Лица, чья мотивационная сфера характеризуется разнообразием и социальной направленностью представленных в ней тем, характеризуются гибкостью в межличностных отношениях, низкой готовностью к риску, стремлением к избеганию принятия решения. Для них характерно оценивать окружающий мир как доброжелательный, себя как способного контролировать свое поведение и происходящие с ним события.

Установлена корреляционная взаимосвязь между упрощенностью мотивационной сферы, готовностью к риску ($R_{эмп} = -0,394$; $p = 0,042$) и защитными механизмами регрессии ($R_{эмп} = 0,364$; $p = 0,015$) и компенсации ($R_{эмп} = 0,417$; $p = 0,005$). Мотивация связана с низким уровнем готовности к риску, с преобладанием незрелых моделей реагирования в конфликтных ситуациях, а также с направлением разрядки на менее опасные объекты.

Наличие в мотивационной сфере социальных мотивов связано с защитным механизмом замещения ($R_{эмп} = 0,318$; $p = 0,036$), готовностью к риску ($R_{эмп} = -0,473$; $p = 0,013$), избеганием принятия решений ($R_{эмп} = 0,403$; $p = 0,034$), базовым убеждением «Образ Я» ($R_{эмп} = 0,391$; $p = 0,044$) и «Удача» ($R_{эмп} = 0,522$; $p = 0,005$). Наличие социально ориентированных смысловых тем связано с эмоциональной разрядкой напряжения на менее опасные и доступные объекты, низкой готовностью к риску, избеганием принятия решений, убеждением о ценности собственной личности и сопутствии удачи. Представления о справедливости мира более характерны для лиц молодого возраста.

Анализ особенностей саморегуляции и характеристик деликта показал, что более низкие показатели по критерию межличностной интолерантности к неопределенности характерны для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности, по сравнению с группами лиц, обвиняемых в убийстве, причинении тяжкого вреда здоровью ($p = 0,048$), незаконном приобретении, хранении, перевозке, изготовлении, переработке наркотических средств ($p = 0,007$). Для обвиняемых в совершении преступлений против половой неприкосновенности характерна большая субъективная гибкость в вопросах межличностных отношений, в то время как для обвиняемых в убийстве, причинении тяжкого вреда здоровью и незаконном обороте наркотических средств характерно стремление к ясности в отношениях с другими людьми.

У обвиняемых в убийстве, причинении тяжкого вреда здоровью более выражен зрелый защитный механизм компенсации ($p = 0,034$). В конфликтной ситуации способность к саморегуляции не нарушается, имеет место тенденция к самооправданию.

Выводы

1. В мотивационной сфере обвиняемых с расстройствами личности доминируют мотивы, связанные с актуальной судебной ситуацией. Достаточно часто встречаются темы, связанные с удовлетворением актуальных потребностей, что в свою

очередь коррелирует с детскими моделями реагирования в конфликтной ситуации, тенденцией к разрядке эмоционального напряжения на доступные и безопасные объекты.

2. Мотивационная сфера лиц с расстройствами личности, в отношении которых рекомендовано применение ст.22 УК РФ, менее разнообразна и иерархично организована (по сравнению с вменяемыми лицами), у них менее выражена социальная направленность личности.

3. На регулятивные способности обвиняемых с расстройствами личности оказывает влияние выраженная интолерантность к неопределенности в ситуациях межличностного взаимодействия, ригидность с неприятием изменений ситуации, меньшая дифференцированность восприятия ситуаций, трудности самостоятельного анализа альтернатив, поиска информации.

4. Разнообразие и социальная ориентированность мотивационной сферы связаны с гибкостью в межличностных отношениях, низкой готовностью к риску, стремлением к избеганию принятия решения, оценкой окружающего мира как доброжелательного, себя как способного контролировать свое поведение.

5. Наличие социально ориентированных смысловых тем связано с эмоциональной разрядкой напряжения на менее опасные и доступные объекты, избеганием принятия решений, убеждением о ценности собственной личности.

Заключение

В ходе исследования выделены переменные, значимые для экспертного решения. Так, с ограничением способности руководить своими действиями, а также осознавать их фактический характер и общественную опасность связаны особенности мотивационной сферы, а именно, наличие или отсутствие в ней социально-направленных и неадекватных или упрощенных смысловых тем. Значительное сужение мотивационно-смысловой сферы, доминирование в ней упрощенных тем, связанных с удовлетворением сиюминутных потребностей, или неадекватных ситуации тем, а также малое количество или отсутствие социальных мотивов потенциально снижают способность к правильному смысловому осознанию своих действий.

Волевой критерий формулы вменяемости связан со способностью к целостному анализу ситуации, гибкому реагированию на ее изменения, осуществлению поиска дополнительной информации, способностью адекватно реагировать в ситуации фрустрации. С этой способностью связаны такие особенности мотивационной сферы, как ее разнообразие и социальная ориентированность и убеждение в способности контролировать свое поведение и ситуацию.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Гульдман В.В., Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., и др.* Криминальная мотивация. М.: Наука, 1986. 304 с.
2. *Зейгарник Б.В., Холмогорова А.Б., Мазур Е.С.* Саморегуляция в норме и патологии / *Психологический журнал*. 1989. Т. 10. № 2. С. 122—132.
3. *Зейгарник Б.В.* Психология личности: норма и патология. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 352 с.
4. *Кононенко О.Ю.* Клинико-психопатологические особенности расстройства личности по неустойчивому типу (возрастной аспект): дисс ... канд. мед. наук. Пенза: ГОУ ДПО «Пензенский институт усовершенствования врачей Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию», 2008. 168 с.
5. *Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н.* Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных действий // *Российский психиатрический журнал*. 2008. № 3. С. 29—35.
6. *Лапшина Е.Н.* Саморегуляция лиц с пограничной психической патологией, совершивших правонарушение и признанных ограниченно вменяемыми // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2006. Т. 16. № 4. С. 47—54.
7. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. 2-е изд. испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
8. *Макушкин Е.В., Мохонько А.Р., Муганцева Л.А.* Судебно-психиатрическая экспертная служба Российской Федерации в 2016 г. (по материалам отраслевых статистических отчетов Минздрава России) // *Российский психиатрический журнал*. 2017. № 5. С. 4—15.
9. *Савина О.Ф., Макушкин Е.В., Морозова М.В.* Алгоритм экспертного исследования дизрегуляции деятельности в криминальной ситуации у лиц с психическими расстройствами // *Российский психиатрический журнал*. 2018. № 1. С. 31—42.
10. *Сафуанов Ф.С.* Виды криминальной агрессии (по материалам судебной психолого-психиатрической экспертизы) // *Механизмы человеческой агрессии / Под ред. Ю.М. Антоняна*. М.: ВНИИ МВД России, 2000. С. 131—149.
11. *Anurama V., Poornima B., Jagadisha T., Urvakhsh M.M.* Pattern of social cognition deficits in individuals with borderline personality disorder // *Asian Journal of Psychiatry*. 2018. Vol. 33. P. 105—112.
12. *Dixon-Gordon K.L., Turner B.J., Rosenthal M.Z., Chapman A.L.* Emotion Regulation in Borderline Personality Disorder: An Experimental Investigation of the Effects of Instructed Acceptance and Suppression // *Behavior Therapy*. 2017. Vol. 48. Is. 6. P. 750—764.

13. *Garofalo C., Velotti P., Callea A., Popolo R., Salvatore G., Cavallo F., Dimaggio G.* Emotion dysregulation, impulsivity and personality disorder traits: A community sample study // *Psychiatry Research*. 2018. Vol. 266. P. 186—192.
14. *Moore K.E., Gobin R.L., McCauley H.L., Kao Ch.-W., Anthony S.M., Kubiak S., Zlotnick C., Johnson J.E.* The relation of borderline personality disorder to aggression, victimization, and institutional misconduct among prisoners // *Comprehensive Psychiatry*. 2018. Vol. 84. P. 15—21.
15. *Quinton T.S., Brunton J.A.* Implicit Processes, Self-Regulation, and Interventions for Behavior Change // *Front Psychol*. 2017. Vol. 8. P. 346.
16. *Wilson C.M., Desmarais S.L., Nicholls T.L. et al.* Predictive validity of dynamic factors: assessing violence risk in forensic psychiatric inpatients // *Law Hum Behav*. 2013. Vol. 37. P. 377—388.

The Motivation Sphere and The Ability to Self-Regulation of the Accused Persons With Personality disorders

Gorinov V. V., Doctor, Professor, Chief Researcher of the Department of psychogenic and personality disorders, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (viktor-gorinov@yandex.ru)

Korzun D.N., Doctor, Leading Researcher of the Department of psychogenic and personality disorders, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (dnk-k@yandex.ru)

Shekhovtsova E.S., Researcher of the Department of psychogenic and personality disorders, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (shiha.l@mail.ru)

The article is devoted to the study of the characteristics of the motivational sphere and self-regulation of the accused persons with personality disorders. The material of the empirical study of 47 men (mean age — 33.2) with an established diagnosis of personality and behavior disorders (F60, F61). The methodical complex included tests aimed at assessing the motivational, emotional-volitional sphere, ability for emotional regulation, cognitive personality characteristics, structure and features of the organization of activity. It was revealed that for individuals with personality disorders, domination of motives associated with the current judicial-investigative situation and the satisfaction of actual needs is characteristic. It was found that regulatory violations are reflected in the structure of the motivational sphere of the individual, namely in its diversity, degree of hierarchical organization and representation of social motives. Also, the ability for self-regulation of defendants with personality disorders is influenced by the variables "intolerance to uncertainty in situations of interpersonal interaction", "rigidity", "difficulties of perception and analysis of the choice situation", "difficulties of independent analysis of alternatives", "difficulties in finding information", "features of response situations of frustration.

Keywords: motivational sphere, self-regulation ability, personality disorder.

References

1. Antonyan Yu.M., Gul'dan V.V., Kudryavcev V.N., Luneev V.V., Kriminal'naya motivaciya [Criminal motivation]. Moscow: Nauka, 1986. 304 p.
2. Zejgarnik B.V., Holmogorova A.B., Mazur E.S. Samoregulyaciya v norme i patologii [Self-regulation in health and disease]. *Psichologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*. 1989.

Т. 10. №2. pp. 122-132.

3. Zejgarnik, B.V. *Psihologiya lichnosti: norma i patologiya* [Personality psychology: norm and pathology]. Voronezh: NPO 'MODEHK'. 1998. 352 p.
4. Kononenko O.Yu. *Kliniko-psihopatologicheskie osobennosti rasstrojstva lichnosti po neustojchivomu tipu (vozrastnoj aspekt)* [Clinical and psychopathological features of the personality disorder of an unstable type (age aspect. Ph. D. (Psychology) diss.]. Penza, 2008. 168 p.
5. Kudrjavcev I.A., Lapshina E.N. *Psihologicheskie mehanizmy i jeffekty vlijaniya patologii haraktera na samoreguljaciju obshhestvenno opasnyh dejanij* [Psychological mechanisms and effects of the influence of the pathology of character on the self-regulation of socially dangerous actions] // *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal* [Russian psychiatric journal]. 2008. №3. pp. 29—35.
6. Lapshina E.N. *Samoreguljacija lic s pograničnoj psihicheskoj patologiej, sovershivshih pravonarushenie i priznannyh ogranichenno vmenjaemymi* [Self-regulation of persons with borderline psychiatric pathologies who have committed an offense and are recognized to be limited to sanity] // *Social'naja i klinicheskaja psihiatrija* [Social and Clinical Psychiatry]. 2006. Т.16. №4. pp. 47—54.
7. Leont'ev, D.A. *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [The psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 2-е, ispr. izd. Moscow: Smysl, 2003. 487 p.
8. Makushkin E.V., Mohon'ko A.R., Muganceva L.A. *Sudebno-psihiatricheskaya ehkspertnaya sluzhba Rossijskoj Federacii v 2016 g. (po materialam otraslevyh statisticheskikh otchetov Minzdrava Rossii)* [Forensic Psychiatric Expert Service of the Russian Federation in 2016 (based on sectoral statistical reports of the Ministry of Health of Russia)] // // *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal* [Russian psychiatric journal]. 2017. №5. pp. 4-15.
9. Savina O.F., Makushkin E.V., Morozova M.V. *Algoritm jekspertnogo issledovanija dizreguljacii dejatel'nosti v kriminal'noj situacii u lic s psihicheskimi rasstrojstvami* [Algorithm of expert research on the dysregulation of activities in a criminal situation in persons with mental disorders] // *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal* [Russian psychiatric journal]. 2018. №1. pp. 31-42.
10. Safuanov F.S. *Vidy kriminal'noj agressii (po materialam sudebnoj psihologo-psihiatricheskoi ehkspertizy)* [Types of criminal aggression (based on forensic psychological and psychiatric examination)]. In Antonyan Yu.M. (ed.) // *Mekhanizmy chelovecheskoj agressii* [Mechanisms of human aggression]. Moscow: VNII MVD Rossii, 2000. pp. 131-149.
11. Anupama V., Poornima B., Jagadisha T., Urvakhsh M.M. *Pattern of social cognition deficits in individuals with borderline personality disorder* // *Asian Journal of Psychiatry*. 2018. Vol. 33. P. 105-112.

12. Dixon-Gordon K.L., Turner B.J., Rosenthal M.Z., Chapman A.L. Emotion Regulation in Borderline Personality Disorder: An Experimental Investigation of the Effects of Instructed Acceptance and Suppression // *Behavior Therapy*. 2017. Vol.48. Issue 6. P. 750-764.
13. Garofalo C., Velotti P., Callea A., Popolo R., Salvatore G., Cavallo F., Dimaggio G. Emotion dysregulation, impulsivity and personality disorder traits: A community sample study // *Psychiatry Research*. 2018. Vol. 266. P. 186-192.
14. Moore K.E., Gobin R.L., McCauley H.L., Kao Ch.-W., Anthony S.M., Kubiak S., Zlotnick C., Johnson J.E. The relation of borderline personality disorder to aggression, victimization, and institutional misconduct among prisoners // *Comprehensive Psychiatry*. 2018. Vol. 84. P. 15-21.
15. Quinton T.S., Brunton J.A. Implicit Processes, Self-Regulation, and Interventions for Behavior Change // *Front Psychol*. 2017; 8: 346.
16. Wilson C.M., Desmarais S.L., Nicholls T.L. et al. Predictive validity of dynamic factors: assessing violence risk in forensic psychiatric inpatients. *Law Hum Behav*. 2013; Vol. 37: 377-388.

Проективный тест «Согласованность и преимущества»

Шамликашвили Ц. А., кандидат медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой медиации в социальной сфере факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (office@mediacia.com)

Харитонов С. В., доктор медицинских наук, профессор кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sergeyhar@mail.ru)

Пчелинцева Д. Н., методист, Федеральный институт медиации (saphirdinara@mail.ru)

Графский В. П., преподаватель кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, методист, Федеральный институт медиации (v.grafskiy@fedim.ru)

В статье приводятся результаты пилотного исследования, разработанного авторами проективного теста «Согласованность и преимущества». Целью исследования являлось изучение основных психометрических свойств теста. Выборка, в которой проведено исследование, включала 68 человек, мужчин и женщин, в возрасте старше 18 лет. По результатам исследования определено, что тест «Согласованность и преимущества» с точки зрения содержательной валидности, определенной Дельфийским методом, позволяет осуществлять оценку выраженности двух характеристик испытуемых — возможные предпочтения испытуемыми поведения, направленного на приобретение преимуществ, и предпочтение испытуемыми поведения, направленного на соотнесение своего выбора с интересами других людей и/или обстоятельствами. Критериальная валидность теста определена как достаточно высокая. По шкале предпочтения преимуществ коэффициент R Спирмена = 0,77 (при $p < 0,0001$). По шкале согласованности своего поведения с окружающими R Спирмена = 0,68 (при $p < 0,0001$). Ретестовая надежность после исследования методами ранговой корреляции показала значения по коэффициенту R Спирмена = 0,83 (при $p < 0,005$). Также при обработке результатов мониторинга за склонностью сторон нарушать уже достигнутые соглашения установлено, что существует заметная корреляционная связь между показателями теста «Согласованность и преимущества» и количеством нарушений достигнутых соглашений. Коэффициент R Спирмена = 0,69 (при $p = 0,0001$). Таким образом, тест «Согласованность и преимущества» может быть полезен в практике медиации, как для предсказания склонности сторон к согласованию своих действий с другой стороной, либо предпочтения преимуществ для себя, так и для прогнозирования вероятности сохранения уже достигнутых соглашений.

Ключевые слова: проективный тест, согласованность, преимущества, медиация, психометрические свойства.

Для цитаты:

Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Пчелинцева Д.Н., Графский В.П. Проективный тест «Согласованность и преимущества». [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 222-231. doi: 10.17759/psylaw.2019090215

For citation:

Shamlikashvili C.A., Kharitonov S.V., Pchelintseva D.N., Grafskiy V.P. Projective test «congruity and advantages». [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.222-231. doi: 10.17759/psylaw.2019090215

Введение

Актуальность создания инструментов исследования являющихся релевантными, как поставленным задачам, так и теоретическим положениям, применяемым в отношении того или иного объекта исследования, очень высока, особенно в новых областях знания, в частности, в медиации, где пока таких инструментов нет. Имеющаяся практика использования в медиации психологического инструментария имеет массу оговорок и не всегда может быть применена, тем более что и в этой дисциплине существует масса проблем и несогласованностей в части применения тестового инструментария [1]. Тем более, валидных и надежных тестовых методик пригодных для целей и задач медиации очень мало.

Проведенные нами ранее исследования позволяют допускать влияние на процедуру урегулирования споров ряда психологических факторов [4; 6]. Некоторые из них имеют больший вес, другие меньший [5]. Однако, средств, позволяющих в какой-либо стандартизированной форме осуществлять оценку влияния этих факторов, пока нет.

В свою очередь, простые тестовые методики, позволяющие быстро и без значительных затрат времени оценить возможные сложности в ходе предстоящего урегулирования спора, могут помочь не только в научно-исследовательской, но и в практической работе медиатора. Тем более, представляется важным иметь хотя бы приблизительные гипотезы о вероятности сохранения условий достигнутых соглашений и рисках их нарушения.

Из всего многообразия подходов к формированию оценок рисков и тестированию, с учетом специфики медиации, отдельного внимания заслуживают проективные тесты [3], особенно с применением рисунков, когда рисованный материал выступает в качестве стимульного и является той информативной характеристикой, благодаря которой можно судить об исследуемых аспектах психической деятельности [2]. И что особенно важно, такие тесты могут проводиться достаточно быстро и включать повторное тестирование, если подтверждена их ретестовая надежность.

Цель исследования — провести пилотное исследование некоторых психометрических свойств разработанного авторами проективного теста «Согласованность и преимущества».

Материал исследования. Разные этапы исследования проводились на разном по числу и характеристикам материале.

В первой части исследования при конструировании теста и для оценки его содержательной валидности (использован Дельфийский метод) авторами были приглашены 10 экспертов и три аналитика.

При конструировании данного теста авторы исходили из нескольких посылок, на основе которых и строилась разработка стимульного материала.

Во-первых, в урегулировании споров стремление установить влияние и доминировать является одной из наиболее существенных психологических характеристик сторон и влияет на динамику урегулирования и результат, что было установлено в наших предыдущих работах [4].

Во-вторых, данные этологических исследований показывают, что для доминантного поведения имеются характерные ситуации, позы и жесты по которым можно распознавать это поведение.

Таким образом, оказалась возможной разработка стимульного материала представленного графически, в виде рисунков, где испытуемым может предлагаться тот или иной вариант выбора поведения, который им кажется наиболее предпочтительным. На основе сделанных выборов представлялась возможной оценка таких аспектов, как предпочтение доминировать, находиться в равном положении с большинством, уклоняться и противодействовать лидеру. В виду того, что уклоняющаяся форма активности не представляется адекватной для условий медиации, а именно — для выполнения принципа добровольности, эта форма была сразу исключена и такие ситуации не рисовались.

На следующем этапе были разработаны несколько рисуночных сюжетов, позволяющих в достаточно явной форме демонстрировать варианты доминантного поведения — доминировать, противодействовать лидеру или быть, как большинство. Всего было разработано 14 сюжетов.

На втором и третьем этапах исследования была проведена оценка критериальной валидности теста и ретестовая надежность. Материалом исследования послужили данные от 68 испытуемых обоего пола (39 женщин, 29 мужчин); рандомизация осуществлялась с помощью генератора случайных чисел в генеральной совокупности 140 человек. Двое испытуемых по разным причинам выбыли из исследования.

Возраст участников исследования — от 18 до 65 лет, в среднем по группе он составил 35, 4 ± 6,7 года. Ретестовое исследование прошли все испытуемые спустя три недели после первого тестирования.

Результаты исследования

Содержательная валидность теста.

Для оценки содержательной валидности теста и более точного формулирования названия шкал нами был использован Дельфийский метод экспертных оценок.

Группа экспертов состояла из 10 человек — специалистов с психологическим образованием и опытом работы с тестовыми методиками не менее трех лет. Эксперты не знали друг друга, и их опрос проводился изолировано друг от друга с тем, чтобы минимизировать возможности групповых влияний на принятие решения.

Аналитиков было трое, это лица, имеющие психологическое образование и опыт работы с тестовым материалом. Аналитики принимали решения совместно.

Выработка решения экспертами осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе им был разослан вопрос «Какие особенности поведения можно оценить по данным рисункам?» Соответственно, к вопросу прилагался разработанный стимульный материал с указанием вариантов выбора. Названия шкал и их количество, которое закладывали разработчики при создании теста, не сообщалось ни экспертам, ни аналитикам.

После того, как эксперты скорректировали вопрос, присланный им от координатора исследования, было получено 10 вопросов от каждого эксперта. Но так как два вопроса повторяли друг друга слово в слово, далее использовались 9 вопросов.

На втором этапе аналитики, обобщив данные от экспертов, пришли к выводу, что следует получить ответ на серию новых вопросов. На третьем этапе вопросы вновь уточнялись, на пятом этапе удалось все свести к двум вопросам, что и позволило аналитикам обобщить ответы экспертов. На этом этапе был сделан вывод, который удовлетворил всех экспертов. А именно:

«Представленный стимульный материал содержит для выбора испытуемых различные варианты поведения, которые позволяют оценить возможные предпочтения исследуемых участников к осуществлению поведения или предрасположенности к определённым действиям.

При этом участники исследования могут либо соотносить своё поведение с другими людьми или обстоятельствами, либо нет».

Таким образом, экспертный метод позволил выделить не три, а две шкалы теста. Они были обозначены как шкала «А» и шкала «В».

Шкала «А», согласно определению экспертной группы, позволяет оценивать возможные предпочтения испытуемыми поведения, направленного на приобретение преимуществ.

Шкала «В» — позволяет оценивать предпочтение испытуемыми поведения направленного на соотношение своего выбора с интересами других людей и/или обстоятельствами.

Критериальная валидность теста.

Критериальная валидность определялась экспериментальным путем ввиду того, что более предпочтительным выдвинулось установление соответствий между тестом и реальными оценками участников переговоров, направленных на урегулирование споров между ними, а не на поиск соответствия теста психологическим методикам.

С этой целью из состава участников исследования были выделены 30 человек, включенные в групповое исследование, предполагавшее реальное, длительное взаимодействие (одна неделя), где участники вели переговоры друг с другом с целью урегулирования имевшихся между ними споров, касающихся взаимоотношений и способов взаимодействия в быту (при наличии действительных расхождений) таким образом, что каждый участник, в итоге знал каждого.

Все участники проходили тестирование по исследуемому тесту и по окончании процедуры урегулирования спора давали оценку собеседнику в баллах — от 0 до 10 (визуально-аналоговая шкала) по двум характеристикам: «насколько Ваш собеседник склонен к поведению без соотнесения своего выбора с Вами», и «насколько Ваш собеседник пытается соотносить свое поведение с Вами?»

После заключения соглашений все участники продолжали общаться друг с другом (в условиях неструктурированной психологической группы) на протяжении одной недели. И каждый фиксировал количество случаев нарушения достигнутых соглашений, если соглашение было достигнуто.

Сопоставление оценок участников переговорных взаимодействий с оценками, полученными по тесту, осуществлялось с помощью метода ранговых корреляций. Определена высокая теснота связи между субъективными оценками склонности собеседника к приобретению преимуществ (и отсутствию склонности к формированию равного партнерства), по мнению одного из участников этих переговоров, и набранными баллами по шкале «А» вторым участником (тем, с которым взаимодействовал оценивающий) переговоров. Коэффициент R Спирмена = 0,77 (при $p < 0,0001$), Тау Кендалла = 0,58 (при $p < 0,0001$), Гамма = 0,77 (коэффициент корреляции Пирсона = 0,73).

Оценка корреляций между склонностью формировать равное партнерство, по мнению одного из участников переговоров, с деятельностью партнера и набранными баллами по шкале «В» этим партнером, позволила установить выраженную отрицательную связь между показателями. R Спирмена = - 0,57 (при $p < 0,0019$), Тау Кендалла = - 0,42 (при $p < 0,0019$), Гамма = - 0,58 (коэффициент корреляции Пирсона = - 0,61).

Корреляционная связь между оценками склонности партнера к формированию равного партнерства с набранными этим партнером баллами по шкале «В» являлась достаточно высокой и составила по коэффициенту R Спирмена 0,68 (при $p < 0,0001$), Тау Кендалла = 0,5 (при $p < 0,0002$), Гамма = 0,68 (коэффициент корреляции Пирсона = 0,7).

В свою очередь, корреляционная связь между оценками склонности партнера не формировать равное партнерство и набранными этим партнером баллами по шкале «В» тоже являлась достаточно заметной, но имела отрицательный характер. Коэффициент R Спирмена = - 0,39 (при $p < 0,05$), Тау Кендалла = - 0,28 (при $p < 0,05$).

Ретестовая надежность теста.

Надежность любого психодиагностического теста должна предсказывать изменчивость показателей данного теста через некоторое время. В нашем случае повторное тестирование осуществлялось через 3 недели после первого тестирования. О том, что будет повторное тестирование, никто из участников исследования заранее не извещался. Всего в исследовании приняли участие 68 испытуемых. Полученные в результате повторного тестирования значения по обеим шкалам были одинаковыми (так как шкалы взаимозависимы, и прирост значений по одной шкале сопровождается снижением значений по другой шкале). После исследования методами ранговой корреляции определено, что коэффициент R Спирмена = 0,83 (при $p < 0,005$), Тау Кендалла = 0,73 (при $p < 0,006$), Гамма = 0,92 (коэффициент корреляции Пирсона = 0,89). Таким образом, значения по ретестовой надежности исследуемого теста, с учетом общепринятого понимания, что корреляция 0,8—0,9 является хорошей, можно считать вполне приемлемыми для практики повторных тестирований.

Устойчивость заключенных соглашений и значения по тесту.

Испытуемые, как уже говорилось ранее, были распределены в пары. Каждая пара заключала между собой соглашение, касающееся поведения в отношении друг друга; и на протяжении одной недели, следующей после заключения соглашения, испытуемые фиксировали факты нарушения соглашений со стороны своего партнера по коммуникациям.

При обработке результатов этого мониторинга установлено, что существует заметная корреляционная связь между показателями теста «Согласованность и преимущества» и количеством нарушений достигнутых соглашений. Коэффициент R Спирмена = - 0,69 (при $p = 0,0001$), Тау Кендалла = - 0,56 (при $p < 0,0001$).

При этом самыми надежными «хранителями» договоренностей оказались испытуемые, у которых были сбалансированные показатели по обеим шкалам. Испытуемые, имеющие слишком низкие или слишком высокие значения по шкалам теста, тем более вероятно нарушали договоренности, чем больше различались значения в шкалах теста. Полученные результаты соответствуют предсказаниям математических теорий равновесных сделок.

При оценке нормальности распределения значений не было получено никаких свидетельств, позволяющих отклонить нормальность распределения (критерий Колмогорова—Смирнова/Лиллифорса = 0,06 при уровне значимости =1; критерий Шапиро—Уилка = 0,97 при уровне значимости =0,9). Иначе говоря, распределение может быть признано нормальным. Следовательно, возможен расчет ожидаемых вероятностей нарушения/сохранения соглашений. В результате такого расчета получены следующие ориентировочные значения вероятностей, в зависимости от набранных баллов (таблица).

Таблица

Ориентировочные значения вероятностей, в зависимости от набранных баллов

№ п/п	Баллы по шкале «А»	Баллы по шкале «В»	Вероятность сохранения условий соглашения	Вероятность нарушения соглашений
1	11—10 баллов	1 балл	≈12,7% и ниже	≈87,3% и выше
2	9 баллов	2 балла	≈27—31%	≈73—69%
3	8 баллов	3 балла	≈31—45,5%	≈69—54%
4	7 баллов	4 баллов	≈ 45,5—70%	≈54,5—30%
5	6 баллов	5 баллов	≈70% и выше	≈30% и ниже
6	5 баллов	6 баллов	≈70% и выше	≈30% и ниже
7	4 балла	7 баллов	≈45,5—70%	≈54,5—30%
8	3 балла	8 баллов	≈31—45,5%	≈69—54,4%
9	2 балла	9 баллов	27—31%	≈73—69%
10	1-0 баллов	10 баллов	≈12,7% и ниже	≈87,3% и выше

Понятно, что эти диапазоны вероятностей носят довольно умозрительный характер, основанный на статистических данных, полученных на не большом материале. Но эти сведения представляются существенными для сверки с результатами последующих эмпирических данных и анализом причин возможных отклонений.

Выводы

Полученные результаты позволяют говорить о том, что тест «Согласованность и преимущества» может применяться для предсказания как способности сторон спора достигать соглашение в процедуре медиации, так и склонности этих сторон к сохранению или нарушению уже достигнутых соглашений.

Тест демонстрирует приемлемые значения валидности, он имеет хорошую ретестовую надежность и будет полезен в работе медиаторов для оценки таких аспектов взаимодействия, как ожидаемая склонность сторон к согласованию своих интересов друг с другом и в ориентировочной оценке вероятности сохранения/нарушения достигнутых соглашений. Данные по вероятностям сохранения или нарушения условий соглашения, хотя и имеют расчетную природу, все-таки могут применяться как ориентировочное прогнозирование. Представляется важным дальнейшее накопление эмпирических данных и анализ причин вероятных расхождений с ожидаемыми теоретическими предсказаниями, если таковые будут обнаружены.

В тесте еще не исследована факторная нагрузка по каждому из выборов и не проведены исследования по ряду других психометрических свойств. Для решения этой проблемы необходимо накопление существенного объема статистики и проведение тестирования в разных группах испытуемых, что, судя по данным настоящего исследования, представляется целесообразным.

Литература

1. Батурич Н.А., Вучетич Е.В., Костромина С.Н. и др. Российский стандарт тестирования персонала (временная версия, созданная для широкого обсуждения в 2015 году) (рус.) // Организационная психология. 2015. Т. 5. Вып. 2. С. 67—138.
2. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. С. 160
3. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. С. 672
4. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Пчелинцева Д.Н. Результаты анализа осознанного изменения уровня доминирования при моделировании споров. // Наука и бизнес: пути развития. 2015. № 6. С. 19—27.
5. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Пчелинцева Д.Н., Степанищев А.Н. Результаты анализа психологических факторов, влияющих на динамику споров и экспертная оценка их податливости стороннему влиянию // Глобальный научный потенциал. 2015. № 4 (49). С. 25—32.
6. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В. Роль установок восприятия в достижении соглашений внутри семейных пар // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 112—117.

Projective Test «Congruity and Advantages»

Shamlikashvili T.A., *Candidate of Medical Sciences, Professor, Department Head of Mediation in the Social Sphere, Faculty of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (office@mediacia.com)*

Kharitonov S.V., *Doctor of Medicine, Professor of the Department of Mediation in the Social Sphere, Faculty of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (sergeyhar@mail.ru)*

Pchelintseva D.N., *Junior Researcher, Federal Institute of Mediation (saphirdinara@mail.ru)*

Grafskiy V.P., *teacher of the chair of mediation in the social sphere of MGPPU faculty of legal psychology, methodist at the Federal Institute of mediation (v.grafskiy@fedim.ru)*

The article presents the results of a pilot study developed by the authors of the projective test “Congruity and Advantages”. The research aims to study the main psychometric attributes of the test. The selection included 68 subjects of both genders at the age over 18. According to the study results, from the point of view of substantive validity, determined by the Delphic method, the “Congruity and Advantages” Test allows assessing the severity of two characteristics of the subjects: 1) subject's possible preferences of behavior aimed at acquiring advantages, 2) subject's preference of behavior aimed at matching one's choice with the interests of other people and/or circumstances. Criterion validity of the test is defined as sufficiently high. On an advantage scale R Spearman = 0,77 (at $p < 0,0001$). On a scale of congruity of their behavior with others Spearman R = 0,68 (at $p < 0,0001$). Retest reliability after the study by the methods of rank correlation indicated R Spearman = 0,83 (at $p < 0,005$). In addition, the monitoring results of the parties' tendency to violate agreements already reached reveal a significant correlation between the indicators of the “Congruity and Advantages” Test and the number of violations of agreements reached - Spearman R = 0,69 (at $p = 0,0001$). Thus, the “Congruity and Advantages” Test can be practical in mediation as both to predict the tendency of the parties to harmonize their actions with others or to prefer their advantages, and to predict the probability of preserving agreements already reached.

Key words: projective test, congruity, advantages, mediation, psychometric attributes.

References

1. Baturin N.A., Vuchetich E.V., Kostromina S.N. et al. Rossijskij standart testirovaniya personala (vremennaya versiya, sozdannaya dlya shirokogo obsuzhdeniya v 2015 godu) (rus.) // Organizacionnaya psihologiya. [Russian standard for personnel testing (temporary version, created for wide discussion in 2015) (Rus.) / / Organizational psychology]. 2015. June (T. 5, V. 2). pp. 67—138.

2. Venger A.L. Psihologicheskie risunochnye testy: Illyustrirovannoe rukovodstvo. [Psychological drawing tests: Illustrated guide.] Moscow: VLADOS-PRESS, 2003.160 p.
3. Rajgorodskij D. YA. Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie. [Practical psychodiagnosis. Methods and tests. Textbook.] Samara: Izdatel'skij Dom «BAHRAH-M», 2001. 672 p.
4. SHamlikashvili C.A., Haritonov S.V., Pchelinceva D.N. Rezul'taty analiza osoznannogo izmeneniya urovnya dominirovaniya pri modelirovanii sporov. //Nauka i biznes: puti razvitiya. [The results of the analysis of conscious changes in the level of dominance in the modeling of disputes. // Science and business: ways of development.] 2015. № 6. pp. 19-27.
5. SHamlikashvili C.A., Haritonov S.V., Pchelinceva D.N., Stepanishchev A.N. Rezul'taty analiza psihologicheskikh faktorov, vliyayushchih na dinamiku sporov i ehkspertnaya ocenka ih podatlivosti storonnemu vliyaniyu. //Global'nyj nauchnyj potencial. [The results of the analysis of psychological factors affecting the dynamics of disputes and expert assessment of their compliance to outside influence. Global scientific potential.] 2015. № 4 (49). pp. 25-32.
6. Shamlikashvili C.A., Haritonov S.V. Rol' ustanovok vospriyatiya v dostizhenii soglashenij vnutri semejnyh par.//Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. [The role of plants in the perception of agreement within couples. // Theory and practice of social development.] 2013. № 9. pp. 112-117.

Особенности ценностно- смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе

Богданович Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры Юридической психологии и права, ФГБОУ ВО МГППУ (bogdanovichnv@mgppu.ru)

Щёткина Е.И., старший преподаватель кафедры Юридической психологии и права, ФГБОУ ВО МГППУ (schetkina.ew@gmail.com)

Борисова А.А., студентка факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sasha_borisowa@mail.ru)

Шевцова Н.А., старший преподаватель кафедры иностранных языков, филиал г. Эссентуки Ставропольского государственного педагогического института (ninashevtsova.1945@yandex.ru)

Моисеева Л.П., старший преподаватель кафедры Юридической психологии и права, ФГБОУ ВО МГППУ (moiseevalp@mgppu.ru)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, главными задачами которого являлось выявление особенностей ценностно-смысловой сферы у студентов, обучающихся на юридическом факультете, и студентов, обучающихся на факультете психологии. Выборку составили 128 студентов, обучающихся на юридическом факультете и факультете юридической психологии. Гипотезами исследования выступили предположения о том, что, во-первых, имеются статистически значимые различия в системе жизненных смыслов, смысложизненных и карьерных ориентациях, в ведущих ценностях у студентов юридического и студентов психологического факультетов, и, во-вторых, имеется взаимосвязь смысложизненных ориентаций с учебной мотивацией у студентов юридического и психологического факультетов. Авторами проведен краткий анализ особенностей формирования ценностно-смысловой сферы личности в период обучения в вузе. Полученные в исследовании результаты можно использовать при проведении индивидуального психологического консультирования со студентами, при планировании и проведении тренингов, направленных на формирование профессионального самосознания у студентов.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, жизненные смыслы, смысложизненные ориентации, карьерные ориентации, ценности.

Для цитаты:

Богданович Н.В., Щёткина Е.И., Борисова А.А. и др. Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе. [Электронный ресурс] // Психология и

право. 2019(9). № 2. С. 232-249.
doi: 10.17759/psylaw.2019090216

For citation:

Bogdanovich N.V., Shetkina E.I., Borisova A.A. Features of the value-semantic sphere of students in the period of study at the university. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019 (9), no.2. pp.232-249.
doi: 10.17759/psylaw.2019090216

В период обучения в высшем учебном заведении важным аспектом становления профессионала, помимо накопления и усвоения знаний, является развитие самосознания и структурирование ценностно-смысловой сферы личности студента. Учебно-профессиональная деятельность оказывает существенное влияние на развитие внутреннего потенциала личности, ее мировоззрение и убеждения, и особенно ярко данная деятельность отражается на иерархической структуре ценностных ориентаций, что подтверждают исследования многих авторов, в частности, И.П. Селезневой, А.В. Соколова, И.А. Щербаковой и др. [14]. Именно на стадии профессионального обучения происходит существенная корректировка представлений о профессиональной деятельности, которая ведет к изменениям собственного профессионального образа, а также целей и ценностей [4]. Исследование различных психологических аспектов, связанных с периодом получения высшего профессионального образования, вызывает активный исследовательский интерес. Например, О.Р. Бусарова подчеркивает необходимость и актуальность изучения факторов, оказывающих негативное влияние на развитие личности студента [5].

Ценностно-смысловая сфера личности вызывает активный научный интерес и является объектом многочисленных научных исследований. Она рассматривается и исследуется многими авторами как функциональная система, формирующая смыслы и цели жизнедеятельности человека и регулирующая способы их достижения (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.С. Братусь и др.). [2]. Являясь ядром личности, ценностно-смысловая сфера выступает регулятором поведения человека как субъекта профессиональной деятельности. И именно в период профессионального обучения происходит процесс принятия будущим специалистом профессионально значимых ценностей как личных и структурирование собственной ценностно-смысловой сферы. Как отмечает Н.Ю. Чижо, «... ценностно-смысловая сфера в профессиональном самоопределении на этапе профессионального обучения проявляет себя в отношении к профессии и учебно-профессиональной деятельности, в профессиональных выборах, профессиональной рефлексии, самооценке, в особенностях жизненной и профессиональной перспективы» [15]. Иерархия ценностно-смысловой сферы и ее относительная устойчивость выступают важными предпосылками обоснованного и самостоятельного профессионального выбора. По мере вхождения в профессию происходит «... поэтапная интериоризация, “кристаллизация” профессиональных ценностей в ценностно-смысловой сфере личности: 1-й этап — приобщение личности к ценностям профессиональной группы; 2-й этап — прогнозирование образа своего идеального профессионального будущего; 3-й этап — “осознание” личностью смысловых ориентиров собственной профессиональной деятельности» [15]. Н.О. Леоненко подчеркивает, что осуществление профессионального поведения в выбранной сфере профессиональной деятельности непосредственно связано с содержанием системы

ценностей, потребностей, мотивов и смыслов, лежащих в основе субъективного отношения к данной деятельности [10].

Профессиональная деятельность юриста имеет специфические особенности, которые предполагают принятие профессиональных ценностей на уровне лично значимых ценностей и смыслов. В своей деятельности юрист сталкивается с необходимостью анализировать взаимоотношения людей в контексте правового поля, оценивать поступки людей с точки зрения соответствия законодательству, наблюдать самые разнообразные проявления активности граждан в наиболее кризисных ситуациях их жизни. Поэтому данная профессия предполагает высокую социальную значимость и ответственность [6].

Юридическая психология изучает закономерности и механизмы психической деятельности в сфере отношений, регулируемых правом [13]. Следовательно, профессиональная деятельность юридического психолога нацелена на оказание психологической помощи в сфере действия правовых отношений. Н.В. Богданович и В.А. Чернушевич к модели профессиональной деятельности юридического психолога относят такие компоненты, как первичная профилактика правонарушений; психологическое сопровождение подростков, совершивших правонарушение, и психологическая реабилитация [3]. Практическая деятельность в сфере юридической психологии предъявляет высокие требования к личности профессионала, к уровню развития его профессионально важных качеств [9].

Следовательно, научный интерес вызывает исследование особенностей ведущих смысложизненных и карьерных ориентаций, жизненных смыслов и ценностей как компонентов ценностно-смысловой сферы, выступающих регуляторами будущей профессиональной деятельности специалистов в сфере юриспруденции и юридической психологии.

Целью эмпирического исследования стало выявление особенностей в системе жизненных смыслов, смысложизненных и карьерных ориентациях, в ведущих ценностях у студентов, обучающихся на психологическом и юридическом факультетах, и выявление статистически значимых различий в выраженности структурных компонентов ценностно-смысловой сферы.

Гипотезы исследования.

1. Имеются статистически значимые различия в системе жизненных смыслов, смысложизненных и карьерных ориентациях, в ведущих ценностях у студентов юридического психологического факультетов.

2. Имеется взаимосвязь смысложизненных ориентаций с учебной мотивацией у студентов юридического психологического факультетов.

Выборку составили 128 студентов, 64 из которых обучаются на юридическом факультете Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), 64 студента — на факультете юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Возраст испытуемых — от 19 до 24 лет. Используемые методы — тестовые опросники и методы математической статистики (непараметрический критерий U Манна—Уитни, корреляционный критерий Спирмана). В соответствии с целью исследования были выбраны следующие методики: методика исследования системы жизненных смыслов (СЖС) В.Ю. Котлякова (в зависимости

от полученной суммы ранговых значений по каждой из категорий оценивалась представленность каждой из категорий в личной системе жизненных смыслов); тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (СЖО); «Якоря карьеры» (Э. Шейн, перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова); «Ценностный опросник» (ЦО) Ш. Шварца; методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой).

При помощи методики исследования системы жизненных смыслов (СЖС) В.Ю. Котлякова было выявлено наличие статистически значимых различий в представленности разных смысловых категорий в системе жизненных смыслов у студентов-психологов и студентов-юристов (в табл. 1 представлены средние значения и значения, полученные с применением U-критерия Манна—Уитни). Из восьми категорий жизненных смыслов (альтруистические, экзистенциальные, гедонистические, статусные, коммуникативные, семейные, когнитивные, самореализации), исследуемых данной методикой, статистически значимые различия между студентами-юристами и студентами-психологами выявлены по следующим категориям: альтруистические жизненные смыслы; жизненные смыслы, связанные с самореализацией; статусные жизненные смыслы и когнитивные жизненные смыслы.

Таблица 1

Сравнительный анализ выраженности жизненных смыслов по группам студентов разных курсов

Жизненные смыслы	Юристы		Психологи		U-критерий
	Среднее ранговое значение	Стандартное отклонение	Среднее ранговое значение	Стандартное отклонение	
Альтруистические	15,78	5,20	10,04	4,46	,000**
Экзистенциальные	11,23	5,62	11,92	4,98	,484
Гедонистические	10,76	5,31	10,50	5,04	,733
Самореализации	7,78	4,60	12,15	5,64	,000**
Статусные	9,75	4,37	12,81	7,00	,009**
Коммуникативные	9,34	4,57	10,25	6,05	,432
Семейные	12,00	6,96	11,81	6,09	,973
Когнитивные	11,46	6,70	9,17	5,34	,042*

Примечание: «*» — различия значимы на уровне $p \leq 0,05$; «**» — различия значимы на уровне $p \leq 0,01$.

Анализ полученных средних значений по обеим группам выявил, что для студентов-психологов ведущими жизненными смыслами являются когнитивные и альтруистические жизненные смыслы, а для студентов-юристов — жизненные смыслы самореализации, статусные и коммуникативные смыслы. Показатели по остальным категориям распределились в зоне нейтральных значений.

У студентов, обучающихся на психологическом факультете, в системе жизненных смыслов в большей степени присутствует потребность бескорыстно помогать другим людям, оказывать содействие в достижении общего блага, пренебрегая собственной выгодой. Возможно, это объясняется в том числе тем, что профессия психолога относится к «помогающим» профессиям и в процессе профессионального обучения студенты ориентированы на работу с разными категориями клиентов, находящихся в трудных жизненных ситуациях. Также у студентов-психологов выражена потребность в познании жизни, анализе противоречий окружающего мира и собственной личности, поиске причин и смысла происходящего.

У студентов-юристов в большей степени, чем у студентов-психологов, выражены жизненные смыслы, основанные на потребности человека занимать высокое положение в обществе, строить карьеру, добиваться успеха и признания в глазах окружающих, реализовывать свои способности и возможности в будущей профессиональной деятельности. Они более ориентированы на достижение высокого статуса, престиж будущей профессии и реализацию потребности общения с другими людьми. Полученные результаты перекликаются с результатами исследования, проведенного В.Е. Петровым и Д.П. Харитиди. Согласно полученным в исследовании данным, понимание студентами-юристами престижа профессии является ведущей мотивационной составляющей на всех стадиях профессионального обучения, получаемого с целью удовлетворить желание социального благополучия и признания [12].

Смыслжизненные ориентации студентов были исследованы с помощью методики «Тест смыслжизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева (СЖО). Согласно Д.А. Леонтьеву, смыслжизненные ориентации как сложные социально-психологические образования порождаются реальными значимыми жизненными взаимоотношениями субъекта и бытия, они релевантны по отношению ко всему жизненному пути личности, задают вектор и границы самореализации личности как субъекта жизненного пути через структурную организацию жизненных целей-ценностей [11]. В период профессионального обучения происходит становление студента как субъекта собственного развития, способного определять перспективы профессионального роста и осознавать свои жизненные цели. По мнению Н.И. Аркаевой, профессиональное образование для студентов становится средой, которая создает благоприятные условия для формирования у них смыслжизненных ориентаций самоопределения и саморазвития [1]. В табл. 2 представлены среднегрупповые результаты по выраженности смыслжизненных ориентаций у студентов-юристов и студентов-психологов.

Таблица 2

Сравнительный анализ выраженности смысложизненных ориентаций по группам студентов юридического и психологического факультетов

Смысложизненные ориентации	Студенты-юристы		Студенты-психологи		U-критерий
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Цели в жизни	17,12	10,70	16,15	8,92	,956
Процесс жизни	25,54	10,48	17,84	9,11	,000**
Результативность жизни	23,59	9,66	20,12	9,53	,014*
Локус контроля «Я»	19,51	7,85	17,70	9,54	,203
Локус контроля «Жизнь»	14,53	8,35	10,48	4,32	,024*
Общий показатель осмысленности жизни	100,81	20,81	83,79	17,03	,000**

Примечание: «*» — различия значимы на уровне $p \leq 0,05$; «**» — различия значимы на уровне $p \leq 0,01$.

Как видно из данных табл. 2, в обеих группах показатели по шкалам результативности жизни и локуса контроля Я распределились в зоне средних значений, по остальным показателям значения ниже средних. Статистически значимые различия между группами студентов-юристов и студентов-психологов выявлены по таким шкалам как «Процесс жизни», «Результативность жизни», «Локус контроля Жизнь» и «Общий показатель осмысленности жизни», по всем шкалам студенты-юристы показали высокий уровень. Наиболее значимые различия наблюдаются по шкалам «Процесс жизни» и «Общий показатель осмысленности жизни». Студенты, обучающиеся на юридическом факультете, в большей степени, чем студенты-психологи, воспринимают процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Они в большей степени, чем студенты-психологи, удовлетворены продуктивностью и осмысленностью пройденного отрезка жизни. Также они более, чем студенты-психологи, удовлетворены своей самореализацией в жизни и показывают большую уверенность в том, что собственную жизнь можно построить в соответствии со своими целями и представлениями о смысле жизни. Полученные результаты, возможно, отчасти связаны с тем, что студентами-юристами на текущем этапе жизни в большей степени осмыслены перспективы дальнейшего профессионального будущего, у них есть понимание «своего места» в профессии и этапов построения и содержательных характеристик будущей профессиональной карьеры. В то же время студенты — будущие психологи могут сталкиваться с проблемой размытости существующих представлений о возможностях психологической науки и практики [8].

Карьерные ориентации у студентов-психологов и студентов-юристов распределились следующим образом (рис. 1).

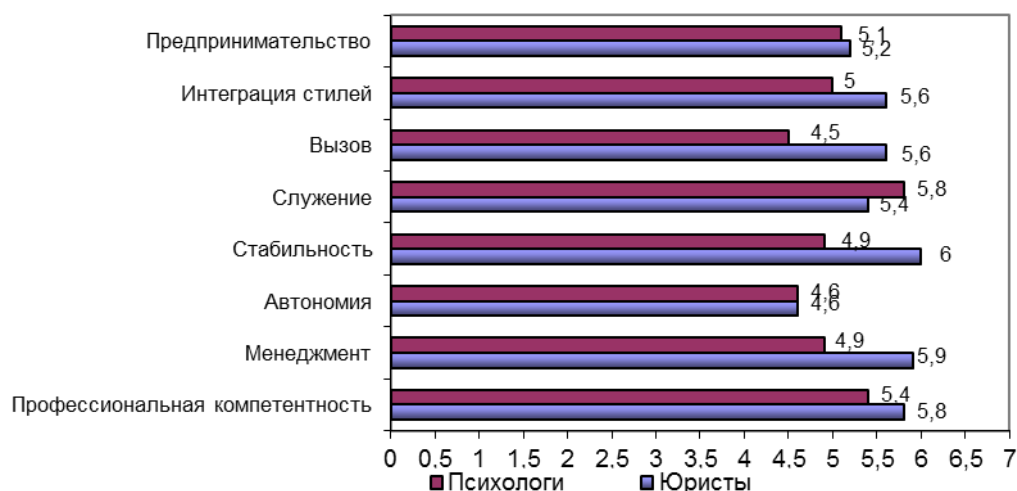

Рис. 1. Средние показатели выраженности карьерных ориентаций у студентов юридического и психологического факультетов

Итак, на рис. 1 наглядно видны различия в показателях выраженности карьерных ценностных ориентаций у испытуемых разных групп: если в группе студентов-юристов более выражены такие ценности, как «стабильность», «менеджмент» и «служение», то в группе будущих психологов — ценности «служение» и «профессиональная компетентность». По карьерным ценностным ориентациям «предпринимательство» и «автономия» различия незначительны.

В табл. 3 представлены средние значения выраженности карьерных ориентаций у студентов-юристов и студентов-психологов, полученные в ходе тестирования испытуемых по методике «Якоря карьеры» (Э. Шейн).

Таблица 3

Сравнительный анализ выраженности карьерных ориентаций у студентов юридического и психологического факультетов

Карьерные ориентации	Студенты-юристы		Студенты-психологи		U-критерий
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Профессиональная компетентность	5,88	2,21	5,54	1,98	,333
Менеджмент	5,94	2,13	4,92	1,97	,009**
Автономия (независимость)	4,63	1,80	4,67	2,03	,941
Стабильность	6,08	2,13	4,98	1,56	,001**

Служение	5,42	2,22	5,86	1,89	,128
Вызов	5,67	2,19	4,55	1,74	,006**
Интеграция стилей жизни	5,66	2,11	5,02	2,36	,080
Предпринимательство	5,22	1,77	5,15	1,75	,839

Примечание: «*» — различия значимы на уровне $p \leq 0,05$; «**» — различия значимы на уровне $p \leq 0,01$.

При помощи U-критерия Манна—Уитни доказано, что статистически значимыми являются различия по таким карьерным ценностным ориентациям, как «менеджмент», «стабильность» и «вызов».

Это означает, что у будущих юристов более выражен такой мотивирующий фактор, как управление людьми, их в большей степени, чем психологов, привлекает возможность объединить усилия коллектива для достижения каких-либо организационных целей, они чувствуют ответственность за конечный результат деятельности.

Стабильность работы как карьерная ориентация более характерна для будущих юристов — потребность в безопасности и стабильности доминирует в потребностной сфере этих студентов; для них важно, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы, поэтому при поиске работы они ориентируются на хорошую репутацию организации, которая заботится о своих сотрудниках, обеспечивает достаточно длительный срок занятости, где стабильно выплачивается хорошая заработная плата и т. д.

Вызов как ведущая карьерная ориентация также в большей степени присущ студентам-юристам; они предпочитают преодолевать различные сложности, затруднения, возникающие в ходе профессиональной деятельности; рутинная, кропотливая работа оказывает на них демотивирующее действие. Их интересует и привлекает конкурентная борьба, причем такие работники сами ориентированы на то, чтобы «бросать вызов».

Для студентов-психологов наиболее значимой является карьерная ориентация «служение», что предполагает стремление к тому, чтобы профессиональная деятельность позволяла реализовывать человеку его главные ценности. Предположительно, главной для них является возможность максимально эффективно использовать их таланты и опыт для реализации общественно важной цели. Это дополняет данные, полученные по методике исследования системы жизненных смыслов (СЖС) В.Ю. Котлякова, о том, что вторыми по выраженности у студентов-психологов являются альтруистические жизненные смыслы.

Можно предположить, что ориентация в карьере на менеджмент как управление, стабильность работы и профессиональные ситуации, связанные с преодолением различных сложностей, определяются в том числе тем, что профессиональная деятельность юриста любой специализации связана с нормативно-правовым регулированием и опорой на законодательство, основным элементом которого является норма права, которая выступает как императив и регулятор правовых отношений. Соответственно, будущая профессиональная деятельность представляется юристу более понятной и «прозрачной», так как законодательство регламентирует то, как юристу необходимо действовать, в

отличие от психолога, у которого профессиональная деятельность связана с ситуациями неопределенности, индивидуальным подходом к каждому случаю, и, кроме того, не всегда есть понимание того, как найти «свое» место в рамках организации (карьерные перспективы не всегда понятны).

Далее нами был проведен анализ результатов, полученных с помощью методики «Ценностный опросник» (ЦО) Ш. Шварца. В табл. 4 представлены средние значения выраженности основных ценностей студентов-психологов и студентов-юристов, отражающих нормативные идеалы, ценности на уровне убеждений личности, но не всегда проявляющихся в реальном социальном поведении.

Таблица 4

Средние показатели выраженности ценностей (нормативные идеалы) у студентов юридического и психологического факультетов

Тип ценностей	Студенты-юристы		Студенты-психологи		U-критерий
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Конформность	4,15	2,10	1,85	1,64	,000**
Традиции	4,87	1,75	2,31	2,06	,000**
Доброта	3,84	1,99	3,78	2,42	,937
Универсализм	3,31	2,28	3,60	2,64	,419
Самостоятельность	4,70	2,50	1,71	2,05	,000**
Стимуляция	3,53	2,54	1,43	1,90	,000**
Гедонизм	2,03	1,91	2,07	2,03	,711
Достижения	3,70	2,17	3,78	1,97	,935
Власть	2,98	2,29	2,18	2,16	,113
Безопасность	2,15	1,94	4,06	2,09	,000**

Примечание: «*» — различия значимы на уровне $p \leq 0,05$; «**» — различия значимы на уровне $p \leq 0,01$.

Для студентов-психологов наиболее высокую значимость на уровне нормативных идеалов составляют следующие ценности: безопасность, достижения и доброта. Они стремятся к безопасности, гармонии, стабильности общества, к стабильности во взаимоотношениях. Важным является достижение личного успеха в соответствии с социальными стандартами. У студентов-юристов на уровне нормативных идеалов прослеживается наибольшая значимость таких ценностей, как традиции,

самостоятельность и конформность. То есть студенты стремятся к следованию традициям и обычаям, важна групповая солидарность, выражение единых ценностей. Мотивационной целью является уважение, принятие и следование обычаям и идеям, которые существуют в культуре. Декларируемой ценностью выступает самостоятельность. Также они стремятся к ограничению, пресечению действий, склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям [7]. Статистически значимые различия выявлены по шкалам «Безопасность», «Стимуляция», «Самостоятельность», «Традиции» и «Конформность».

Помимо выявления ведущих ценностей личности на уровне нормативного идеала, методика Шварца направлена на выявление ведущих ценностей на уровне поведения, т. е. индивидуальных приоритетов, которыми человек руководствуется в своем поведении. В табл. 5 представлены средние значения выраженности основных ценностных мотиваций (индивидуальные приоритеты) испытуемых студентов обеих групп.

Таблица 5

Средние показатели выраженности ценностей (индивидуальные приоритеты) у студентов юридического и психологического факультетов

Тип ценностей	Студенты-юристы		Студенты-психологи		U-критерий
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Конформность	2,32	1,89	2,14	1,33	,790
Традиции	1,89	1,75	2,81	1,64	,001**
Доброта	2,42	1,97	3,67	2,24	,002**
Универсализм	2,92	2,00	3,00	2,00	,747
Самостоятельность	5,50	1,15	2,31	1,90	,000**
Стимуляция	5,01	1,98	1,59	1,32	,000**
Гедонизм	5,60	1,73	1,76	1,49	,000**
Достижения	2,85	2,37	3,23	2,11	,356
Власть	3,04	2,45	2,15	1,94	,089
Безопасность	3,65	2,01	4,84	1,38	,001**

Примечание: «*» — различия значимы на уровне $p \leq 0,05$; «**» — различия значимы на уровне $p \leq 0,01$.

У студентов-психологов на уровне реального поведения приоритетными выступают такие ценности, как «безопасность», «доброта» и «достижения». То есть на уровне реального социального поведения студенты-психологи также стремятся к безопасности, стабильности, как в личных взаимоотношениях, так и во взаимоотношениях с обществом в целом. Следует отметить, что на уровне нормативных идеалов та же ценность занимает ведущее место, что дает основание предполагать согласованность декларируемой ведущей ценности тому, что личность проявляет в социальном поведении. Можно предположить, что рассматривая безопасность как ценность, студенты-психологи подразумевают не только свою собственную безопасность при построении взаимоотношений с окружающим миром и профессиональным сообществом, но и психологическую безопасность своих клиентов в процессе психологической работы с ними. Что касается ценности «доброта», то здесь можно говорить о том, что студенты-психологи в своем социальном поведении нацелены на проявление доброжелательности с целью сохранения благополучия в повседневном взаимодействии с близкими людьми. Некоторые авторы считают этот тип ценностей производным от потребности в аффилиации. Мотивационной целью является стабильность благополучия тех людей, с которыми индивид взаимодействует и находится в личных и профессиональных контактах. На третьем месте у студентов-психологов выявлена ценность «достижения». Особо отметим, что характерным для студентов-психологов является то, что ценности, названные студентами ведущими на уровне нормативных идеалов, совпадают с теми ведущими ценностями, которые удалось выявить во второй части опросника Шварца. То есть индивидуальные приоритеты, которыми студенты-психологи руководствуются в своем поведении, совпадают с теми ценностями, которые выступают в качестве нормативных идеалов, ценностей личности на уровне убеждений, оказывающих влияние на личность в целом, но не всегда проявляющихся в реальном социальном поведении.

Для студентов-юристов индивидуальными приоритетами, проявляющимися в реальном социальном поведении стали гедонизм, стимуляция и самостоятельность. Они ориентированы на получение удовольствия от жизни, стремление к новизне и глубоким переживаниям как способу поддержания оптимального уровня активности. Также важным оказывается самостоятельность мышления и самостоятельный выбор способов действия.

Статистически значимые различия в преобладании ведущих ценностей на уровне реального социального поведения выявлены по таким ценностям, как «традиции», «доброта», «самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм» и «безопасность». Из них у студентов-психологов в большей степени, чем у студентов-юристов, выражены такие ценности, как «безопасность», «доброта», «принятие традиций и идей», существующих как в целом в культуре, так и в своей профессии. В свою очередь, у студентов-юристов в большей степени выражены такие ценности как «самостоятельность», «стимуляция» и «гедонизм».

На заключительном этапе исследования выявлялась взаимосвязь смысложизненных ориентаций с учебной мотивацией у студентов юридического психологического факультетов. Для этого данные, полученные в ходе тестирования, были соотнесены по всем методикам и обработаны при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты расчетов взаимосвязи смысложизненных ориентаций с учебной мотивацией представлены в табл. 6.

Таблица 6

Корреляционный анализ взаимосвязи смысложизненных ориентаций с учебной мотивацией

Смысложизненные ориентации и виды учебных мотивов	Spearman	p-level
Процесс жизни — профессиональные мотивы	-,233	,012*
Процесс жизни — учебно-познавательные мотивы	-,206	,020*
Локус контроля Я — мотивы престижа	,285	,001**
Локус контроля Я — профессиональные мотивы	,259	,003**
Локус контроля Я — учебно-познавательные мотивы	,238	,007**

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне $\rho \leq 0,01$; «*» — значима на уровне $\rho \leq 0,05$.

На рисунке 2 представлена корреляционная плеяда, отражающая интересующие нас связи между смысложизненными ориентациями и учебной мотивацией.

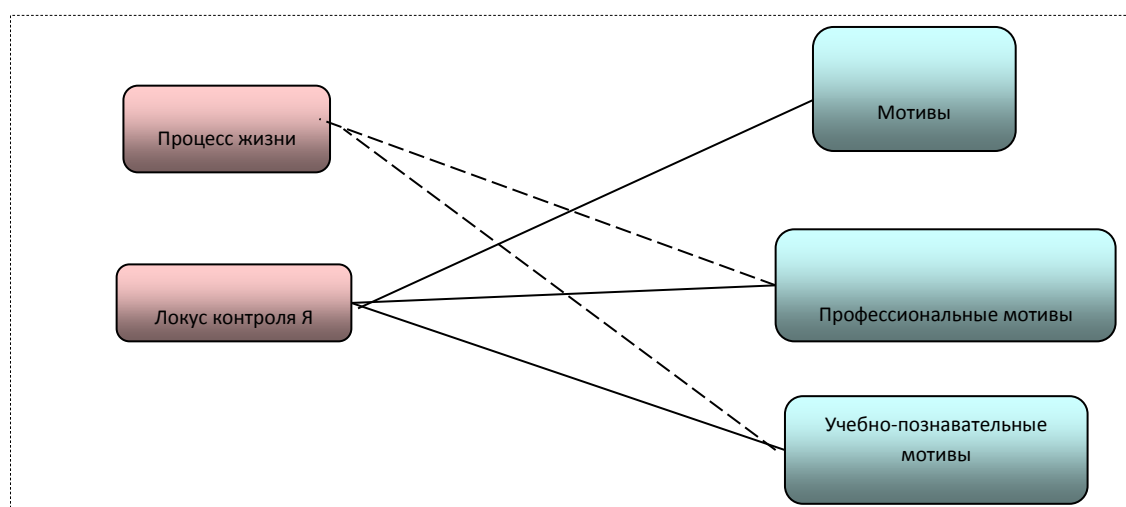

Рис. 2. Корреляционные взаимосвязи смысложизненных ориентаций с учебной мотивацией: сплошная линия — положительная взаимосвязь, пунктирная — отрицательная взаимосвязь

Выявлена отрицательная взаимосвязь между смысложизненной ориентацией «Процесс жизни» и профессиональными и учебно-познавательными мотивами учебной деятельности. Положительная взаимосвязь зафиксирована между локусом контроля Я и такими видами мотивов, как профессиональные, учебно-профессиональные и мотивы престижа. Можно предположить, что, с одной стороны, учебно-профессиональная деятельность; задачи, возникающие перед студентами в процессе профессионального обучения, необходимость развития своих профессиональных способностей в процессе обучения создают определенный дискомфорт и не позволяют в полной мере быть

удовлетворенным от процесса своей жизни в настоящем; но, с другой стороны, представления о себе как о сильной личности, способной построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, связаны с мотивами к стремлению более полного выявления и развития своих профессиональных способностей, с желанием хорошо подготовиться к избранной профессии, а также со стремлением к престижу будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, на данном этапе исследования мы приходим к выводу о том, что вторая гипотеза (имеется взаимосвязь смысложизненных ориентаций с учебной мотивацией у студентов юридического факультета и студентов психологического факультета) подтверждена.

Таким образом, проведенное исследование ценностно-смысловой сферы студентов юридического факультета и факультета юридической психологии позволяет сделать следующие выводы.

- Ценностно-смысловая сфера студентов — будущих юристов характеризуется преобладанием жизненных смыслов, связанных с самореализацией, статусных и коммуникативных жизненных смыслов. Будущие специалисты в сфере юриспруденции стремятся к реализации своих возможностей и способностей, к удовлетворению потребности реализовать свое предназначение. Они нацелены на активное карьерное продвижение, на достижение успеха в профессиональной деятельности и признание в глазах окружающих, на реализацию коммуникативных потребностей. Наиболее выраженными карьерными ориентациями являются стабильность, менеджмент и профессиональная компетентность. При этом студенты-юристы в большей степени, чем студенты-психологи, мотивированы на профессиональную деятельность, связанную с управлением людьми и объединением коллективных усилий для достижения организационных целей. Стабильность работы также для них статистически более значима, чем для психологов. Выраженность у студентов-юристов карьерной ориентации, связанной с вызовом, заключающемся в преодолении различных сложностей, решении всевозможных затруднений, возникающих в профессиональной деятельности, выше, что также подтвердилось статистическим анализом. Хочется отметить, что выявлена некоторая несогласованность ценностей, принимаемых на уровне нормативных идеалов, и ценностей, проявляющихся в реальном социальном поведении. На уровне нормативных идеалов ведущими ценностями являются «следование традициям», «самостоятельность» и «конформность»; а на уровне реального социального поведения — «гедонизм», «стимуляция» и «самостоятельность».

- Ценностно-смысловая сфера студентов — будущих психологов характеризуется преобладанием когнитивных и альтруистических жизненных смыслов. У них развита потребность в познании жизни, поиске причин и смысла происходящего, и они стремятся к разрешению противоречий между собственной личностью и окружающим миром. Они нацелены на помощь и оказание содействия другим людям, что будет способствовать удовлетворению потребности бескорыстной помощи другим людям. Ведущими карьерными ориентациями являются служение и профессиональная компетентность. То есть в профессиональной деятельности они нацелены, в первую очередь, на оказание помощи другим людям, достижение общего блага, повышение уровня собственного профессионализма и стремление соответствовать требованиям, предъявляемым выбранной ими профессией. Ведущими ценностями студентов-психологов как на уровне нормативных

идеалов, так и на уровне реального социального поведения являются «безопасность», «доброта» и «достижения».

- Выявлены корреляционные связи между смысложизненными ориентациями и мотивами учебной деятельности студентов-юристов и студентов-психологов.

Нами были проанализированы различия в выраженности структурных компонентов ценностно-смысловой сферы у студентов-психологов и студентов-юристов. Выдвинутые нами гипотезы о наличии статистически значимых различий в выраженности различных компонентов ценностно-смысловой сферы у студентов-психологов и студентов-юристов и наличии взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и учебной мотивацией нашли свое подтверждение. В заключение отметим, что результаты проведенного исследования можно использовать при проведении индивидуального психологического консультирования со студентами, при планировании и проведении тренингов, направленных на формирование профессионального самосознания студентов.

Литература

1. *Аркаева Н.И.* Формирование смысложизненных ориентаций у студентов-психологов как фактор психологической безопасности личности [Электронный ресурс] // Концепт. 2015. № 02 (февраль). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-smyslozhiznennyh-orientatsiy-u-studentov-psiologov-kak-faktor-psiologicheskoy-bezopasnosti-lichnosti> (дата обращения: 15.04.2019).
2. *Близнецова О.И., Шапенкова И.П.* Ценностно-смысловая сфера личности студентов как цель воспитания [Электронный ресурс] // Вестник НГУ. Психологические и педагогические науки. 2009. № 3. URL: <http://vestnik.nvsu.ru> (дата обращения: 15.04.2019).
3. *Богданович Н.В., Чернушевич В.А.* Деятельностная модель юридического психолога [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 4. С. 85-94. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml (дата обращения: 20.04.2019).
4. *Бодалев А.А.* Акмеология как учебная и научная дисциплина. Москва: РАУ, 1993. 110 с.
5. *Бусарова О.Р.* Некоторые особенности образа жизни студентов с высокой мотивацией избегания неудачи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 4. С. 1—12. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49294.shtml> (дата обращения: 20.04.2019).
6. *Давыдов Н.А., Аминов И.И.* Психология в профессиональной деятельности: учебник. Москва: Проспект, 2017. 224 с.
7. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 72 с.
8. *Красник В.С., Ряжкин А.О.* Различия в нравственной активности студентов-юристов и студентов-психологов [Электронный ресурс] // Психология и право.

2019(9). № 1. С. 1—21. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 15.04.2019).

9. *Лаврешкин Н.В.* Групповой тренинг как метод развития профессионально важных качеств юридического психолога [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 250—263. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 15.04.2019).
10. *Леоненко Н.О.* Ценностно-смысловое содержание мотивации профессионального выбора студентов юридического вуза: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Казань, 2004. 20 с.
11. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 512 с.
12. *Петров В.Е., Харитиди Д.П.* Динамика личностного становления студентов-юристов в процессе подготовки к профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1. С.33—38.
13. *Романов В.В.* Юридическая психология: краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2014. 165 с.
14. *Селезнева И.П.* Ориентация студентов педвуза на общечеловеческие этические ценности в сфере межкультурной коммуникации: автореф. ... дисс. канд. пед. наук. Красноярск, 2000. 28 с.
15. *Чижо Н.Ю.* Ценностно-смысловая сфера личности студентов вузов с разным типом отношения к профессии: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Саратов, 2011. 27 с.

Features of the Value-Semantic Sphere of Students in the Period of Study at the University

Bogdanovich N.V., Associate Professor, Chair of Legal, Forensic Psychology and Law, Department of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (bogdanovichnv@mgppu.ru)

Schetkina E.I., Senior Lecturer, Chair of Legal, Forensic Psychology and Law, Department of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (schetkina.ew@gmail.com)

Borisova A.A., Student, Department of Legal Psychology and Forensic, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow (sasha_borisowa@mail.ru)

Shevtsova N.A., Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Essentuki Branch, Stavropol State Pedagogical Institute (ninashevtsova.1945@yandex.ru)

Moiseeva L.P., Senior Lecturer, Chair of Legal, Forensic Psychology and Law, Department of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (moiseevalp@mgppu.ru)

The article presents the results of an empirical study, the main tasks of which were to identify the features of the value-semantic sphere among students studying at the law faculty and students studying at the faculty of psychology. The sample consisted of 128 students studying at the Faculty of Law and the Faculty of Legal Psychology. The hypotheses of the research were made by the assumption that, firstly, there are statistically significant differences in the system of life meanings, life-span and career orientations, in the leading values of law students and students of the psychology department, and, secondly, there is an interconnection of life-meaning orientations with educational motivation of students of law and psychological faculties. The authors conducted a brief analysis of the characteristics of the formation of the value-semantic sphere of the personality during the period of study at the university. The results obtained in the study can be used when conducting individual psychological counseling with students, when planning and conducting trainings aimed at the formation of students' professional self-awareness.

Key words: value-semantic sphere, life meanings, life meaningful orientations, career orientations, values.

References

1. Arkaeva N.I. Formirovanie smyslozhiznennyh orientacij u studentov-psihologov kak faktor psihologicheskoy bezopasnosti lichnosti [Jelektronnyj resurs]. Koncept. 2015. № 02 (fevral'). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-smyslozhiznennyh-orientatsiy-u-studentov-psihologov-kak-faktor-psihologicheskoy-bezopasnosti-lichnosti> (Accessed 15.04.2019).
2. Bliznecova O.I., Shapenkova I.P. Cennostno-smyslovaja sfera lichnosti studentov kak cel' vospitanija [Jelektronnyj resurs]. Vestnik NGU. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki. 2009 . № 3. URL: <http://vestnik.nvsu.ru> (Accessed 15.04.2019)
3. Bogdanovich N.V., Chernushevich V.A. The activity model of legal psychologist [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013. no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.) (Accessed 19.04.2019)
4. Bodalev A.A. Akmeologija kak uchebnaja i nauchnaja disciplina. Moscow: RAU, 1993. 110 p.
5. Busarova O.R. Nekotorye osobennosti obraza zhizni studentov s vysokoj motivaciej izbeganija neudachi. [Jelektronnyj resurs]. Psihologija i pravo. 2011. № 4. pp. 1-12. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (Accessed 19.04.2019)
6. Davydov N.A., Aminov I.I. Psihologija v professional'noj dejatel'nosti: uchebnik. Moscow: Prospekt, 2017. 224 p.
7. Karandashev V.N. Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo. SPb.: Rech', 2004. 72 p.
8. Krasnik V.S., Ryazhkin A.O. Differences in the moral activity of students in the legal and psychological faculties. [Elektronnyi resurs]. Psikhologija i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.1-21. doi: 10.17759/psylaw.2019090101 (Accessed 15.04.2019)
9. Lavrechkin N.V. Group training as a method of development of professionally important qualities. [Elektronnyi resurs]. Psikhologija i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.250-263. doi: 10.17759/psylaw.2017070120 (Accessed 15.04.2019)
10. Leonenko N.O. Cennostno-smyslovoe sodержanie motivacii professional'nogo vybora studentov juridicheskogo vuza: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Kazan', 2004. 20 p.
11. Leont'ev D.A. Psihologija smysla: priroda, struktura i dinamika smyslovoj real'nosti. Moscow: Smysl, 2007. 512 p.
12. Petrov V.E., Haritidi D.P. Dinamika lichnostnogo stanovlenija studentov-juristov v processe podgotovki k professional'noj dejatel'nosti. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2013. № 1. pp.33-38.
13. Romanov V.V. Juridicheskaja psihologija: kratkij kurs lekcij. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2014. 165 p.

14. Selezneva I.P. Orientacija studentov pedvuza na obshhechelovecheskie jeticheskie cennosti v sfere mezhkul'turnoj kommunikacii: Avtoref. ... diss. kand. ped. nauk. Krasnojarsk, 2000. 28 p.
15. Chizho N. Ju. Cennostno-smyslovaja sfera lichnosti studentov vuzov s raznym tipom otnoshenija k professii: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Saratov, 2011. 27 p.

Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования

Дозорцева Е.Г., доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, профессор кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО МГППУ (edozortseva@mail.ru)

Медведева А.С., старший государственный судебный эксперт ФБУ Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Минюста России (98765_89@mail.ru)

Сексуальная эксплуатация детей и подростков с развитием сети Интернет получает новые формы. Одной из них стал сексуальный онлайн груминг, или сексуальное домогательство посредством Интернета. В России случаев онлайн груминга становится все больше, однако исследований этого явления до сих пор мало, они касаются преимущественно его распространенности и проблем комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы взаимодействия между грумером и ребенком. Спектр зарубежных работ шире, в них рассматривается структура процесса груминга, манипулятивные стратегии и тактики преступника, факторы, влияющие на уязвимость ребенка. Специальное внимание уделяется лингвистическим характеристикам онлайн груминга с целью создания компьютерных систем для его детекции. На основании обзора современных исследований в статье обосновывается необходимость дальнейших междисциплинарных исследований сексуального онлайн груминга с целью расширения знаний в области юридической психологии, совершенствования экспертной практики и профилактики сексуальных преступлений по отношению к детям.

Ключевые слова: онлайн груминг, секстинг, сексуальная эксплуатация, сексуальные преступления, педофилия, Интернет, дети, подростки, несовершеннолетние.

Для цитаты:

Дозорцева Е.Г., Медведева А.С. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 250-263. doi: 10.17759/psylaw.2019090217

For citation:

Dozortseva E.G., Medvedeva A.S. Sexual online grooming as an object of psychological

research. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.250-263.
doi: 10.17759/psylaw.2019090217

В последнее время все более активными пользователями сети Интернет становятся дети. Они активно общаются друг с другом в сети и часто ищут новых знакомств. Интернет предоставляет детям разнообразные возможности и, вместе с тем, содержит в себе различные угрозы и риски. Одним из наиболее серьезных рисков для детей и подростков в сети Интернет стали сексуальные домогательства со стороны взрослых. Так, согласно данным зарубежных исследователей, от 13 до 19% молодых людей в возрасте от 10 до 17 лет подвергались сексуальным домогательствам при общении в интернете [31]. Результаты опроса детей и подростков, выполненного Г.У. Солдатовой и ее коллегами, показали, что с материалами сексуального характера в сети Интернет сталкивались 35% [14] опрошенных, причем в России это происходит значительно чаще, чем в Европе [15]. В 2017 г. среди обратившихся на линию помощи «Дети онлайн» 33% просили поддержки именно в решении проблемы сексуальных домогательств [16]. Согласно опросу московских школьников 14-17 лет, 48% из них получали предложения пообщаться на интимные темы, выслать фотографии или видео в обнаженном виде [17].

Сексуальные домогательства в сети Интернет получили название груминга, или онлайн груминга. В английском языке термин «груминг» многозначен, его синонимами являются слова «подготовка к чему-либо», «тренировка», «обучение». В контексте сексуальной эксплуатации он впервые появился в США в 1985 для описания методов, используемых педофилами, и постепенно вошел в оборот и классические словари как понятие, характеризующее «преступную активность по построению дружеских связей с ребенком, в особенности через интернет, для того, чтобы убедить его вступить в сексуальные отношения» [27]. В тексте Конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации (Лансаротская Конвенция) [9], принятой Советом Европы в 2007 г., а также в Директиве Совета Европы по борьбе с сексуальным насилием, сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией [22] от 2011 г., используется термин «домогательство» (“solicitation”). Однако в специальном руководстве по терминологии Лансаротской Конвенции, выпущенном Межведомственной рабочей группой в 2016 г. [30], указывается, что «домогательство» в контексте сексуальной эксплуатации и сексуального насилия по отношению к детям синонимично понятиям «груминг», в Интернете - «онлайн груминг», вне сети - «офлайн груминг». Еще один синоним груминга - «соблазнение» (“enticement”). Домогательство в варианте онлайн груминга, включается в качестве частного случая в более широкую категорию «онлайн сексуальная эксплуатация ребенка», к которой также относятся «секстинг», или создание и распространение сексуальных обнаженных или полуобнаженных изображений посредством мобильных телефонов и/или Интернета, и сексуальное вымогательство (“sexual extortion”, или “sextortion”) у детей таких сексуальных изображений, в том числе с помощью угроз или шантажа. Эти два вида эксплуатации детей могут быть составными частями процесса груминга.

Борьба с сексуальной эксплуатацией детей ведется на основе международного права и национальных законодательств. Лансаротская Конвенция определяет необходимые меры, которые должны быть предприняты для предупреждения, выявления сексуальной эксплуатации и насилия по отношению к детям, а также совершенствования уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за подобного рода действия. В

настоящее время законодательства лишь 24 стран имеют полный спектр положений, охватывающих специфику груминга [27]. В России для квалификации аналогичных противоправных деяний используются две статьи Уголовного кодекса: статья 133 «Понуждение к действиям сексуального характера» и статья 135 «Развратные действия», однако специального отражения онлайн груминг в этих статьях не имеет [1]. Российскими юристами предлагалось включение в Уголовный кодекс РФ статьи 135.1, предусматривающей ответственность за любое умышленное предложение о встрече, с которым лицо, достигшее 18-летнего возраста, при помощи сети Интернет или иных информационно-коммуникационных технологий обращается к несовершеннолетнему с целью совершения против него полового преступления [5; 7]. Вместе с тем, пока эти инициативы остаются нереализованными.

В России в научных публикациях и обыденной речи слово «груминг» имеет иные коннотации и чаще понимается как косметический уход за животными или животных друг за другом. Как вид сексуальной эксплуатации детей и подростков онлайн груминг лишь в последнее время начинает становиться объектом активного научного интереса. Одно из первых упоминаний сексуального онлайн груминга по отношению к детям и подросткам содержится в публикациях сотрудников Фонда Развития Интернета под руководством Г.У. Солдатовой в начале 2010-х годов [14; 15]. Позже Г.У. Солдатовой и ее коллегами было дано краткое описание сценария онлайн груминга, начиная с комплиментов и сочувствия ребенку со стороны взрослого собеседника и последующего включения в обсуждение интимных вопросов до требования фотографий или демонстрации в обнаженном виде и, после их получения, шантажа [16]. А.С. Мошарова и Д.А. Карабатова аналогичным образом описывают груминг и дифференцируют груминг как «обхаживание» ребенка с сексуальными целями и секстинг как общение без цели личной встречи, направленное на получение материалов эротического и порнографического характера для дальнейшей продажи и возможного криминального шантажа ребёнка [12].

Другие отечественные работы, посвященные онлайн грумингу, выполнялись, в основном, в контексте обсуждения криминалистических и экспертных проблем. Так, Д.В. Милютин описывает особенности груминга и секстинга в аспекте проблем расследования подобных преступлений [10]. К ним относятся скрытый характер коммуникации при груминге и секстинге, трудности фиксации и сохранения доказательств, отсутствие территориальной привязки злоумышленника и потерпевшего, что затрудняет их поиск. Работы О.Ю. Антонова посвящены проблемам как выявления и расследования преступлений [3; 2], так и применения экспертных знаний для их квалификации [4]. Опираясь на понятия «кибергруминг» и «онлайн секстинг», автор выделяет особенности соответствующих им явлений, а также обосновывает необходимость проведения судебно-лингвистической экспертизы текстов коммуникации между взрослым и ребенком в тех случаях, когда эти тексты являются единственным доказательством сексуальных намерений злоумышленника. Л.А. Волохова определяет задачи психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с совершением развратных действий посредством сети Интернет: установление коммуникативных ролей участников переписки; установление наличия/отсутствия побуждения к различным действиям сексуальной окрашенности; выявление признаков психологического воздействия на ребенка [8]. По мнению автора, первые две задачи входят в совместную компетенцию психолого-лингвистической экспертизы, а третья относится к компетенции психолога. В работе О.А. Шеремет и С.С. Шипшина предложен комплексный подход к решению проблем экспертизы, позволяющий «дать оценку не только действиям обвиняемого лица, но также установить степень

негативного воздействия такой переписки на несовершеннолетнего, выявить признаки психологической травматизации» [18].

Одной из наиболее значимых работ в описываемой сфере является статья Н.С. Бельской о речевом жанре секстинга в судебной лингвистической экспертизе [6]. Исходя из понимания секстинга (сексуального разговора, переписки на сексуальные темы) как инструмента груминга, автор с позиций лингвиста проводит детальный анализ лексических средств коммуникантов, участвующих в этом процессе, описывает устойчивую речевую модель поведения взрослого – грумера – и предлагает методику экспертной оценки секстинга в рамках судебно-лингвистической экспертизы.

За рубежом онлайн груминг привлек внимание исследователей раньше, чем в России. Существует определенная преемственность подходов к анализу сексуальной эксплуатации и сексуального насилия по отношению к детям в эпоху до Интернета и в настоящее время. Так, можно наблюдать параллели между моделями груминга S. Craven с соавторами [21] и ставшим классическим описанием внутренних и внешних предварительных условий сексуального насилия, предложенным D. Finkelhor в 1984 году [24]. Описывая этот процесс во внутренней перспективе злоумышленника, D. Finkelhor выделяет в качестве интернальных условий мотивацию субъекта к совершению сексуального насилия и преодоление внутренних тормозящих факторов, а экстернальных – преодоление внешних помех и сопротивления ребенка. S. Craven и ее коллеги аналогичным образом включают в процесс груминга самого субъекта и называют первую стадию «груминг самого себя» (“self-grooming”), подразумевая внутреннюю психологическую подготовку грумера. На следующей стадии происходит груминг, или подготовка, окружения и значимых других и лишь затем, на завершающем этапе, - груминг ребенка. Авторы предлагают расширенное определение груминга как процесса, включающего подготовку всех лиц, прямо или косвенно имеющих к нему отношение, и протекающего как в реальной жизни, так и онлайн [21].

Значительное количество исследований онлайн груминга, проведенных в англоязычных странах в первое десятилетие нашего века, позволило Н. Whittle и ее коллегам из университета Бирмингема [31] в 2013 г. провести их содержательный обзор и выделить основные характеристики этого феномена, в том числе сложный комплексный характер процесса груминга, высокую вариативность стилей, продолжительности, интенсивности, а также гетерогенность самой категории грумеров. Так, продолжительность онлайн контактов грумеров с детьми варьирует от нескольких часов до нескольких месяцев (Wolak et al., 2004; Briggs et al., 2011) в зависимости от склонности грумеров к непосредственному контакту или к развитию сексуальных фантазий в беседах с жертвой, для чего требуется больше времени. Груминг – манипулятивный процесс, который включает в себя целый спектр воздействий на ребенка: от комплиментов до устрашения и шантажа (Ospina et al., 2010). После нахождения жертвы грумер осуществляет взаимодействие, состоящее из следующих этапов: установление дружеского контакта, развитие отношений, оценка риска, создание впечатления особого, исключительного характера отношений, и, наконец, включения сексуального содержания и фантазий (O'Connell, 2003), причем эти стадии имеют циклический характер (Webster et al., 2012). Начальные этапы груминга сходны с обычными формами развития отношений онлайн, поэтому ребенку часто трудно заметить тревожные признаки в этот период. Дальнейшее их развитие раздвигает границы допустимого, ведет к «нормализации» подобного поведения и перестраивает представления несовершеннолетней жертвы таким образом, что она начинает считать сексуальные отношения благоприятными для себя (Olson et al., 2007).

Груминг часто включает в себя обман, в частности, возрастную маскировку (Palmer & Stacey, 2004). Однако в большинстве случаев грумеры не скрывают свой возраст и сексуальные намерения, а дети знают, что общаются со взрослым человеком, но все же проявляют рискованное поведение. В работе Webster et al. (2012) была предложена классификация детей и подростков в соответствии с их реакцией на онлайн груминг: 1) устойчивые; 2) склонные к рискованному поведению; 3) уязвимые. Было обнаружено, что большая часть молодых людей все же относится к устойчивому типу и реагирует на попытки груминга адекватно, блокируя, игнорируя их или сообщая о них в полицию. Вместе с тем это не снимает остроту проблемы сексуального онлайн груминга и необходимости профилактических мер, а также дальнейших исследований этого явления.

Та же группа авторов (Whittle N. et al., 2013) выполнила обзор исследований, посвященный проблемам уязвимости детей по отношению к онлайн грумингу [32]. Используя экологический подход, они проанализировали индивидуальные и средовые факторы риска, защиты и устойчивости в отношении опасности онлайн сексуальной эксплуатации. Основные результаты многочисленных работ в этой области состоят в том, что факторы, усиливающие подверженность детей и подростков онлайн грумингу, очень разнообразны, причем многие из них связаны между собой. Наибольшей уязвимостью отличаются подростки женского пола, неуверенные в себе и проверяющие собственную сексуальность (последнее касается и несовершеннолетних мужского пола). Имеют значение также низкая самооценка молодого человека, ограниченные возможности здоровья, в том числе психического, социальная изоляция и слабая поддержка со стороны сверстников. В качестве протективных семейных факторов выступают родительский контроль за использованием ребенком интернета и знание ребенка об этом, а также позитивная поддержка ребенка со стороны родителей.

В последнее время внимание исследователей привлекает углубленный психолингвистический анализ стратегий и дискурсивных тактик грумеров на основе анализа транскриптов речевого взаимодействия грумеров и их несовершеннолетних жертв в рамках онлайн и офлайн груминга [20; 26]. Так, в работе P.J. Black и соавторов [20] обнаружено, что стратегии в обоих видах груминга, в целом, сходны, но имеют и ряд отличий в манере и временном порядке их использования. Онлайн оценка риска и потенциала виктимизации встречаются чаще в начале коммуникации, а сексуальный контент - во второй половине транскриптов, однако переход к нему происходит значительно быстрее, чем в офлайн варианте. Эти результаты дополняет исследование испанских исследователей [24], показавших роль стратегии уговоров в процессе груминга не только для усиления эффекта домогательств, но и для формирования искаженного восприятия онлайн груминга самими грумерами [29]. Это обстоятельство предлагается использовать в целях профилактики в психологической работе с осужденными за онлайн груминг.

Оригинальное исследование характеристик жертв онлайн и офлайн груминга было выполнено группой британских психологов с помощью контент-анализа межличностной транзакции на материале транскриптов. В качестве теоретической основы использовалась модель роли жертвы, предложенная D. Canter. Обе категории жертв разделились между тремя ролевыми категориями: жертва как инструмент, личность и объект [25].

В качестве превентивных мер против сексуального онлайн груминга предлагаются преимущественно образовательные программы для детей, родителей, педагогов, которые

должны включать в себя не только рекомендации по безопасному пользованию интернетом, но и сведения о возможных негативных последствиях груминга. Наряду с этим профилактическим целям служат исследовательские разработки детекции онлайн груминга в сети с помощью компьютерного анализа контекста коммуникации, языка, используемого грумером, и машинного обучения [19]. Так, построенная на этой основе логистическая математическая модель позволяет определить, является ли разговор в сети грумингом или нет, с точностью до 93% [28].

Заключение

Сексуальная эксплуатация детей продолжает оставаться серьезной проблемой современного общества. С развитием интернет-технологий она приобретает новые формы и требует новых способов противодействия и профилактики. Опасность для детей представляет онлайн груминг – сексуальное домогательство в социальных сетях. В иностранной научной литературе это явление изучается уже длительное время и получило относительно подробное описание. В России сексуальный онлайн груминг должен стать объектом пристального внимания не только правоохранительных органов, но и исследователей – юристов, психологов, лингвистов. Необходим правовой анализ данного состава преступления и определение того, насколько полно он отражен в существующем законодательстве. Проведение психолого-лингвистических экспертных исследований по уголовным делам, включающим сексуальный онлайн груминг, нуждается в уточнении критериев экспертной оценки. Для этого должны быть проведены тщательные исследования процесса коммуникации между грумером и ребенком, характеристик его лексической и содержательной сторон, социально-психологических особенностей взаимодействия, характера воздействия на ребенка. Нужно изучение психологических, сексологических и, возможно, психиатрических характеристик грумера, его стратегий и тактик, субъективного восприятия ребенка и взаимодействия с ним. Не менее важно исследование ребенка, пострадавшего от сексуального груминга, его позиции и восприятия происшедшего, уязвимости и способности к сопротивлению, психологических последствий совершенного по отношению к нему преступления. Все это позволит расширить представления юридической психологии о сексуальных преступлениях и их новых формах, а также выработать меры профилактики такого рода преступных действий по отношению к детям и подросткам.

Литература

1. Алиева Е.А. Сеть интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 180-182.
2. Антонов О.Ю. Криминалистические основы противодействия распространению порнографических материалов в информационно - телекоммуникационных сетях // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 30-36.
3. Антонов О.Ю. Выявление дополнительных преступлений, совершенных на сексуальной почве с использованием сети Интернет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: МА СК России, 2017. С. 53-56.
4. Антонов О.Ю. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования

- половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. - № 7. - С. 42-52.
5. Атабекова А.А. К вопросу об имплементации положений Лансаротской конвенции в Российское и зарубежное законодательство / Атабекова А.А., Букалорова Л.А., Симонова М.А., Ястребов О.А. // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 426-434.
 6. Бельская Н.С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 170-176.
 7. Букалорова Л.А., Атабекова А.А., Симонова М.А. О необходимости криминализации предложения несовершеннолетнему вступить в сексуальный контакт // Административное и муниципальное право. 2015. № 6 (90). С. 520-524.
 8. Волохова Л.А. Опыт психологического исследования по делам, связанным с совершением развратных действий посредством сети Интернет (переписка на сексуальную тему) // Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению. М., 2017. С. 80-82.
 9. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (СETS № 201) [рус., англ.] (Заключена в г. Лансароте 25.10.2007) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55071#06370368391237566> (дата обращения: 09.01.2019 г.).
 10. Милютин Д.В. Специфика выявления и расследования преступлений в сфере высоких технологий, совершенных с использованием сети интернет и социальных сетей // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Воронеж). 2017. № 3-3. С. 295-303.
 11. Михалева Г.В. Онлайн-риски и проблемы защиты детей в современном британском медиаобразовании // Психология. Педагогика. 2014. № 6 (30). С. 66-74.
 12. Мошарова А.С., Карабатова Д.А. Проблемы защиты детей от насилия в киберпространстве // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 406-409.
 13. Результаты межрегионального исследования 2009 г. «Восприятие Интернета детьми и подростками России». Официальный сайт Фонда развития Интернет [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fid.su> (дата обращения: 09.01.2019 г.).
 14. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
 15. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России [Электронный ресурс] // URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II->

in-Russia.pdf (дата обращения: 09.01.2019 г.).

16. Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серегина В.В. Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 3 (25). С. 29-37.
17. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Социально-экономические и общественные науки. – 2017. - №. 12. – С. 103-109.
18. Шеремет О.А., Шипшин С.С. Комплексное исследование интернет-переписки при расследовании уголовных дел о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=224.0>
19. Al-Hateeb H.M., Eiphanlou G. How technology can mitigate and counteract cyberstalking and online grooming. Computer Fraud & Security. January 2016, pp. 14 – 18.
20. Black P.J., Wollis M., Woodworth M., Hancock J.T. A linguistic analysis of grooming strategies of online child sex offenders: implications for understanding of predatory sexual behavior in an increasingly computer-mediated world. Child Abuse & Neglect. Volume 44, 2015, pp. 140-149.
21. Craven, S., Brown, S., & Gilchrist, E. Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations. Journal of Sexual Aggression. Volume 12, 2006, pp. 287–299. doi.org/10.1080/13552600601069414
22. Directive 2011/92/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on combating the sexual abuse and sexual exploitation of children and child pornography, and replacing Council Framework Decision 2004/68/JHA Available at: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/directive_2011_92_1.pdf (Accessed: 25.04.2019).
23. Finkelhor, D. Child sexual abuse new theory and research. New York, USA: The Free Press, 1984.
24. Gámez-Guadix M., Almendros C., Calvete E., Santisteban de P. Persuasion strategies and sexual solicitations and interactions in online sexual grooming of adolescents: Modeling direct and indirect pathways. Journal of Adolescence. Volume 63, 2018, pp. 11–18.
25. Ioannou M., Synnott J., Reynolds A., Pearson J. A comparison of online and offline Grooming characteristics: An application of the victim roles model. Computers in Human Behavior. Volume 85, 2018, pp. 291-297
26. Kloess J.A. et al. A Qualitative Analysis of Offenders' Modus Operandi in Sexually Exploitative Interactions with Children Online. Sexual Abuse. Volume 29, no. 6, pp. 563-591. doi.org/10.1177/1079063215612442
27. Online Grooming of Children for Sexual Purposes: Model Legislation & Global Review. International Centre for Missing & Exploited Children. 2017. p. 1. Available at: https://www.icmec.org/wp-content/uploads/2017/09/Online-Grooming-of-Children_FINAL_9-18-17.pdf (Accessed: 25.04.2019).
28. Pranoto H., Gunawan F.E., Soewito B. Logistic Models for Classifying Online Grooming Conversation. Procedia Computer Science. Volume 59, 2015, pp. 357 – 365.

29. *Santisteban de P. et al.* Progression, maintenance, and feedback of online child sexual grooming: A qualitative analysis of online predators. *Child Abuse & Neglect*. Volume 80, 2018, pp. 203–215.
30. Terminology Guidelines for the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse. Adopted by the Interagency Working Group in Luxembourg, 28 January 2016. Available at: <http://luxembourgguidelines.org/english-version/> (Accessed: 25.04.2019).
31. *Whittle H. et al.* A review of online grooming: Characteristics and concerns. *Aggression and Violent Behavior*. Volume 18, 2013, pp. 62–70.
32. *Whittle H. et al.* A review of young people's vulnerabilities to online grooming. *Aggression and Violent Behavior*. Volume 18, 2013, pp. 135–146.

Sexual Online Grooming as an Object of Psychological Research

***Dozortseva E.G.**, Doctor in Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory for Child and Adolescent Psychology, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Professor, Moscow State University of Psychology and Education (edozortseva@mail.ru)*

***Medvedeva A.S.**, Senior forensic expert of Federal State Budgetary Institution "North-Western Regional Center of Forensic Expertise" of the Ministry of Justice of The Russian Federation (98765_89@mail.ru)*

Sexual exploitation of children and adolescents has acquired new forms with development of the Internet. Sexual online grooming, or solicitation through the Internet, is one of such forms. The number of online grooming cases increases in Russia, but there is little research on this phenomenon. A few studies concern predominantly its prevalence and problems of joint forensic psychological-linguistic expertise of interactions between the groomer and the child. The range of research abroad is wider, from the structure of the grooming process, manipulative strategies and tactics of the offender to the factors influencing the child's vulnerability. Special attention is paid to the linguistic features of the online grooming with the goal to develop computer systems for its detection. On the basis of the review of the modern studies the necessity of further interdisciplinary research of the online grooming is argued. It will provide new information for criminal psychology and victimology, promote forensic expertise and prevention of sexual crimes against children.

Keywords: online grooming, sexting, sexual exploitation, sexual crime, paedophilia, Internet, children, adolescents, minors.

References

1. Alieva E.A. Set' internet kak sredstvo soversheniya razvratnyh dejstvij [Internet as a means of committing indecent acts]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]. 2017. no. 4. pp. 180-182. (In Russ. abstr. in Engl.).
2. Antonov O.Ju. Kriminalisticheskie osnovy protivodejstviya rasprostraneniyu pornograficheskikh materialov v informacionno - telekommunikacionnyh setyah [Forensic foundations of countering the spread of pornographic materials in information and telecommunication networks]. Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2018. no. 1 (68). pp. 30-36. (In Russ. abstr. in Engl.).
3. Antonov O.Ju. Vyjavlenie dopolnitel'nyh prestuplenij, sovershennyh na seksual'noj pochve s ispol'zovaniem seti Internet [Identification of additional sexual crimes

- committed with the use of the Internet]. In Bastrykin A.I. (ed.) Raskrytie i rassledovanie prestuplenij serijnyh i proshlyh let: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva, 16 marta 2017 goda) [Crime detection and investigation of serial crimes and crimes committed in the past: Materials of the International scientific and practical conference (Moscow, 16 March 2017)]. Moscow: MA SK Rossii, 2017, pp. 53-56.
4. Antonov O.Ju. Osobennosti ispol'zovaniya special'nyh znanij v oblasti lingvistiki pri izuchenii jelektronnoj perepiski v hode rassledovaniya polovyh prestuplenij v otnoshenii nesovershennoletnih [Peculiarities of usage of special knowledge in linguistic by exploration of electronic correspondence in the framework of investigation of sexual crimes against minors]. Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA) [Scientific Bulletin of the O.E. Kutafin University], 2017, no. 7, pp. 42-52. (In Russ. abstr. in Engl.).
 5. Atabekova A.A. et al. K voprosu ob implementacii polozhenij Lansarotskoj konvencii v Rossijskoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo [To the issue of implementation of Lanzarota convention in the Russian and foreign legislation]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian criminological journal], 2017, no. 2 (11), pp. 426-434. (In Russ. abstr. in Engl.).
 6. Bel'skaya N.S. Rechevoj zhanr sekstinga v sudebnoj lingvisticheskoj ehkspertize internet-kommunikacii pri rassledovanii prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti [Speech genre of sexting in forensic linguistic expertise of Internet communication in the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University], 2015, no. 1 (61), pp.170-176. (In Russ. abstr. in Engl.).
 7. Bukalerova L.A., Atabekova A.A., Simonova M.A. O neobhodimosti kriminalizacii predlozheniya nesovershennoletnemu vstupit' v seksual'nyj kontakt [On the need to criminalize the proposal of a minor to have sexual contact] // Administrativnoe i municipal'noe pravo [Administrative and municipal law], 2015, no. 6 (90), pp. 520-524. (In Russ. abstr. in Engl.).
 8. Volohova L.A. Opyt psihologicheskogo issledovaniya po delam, svjazannym s soversheniem razvratnyh dejstvij posredstvom seti Internet (perepiska na seksual'nuju temu) [Psychological research experience in criminal cases on debauchery committed via Internet (correspondence on sexual topics)]. Aktual'nye problemy i tehnologii juridicheskoi psihologii detstva: ot deviantnogo razvitija k normativnomu povedeniju [Actual problems and technologies of legal and forensic psychology of childhood: from deviant development to normative behavior]. Moscow, 2017, pp. 80-82.
 9. Konvenciya Soveta Evropy o zashchite detej ot seksual'noj ehkspluatacii i seksual'nyh zloupotreblenij (CETS № 201) [rus., angl.] [Council of Europe Convention on the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse [rus., eng.]] (Zaklyuchena v g. Lanzarote 25.10.2007) [Concluded in Lanzarote, 10.25.2007] [Elektronnyj resurs] // Available at:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55071#06370368391237566> (Accessed: 09.01.2019). (In Russ. abstr. in Engl.).

10. Milyutin D.V. Specifika vyvavleniya i rassledovaniya prestuplenij v sfere vysokih tekhnologij, sovershennyh s ispol'zovaniem seti internet i social'nyh setej [The specifics of the detection and investigation of high-tech crimes committed using the Internet and social networks]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. Voronezhskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii (Voronezh) [Public safety, law and order in the III millennium. Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Voronezh)], 2017, no. 3-3, pp. 295-303. (In Russ. abstr. in Engl.).*
11. Mihaleva G.V. Onlain-riski i problemy zashchity detej v sovremennom britanskom mediaobrazovanii [Online risks and problems of child protection in the modern British media-education]. *Psihologiya. Pedagogika [Psychology. Pedagogy], 2014, no. 6 (30), pp. 66-74. (In Russ. abstr. in Engl.).*
12. Mosharova A.S., Karabatova D.A. Problemy zashchity detej ot nasiliya v kiberprostranstve [Problems of protecting children from violence in cyberspace]. *Social'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritnoe napravlenie sovremennoj gosudarstvennoj politiki. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Social and legal protection of childhood as a priority of modern state policy. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2018, pp. 406-409. (In Russ. abstr. in Engl.).*
13. Rezul'taty mezhhregional'nogo issledovaniya 2009 g. «Vospriyatie Interneta det'mi i podrostkami Rossii». Oficial'nyj sajt Fonda razvitiya Internet [Elektronnyj resurs] [The results of an interregional study of 2009 "The perception of the Internet by children and teenagers of Russia. Official website of the Internet Development Fund]. Available at: <http://www.fid.su> (Accessed: 25.04.2019). (In Russ. abstr. in Engl.).
14. Soldatova G. et. al. Deti Rossii onlajn. Rezul'taty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii [Russian children online. The results of the international project EU Kids Online II in Russia] [Elektronnyj resurs]. Available at: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (Accessed: 25.04.2019). (In Russ. abstr. in Engl.).
15. Soldatova G.U. et. al. Cifrovaja kompetentnost' podrostkov i roditelej. Rezul'taty vserossijskogo issledovaniya [Digital competence of adolescents and parents. The results of All-Russia survey]. Moscow: Fond Razvitija Internet (Publ.), 2013. 144 p.
16. Soldatova G.U., Rtishheva M.A., Seregina V.V. Onlajn-riski i problema psihologicheskogo zdorov'ja detej i podrostkov [Online risks and problems of psychological health of children and adolescents]. *Akademicheskij vestnik Akademii social'nogo upravlenija [Academic Bulletin of the Academy of social management], 2017, no. 3 (25), pp. 29-37. (In Russ. abstr. in Engl.).*
17. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., L'vova E.N. Onlajn-agressija i podrostki: rezul'taty issledovaniya shkol'nikov Moskvy i Moskovskoj oblasti [Online aggression and adolescents: the results of study of school students in Moscow and Moscow region].

Social'no-jekonomicheskie i obshhestvennyye nauki [Social-economic and social sciences], 2017, no. 12, pp. 103-109.

18. Sheremet O.A., Shipshin S.S. Kompleksnoe issledovanie internet-perepiski pri rassledovanii ugovolnykh del o seksual'nykh prestupleniyah v otnoshenii nesovershennoletnih [Komplex study of Internet communication by the investigation of cases on sexual crimes against minors]. Available at: <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=224>. (Accessed: 25.04.2019).
19. Al-Hateeb H.M., Epiphaniou G. How technology can mitigate and counteract cyberstalking and online grooming. *Computer Fraud & Security*. January 2016, pp. 14 – 18.
20. Black P.J., Wollis M., Woodworth M., Hancock J.T. A linguistic analysis of grooming strategies of online child sex offenders: implications for understanding of predatory sexual behavior in an increasingly computer-mediated world. *Child Abuse & Neglect*. Volume 44, 2015, pp. 140-149.
21. Craven, S., Brown, S., & Gilchrist, E. Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations. *Journal of Sexual Aggression*. Volume 12, 2006, pp. 287–299. doi.org/10.1080/13552600601069414
22. Directive 2011/92/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on combating the sexual abuse and sexual exploitation of children and child pornography, and replacing Council Framework Decision 2004/68/JHA Available at: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/directive_2011_92_1.pdf (Accessed: 25.04.2019).
23. Finkelhor, D. *Child sexual abuse new theory and research*. New York, USA: The Free Press, 1984.
24. Gámez-Guadix M., Almendros C., Calvete E., Santisteban de P. Persuasion strategies and sexual solicitations and interactions in online sexual grooming of adolescents: Modeling direct and indirect pathways. *Journal of Adolescence*. Volume 63, 2018, pp. 11–18.
25. Ioannou M., Synnott J., Reynolds A., Pearson J. A comparison of online and offline Grooming characteristics: An application of the victim roles model. *Computers in Human Behavior*. Volume 85, 2018, pp. 291-297
26. Kloess J.A. et al. A Qualitative Analysis of Offenders' Modus Operandi in Sexually Exploitative Interactions with Children Online. *Sexual Abuse*. Volume 29, no. 6, pp. 563-591. doi.org/10.1177/1079063215612442
27. Online Grooming of Children for Sexual Purposes: Model Legislation & Global Review. International Centre for Missing & Exploited Children. 2017. p. 1. Available at: https://www.icmec.org/wp-content/uploads/2017/09/Online-Grooming-of-Children_FINAL_9-18-17.pdf (Accessed: 25.04.2019).
28. Pranoto H., Gunawan F.E., Soewito B. Logistic Models for Classifying Online Grooming Conversation. *Procedia Computer Science*. Volume 59, 2015, pp. 357 – 365.

29. Santisteban de P. et al. Progression, maintenance, and feedback of online child sexual grooming: A qualitative analysis of online predators. *Child Abuse & Neglect*. Volume 80, 2018, pp. 203–215.
30. Terminology Guidelines for the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse. Adopted by the Interagency Working Group in Luxembourg, 28 January 2016. Available at: <http://luxembourgguidelines.org/english-version/> (Accessed: 25.04.2019).
31. Whittle H. et al. A review of online grooming: Characteristics and concerns. *Aggression and Violent Behavior*. Volume 18, 2013, pp. 62–70.
32. Whittle H. et al. A review of young people's vulnerabilities to online grooming. *Aggression and Violent Behavior*. Volume 18, 2013, pp. 135–146.

Морально-нравственное развитие в структуре культурно-правовой организации личности подростков с опасными социальными девиациями

Славова Н.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин,
Российский новый университет (slavova.natalja@yandex.ru)

Чвякин В.А., доктор философских наук, кандидат медицинских наук, профессор
кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии, Московский
политехнический университет (195805@mail.ru)

В статье описывается морально-нравственное развитие в структуре культурно-правовой организации личности подростков с опасными социальными девиациями. Проблемой исследования является морально-нравственная сфера личности подростков. Рассматривается процесс формирования моральных суждений с учетом его динамики от преконвенционального до постконвенционального уровней развития у подростков с противоправным поведением. Обследовано 60 подростков с агрессивным асоциальным поведением в возрасте от 14 до 17 лет. Они подозревались в совершении различных правонарушений и в отношении них были возбуждены уголовные дела. Обследуемые были распределены на две группы: первая группа представлена подростками в возрасте 14—15 лет, вторая — 16—17 лет. Учитывался фактор проживания обследуемых (жители Москвы и приехавшие из различных регионов РФ). С помощью методики Л. Кольберга проводилось выявление особенностей морального сознания у обследуемых лиц. Обращалось внимание на уровни развития морального сознания (преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный уровни). Выводами исследования являются сведения о развитости морально-нравственных суждений у подростков с опасными социальными девиациями. Получены данные о возрастной детерминации морального развития и в зависимости от региона проживания обследуемых.

Ключевые слова: подростки, опасные социальные девиации, правовая социализация, моральные суждения, уровни морали, моральное развитие, структура морального сознания.

Для цитаты:

Славова Н.А., Чвякин В.А. Морально-нравственное развитие в структуре культурно-правовой организации личности подростков с опасными социальными девиациями.

[Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 264-275.
doi: 10.17759/psylaw.2019090218

For citation:

Slavova N.A., Chvyakin V.A. Moral development in structure of legal and cultural organisation of adolescent personality with critical social deviations. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.264-275. doi: 10.17759/psylaw.2019090218

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления нарушений морально-нравственного развития у подростков, которые со временем становятся социально опасными. Дефекты правовой социализации личности уже в подростковом возрасте проявляют себя в качестве социально неодобряемых форм поведения [2; 6]. Крайним и наиболее опасным в общественном отношении проявлением социальной девиации считается социальная агрессия именно в молодежной среде [6; 11].

Такие социальные девиации самым негативным образом сказываются на развитии и самого подростка, поскольку препятствуют формированию у него полноценных социальных коммуникаций [7]. Подавляющее большинство социальных связей при условии наличия дефекта правовой социализации приобретают негативный характер, нередко криминализируются по своему содержанию, подросток ожесточается, становится изгоем. Поэтому проблема социальных девиаций в подростково-юношеской среде является значимой не только в общественном отношении, но еще и в отношении гуманитарном [5].

Правовая социализация личности подростка в значительной мере детерминирована его культурным окружением. Поэтому можно говорить, что процессы правовой социализации и культуры права взаимосвязаны между собой [4]. К тому же первичное отклонение подразумевает, что в целом поведение человека и его социальные действия соответствуют тем культурным нормам и морально-нравственным ценностям, которыми располагает общество. Одной из причин социальной девиации и вспышек агрессивного, девиантного (асоциального) поведения, в соответствии социологическими и (или) культурными теориями, может стать неудачная правовая социализация [3; 6]. Имеется в виду некорректное восприятие социальных норм и морально-равственных ценностей, в результате чего развитие морального сознания у подростка останавливается (задерживается), что в конечном итоге приводит к деформации культурно-правовой основы личности в целом. Приблизительно таким образом происходит процесс криминализации личности именно в подростковом возрасте [8; 10].

Этот процесс в дальнейшем зависит от условий жизни молодого человека, его окружения и от необходимости адаптироваться в социальном отношении. Социальная адаптация требует существенного напряжения, которое молодой человек не всегда способен преодолеть самостоятельно, поскольку необходимых для этого социальных качеств оказывается явно недостаточно [10].

Именно поэтому культурная детерминация процесса формирования социальных качеств в широком смысле представляется критическим регулятором выбора социальных ориентаций молодежи [2]. Развитие, происходящее в условиях социального комфорта, в значительной мере способствует гармоничному развитию личности. Однако нужно учесть,

что условия социального комфорта не предполагают вседозволенности, порождающей стремление к волюнтаризму и другим отрицательным социальным явлениям. Социальный комфорт — такое состояние взаимоотношений человека и общества, при котором, с одной стороны, поведение и социальные ценности человека не представляют существенную угрозу функционированию самого общества, а с другой стороны, когда нет никаких потенциальных рисков ограничения социальных свобод человека. Это довольно динамическое и нестабильное взаимодействие, но его нестабильность относительна, так как в здоровом обществе активны различные регуляторы поведения человека (право, культура, наука, спорт и др.). Усвоение таких социальных регуляторов поведения является важным для формирования культурно- правовой основы личности подростка [8].

Методология исследования обеспечивается теорией морального развития Л. Кольберга, в соответствии с которой моральное сознание — это система взглядов, идей, представлений о должном поведении, соответствующем социальным интересам. Морально-нравственное развитие имеет три уровня: преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. Каждый уровень предполагает несколько стадий развития морального сознания [9].

Предмет исследования — морально-нравственная сфера личности подростков с общественно опасным поведением.

Новизна исследования заключается в установлении динамики формирования морально-нравственных качеств у подростков с явно выраженными социальными девиациями в виде противоправного поведения.

Цель исследования — выявить особенности развития морального сознания у подростков с выраженным асоциальным поведением.

Были обследованы 60 подростков с явно выраженным агрессивным асоциальным поведением в возрасте от 14 до 17 лет. Все они подозревались в совершении различных правонарушений и в отношении них были возбуждены уголовные дела. Поскольку этот возраст является критическим для формирования (созревания) морального сознания, все обследуемые были распределены на две группы: первая группа представлена подростками в возрасте 14—15 лет, вторая — 16—17 лет. Учитывался также фактор проживания обследуемых (жители Москвы и приехавшие из различных регионов РФ).

С помощью методики Л. Кольберга проводилось выявление особенностей морального сознания у обследуемых лиц. В частности, обращалось внимание на уровни развития морального сознания (преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный уровни). Соответственно каждому уровню оценивалось развитие моральных суждений:

а) преконвенциональный уровень (отличается эгоцентричностью) — поступки оцениваются по принципу выгоды.

б) конвенциональный уровень развития моральных суждений достигается тогда, когда подросток некритично усваивает нормы своей референтной группы (семьи, класса, группы сверстников).

в) постконвенциональный уровень развития моральных суждений редко встречается даже у взрослых людей. Это уровень развития личных нравственных принципов, которые могут отличаться от норм референтной группы, но при этом они основаны на личном выборе и имеют общечеловеческое значение.

Учитывалось также, что в каждом из уровней имеется по две стадии развития морально-нравственных качеств. По мере развития уровня нравственных суждений увеличивается и соответствие нравственных оценок подростка его поведению.

Анализ результатов исследования показал, что представления о социальной нормативности поведения у подростков-правонарушителей довольно жестко детерминированы недостаточным развитием у них морально-нравственных установок и моральных суждений вообще.

Так, исследование развитости морального сознания у подростков-правонарушителей позволило установить, что большинство из них по выраженности своих моральных суждений были отнесены к преконвенциональному и конвенциональному уровню развития (табл. 1).

Таблица 1

Развитие морального сознания подростков (%)

Уровень морального сознания	14—15 лет	16—17 лет	%
Преко́нвенциональный	56	46	54
Конвенциональный	41	50	44
Постконвенциональный	3	4	3

Как следует из данных табл. 1, в обеих возрастных группах подростков-правонарушителей доминирует пре- и конвенциональное моральное сознание. Но в старшей возрастной группе 50% представителей характеризуются как носители конвенциональных моральных убеждений по сравнению с 41% младшей возрастной группы подростков-правонарушителей. Это свидетельствует о том, что по мере взросления отмечается относительное снижение представленности носителей преко́нвенциональных моральных убеждений с 56% до 46%. Такую динамику можно считать позитивной и дающей основание полагать, что меры педагогического воздействия в таких случаях еще могут дать положительный эффект.

Тем не менее, моральная нормативность поведения у подростков-правонарушителей формируется на уровне пре- и конвенциональности. Этого явно недостаточно для того, чтобы у подростков стали работать морально-нравственные регуляторы социально одобряемого поведения. Связано это с тем, что преко́нвенциональный уровень отличается эгоцентричностью — поступки оцениваются по принципу выгоды. Хорошо то, что доставляет удовольствие; плохо то, что причиняет неудовольствие (за что следует наказание). Конвенциональный уровень развития моральных суждений достигается тогда,

когда подросток некритично усваивает нормы своей референтной группы: семьи, класса. Эти правила (даже очень хорошие) не выработаны самой личностью, а приняты как внешние ограничители.

Часто встречаемые в социальной психологии представления о безапелляционности суждений, моральной опустошенности и эмоциональной холодности подростков-правонарушителей требуют более углубленного изучения с позиций критиковавшихся ранее биологизаторских концепций личности, поскольку оперирование такими понятиями, как социально-психологическая дезадаптированность личности подростка-правонарушителя, по нашему мнению, имеет только теоретическое значение. О подростках с грубыми социальными девиациями, которые выражаются в уголовно наказуемом поведении, нередко можно слышать краткие, но емкие характеристики, типа моральное уродство и т. п. Такие характеристики не лишены основания.

Как показали результаты исследования (табл. 2), среди подростков-правонарушителей Москвы и регионов имеет место совпадение по представленности недостаточной развитости морального сознания. По-видимому, это связано с тем, что под наблюдением находились лица, которые уже были отнесены к категории риска по социальным девиациям, они уже совершили различные социально опасные действия и попали под контроль правоохранительных органов.

Таблица 2

Развитие морального сознания у подростков в зависимости от места жительства (%)

Уровень морального сознания	Москва	Регионы
Преко́нвенциональный	33	49
Конвенциональный	54	45
Постконвенциональный	13	6

Анализ данных табл. 2 показал, что в обеих группах 33—49% подростков-правонарушителей преимущественно являются носителями преко́нвенционального, а 45—54% — конвенционального морального сознания. В общей совокупности 87% подростков-правонарушителей из Москвы и 94% — из регионов имеют явный дефицит развития морально-нравственных убеждений о нормальном в социальном отношении поведении. Лишь 6—13% обследованных лиц имеют показатели постконвенционального уровня морального сознания.

Анализ результатов исследования свидетельствует о том, что развитость моральных суждений у обследованных подростков полностью соответствует уровню выявленных стадий морально-нравственной регуляции поведения. Но однозначной возрастной детерминации в этом отношении выявлено не было. Несмотря на то, что обе группы обследованных подростков в возрастном отношении отличались, по-видимому, им присущи схожие условия морально-нравственной социализации и однотипность культурно-правовой организации личности в целом. Скорее всего, это связано с одинаковыми условиями воспитания и схожим социальным опытом.

Исследование морального сознания подростков включало использование девяти дилемм, в оценке каждой из которых сталкиваются наличные моральные ценности разного уровня. При этом моральные умозаключения представляли собой не отдельные ответы — вопросы, а целостную (базальную) морально-психологическую организацию личности. В ее составе одни «операции» уже находятся в согласовании друг с другом, другие — в рассогласовании. Чем выше стадия развития, тем более согласованной становится моральная система личности. Ведущей функцией морального суждения считается рациональность или познавательная оценка ситуации. Это так называемая дискриптивная особенность суждения. Следующая особенность — предписательная, т. е. ориентирующая на выполнение определенных действий. При внутренне согласованной системе моральных ценностей потенциал предписательности растет. Это означает, что по мере развития уровня нравственных суждений увеличивается соответствие нравственных оценок подростка его поведению (и наоборот). В этом заключается смысл динамики процесса морально-нравственного развития и культурно-правовой организации личности подростка.

Таблица 3

Структура морального сознания у подростков в зависимости от возраста (%)

Уровень морального сознания	Стадия	14—15 лет	16—17 лет	%
Конвенциональный	3	22	28	25
	4	21	24	23
Постконвенциональный	5	27	38	33
	6	4	1	3

Несмотря на то, что однозначной возрастной детерминации развитости моральных суждений именно у обследованных подростков выявлено не было, некоторые отличия в структуре морального сознания у подростков в зависимости от возраста все-таки имеются. Так, анализ данных табл. 3 показал, что у 48% всех подростков-правонарушителей конвенциональный уровень морального сознания структурно был представлен 3—4-й стадиями развития. Только 36% из числа всех обследованных могут быть отнесены по уровню развития морального сознания к 5-й и 6-й стадиям. Причем шестая стадия постконвенционального уровня развитости морального сознания представлена 3%.

Структура морального сознания у подростков в зависимости от возраста свидетельствует о том, что моральные представления подростков о социальной нормативности поведения включали в своем подавляющем большинстве убеждения примитивного потребительского гедонизма, а отношение к идее самоценности человеческого существования было связано с количеством удовольствий, которые могут быть получены в результате конкретных паттернов асоциального (противоправного) поведения. Кроме того, ценность человеческой жизни у таких подростков смешивается с ценностью предметов, которыми этот человек владеет.

Такая мораль подростков-правонарушителей не просто социально опасна, но она еще и свидетельствует о негативных в общественном отношении тенденциях среди подростков вообще. Стремление к наслаждениям, которое не сдерживается запретами социального контроля, закономерно приводит к правонарушениям, так как растлевающее влияние гедонизма не компенсируется морально-нравственной зрелостью личности подростков. Степень развитости моральных суждений у таких подростков предполагает возможность правонарушения как поступка, необходимого для удовлетворения неосмысленных гедонистических и одновременно примитивных эгоистических потребностей. Именно в этом заключается дефект культурно-правовой организации личности подростков с явными признаками социальных девиаций.

Таблица 4

Структура морального сознания у подростков в зависимости от места жительства (%)

Уровень морального сознания	Стадия	Москва	Регионы	%
Конвенциональный	3	44	38	44
	4	10	7	10
Постконвенциональный	5	10	6	10
	6	3	0	3

Анализ данных табл. 4 показал, что у тех подростков-правонарушителей, моральное сознание которых в своем развитии достигло уровня постконвенциональности, уровень самой развитости может быть охарактеризован как 5—6-й. Необходимо отметить, что такой уровень моральных суждений позитивным образом ориентирован на систему социальных отношений и достаточно редко встречается даже у взрослых (сознательных) людей. По-видимому, это были дети из так называемых «благополучных» семей или они совершили «случайные» преступления.

Для девиантных подростков из Москвы характерно более частое проявление постконвенциональных норм морали (10% и 3% соответственно), по сравнению с подростками из регионов, у которых были выявлены признаки постконвенциональности морального сознания только на пятой стадии развития (6%).

Конвенциональные характеристики сознания встречаются в обеих группах значительно чаще, как в Москве, так и в регионах. Однако динамика этого уровня развития морального сознания негативная. При переходе от 3-й к 4-й стадии конвенциональности морального сознания отчетливо наблюдается снижение его показателей от 44 до 10% в группе подростков из Москвы и от 38 до 7% — у подростков из регионов. По-видимому, именно на этих стадиях происходит задержка морально-нравственного развития у обследуемых. И поэтому переход в дальнейшем к взрослости в этом отношении представляется достаточно проблемным, поскольку дефект морально-нравственного развития препятствует формированию культурно-правовой организации личности в целом.

Мораль, влияя на целеполагание человека, способствует социальной регуляции его поведения, возникает как реакция на противоречия, проявляющиеся между реальным и должным. Когда внутренний контроль не сформирован или ослаблен, а контакты с обществом нарушены или извращены, подросток становится опасным для социума. Результаты исследования показали, что у подростков-равнонарушителей, независимо от их возраста и территориальной принадлежности, в большинстве случаев отсутствуют представления о моральной нормативности поведения. Поэтому в структуре их переживаний по поводу свершенных правонарушений не отмечалось чувство вины или стыда. Чаще, наоборот, преобладали хитрость, лживость и изворотливость.

Выводы

1. У всех подростков-правонарушителей доминирует пре- и конвенциональное моральное сознание. Но в старшей возрастной группе 50% представителей характеризуются как носители конвенциональных моральных убеждений по сравнению с 41% младшей возрастной группы подростков-правонарушителей. Это свидетельствует о том, что по мере взросления отмечается относительное снижение представленности носителей преконвенциональных моральных убеждений с 56% до 46%. Такую динамику можно считать позитивной и дающей основание полагать, что меры психолого-педагогического воздействия в таких случаях еще могут дать положительный эффект.

2. 33—49% подростков-правонарушителей являются носителями преконвенционального, а 45—54% конвенционального морального сознания. В общей совокупности 87% подростков-правонарушителей из Москвы и 94% представителей регионов имеют явный дефицит развития морально-нравственных убеждений о нормальном в социальном отношении поведении. Лишь 6—13% обследованных лиц имеют показатели постконвенционального уровня морального сознания.

3. Однозначной возрастной детерминации развитости моральных суждений у обследованных подростков выявлено не было. Но некоторые отличия в структуре морального сознания у подростков в зависимости от возраста все-таки имеются. Так, у 48% всех подростков-правонарушителей конвенциональный уровень морального сознания структурно был представлен 3—4-й стадиями развития. Только 36% из числа всех обследованных могут быть отнесены по уровню развития морального сознания к 5-й и 6-й стадиям. Причем шестая стадия постконвенционального уровня развитости морального сознания представлена 3%.

Структура морального сознания у подростков в зависимости от возраста свидетельствует о том, что моральные представления подростков о социальной

нормативности поведения включали в своем подавляющем большинстве убеждения примитивного потребительского гедонизма.

4. У подростков-правонарушителей, моральное сознание которых в своем развитии достигло уровня постконвенциональности, моральные суждений позитивным образом ориентированы на систему социальных отношений. Такие моральные суждения достаточно редко встречаются даже у взрослых (сознательных) людей. По-видимому, это были дети из так называемых «благополучных» семей или они совершили «случайные» преступления.

Литература

1. *Александрова С.Н.* Формирование правовой культуры у учащихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Чебоксары, 2008. 287 с.
2. *Анцыферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // *Психологический журнал*. 1999. Т. 20. № 3. С. 5—17.
3. *Астраханцева С.В.* Теория и практика социально-культурного развития личности в сфере свободного времени: монография. М.: МГУКИ, 2011. 111 с.
4. *Беликова С.Б.* Правовое воспитание старшеклассников как условие профилактики девиантного поведения: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Ставрополь, 2006. С. 21.
5. *Блясова И.Ю.* Девиантное поведение несовершеннолетних и правовой нигилизм: монография. Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 291 с.
6. *Воробьева К.А.* Профилактика агрессивного и девиантного поведения подростков в образовательных учреждениях // *Воспитание школьников*. 2013. № 4. С. 45—49.
7. *Кобусь Н.Г.* Социально-психологические особенности личности несовершеннолетних правонарушителей: дисс. канд. психол. наук (19.00.05). М., 2006. 197 с.
8. *Муслумова Т.В.* Правовая культура детей: Социально-философский анализ: монография. Уфа: РИЦ РИО БашГУ, 2003. 294 с.
9. Методика оценки уровня развития морального сознания (Дилеммы Л. Колберга) // *Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И.Б. Дерманова*. СПб.: Речь, 2002. С. 103—112.
10. *Чвякин В.А.* Социологическое исследование адаптивности и моральной нормативности поведения девиантных подростков // *Полицейская деятельность*. 2014. № 3. С. 239—250. doi: 10.7256/2222-1964.2014.3.12006
11. *Чвякин В.А., Жучков В.В.* Общественная безопасность и коммуникативные регуляторы // *Право. Экономика. Безопасность*. 2016. № 2(8). С. 130—132.
12. *Черникова Н.В.* Формирование нравственных качеств у подростков с девиантным поведением: дисс. канд. пед. наук. Липецк, 2007. 310 с.

Moral Development in Structure of Legal and Cultural Organisation of Adolescent Personality with Critical Social Deviations

Slavova N.A., PhD in Law, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Russian New University, Moscow, Russia (slavova.natalja@yandex.ru)

Chvyakin V.A., Doctor of Philosophy, Candidate of Medical Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations in the Media Industry, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia (195805@mail.ru)

The article describes the moral development in the structure of the legal and cultural organization of the personality of an adolescent with critical social deviations. The problem of the study is a moral field of the personality of adolescents. The process of formation of moral judgments with regard to its dynamics from pre-conventional to post-conventional levels of development in adolescents with illegal behavior is considered. A total of 60 adolescents with aggressive asocial behavior between the age of 14 and 17 were examined; they were suspected of committing various offenses; the criminal proceedings were instituted against them. The subjects were divided into two age groups: the first group is 14–15 years old, the second - 16–17 years old. The factor of residence of the subjects was taken into account (residents of Moscow and those who came from different regions of the Russian Federation). L. Kohlberg's technique was used to reveal the peculiarities of moral consciousness in the examined persons. The attention was paid to the levels of development of moral consciousness (pre-conventional, conventional and post-conventional levels). The finding of the study is data about the development degree of moral judgments of adolescents with critical social deviations. The information on the age determination of moral development and depending on the region of residence of the subject is obtained.

Keywords: adolescents, critical social deviations, law socialization, moral judgements, moral levels, moral development, moral consciousness structure.

References

1. Aleksandrova S.N. Formirovanie pravovoj kul'tury u uchashhihsja v uchrezhdenijah dlja detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 [Formation of legal culture among students in institutions for orphans and children left without parental care: dis. ... kand. PED. Sciences: 13.00.01]/S.N. Aleksandrova. Cheboksary, 2008. 287 p.

2. 2. Ancyferova L.I. Svjaz' moral'nogo soznaniya s npravstvennym povedeniem cheloveka (po materialam issledovanij L. Kolberga i ego shkoly) [*The connection of moral consciousness with the moral behavior of man (based on the research of L. Kolberg and his school)*]/Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]. M.: Nauka, 1999.-Vol. 20. no. 3. P. 5-17.
3. 3. Astrahanceva S.V. Teorija i praktika social'no-kul'turnogo razvitija lichnosti v sfere svobodnogo vremeni: monogr. [Theory and practice of social and cultural development of personality in the field of free time] M.: MGUKI, 2011. 111 p.
4. 4. Belikova S.B. Pravovoe vospitanie starsheklassnikov kak uslovie profilaktiki deviantnogo povedenija: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 [Legal education of high school students as a condition for the prevention of deviant behavior: dis. ... kand. PED. Sciences: 13.00.01] S. B. Belikova. Stavropol', 2006.-P. 21
5. 5. Bljasova I.Ju. Deviantnoe povedenie nesovershennoletnih i pravovoj nigilizm: monografija [Deviant behavior of minors and legal nihilism]. Germanija: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 291 p.
6. 6. Vorob'eva K.A. Profilaktika agressivnogo i deviantnogo povedenija podrostkov v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah [Prevention of aggressive and deviant behavior of adolescents in educational institutions]/Vospitanie shkol'nikov [Education of pupils]. M.: Izd-vo: OOO «Shkol'naja Pressa», 2013. no. 4. P. 45—49.
7. 7. Kobus' N.G. Social'no-psihologicheskie osobennosti lichnosti nesovershennoletnih pravonarushitelej: diss. kand.ps.nauk 19.00.05 [Social and psychological features of the personality of juvenile offenders: Diss. kand.fp.Sciences 19.00.05]. M., 2006. 197 p.
8. 8. Muslumova T.V. Pravovaja kul'tura detej: Social'no-filosofskij analiz: monogr [The legal culture of children: a Socio-philosophical analysis]. Ufa: RIC RIO BashGU, 2003. 294 p.
9. 9. Metodika ocenki urovnja razvitija moral'nogo soznaniya (Dilemmy L. Kolberga) [Methods of assessing the level of moral consciousness (L. Kolberg's Dilemmas)]/Diagnostika jemocional'no-npravstvennogo razvitija [Diagnosis of emotional and moral development]. Red. i sost. I.B. Dermanova. SPb.: Rech', 2002. P.103-112.
10. 10. Chvjakin V.A. Sociologicheskoe issledovanie adaptivnosti i moral'noj normativnosti povedenija deviantnyh podrostkov[Sociological research of adaptability and moral normativity of behavior of deviant teenagers]/Zhurn. Policejskaja dejatel'nost' [Police activity].—M.: Izd-vo OOO «NB-Media», 2014. no. 3. P. 239-250. DOI: 10.7256/2222-1964.2014.3.12006
11. 11. Chvjakin V.A., Zhuchkov V.V. Obshhestvennaja bezopasnost' i kommunikativnye regulatory [Public safety and communication regulators]/Pravo. Jekonomika. Bezopasnost' [Right. Economy. Security]. - M.: Izd-vo OOO «Jekslibris — Press», 2016.-№2 (8). P. 130—132.

12. 12. Chernikova N.V. Formirovanie nravstvennykh kachestv u podrostkov s deviantnym povedeniem: diss. kand.ped.n. [Formation of moral qualities in adolescents with deviant behavior: dis. kand.PED.sciences']-Lipeck, 2007.-310 p.

Кибербуллинг в опыте российских подростков

Хломов К. Д., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт общественных наук РАНХиГС (kyrill@rambler.ru)

Давыдов Д. Г., кандидат психологических наук, директор, Институт когнитивной нейрологии, Современная гуманитарная академия (ddavydov@muh.ru)

Бочавер А. А., кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт образования НИУ ВШЭ (a-bochaver@yandex.ru)

Агрессивное поведение в интернет-пространстве становится все более распространенным среди подростков в России и за рубежом. Кибербуллинг — один из наиболее новых и опасных с точки зрения последствий риск, с которыми сталкиваются современные подростки. В статье анализируется опыт встреч российских подростков с эпизодами травли в интернете в роли агрессора, жертвы или свидетеля: частота таких встреч, эмоциональные и поведенческие реакции на них, возрастные и гендерные различия, моральная оценка. Это исследование дает возможность разрабатывать меры пресечения и профилактики кибербуллинга в рамках психолого-педагогической работы с опорой на эмпирические данные, собранные на русскоязычной выборке, что чрезвычайно важно для эффективности разрабатываемых программ. Обсуждаются перспективы прикладной работы в сфере интернет-безопасности подростков, в частности, повышения их информированности и формирования у них ответственной пользовательской позиции, а также психотерапевтическая работа с подростками в контексте проблемы кибербуллинга.

Ключевые слова: кибербуллинг, буллинг, подросток, интернет, онлайн-риски, агрессия.

Для цитаты:

Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219

For citation:

Khломov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Cyberbullying in the experience of russian teenagers. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219

Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00941.

Интернет плотно вошел в повседневную жизнь людей, предоставив пространство для продолжения почти всех видов деятельности человека. Если некоторое время назад можно было четко разделить среду на «виртуальную» и «реальную», то сейчас это различие не представляется уместным: смартфоны, публичные информационные системы, образовательные платформы онлайн, переговоры с использованием голосовых и видео-интернет-сервисов, интернет-магазины и т. д. позволяют постоянно комбинировать онлайн и офлайн активность в повседневной деятельности. Уже в 2013 г. отмечалось, что 89% российских подростков пользовались интернетом ежедневно, в будни в интернете от 3 до 8 часов проводили 37% подростков, в выходные — 47%, занимаясь разговорами через чаты, мессенджеры и социальные сети [5]. По данным совместного исследования Google и Ipsos¹ (2017), ежедневно используют интернет 65% россиян, а в возрастной группе 13—24 лет доля ежедневно использующих интернет составляет 98%, причем наиболее посещаемые ими ресурсы — страницы и приложения социальных сетей, игры и онлайн-игры, а также размещенный в интернете видеоконтент. По данным их отчета, «27% россиян 13—24 лет проводят в социальных сетях более 5 часов в день, а четверть из них проверяют обновления каждые 30 минут». Подростки подключаются к интернету с помощью мобильных девайсов, чтобы выполнять домашние задания, быть на связи с друзьями, играть, читать новости о знаменитостях, делиться своим творчеством и пр.

Круглосуточное присутствие в сети делает подростков уязвимыми к виктимизации через интернет. Одним из наиболее серьезных психологических онлайн-рисков является встреча с **кибербуллингом**, который определяется как целенаправленный и повторяющийся вред, наносимый с использованием компьютеров, смартфонов и других электронных девайсов. Обычно речь идет о ситуациях, когда подростки используют современные технологии для того, чтобы пугать, притеснять, унижать или иными способами вызывать беспокойство у сверстников, рассылая обидные письма, распространяя сплетни, создавая веб-страницы, видео и профили в социальных сетях, чтобы над кем-то посмеяться, делая фотоснимки там, где люди рассчитывают на уединение, и распространяя их онлайн, без разрешения снимая и загружая в сеть видеоматериалы, используя анонимные приложения для унижения и разрушения достижений игроков в игровых сетях и пр. [12, 13]. Если взрослые бездействуют, когда подростки делают что-то подобное, то подростки чувствуют себя безнаказанными и не останавливаются сами, зная, что их сложно идентифицировать и сложно наложить на них санкции.

Обсуждая сходство буллинга и кибербуллинга, следует отметить в первую очередь систематичность и целенаправленность агрессивного поведения, неравенство в положении преследователя и жертвы (агрессор может быть анонимен, их может быть много), а также структурную комбинацию «агрессор—жертва—свидетели» [14]. Однако по сравнению с «традиционным» буллингом кибербуллинг имеет ряд значимых отличий.

Пусть иллюзорная, но **анонимность** повышает уверенность в себе агрессора и усиливает беспомощность того, кто оказался в роли жертвы, так как помимо прочих

¹ I Think with Google. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/>

переживаний он оказывается захвачен вопросом о том, кто же является его преследователем. С анонимностью связан **феномен растормаживания и моральная отстраненность**: анонимно люди позволяют себе вести себя более агрессивно, чем в ситуациях, когда они знают о том, что идентифицированы. Очная травля имеет, как правило, грань, определенную ее инициатором (например, «довести до слез»), а при отсутствии знания об эмоциональном состоянии оппонента такая грань оказывается недоступной: агрессору сложнее остановить себя, когда тот, кого он преследует, представляется абстракцией, что способствует повышению жестокости поведения.

В отличие от локализованной, например, в школьном дворе, «традиционной» травли кибербуллинг может быть **круглосуточным**, и от него не удастся уклониться, сменив маршрут. Возможность повторного чтения/просмотра унижающих или угрожающих материалов, а также спонтанные повторные публикации пользователями старого контента могут способствовать ретравматизации того, кто оказался в роли жертвы.

У публикации в интернете **неограниченное количество свидетелей**. Количество просмотров, «лайков», комментариев указывает на масштаб, однако для того, кто стал жертвой, зачастую неизвестно, видели ли, например, унижительный видеоролик или опубликованную переписку его близкие друзья или родители. Напряжение от неизвестности и стыд делают переживания в связи с кибербуллингом еще более невыносимыми.

Навыки самостоятельности и ответственности оффлайн важны и отчасти могут быть экстраполированы на интернет-пространство, но в нем содержатся специфические риски, о которых ребенок, по возможности, должен быть предупрежден и обучен способам конструктивного реагирования в случае возникновения небезопасных ситуаций. Дети нередко считают интернет безопасным пространством, пока не сталкиваются с ситуациями, о которых не были предупреждены. В то же время онлайн-общение настолько важно для них, что они предпочитают держать небезопасные ситуации в секрете, лишь бы не провоцировать родителей на ограничение доступа к гаджетам или социальным сетям, потому что такое ограничение для подростков равносильно социальной изоляции.

Кибербуллинг происходит в основном там, где собираются в интернете подростки. В начале 2000-х гг. многие дети проводили время в чатах, которые тогда стали местом наибольшей распространенности преследования; сейчас молодежь активно вовлекается в различные социальные медиа (Instagram, Snapchat, Twitter и др.) и сайты обмена видео (например, YouTube), соответственно, растет количество эпизодов кибертравли на этих площадках; аналогично кибербуллинг развивается в играх с дополненной и виртуальной реальностью, на сайтах социальных игр и в разнообразных быстро сменяющих друг друга популярных приложениях [13].

Последствия кибербуллинга для того, кто оказался предметом преследования, включают в себя множество негативных переживаний — грусть, злость, фрустрацию, депрессию, стыд, смущение, страх; есть связь между кибербуллингом и последствиями в виде депрессии, самоповреждения, суицидальных наклонностей и попыток, низкой успеваемостью и трудностями в учебе, агрессивным поведением, сложностями в общении со сверстниками, снижением самооценки, проблемами в семье, насилием в школе, случаями небезопасного секса и употреблением психотропных веществ [21; 11; 20; 16; 10; 4]. В то же время исследования травли вне интернета указывают на то, что с негативными

последствиями травли сталкиваются не только те, кто оказался в роли ее жертвы, но и те, кто занимал позиции агрессоров или свидетелей. По аналогии, мы можем предполагать, что систематическое наблюдение кибербуллинга может вести к росту тревоги, снижению эмпатии, переживанию небезопасности среды и собственной беспомощности у пользователей, а активное использование кибербуллинга как стратегии поведения может также сопутствовать снижению эмпатии, избеганию ответственности, склонности трансформировать любые отношения в отношения неравенства, предпочтению агрессивных и социально неприемлемых тактик разрешения сложных ситуаций и совладания с собственной тревогой и другими негативными переживаниями [1].

Основной массив исследований кибербуллинга посвящен оценке его распространенности, гендерным различиям, сравнению с «традиционным» буллингом и последствиям виктимизации онлайн [9]. В силу новизны явления, отсутствия его конвенционального понимания и разнообразия проявлений [2] в исследованиях используются разнообразные несогласованные определения, что приводит к несовпадениям в данных. Иногда отдельные эпизоды (например, оскорбительные высказывания в чате) учитываются как кибербуллинг, хотя речь может не идти о систематическом целенаправленном преследовании кого-либо. Ряд исследователей предлагают рассматривать явление кибербуллинга через триаду «Преследователь—жертва—наблюдатель» по аналогии с обычной травлей, обозначая ведущую роль наблюдателей, самой многочисленной группы, в эскалации или прекращении кибербуллинга, хотя эта роль пока недостаточно изучена [15; 8; 6].

Когда американских школьников спрашивали о ситуациях, когда кто-то «неоднократно высмеивает другого человек онлайн, неоднократно досаждают другому через электронную почту или текстовые сообщения, или публикует онлайн о другом человека что-то такое, что ему не понравится», около 28% сообщили о том, что им случалось быть жертвой кибербуллинга и около 16% признались, что сами занимались кибербуллингом. В исследовании с участием 5700 учеников средней и старшей школы 33,8% респондентов сообщали о том, что подвергались кибербуллингу, и с 16,9% это происходило в течение последних 30 дней. 11,5% респондентов признались в том, что сами занимались кибербуллингом, и 6% делали это в последние 30 дней [13]. В 2011 г. среди подростков в США, использовавших социальные медиа, 12% сообщали о том, что часто сталкивались с тем, что кто-то был груб или жесток к другому в социальной сети, 29% — иногда и 47% — однажды [15].

По данным исследования Microsoft 2012 г. в России, 49% детей в возрасте 8—17 лет сообщали о том, что подвергались в сети буллингу или другим формам обращения, имеющим негативные последствия (для сравнения, средний показатель по 25 другим обследованным странам составил 37%), в том числе 27% столкнулись с грубым и недружелюбным обращением, 20% подвергались насмешкам или их дразнили, 24% подвергались обзыванию. 67% детей сообщили о том, что они знают о буллинге онлайн, 34% испытывают беспокойство в связи с этой темой [17]. В отчете российского Фонда развития Интернета за 2013 год указано, что практически каждый третий подросток за год использования интернета сталкивался с коммуникационными рисками, среди которых лидировал кибербуллинг; каждый четвертый подросток указал, что сталкивался с оскорблениями, унижениями или преследованием в сети [5]. По данным ЮНЕСКО, от 9 до 21% детей и подростков из индустриализованных стран подвергаются кибербуллингу, причем девочки подвержены этому риску чаще мальчиков [19]. В отчете ВОЗ сообщается о

том, что в РФ среди 11-летних 11% девочек и 8% мальчиков становились жертвой кибербуллинга не менее 2—3 раз за месяц; среди 13-летних — 6% и 8%, среди 15-летних — 5% и 7% соответственно) [4].

Следует отметить, что кибертравля распространена далеко не только в подростковой среде. Так, американское исследование 2017 г. показало, что на протяжении года онлайн-преследованию в каких-либо формах подвергались 41% американцев, а в группе 18—29-летних эта доля достигла 67% [7]. Однако подростки особенно уязвимы к кибербуллингу, поскольку в силу особенностей возраста они не склонны обращаться за поддержкой к родителям, очень чувствительны к стыду, недостаточно опытны, чтобы распознать опасные ситуации вовремя. Нередко о фактах кибербуллинга становится известно только после трагических последствий и широкой огласки конкретного случая. Кейсы обращения за психологической помощью указывают на то, что подростки чаще, чем взрослые пользователи, оказываются жертвами шантажа в социальных сетях. Кибербуллинг, как правило, малозаметен для внешнего наблюдателя, поскольку он часто происходит в закрытых группах и чатах. Все это побуждает к тому, чтобы уделять больше внимания пользовательскому опыту детей и подростков и как источнику данных для исследований, и как субстрату для развития рефлексии и формирования этической позиции ответственного пользователя интернета, что работает на повышение безопасности русскоязычного интернета в целом и снижение риска кибербуллинга — в частности.

Целью данного исследования было изучение опыта встреч подростков с эпизодами кибербуллинга и получение эмпирической основы для последующей разработки программ профилактики и прекращения кибербуллинга в подростковой среде.

Методы и выборка

Исследование проводилось в 5 общеобразовательных организациях города Москвы с участием школьников 5-9-х классов в возрасте от 11 до 16 лет ($M_{возр}=13,3$ года). Всего в исследовании приняли участие 294 человека (юношей 46,0%). Доверительный интервал составляет $\pm 5,7\%$ при $p=95\%$.

Для проведения опроса использовалась модификация разработанной С. Хиндуджей и Дж. Пэтчином анкеты «Cyberbullying and Online Aggression Survey Instrument» [11](Hinduja, Patchin, 2015), включавшая в себя рабочее определение кибербуллинга для подростков («Кибербуллинг (кибертравля) — это ситуации, когда кто-то регулярно преследует, оскорбляет кого-то или насмехается над кем-то онлайн или используя мобильные телефоны и другие электронные устройства») и 10 вопросов, направленных на выявление опыта встреч респондентов с эпизодами кибербуллинга в роли свидетеля, жертвы и агрессора, а также типов эмоционального и поведенческого реагирования на эти ситуации. Кроме того, подростков просили выразить собственное отношение к кибербуллингу, объяснить его причины и описать запомнившуюся ситуацию, связанную с чьим-то агрессивным поведением онлайн. Таких описаний было получено всего 56 при выборке в 294 человека, из которых более 70%, как показал опрос, имеют соответствующий опыт. К причинам, по которым подростки проигнорировали просьбу описать (анонимно) эти ситуации, могут относиться как сопутствующие событию негативные переживания (стыд, вина, страх и т. п.), так и то, что современные подростки в целом предпочитают избегать развернутых письменных ответов при заполнении анкет.

Результаты и их обсуждение

Результаты показывают, что встречи с ситуациями кибербуллинга являются элементом повседневного опыта современных московских школьников: только 28,4% респондентов сообщили, что не сталкивались с этим явлением (рис. 1). Представленное распределение может указывать на существование двух групп подростков, одна из которых почти не сталкивается с кибербуллингом (возможно, они мало пользуются социальными сетями, мало играют в многопользовательские игры или за нашим определением не распознали знакомые им формы кибербуллинга, например, гриферство²), а для второй группы кибербуллинг — это заметное явление, что говорит либо о другом характере их интернет-активности, либо о большей рефлексивности.

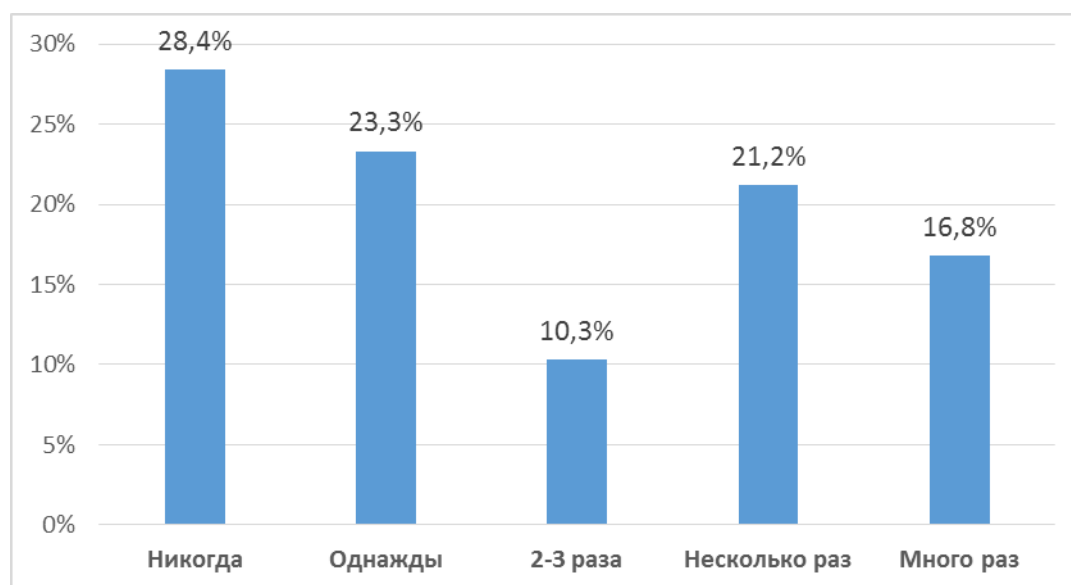

Рис. 1. Частота встреч с ситуациями кибербуллинга

Самой распространенной формой кибербуллинга, по мнению подростков, являются грубые или оскорбительные комментарии (рис. 2). Нужно учитывать, что не все они могут относиться к систематическому буллингу: это могут быть и спонтанные проявления агрессивности, не направленные на последовательное причинение вреда конкретному адресату. Следующие по частоте встречаемости формы кибербуллинга — это публикация грубых и оскорбительных картинок (обычно в социальных сетях) и распространение слухов и сплетен. Реже всего из предложенных вариантов отмечались СМС-сообщения и специально созданные для оскорблений и нанесения обиды веб-страницы, что отражает общую тенденцию: СМС-сообщения сменяются перепиской в мессенджерах, а вместо веб-страниц используются агрегаторы в социальных сетях.

² Грифер — игрок, наносящий моральный или материальный ущерб другим игрокам в многопользовательских играх — разрушающий постройки, убивающий персонажей и т. п. — для собственного удовольствия и ухудшения игровой среды.

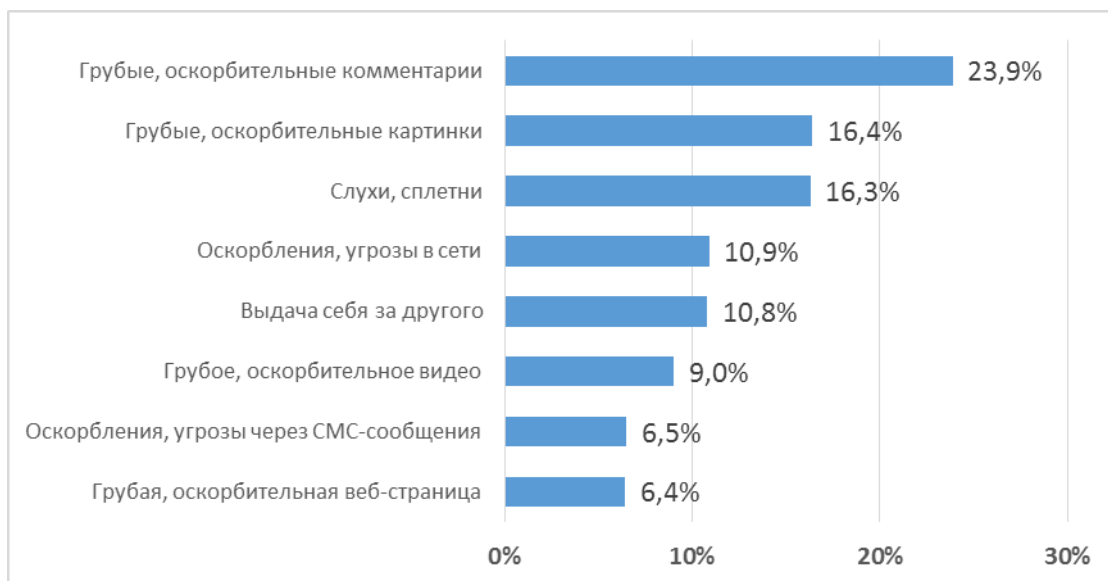

Рис. 2. Опыт встреч с разными формами кибербуллинга (% от всех респондентов)

Лидирующее место по частоте появления кибербуллинга принадлежит социальным сетям — 40,3% (рис. 3), что неудивительно, учитывая их распространенность и значимость для подростков. Другими широко используемыми для кибербуллинга площадками являются видеохостинг YouTube (14,6%), чаты (13,6%) и многопользовательские онлайн-игры (12,4%), что соответствует данным зарубежных исследований.

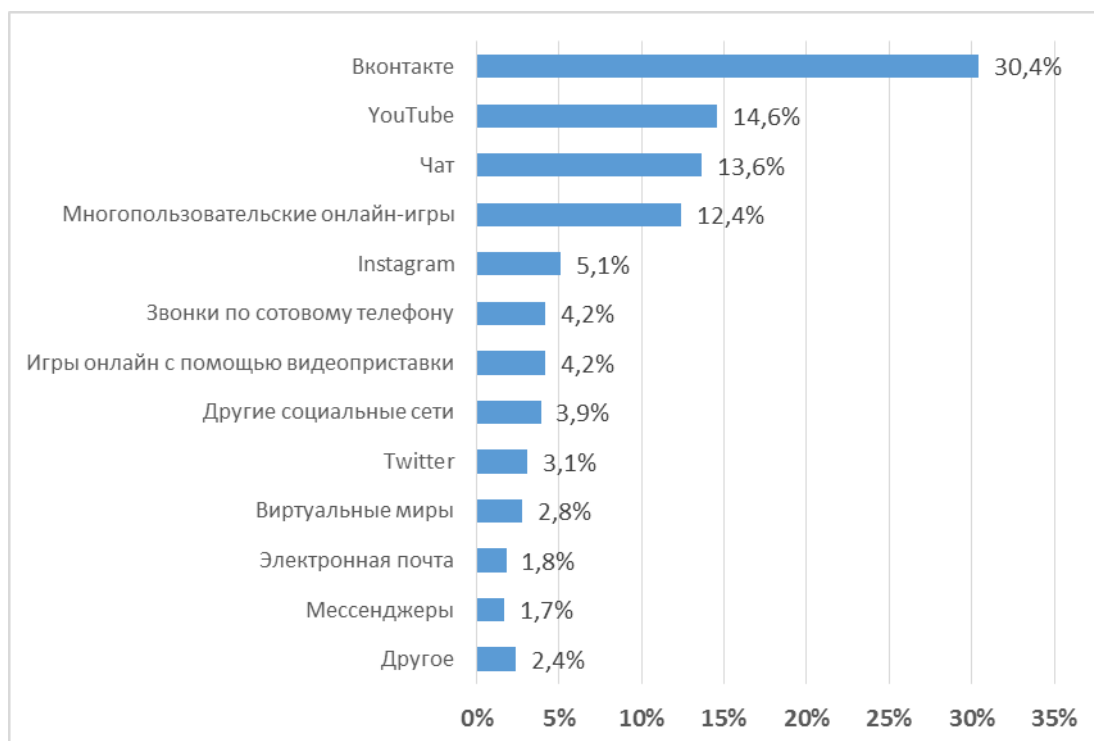

Рис. 3. Площадки, на которых подростки встречаются с кибербуллингом (% от всех респондентов)

Описывая исходы конкретных эпизодов кибербуллинга, респонденты почти в половине случаев указали, что проблема разрешилась благополучно, благодаря действиям участников; примерно в трети случаев ситуация затихла сама собой, и около четверти ситуаций не были завершены, агрессивные действия продолжались (рис. 4).

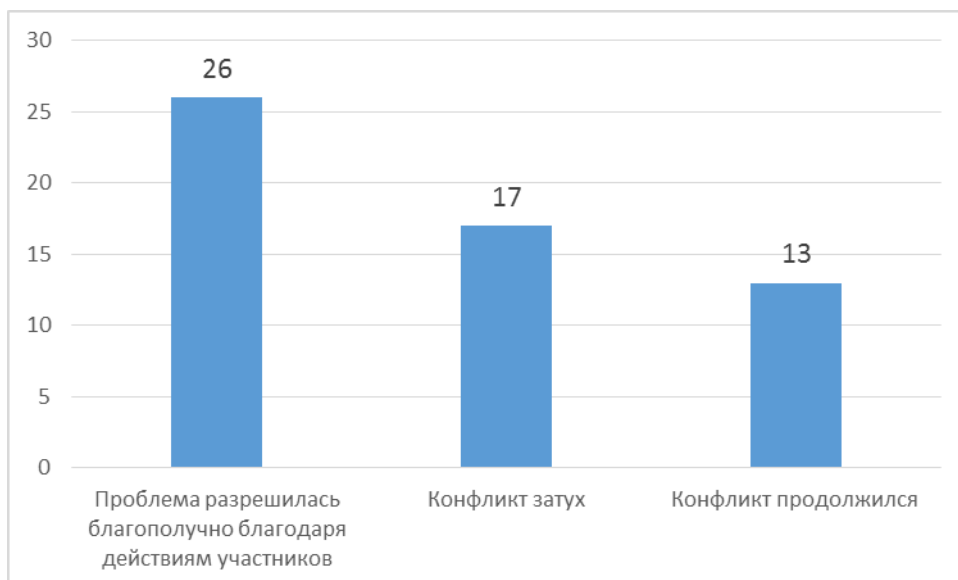

Рис. 4. Исходы описываемых ситуации (N=56)

Около 70% респондентов сообщили о том, что у них есть опыт жертвы кибербуллинга, при этом среди юношей он имеется у 71,64%, а среди девушек — у 65,61%, возможно, по причине того, что в целом мужское поведение в российской культуре носит более соперничающий и агрессивный характер.

Доля респондентов с опытом жертвы кибербуллинга примерно одинакова в каждой возрастной группе (рис. 5).

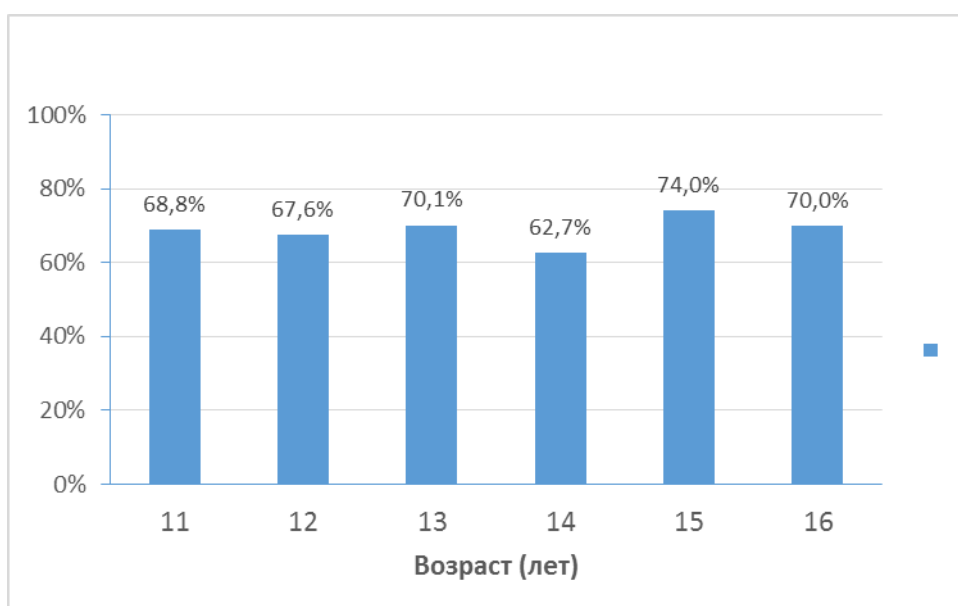

Рис. 5. Распределение опыта жертвы кибербуллинга среди респондентов по возрасту (% от всех респондентов)

В качестве жертв респонденты чаще всего встречались с грубыми и оскорбительными комментариями (29,4%), слухами и сплетнями (19,8%), прямыми оскорблениями и угрозами (16,7%). В адрес юношей несколько чаще поступают прямые угрозы и оскорбления, размещаются оскорбительные картинки и видео, специально создаются веб-страницы, а девушки несколько чаще встречаются с грубыми комментариями и слухами; различия по указанным параметрам превышают доверительный интервал (5,7%) (рис. 6).

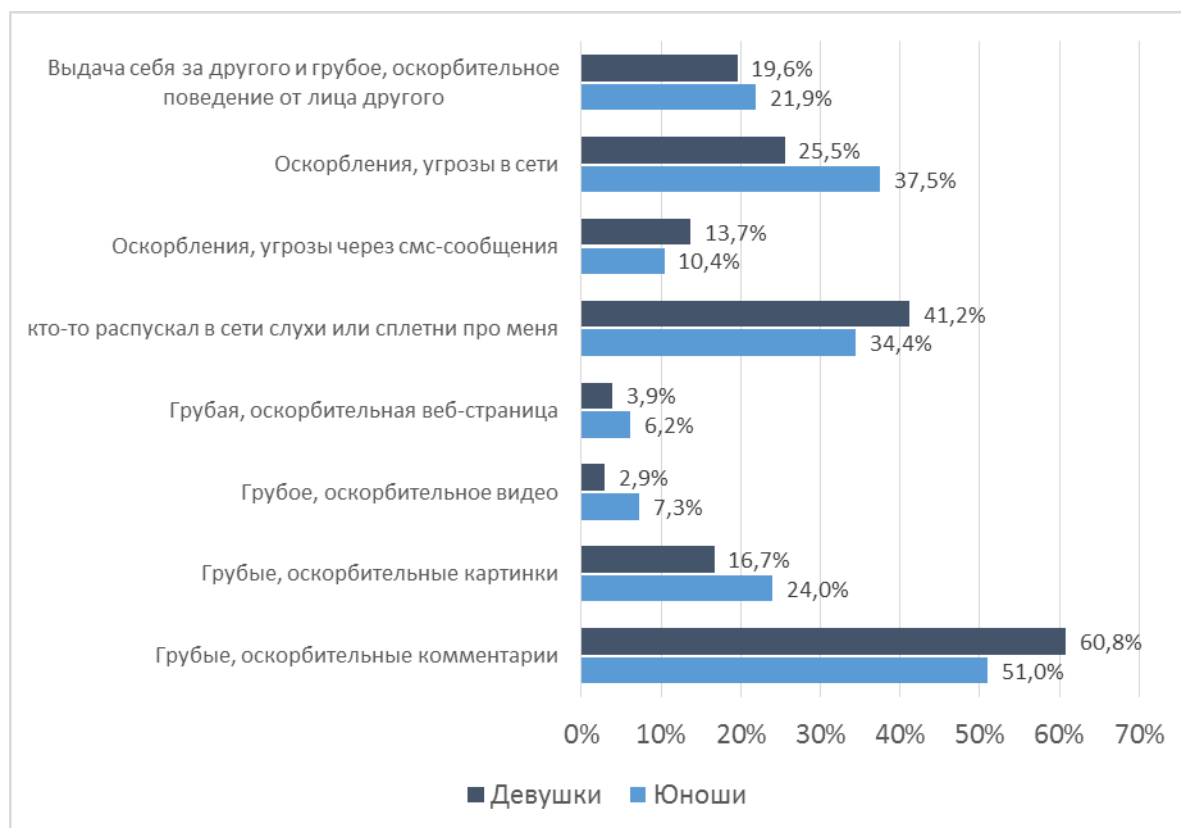

Рис. 6. Опыт встреч с разными формами кибербуллинга: гендерные различия (% от всех юношей и девушек)

Чаще всего в ответ на кибербуллинг подросткам хотелось доказать свою правоту (23,1%) и найти обидчика и отомстить ему (22,7%), в остальных случаях, по их самоотчетам, имели место различные негативные переживания — от растерянности до страха и отвращения к себе (рис. 7).

Рис. 7. Эмоциональное реагирование на кибербуллинг в роли жертвы

Типичные ответные действия жертвы включают: ответные оскорбления (26,3%), игнорирование (26,3%), исключение из общения — «бан» (22,8%). В 10% случаев жертва пытается перенести выяснение отношений в реальное взаимодействие (рис. 8).

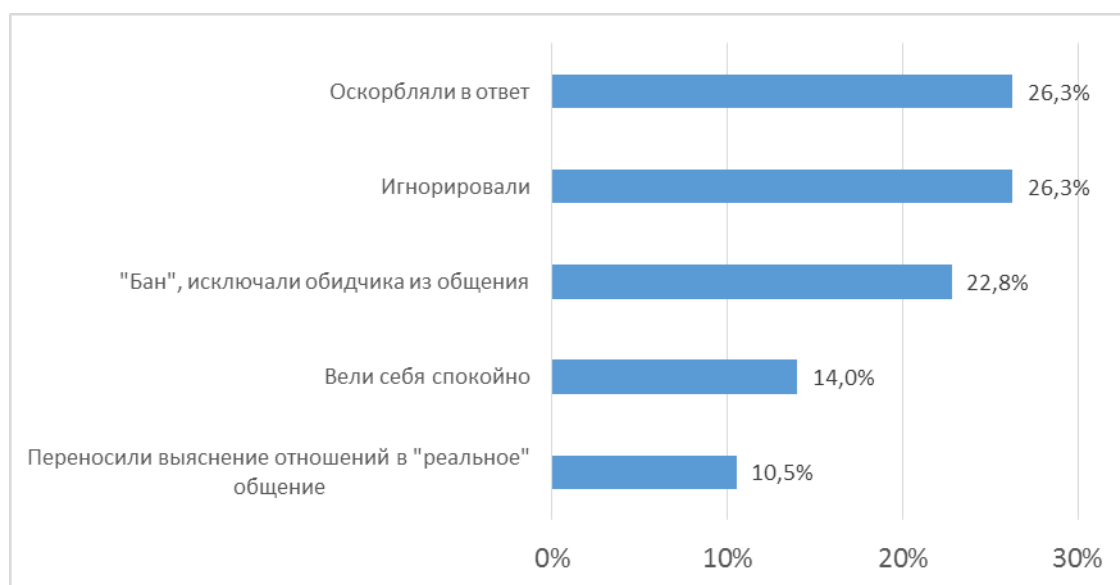

Рис. 8. Типичные ответные действия на агрессию онлайн (результат контент-анализа свободного описания)

Важнейшей темой в контексте кибербуллинга является вопрос о том, кому о нем можно рассказать. Ожидается, что подростки тяготеют к обращению за поддержкой к сверстникам; «...ни на каком другом этапе человеческой жизни роль коллектива сверстников не бывает так велика, как в юности» [3]. Популярность среди ровесников, получение их одобрения — важнейшие мотивы и ресурсы юношеского поведения, и с этой точки зрения важным направлением профилактической деятельности со стороны педагогов и родителей должно стать обучение и формирование установок на внимание и оказание

помощи друг другу в ситуациях кибербуллинга, особенно в свете снижения внимания к поддержке со стороны родителей. Как показано на рис. 9, девушки, ставшие жертвой кибербуллинга, обращаются в первую очередь к эмоционально близким людям — друзьям и родителям, а юноши готовы обсуждать эту ситуацию с людьми, включенными во взаимодействие (не обязательно эмоционально близкими).

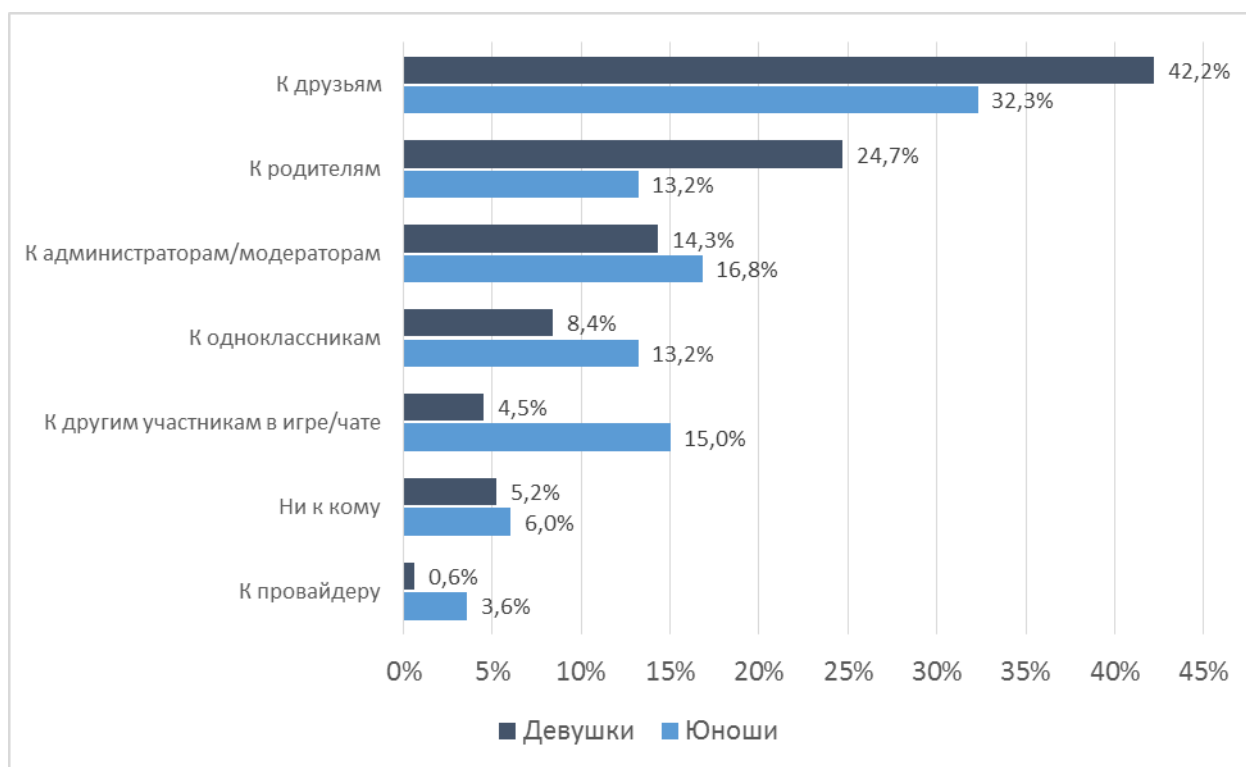

Рис. 9. Адресаты обращения жертв кибербуллинга за помощью (% от всех юношей и девушек, сообщивших об опыте жертвы кибербуллинга)

Об опыте кибербуллинга по отношению к другим пользователям сообщили 44,3% респондентов, при этом среди юношей эта доля больше (53,7%), нежели среди девушек (36,3%). В соответствии с ответами жертв, агрессоры указали, что наиболее распространенными видами воздействия являются грубые и оскорбительные комментарии, распространение слухов и сплетен, прямые оскорбления и угрозы. Как видно из рис. 10, имеются заметные гендерные различия в методах буллинга (различия значимы по критерию хи-квадрат = 16,5 df=8; p=0,036): девушки чаще используют оскорбительные комментарии, а также слухи и сплетни; можно предположить, что, возможно, они более внимательны к таким действиям у себя и у других, тогда как юноши более толерантны к такому поведению и чаще его не замечают. Для юношей более характерны целенаправленные оскорбления и угрозы, выдача себя за другого, создание оскорбительных изображений и видео, создание специальной веб-страницы — т. е. либо прямые (угроза), либо технически опосредованные формы агрессии.

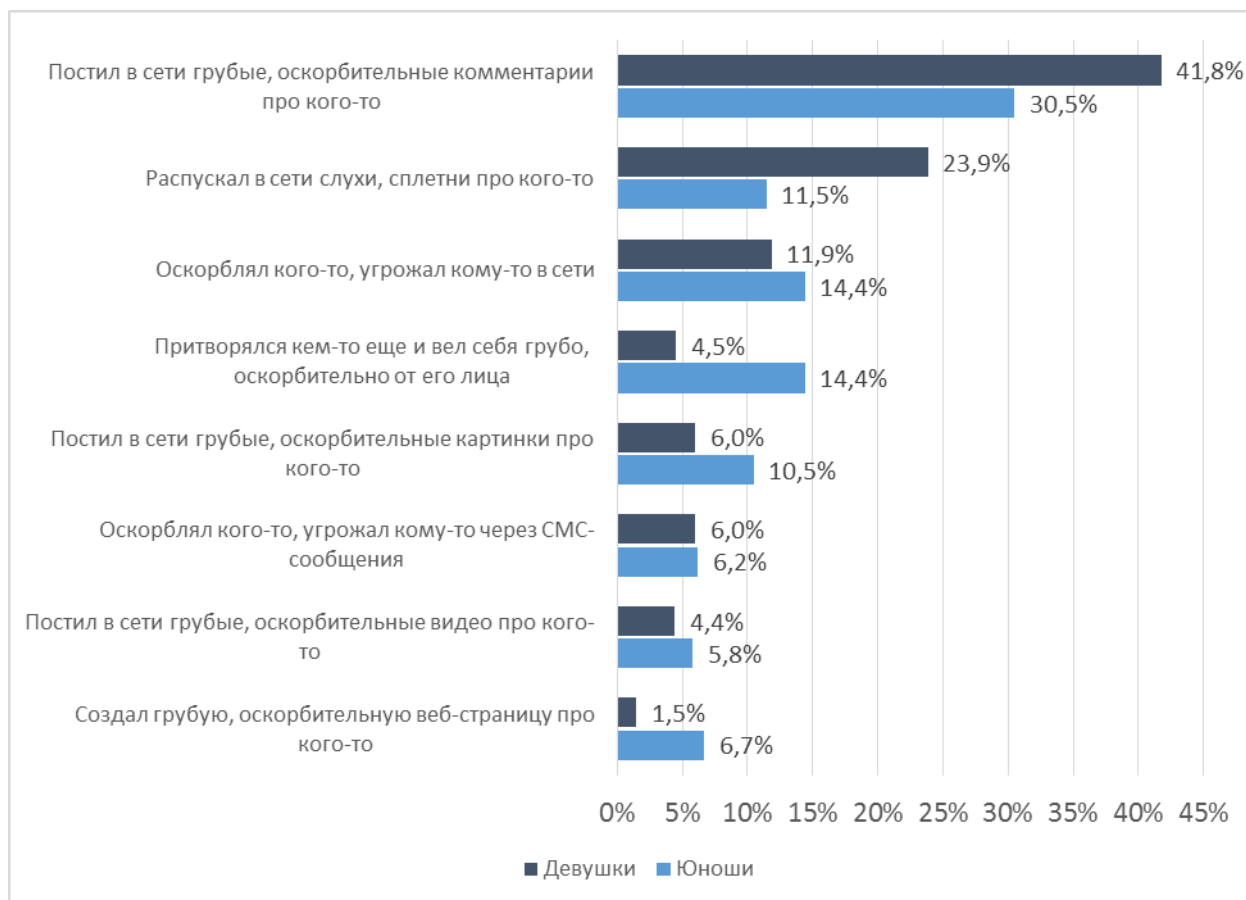

Рис. 10. Использование разных форм кибербуллинга (% от всех юношей и девушек, сообщивших об опыте кибербуллинга других пользователей)

Описывая свои переживания после преследования кого-то в интернете, только около 15% ответивших отметили удовлетворение и 26% ощущали свою правоту (рис. 11). Для большинства ответивших кибербуллинг оказался неудачным инструментом выражения агрессии: осталась злость, и к ней добавился стыд, только 15% испытали удовлетворение. Если эта конфигурация ответов отражает действительные переживания подростков, то это позволяет определить важный ресурс предупреждения буллинга, поскольку целесообразно использовать личный опыт неэффективности кибербуллинга как средства саморегуляции (снижения фрустрации) и как способа изменения межличностных отношений в ходе рефлексивных тренинговых упражнений.

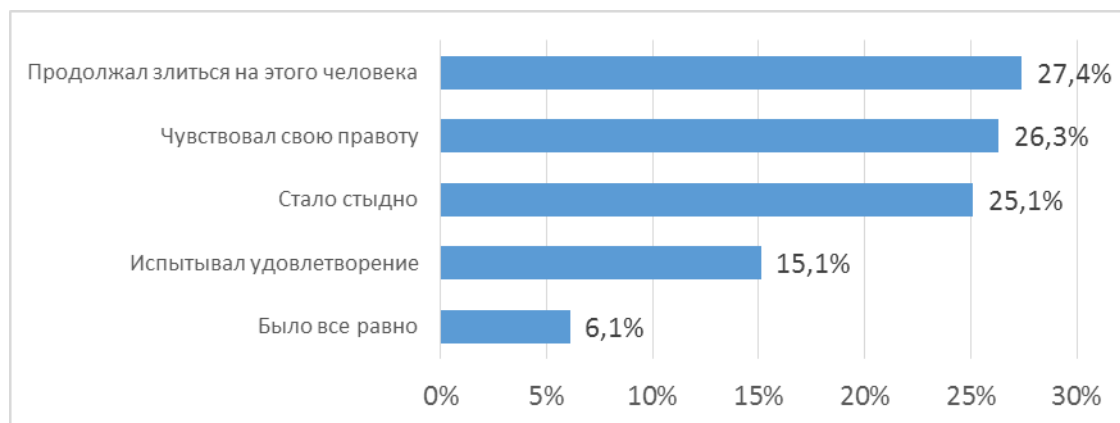

Рис. 11. Переживания подростков в роли агрессоров

39% от всех респондентов сообщают, что бывали и жертвами, и агрессорами в ситуациях кибербуллинга (рис. 12), связь между наличием опыта жертвы и агрессора статистически значима (критерий хи-квадрат, $p \leq 0,001$).

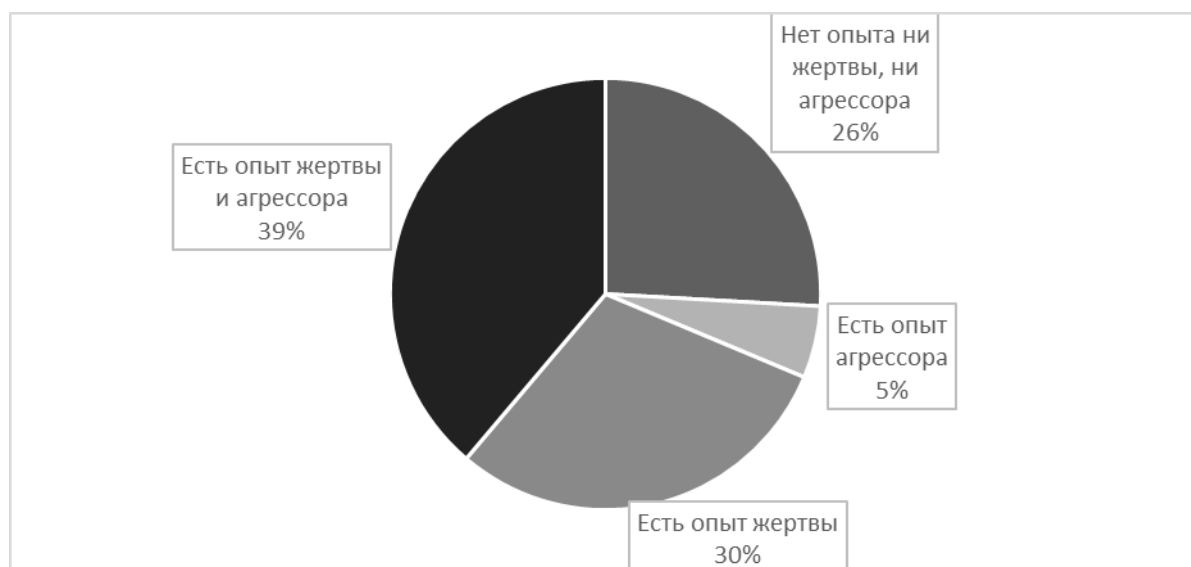

Рис. 12. Опыт кибербуллинга в разных ролях у респондентов (% от всех респондентов)

Взаимодействие в онлайн-среде часто связано с событиями реальной повседневной жизни: респонденты сообщают, что в 24,1% случаев агрессивный эпизод в интернете перешел в «реальное» пространство, и в 17,2% ответов, наоборот, ситуация очного взаимодействия переместилась в интернет. Судя по всему, граница между виртуальной и реальной жизнью постепенно стирается, и мы рискуем предположить, что эта тенденция будет лишь усиливаться.

Одной из важнейших задач подросткового возраста является становление системы моральных оценок, формирование нравственных ориентиров. В связи с этим интересно, что более четверти респондентов (28,9%) считают кибербуллинг рядовой ситуацией, которая не требует особого внимания, однако особенно важной представляется возрастная динамика отношения к кибербуллингу, наглядно отраженная на рис. 13. Доля считающих кибербуллинг нормой подростков вырастает от 8,7% в пятых классах до 37,5% в девятых.

По всей видимости, привыкание к кибербуллингу совпадает со снижением роли внешних источников моральных оценок (родителей, учителей) и ростом значимости сверстников. Этот тревожный показатель указывает на, во-первых, необходимость разработки мер профилактики со старшими подростками в виде работы с групповыми мнениями, социальными представлениями, рефлексией и принятием собственных групповых норм и, во-вторых, на необходимость начала работы по профилактике кибербуллинга с младшими подростками или раньше.

Рис. 13. Возрастная динамика моральных оценок кибербуллинга (N=75)

Выводы

Итак, проведенное исследование показывает, что большинство опрошенных подростков сталкивались с кибербуллингом, и часто неоднократно. Наиболее часто они встречаются с негативными оскорбительными комментариями, картинками и распространением слухов и сплетен. Важно, что большая доля детей, занимавшихся кибербуллингом, также имеют и опыт жертвы такой агрессии со стороны пользователей. Судя по ответам, собственный опыт подростков говорит о том, что кибербуллинг неэффективен с точки зрения выражения злости, это важный ресурс для профилактической работы. Отчетливая динамика повышения толерантности к кибербуллингу с возрастом указывает на формирование привыкания к агрессивности среды и на необходимость осуществления профилактических мероприятий для младших подростков и учеников начальной школы, т. е. до появления такой десенсибилизации. Также, поскольку основным местом осуществления кибербуллинга являются социальные сети, профилактическая или поддерживающая работа по предотвращению кибербуллинга может осуществляться на этих площадках.

Говоря о психотерапевтической работе с кибербуллингом в подростковой среде, важно подчеркнуть два аспекта. Во-первых, необходима работа по разрешению напряженных отношений в классе, аналогично работе с очной школьной травлей, в которую

следует включать не только агрессоров и жертв, но и весь класс целиком, причем чрезвычайно важна поддержка администрации образовательной организации. Во-вторых, нужна индивидуальная работа с ребенком, оказавшимся в роли жертвы кибербуллинга, которая близка к работе с человеком, столкнувшимся с болезненными, травматическими переживаниями вне связи с интернетом. Мы предполагаем, что после стадии шока включаются адаптационные механизмы личности; если они не срабатывают или их недостаточно, то психотерапевт имеет дело с последствиями травмы и необходимостью работы по сопровождению негативных переживаний клиента (страха, боли, унижения, разрушения самооценки, потери чувства защищенности), оказанию поддержки и постепенному восстановлению у клиента доверия к миру.

Литература

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149—159.
2. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 178—191.
3. Кон И.С. Социологическая психология. М., Воронеж, 1999. С. 173—175.
4. Неравенства в период взросления: гендерные и социально-экономические различия в показателях здоровья и благополучия детей и подростков [Электронный ресурс] // Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья (HBSC): Международный отчет по результатам исследования 2013/2014 гг. Политика здравоохранения в отношении детей и подростков. № 7. Всемирная организация здравоохранения, 2016. URL: http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0016/331711/HSBC-No.7-Growing-up-unequal-Full-Report-ru.pdf (Дата обращения: 22.05.2019)
5. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю.. Цифровая компетентность подростков и родителей результаты всероссийского исследования [Электронный ресурс]. М., Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с. URL: <http://detionline.com/assets/files/research/DigitalLiteracy.pdf> (Дата обращения: 22.05.2019)
6. Федунина Н.Ю. Представления о триаде «Преследователь — жертва — наблюдатель» в кибербуллинге в англоязычной литературе [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2015. Вып. 8. №41. С. 11. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n41/1143-fedunina41> (Дата обращения: 22.05.2019)
7. Anderson M. Key trends shaping technology in 2017. Pew Research Center Report. Dec 28, 2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/12/28/key-trends-shaping-technology-in-2017/> (Дата обращения: 22.05.2019)
8. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. 'Can I afford to help?' How affordances of communication modalities guide bystanders'

- helping intentions towards harassment on social network sites // Behaviour and Information Technology. 2015. 34(4). P. 425—435.
9. *Bauman S., Bellmore A.* New Directions in Cyberbullying // Research, Journal of School Violence. 2015. Vol. 14. №1. P. 1—10.
 10. *Bauman S., Toomey R.B., Walker J.L.* Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students // Journal of Adolescence. 2013. Vol. 36. №2. P. 341—350.
 11. *Hinduja S., Patchin J.W.* Bullying, cyberbullying, and suicide // Archives of Suicide Research. 2010. Vol. 14. №3. P. 206—221.
 12. *Hinduja S., Patchin J.W.* Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying (2nd edition). Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2014. 312 p.
 13. *Hinduja S., Patchin J.W.* Cyberbullying: Identification, Prevention, & Response. Cyberbullying Research Center. 2014. 9 p. URL: <https://cyberbullying.org/Cyberbullying-Identification-Prevention-Response-2018.pdf> (Дата обращения: 22.05.2019)
 14. *Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W.* Cyberbullying: Bullying in the digital age. 2nd ed. Wiley-Blackwell, 2011.
 15. *Lenhart A., Madden M., Smith A., Purcell K., Zickuhr K., Rainie L.* Teens, kindness and cruelty on social network sites: How American teens navigate the new world of digital citizenship // Pew Internet Report. 2011. № 9. URL: <http://www.pewinternet.org/2011/11/09/teens-kindness-and-cruelty-on-social-network-sites/>
 16. *Litwiller B.J., Brausch A.M.* Cyberbullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use // Journal of Youth and Adolescence. 2013. Vol. 42. №5. P. 675—84.
 17. Online Bullying Among Youth 8-17 Years Old — Russia. Microsoft Trustworthy Computing. URL: http://download.microsoft.com/download/E/8/4/E84BEEAB-7B92-4CF8-B5C7-7CC20D92B4F9/WW%20Online%20Bullying%20Survey%20-%20Executive%20Summary%20-%20Russia_Final.pdf (Дата обращения: 22.05.2019)
 18. *Price D., Green D., Spears B., Scrimgeour M., Barnes A., Geer R., Johnson B.* A qualitative exploration of cyber-bystanders and moral engagement // Australian Journal of Guidance and Counselling. 2014. Vol. 24. №1. P. 1—17.
 19. School violence and bullying: Global status report. 2017. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002469/246970e.pdf> (Дата обращения: 22.05.2019)
 20. *Sinclair K.O., Bauman S., Poteat V.P., Koenig B., Russell S.T.* Cyber and bias-based harassment: associations with academic, substance use, and mental health problems // Journal of Adolescents Health. 2012. Vol. 50. №5. P. 521—523.

21. *Sourander A., Klomek A.B., Ikonen M., Lindroos J., Luntamo T., Koskelainen M. et al.* Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: a population-based study // *Archives of General Psychiatry*. 2010. Vol. 67. №7. P. 720—728.

Cyberbullying in the Experience of Russian Teenagers

***KhloMOV K.D.**, Candidate of Psychological Science, Senior Researcher, Institute of Social Sciences RANEPА, Moscow, Russia (kyrill@rambler.ru)*

***DavyDOV D.G.**, Candidate of Psychological Science, Director of Institute of Cognitive Neuroscience, Modern Academy of Humanities, Moscow, Russia, (ddavydov@muh.ru)*

***BOCHAVER A.A.**, Candidate of Psychological Science, Researcher, Institute of Education NRU HSE, Moscow, Russia (a-bochaver@yandex.ru)*

Aggressive behavior in the Internet becomes more common among teenagers in Russia and abroad. Cyberbullying is one of the most new and dangerous risks faced by modern teenagers in terms of consequences. The article analyzes the experience of Russian teenagers' meetings with episodes of harassment on the Internet as an aggressor, victim or witness: the frequency of such meetings, emotional and behavioral responses to them, age and gender differences, moral assessment. This study provides an opportunity to develop measures to prevent and prevent cyberbullying in the framework of psychological and pedagogical work based on empirical data collected in the Russian-language sample, which is extremely important for the effectiveness of the developed programs. Research and applied prospects of work in the sphere of Internet security of teenagers, in particular, raising their awareness and formation of their responsible user position are discussed.

Keywords: cyberbullying, bullying, teenager, Internet, online risks, aggression.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-013-00941.

References

1. Bochaver A.A., KhloMOV K.D. Bulling kak obekt issledovanij i kul'turnyj fenomen. Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2013. T. 10. № 3. P. 149—159.
2. Bochaver A.A., KhloMOV K.D. Kiberbulling: travlja v prostranstve sovremennyh tehnologij. Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2014. T. 11. № 3. P. 178—191.
3. Kon I.S. Sociologičeskaja psihologija. Moscow, Voronezh, 1999. P. 173-175.
4. Neravenstva v period vzroslenija: gendernye i social'no-jekonomičeskie razlichija v pokazateljah zdorov'ja i blagopoluchija detej i podroستkov. Issledovanie "Povedenie detej škol'nogo vozrasta v otnoшenii zdorov'ja" (HBSC): Mezhdunarodnyj otčet po

-
- rezul'tatam issledovaniya 2013/2014 gg. Politika zdavoohraneniya v otnoshenii detej i podrostkov, № 7. Vsemirnaja organizacija zdavoohraneniya, 2016. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0016/331711/HSBC-No.7-Growing-up-unequal-Full-Report-ru.pdf (Accessed 22.05.2019)
5. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Ju.. Cifrovaja kompetentnost' podrostkov i roditelej rezul'taty vsrossijskogo issledovaniya. M., Fond Razvitija Internet, 2013. 144 p. URL: <http://detionline.com/assets/files/research/DigitalLiteracy.pdf> (Accessed 22.05.2019)
 6. Fedunina N.Ju. Predstavleniya o triade «Presledovatel' — zhertva — nabljudatel'» v kiberbullinge v anglojazychnoj literature. Psihologicheskie issledovaniya. 2015. Vol. 8. №41. P. 11. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n41/1143-fedunina41> (Accessed 22.05.2019)
 7. Anderson, M. Key trends shaping technology in 2017. Pew Research Center Report, Dec 28, 2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/12/28/key-trends-shaping-technology-in-2017/> (Accessed 22.05.2019)
 8. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. 'Can I afford to help?' How affordances of communication modalities guide bystanders' helping intentions towards harassment on social network sites. Behaviour and Information Technology. 2015. Vol. 34. №4. Pp. 425—435.
 9. Bauman S., Bellmore A. New Directions in Cyberbullying. Research, Journal of School Violence. 2015. Vol. 14. №1. Pp. 1-10.
 10. Bauman S., Toomey R.B., Walker J.L. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students. Journal of Adolescence. 2013. Vol. 36. №2. Pp. 341—350.
 11. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide. Archives of Suicide Research. 2010. Vol. 14. №3. Pp. 206—221.
 12. Hinduja, S. & Patchin, J. W. Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying (2nd edition). Thousand Oaks, CA. Sage Publications. 2014. 312 p.
 13. Hinduja, S. & Patchin, J. W. (2018). Cyberbullying: Identification, Prevention, & Response. Cyberbullying Research Center. URL: <https://cyberbullying.org/Cyberbullying-Identification-Prevention-Response-2018.pdf> (Accessed 22.05.2019)
 14. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. Cyberbullying: Bullying in the digital age. 2nd ed. Wiley-Blackwell, 2011.
 15. Lenhart A., Madden M., Smith A., Purcell K., Zickuhr K., Rainie L. Teens, kindness and cruelty on social network sites: How American teens navigate the new world of digital citizenship. Report. Nov 9, 2011. URL: <http://www.pewinternet.org/2011/11/09/teens-kindness-and-cruelty-on-social-network-sites/> (Accessed 22.05.2019)

16. Litwiller B.J., Brausch A.M. Cyberbullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use. *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. 42(5). Pp. 675—84.
17. Online Bullying Among Youth 8-17 Years Old — Russia. Microsoft Trustworthy Computing. URL: http://download.microsoft.com/download/E/8/4/E84BEEAB-7B92-4CF8-B5C7-7CC20D92B4F9/WW%20Online%20Bullying%20Survey%20-%20Executive%20Summary%20-%20Russia_Final.pdf (Accessed 22.05.2019)
18. Price D., Green D., Spears B., Scrimgeour M., Barnes A., Geer R., Johnson B. A qualitative exploration of cyber-bystanders and moral engagement. *Australian Journal of Guidance and Counselling*. 2014. 24(1). Pp. 1—17.
19. School violence and bullying: Global status report. 2017. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002469/246970e.pdf> (Accessed 22.05.2019)
20. Sinclair K.O., Bauman S., Poteat V.P., Koenig B., Russell S.T. Cyber and bias-based harassment: associations with academic, substance use, and mental health problems. *Journal of Adolescents Health*. 2012. 50(5). Pp. 521—523.
21. Sourander A, Klomek AB, Ikonen M, Lindroos J, Luntamo T, Koskelainen M et al. Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: a population-based study. *Archives of General Psychiatry*. 2010. 67(7). Pp. 720-728.

Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей¹ (Часть II)

Бруна Барбьери Ваким, кандидат юридических наук (CEUB), профессор, магистр права и учреждений правосудия Федерального университета штата Мараньян, директор по вопросам культуры Института семейного права Бразилии (отдел штата Мараньян) (bu_barbieri@yahoo.com.br)

Статья является продолжением исследования, проведенного автором в Бразилии в период выполнения магистерской диссертации по праву, объектом которого стало изучение феномена родительского отчуждения.

В предыдущей статье, опубликованной в этом журнале, мы обобщили наиболее важные концепции, разработанные в трудах Ричарда Гарднера, Дугласа Дарналла, Эми Бейкера, Мэри Лунд и других психологов, по проблеме синдрома родительского отчуждения.

В первой статье также проанализированы вопросы, содержащиеся в опроснике, и ответы на них с использованием важного и новаторского подхода, согласно которому принудительное семейное отчуждение — это не практика, связанная только с женской аудиторией, в Бразилии это юридический обычай, заключающийся в том, что опека над детьми предпочтительно должна следовать односторонней модели и быть направлена на матерей, потому что матери чаще всего являются отчужденными.

Были также установлены случаи, когда ответственным за практику принудительного отчуждения являлся родитель не опекун или родственники, не являющиеся законными опекунами.

В продолжение публикации результатов исследования в данной статье будут проанализированы другие вопросы опросника, которые включают оценку степени осведомленности участников опроса о феномене родительского отчуждения, а также исследование конкретных ситуаций проживания в воссозданных семьях, таких как отношения родителей и детей с отчимами, мачехами, братьями и

¹ Исследование по данной теме в полном объеме (дипломная работа магистра права и учреждений юридической системы Федерального университета в Мараньяу) опубликовано в виде монографии «Принудительное семейное отчуждение: углубленное исследование отчуждения родителей». Рио-де-Жанейро: Lumen Juris, 2015.

сестрами в новых отношениях.

Ключевые слова: отчуждение от родителей, синдром отчуждения от родителей, взаимоотношения в семье, психологическая неприкосновенность, ребенок и подросток.

Для цитаты:

Бруна Барбьери Ваким. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. (Часть II). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 296-308. doi: 10.17759/psylaw.2019090220

For citation:

Bruna Barbieri Waquim. Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part II. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.296-308. doi: 10.17759/psylaw.2019090220

ПРАКТИКА РОДИТЕЛЬСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В БРАЗИЛИИ: ВИРТУАЛЬНЫЙ ВОПРОСНИК ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Отвечая на вопрос «Знаете ли Вы, что такое отчуждение от родителей?», из 134 участников исследования только 10 сообщили, что им неизвестно, что это означает.

Три участника ответили, что они не понимают глубоко, что такое отчуждение от родителей, а четыре не отразили собственное мнение, приводя другую информацию в поле ответа.

Два участника сообщили, что никогда не слышали термина «Отчуждение от родителей» до того, как прочитали опросный лист, однако это не мешало им понимать в общих чертах, что это означает.

Остальные 115 участников пояснили самостоятельно, что они понимают под отчуждением от родителей, к которому, по их мнению, относятся главным образом конфликты между отцом и матерью по причине разрыва отношений, в связи с чем один из них настраивает детей против другого, нанося вред его имиджу или оказывая влияние на формирование подходов и мнений ребенка в отношении другого родителя с целью препятствовать здоровым отношениям между ними и таким образом нанести вред этим отношениям.

Тем не менее, можно наблюдать расширение этого традиционного понятия, когда участники рассматривают в качестве жертв как малолетних, так и взрослых детей; членов семьи в целом, чтобы указать, кто фигурирует в качестве активного и в качестве пассивного субъекта отчуждения от родителей; указывают, что это может происходить как при расставании родителей, так и в то время, когда семья еще сохраняется; отчуждение не обязательно исходит от родителей, которые являются попечителями, о чем говорится в двух случаях.

Отвечая на вопрос «Были ли Вы жертвой отчуждения от родителей?», 46 из 134 участников ответили, что не были жертвой отчуждения от родителей, однако один из них сообщил, что не был жертвой отчуждения, поскольку практика отчуждения от родителей была случайной и не носила системный характер; один респондент сообщил, что жертвой отчуждения от родителей являлся его старший брат; восемь утверждали, что, несмотря на наличие подобных конфликтов, они не подверглись их негативному влиянию, и один участник ответил, что однозначно не был жертвой отчуждения, поскольку его отец был действительно ужасным человеком.

Только один участник не смог определиться, был ли он жертвой, в то время как трое других утверждали, что не знают, что такое отчуждение от родителей, а один участник в ответе на вопрос поставил только точку «.» в поле для ответа.

83 участника утверждали, что были жертвами отчуждения от родителей, приводя различные примеры для подтверждения своих слов.

35 участников указали непосредственно на мать как на инициатора отчуждения, в то время как 22 участника указали на отца. Пять участников указали на мачеху, два отметили отчима, пять сослались на членов семьи по материнской линии, и семь сообщили о практике со стороны членов семьи по отцовской линии.

Отвечая на вопрос о том, почувствовали ли они, что действия члена семьи, действовавшего подобным образом (названного в опросном листе «член семьи, инициатор отчуждения»), повлияли на отношения участника с членом семьи, ставшим целью отчуждения, респонденты дали следующие ответы: 13 ответили «не касается», а 46 четко указали, что никогда не отмечали какого-либо влияния на свои отношения с членом семьи, ставшим целью отчуждения.

Один участник отмечает, что, в целом, не ощутил такого влияния, однако он задумывался над тем, что слышал, и решил не позволять родителям втягивать его в свои отношения.

Один участник утверждает, что на его поведение не оказывалось влияние извне, но ему надоели интриги, однако он не углубил свой ответ.

Один участник сообщает, что дистанционирование имело место, но несколько лет назад он сблизился с отчужденным родителем. Один участник утверждает, что, несмотря на то, что он не был жертвой, он считает, что его брат был таковым, поскольку кроме отдаления от своего отца он начал испытывать ненависть и безразличие к нему. Один участник указал только, что ему очень жаль, что его братья и сестры попали в ловушку, устроенную родителями в ходе конфликта.

Один участник считает, что такое поведение не отразилось на его отношениях с отцом, но оказало влияния на его поведение по отношению к другим мужчинам. Один участник ответил, что, наоборот, он дистанцировался от родителя, ставшего инициатором отчуждения, принимая во внимание его поведение. 68 участников однозначно ответили, что, вследствие действий члена семьи-инициатора отчуждения, его отношения с членом семьи, ставшим целью, пострадали.

Отвечая на вопрос о последствиях таких действий для собственного поведения и поступков, участники указывали различные поступки и беседы, отмечая, что влияние члена семьи-инициатора отчуждения является многообразным и по-разному отражается на каждом человеке в зависимости от особенностей каждого случая и от зрелости самого ребенка, попавшего под такое влияние.

На основании ответов можно сделать три важных вывода.

Первый вывод: не все случаи из общей практики отчуждения от родителей положительно воспринимались участниками, поскольку некоторые из них только исполняли определенное желание инициатора отчуждения, испытывая добрые чувства к отчужденному родственнику и сострадая (т. е. отмечали амбивалентность в чувствах).

Второй вывод: те, кто подчинились практике отчуждения от родителей, указывают также на определенные психологические проблемы, касающиеся установления отношений с отчужденным членом семьи или собственных надлежащих отношений.

Третий вывод: подчинение практике отчуждения от родителей привело к отдалению одного или нескольких членов семьи.

Девять участников, в частности, заявили, что лишь после достижения определенного возраста они услышали «версию» члена семьи-жертвы отчуждения и решили восстановить равновесие в семье, поскольку осознали, что стали жертвами эмоциональных манипуляций.

Многие авторы работ по психологии [1; 2] в качестве одного из эффектов психологического воздействия отчуждения от родителей у детей и подростков указывают на «эффект бумеранга».

Можно наблюдать, когда ребенок (главным образом по истечении некоторого времени, повзрослевший) начинает понимать, что он допустил несправедливость по отношению к отчужденному члену семьи, что нанесло значительный вред их отношениям. В результате во многих случаях ребенок восстает против члена семьи-инициатора, способствовавшего отдалению другого [1].

Мнение участников позволяет установить, что, говоря о матерях-инициаторах отчуждения, они указывают на чувство досады, в то время как отцам присуще расстройство и потеря контроля вследствие нового брака бывшей супруги, что подтверждают результаты исследования Ферес-Карнейро [1], свидетельствующие о большей подверженности мужчин чувству фрустрации и провала при расставании, а женщины испытывают в большей степени чувство грусти и одиночества. Это помогает понять, почему к основным причинам, указанным участниками, относятся «месть» (38,81%) и «борьба за власть» (39,55).

При просьбе «Выбрать события, свидетелями которых Вы стали» «наговоры» на отчужденного члена семьи были указаны в качестве наиболее частого способа принуждения к отчуждению от родителей. Эта тактика не случайно используется наиболее часто, поскольку она не требует больших усилий со стороны инициатора отчуждения, трудно доказуема перед властями в связи с отсутствием материальных свидетельств и не дает отчужденному лицу возможности защищаться и опровергнуть аргументы инициатора отчуждения.

Другая стратегия, также наиболее часто упоминаемая участниками, заключается в разглашении детям фактов из интимной и личной жизни супругов.

Силва (Silva) [3] поясняет, что, открывая ребенку во множественных деталях свои негативные чувства и сообщая о плохих моментах отношений с отчужденным членом семьи, член семьи-инициатор отчуждения пытается передать этот негатив ребенку, который, воспринимая не принадлежащие ему переживания, начинает чувствовать обязанность защитить члена семьи, который выглядит жертвой несправедливости.

Таким образом, ребенок заключает договор о лояльности с инициатором отчуждения, принимая во внимание экономическую и материальную зависимость, и даже демонстрирует страх разочарования или неповиновения ему. Если ребенок не подчиняется такой установке и выражает каким-либо образом принятие или поддержку отсутствующего члена семьи, он может быть подвергнут угрозам со стороны члена семьи-инициатора отчуждения быть оставленным или отправленным жить с другим членом семьи. Ребенок в связи с этим вынужден делать выбор между своими родителями, что ни в коей мере не отвечает его гармоничному развитию [3].

Как указывает Мотта (Motta) [4], психологическое принуждение ребенка родителем может осуществляться не только с помощью силы и демонстрации своей власти или возраста, но и, наоборот, путем демонстрации своей слабости, выставляя себя жертвой и требуя по отношению к себе заботы и защиты со стороны ребенка.

Еще одна и более глубокая стратегия заключается в запрете ребенку или подростку проявлять добрые чувства к отчужденному члену семьи, поскольку члену семьи-инициатору отчуждения не нравится, когда ребенок проявляет чувства по отношению к другому родителю и хочет быть вместе с ним.

Эта ситуация описана в специальной литературе как принуждение ребенка к «конфликту лояльности», когда родители заняты дискредитацией и понижением авторитета другого родителя с целью заполучить детей и иметь их только в своем распоряжении. Несмотря на то, что многие дети пытаются поддерживать лояльность к обоим лицам, отвечающим за них, в случае нарастающей враждебности между последними дети стараются присоединиться к родителю, которого они воспринимают позитивно, и отдалиться от другого, который ассоциируется у них с негативным поведением [2].

Такие исследователи, как Браун (Brown), Воллерштейн (Wallerstein) и Келли (Kelly), Гжибовски (Grzybowski), на которых ссылается Соуза [2], указывали в своих исследованиях на то, что с разрывом супружеских отношений роли матери и женщины могут претерпевать изменения, поскольку женщина удаляется от социальных отношений и возвращается почти исключительно к связи мать—ребенок. Это также меняет положение детей, которые становятся источником заботы и советчиками, принимая на себя обязанности, несовместимые с их психологическим и эмоциональным развитием.

Отвечая на вопрос, могут ли они указать на ущерб своему психологическому состоянию в связи с конфликтами с такими членами семьи, 45 участников утверждали, что этого не было, шесть участников ответили, что вопрос их не касается, и только один участник написал, что он не может утверждать, был ущерб или нет.

Один участник ограничился ответом, что проходит терапию, чтобы избежать этого влияния на себя. Один участник сообщил, что, даже несмотря на отсутствие практики отчуждения от родителей в его жизни, факт развода родителей отразился на его детстве, особенно на отношениях в школе.

Один участник указал, что именно скандалы, предшествовавшие разводу, отразились на его эмоциональном состоянии, а не сам развод родителей. Один участник указал, что, несмотря на то что он никогда не испытывал такой травмы, обращается в творчестве к этой теме. С другой стороны, 78 участников утверждали, что это отрицательно отражалось на их психологическом состоянии.

Отвечая на вопрос о том, считают ли участники, что поведение члена семьи, ставшего целью отчуждения, способствовало тому, чтобы член семьи-инициатор отчуждения поступал таким образом, 54 участника отметили, что поведение члена семьи, ставшего целью, не способствовало такому поведению члена семьи-инициатора отчуждения.

Один участник написал, что только «пострадал», 14 других ответили, что «не касается». Один участник отмечает, что член семьи, ставший целью отчуждения, способствовал этому «частично», поскольку невыполнение с его стороны своих финансовых обязательств оправдывало давление матери на участника с целью предотвратить контакты с отцом.

Один участник сообщил лишь, что член семьи, ставший целью отчуждения, всегда рассматривался только как работник и глубокое понимание отсутствовало. Один участник ограничился ответом, что «его проблемы не должны рассматриваться как проблемы всей семьи». Один участник ответил лишь, что несмотря на то, что его мать считала себя правой «и точка» и не интересовалась остальным, ничто не давало ей права ставить ребенка под «перекрестный огонь» родителей.

Один участник утверждает, что проблема заключалась не в поведении отца, а в сильном разочаровании матери и ее эмоциональной неуравновешенности. 60 участников подтвердили, что поведение члена семьи, ставшего целью отчуждения, способствовало тому, чтобы член семьи-инициатор отчуждения поступал таким образом.

Чтобы подтвердить это утверждение, несколько участников упомянули поведение члена семьи, ставшего целью отчуждения, которое, по их мнению, этому способствовало.

Чаще всего участники указывали на следующее: 1) отчужденный член семьи отдалился по собственному желанию (главным образом в связи с созданием новой семьи); 2) отчужденный член семьи бездействовал, вел себя пассивно, избегая конфронтации с членом семьи-инициатором отчуждения; 3) отчужденный член семьи также превратился в инициатора отчуждения, замкнув порочный круг агрессии и поиска жертв.

Ответы на вопрос о том, что, по их мнению, отчужденный член семьи должен был предпринять, чтобы избежать отдаления, были определены в 9 основных групп: отчужденный член семьи должен был проявлять больше настойчивости для получения возможности общаться с детьми; должен был бороться за детей в суде; должен был выполнять родительские обязанности / быть лучшим родителем; должен был искать возможности для диалога с членом семьи-инициатором отчуждения; должен был предпринимать попытки исправить собственные ошибки / искупить свою часть вины;

должен был более активно выражать свое мнение / противостоять члену семьи-инициатору отчуждения; должен был игнорировать члена семьи-инициатора отчуждения и уделять больше внимания детям; должен был решать проблемы с бывшим партнером, не вовлекая в это детей; должен был обратиться к психологу/терапевту.

Опросный лист показал интересную картину практики отчуждения от родителей в бразильских семьях, требующую новой номенклатуры, о которой говорится в следующем разделе.

ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ О «ПРИНУДИТЕЛЬНОМ СЕМЕЙНОМ ОТЧУЖДЕНИИ»

Специальное выражение «Принудительное семейное отчуждение» предложено с целью расширения составляющих элементов для понимания отчуждения от родителей с психической и юридической точки зрения.

Этот термин необходим для установления различия между основным понятием «Отчуждение от родителей» и его разновидностями, такими как «Синдром отчуждения от родителей», «Принудительное отчуждение от родителей» и «Принудительное семейное отчуждение».

Первая разновидность представляет собой совокупность симптомов, касающихся детей и подростков, пострадавших от программирования с целью отвергнуть какого-либо члена семьи или внушить страх по отношению к нему. Вторая разновидность как совокупность поступков одного из родителей направлена непосредственно на то, чтобы навредить отношениям другого родителя с ребенком, в целом сохраняя при этом единую семью.

И, наконец, третья разновидность, которой является «Принудительное семейное отчуждение» как совокупность поступков одного или более членов семьи с целью воспрепятствовать исполнению основного права на взаимоотношения в семье между детьми и подростками и другими членами семьи.

В отличие от значения термина «Синдром отчуждения от родителей», термин «Принудительное семейное отчуждение» направлен на юридический анализ темы порочного поведения взрослого, как сознательного, так и неосознанного, наносящего вред отношениям ребенка или подростка с другим членом семьи. Следует также обратить внимание на то, что при этом имеет место принуждение к отрицанию или почитанию, что в свою очередь может способствовать укоренению синдрома, о чем пишет Гарднер, и что является вмешательством в формирование психики ребенка.

Не только дети и подростки, но и все члены семьи, которые в связи с молодостью или старостью подвержены процессу программирования или манипулирования с целью отдаления от других членов семьи, взаимоотношения с которыми очень важны для поддержания их здоровья и безопасности, могут стать жертвами практики принудительного семейного отчуждения.

В бразильской юриспруденции встречаются конкретные случаи, когда пожилые люди после потери определенной части рассудка подвергались манипулированию со стороны детей, внуков и других родственников главным образом из финансовых соображений.

В качестве примера приведем решение по апелляционному делу № 70048050850/2012 — RS, которое рассматривалось Судом юстиции штата Риу-Гранди-ду-Сул. 1. Подан апелляционный иск в связи с несогласием заявителя с назначением сестры окончательным попечителем недееспособной матери. 2. Отказ в обвинении, связанном с нарушением принципа равенства перед судом, поскольку брату и сестре были обеспечены одинаковые условия, оба в соответствии с материалами дела могли высказывать свое мнение в отношении другой стороны, и заявитель предоставил большое количество документов, которые он считает уместными для рассмотрения дела. 3. Документы, прилагаемые к апелляции, оценке не подлежат, поскольку большая часть из них не соответствует требованиям ст. 397 ГПК и не относится к предмету спора. 4. Ходатайство о предварительной опеке, рассматриваемое в срочном порядке, о присуждении заявителю финансовой помощи не подлежит рассмотрению, поскольку выходит за пределы данного спора, касающегося только вопроса лишения права на опеку. Возможные претензии относительно наказания должны решаться по месту. 5. Рассмотрение фактов позволяет сделать вывод о необходимости сохранения попечительства за дочерью в качестве наиболее приемлемого варианта, поскольку она исполняет свои обязанности, и в связи с отсутствием каких-либо оснований для снятия с нее обязательств. На самом деле заявитель пытается взять на себя попечительство над матерью, чтобы получить за это вознаграждение, что лишено какого-либо смысла, поскольку основной целью является защита недееспособного лица, а не заявителя. Притязания отвергнуты. Апелляция отклонена.

Дети плетут интриги с остальными братьями и сестрами, чтобы самостоятельно распоряжаться финансами пожилых родителей, получая за них социальные выплаты, выступая от их имени и по их реквизитам в финансовых учреждениях или получая любого рода оплату за «уход» и за «присмотр». Внуки отстраняют пожилого родственника от остальных членов семьи, чтобы повлиять на него, с целью получить выгоду от завещания или распоряжения имуществом. Такие печальные случаи встречаются нередко.

В таких ситуациях какое-либо лицо, которое находится в привилегированном положении как член семьи или считается таковым, пользуется физической и/или умственной слабостью пожилого лица с целью получить преимущества, даже если для этого нужно отдалить его от тех, кто оказывает моральную и материальную поддержку.

Таким образом, в конкретных ситуациях, когда какое-либо лицо пользуется эмоциональной, физической и/или умственной слабостью пожилого лица, чтобы отдалить его от членов семьи и друзей и чтобы получить определенные преимущества, ненадлежащее вмешательство в психологическое состояние пожилого лица является неправомерным, с учетом несправедливости нарушения фундаментального права на взаимоотношения в семье, а также моральное насилие над манипулируемым пожилым лицом и членами семьи, которые страдают от этого.

И, наконец, во многих «традиционных» случаях отчуждения от родителей заинтересованность в получении пенсии или получении финансовой выгоды является основным мотивом самой практики отчуждения.

На данном примере можно продемонстрировать потенциальные возможности для академических исследований по вопросу.

Не только родители, но и другие члены семьи могут стать жертвой принудительного отчуждения: не только отец или мать, но и братья, и сестры от других браков, дедушки и бабушки, отчимы и мачехи, а также все другие, имеющие к этому отношение лица, которые могут оказать влияние на эмоциональное состояние ребенка или подростка, что ставит под сомнение используемый термин «Отчуждение от родителей».

Точно так же практика принудительного отчуждения касается не только исключительно другого родителя, но и наносит вред отношениям ребенка со всей семьей этого родителя, поэтому предлагаемое выражение в большей мере соответствует реальности в части, касающейся пассивных субъектов этого зла.

Принимая во внимание новое выражение, традиционный сценарий развития «Синдрома отчуждения от родителей», когда один из супругов пользуется незрелостью ребенка в целом, чтобы навредить бывшему партнеру путем вмешательства в психологическое развитие ребенка, получает более широкое определение, которое не связано только с супружеским кризисом и не ограничивается подтверждением симптомов, перечисленных Гарднером, касающихся психосоматических проявлений у ребенка или подростка.

Принятие этого выражения, конечно же, сделает тему более объективной, позволит использовать в работе органов юстиции понятие принуждения к необоснованному семейному отчуждению, которое с данного момента рассматривается в исследовании как нарушение фундаментального права на здоровые взаимоотношения в семье, а также избежать вмешательства в дискуссии (и судебные процессы) необходимостью определения диагноза сопутствующего синдрома, отсутствующего в лексиконе членов учреждений юридической системы. Как видно из этой работы, окончательный ответ не всегда может быть предоставлен специалистами в области психологии.

Принимая во внимание вышесказанное, предлагается следующая концепция: принудительное семейное отчуждение в целом представляет всю внутрисемейную и внесемейную практику, когда член семьи, действуя сознательно или несознательно, провоцирует или стимулирует охлаждение привязанности, уважения и лояльности со стороны ребенка, подростка, пожилого лица или совершеннолетнего недееспособного лица по отношению к другому(им) члену(ам) семьи, принося вред или препятствуя пользованию правом на взаимоотношения в семье, воздействуя на их психологическую неприкосновенность и гармоничные отношения в семье [5].

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Данное исследование проливает свет на тему отчуждения от родителей и представляет материал для дискуссий с целью углубленного рассмотрения поднимаемых в ней вопросов.

На основании собранных в данном исследовании данных можно сделать следующие выводы:

а) несмотря на ассоциации, принудительное семейное отчуждение практикуется не только женщинами, хотя в соответствии со статистическими данными активная роль инициатора отчуждения отводится именно ей. Это связано со сложными социальными, юридическими и даже экономическими факторами, такими как миф о материнстве,

трудности культурного характера, связанные со свободным исполнением родительских обязанностей, и стереотип. юридической практики, заключающийся в том, что попечительство над ребенком должно осуществляться по односторонней модели, то есть матерью;

b) практика принудительного семейного отчуждения не ограничивается условием попечителя ребенка, поскольку отмечались различные случаи, когда эти действия исходили от родителя, не являющегося попечителем, или даже членов семьи, которые были далеки от попечительства;

c) отцы и матери являются основными жертвами практики принудительного семейного отчуждения, что отражается на братьях и сестрах от предыдущих браков, дедушках и бабушках, отчимах и мачехах, достигая основной цели и нанося вред отношениям между родителями и детьми;

d) идея существования принудительного семейного отчуждения и его последствий еще не прижилась в обществе в целом, поскольку только после того, как появился опросный лист, участники приняли участие в обсуждении, а также четко и емко заявили о практике поступков подобного рода как недопустимых;

e) практика принудительного семейного отчуждения не всегда имеет стандартную схему «инициатор отчуждения и отчужденный», в нее также вовлекаются другие члены семьи;

f) при рассмотрении отдаления отчужденного члена семьи в судебном порядке необходимо учитывать три момента: произошло ли отдаление по собственной воле отчужденного члена семьи, имело ли место бездействие или пассивность отчужденного члена семьи во избежание конфликтов с членом семьи-инициатором отчуждения и стало ли отдаление следствием того, что безразличие или отсутствие внимания со стороны ребенка воспринимаются как реальные, а не как результат манипулирования им со стороны инициатора отчуждения.

Литература

1. *Feres-Carneiro Terezinha*. Parental alienation: a psychological reading // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008.
2. *Souza Analicia Martins de*. Parental Alienation Syndrome: A New Topic in Family Judgments. São Paulo: Cortez, 2010.
3. *Silva Denise Maria Perissini da*. Legal psychology in the Brazilian civil process: the interface between psychology and law in family and childhood issues. 2. ed. Rio de Janeiro: Forense, 2012.
4. *Motta Maria Antonieta Pisano*. The syndrome of parental alienation: identification, its manifestation in Family Law, possible interventions // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008.

Бруна Барбьери Ваким. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. (Часть II). Психология и право psyandlaw.ru 2019. Том 9. №2. С. 296-308.

Bruna Barbieri Waquim. Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part II. Psychology and law psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.2. pp. 296-308.

5. *Waquim Bruna Barbieri. Induced Family Alienation: deepening the study of Parental Alienation. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2015.*

Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part II.

Bruna Barbieri Waquim, PhD (in Law), Professor, Master of law and institutions of justice of the Federal University of Maranhão (UFMA), president of the Institute of Family Law in Brazil (Maranhão State Department) (IBDFAM / MA) (bu_barbieri@yahoo.com.br)

The article is a continuation of the publication of the results of a study conducted in Brazil with a view to studying the phenomenon of alienating children from their parents. In continuation of the publication of the results of the questioning of children of divorced parents, the article analyzes other questions of the questionnaire that include an assessment of the level of awareness of the respondents about the phenomenon of parental exclusion, as well as the study of specific situations of living in recreated families, such as relations between parents and children with stepfathers, stepmothers, brothers and sisters of new relationships. The conclusion of the article concludes with the theoretical and practical aspects of forced family alienation. The study sheds light on the problem of alienation from parents and presents material for discussions with a view to in-depth consideration of the issues raised in the article.

Keywords: parental alienation, parental alienation syndrome, family living, psychological integrity, child and teenager.

References

1. Feres-Carneiro Terezinha. Parental alienation: a psychological reading // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008.
2. Souza Analicia Martins de. Parental Alienation Syndrome: A New Topic in Family Judgments. São Paulo: Cortez, 2010.
3. Silva Denise Maria Perissini da. Legal psychology in the Brazilian civil process: the interface between psychology and law in family and childhood issues. 2. ed. Rio de Janeiro: Forense, 2012.
4. Motta Maria Antonieta Pisano. The syndrome of parental alienation: identification, its manifestation in Family Law, possible interventions // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008.

Бруна Барбьери Ваким. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. (Часть II). Психология и право psyandlaw.ru 2019. Том 9. №2. С. 296-308.

Bruna Barbieri Waquim. Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part II. Psychology and law psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.2. pp. 296-308.

5. Waquim Bruna Barbieri. *Induced Family Alienation: deepening the study of Parental Alienation*. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2015.